

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

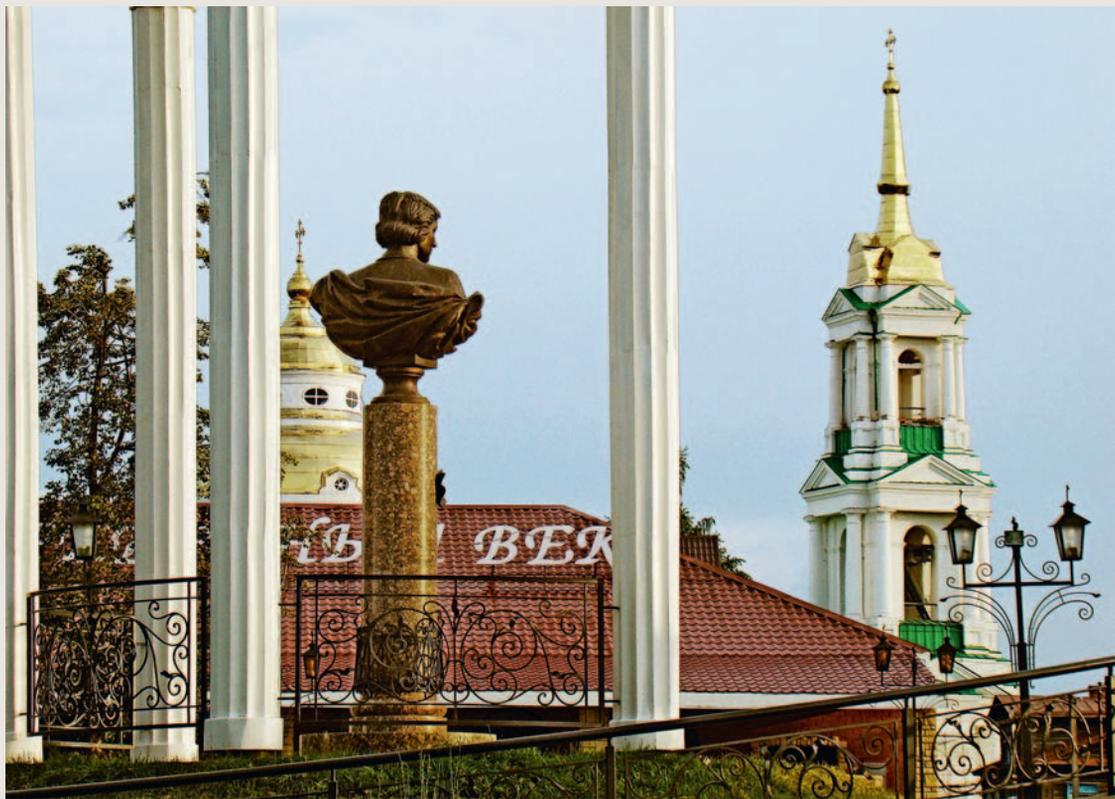
Арҗамак

ТАТАРСТАН 12+

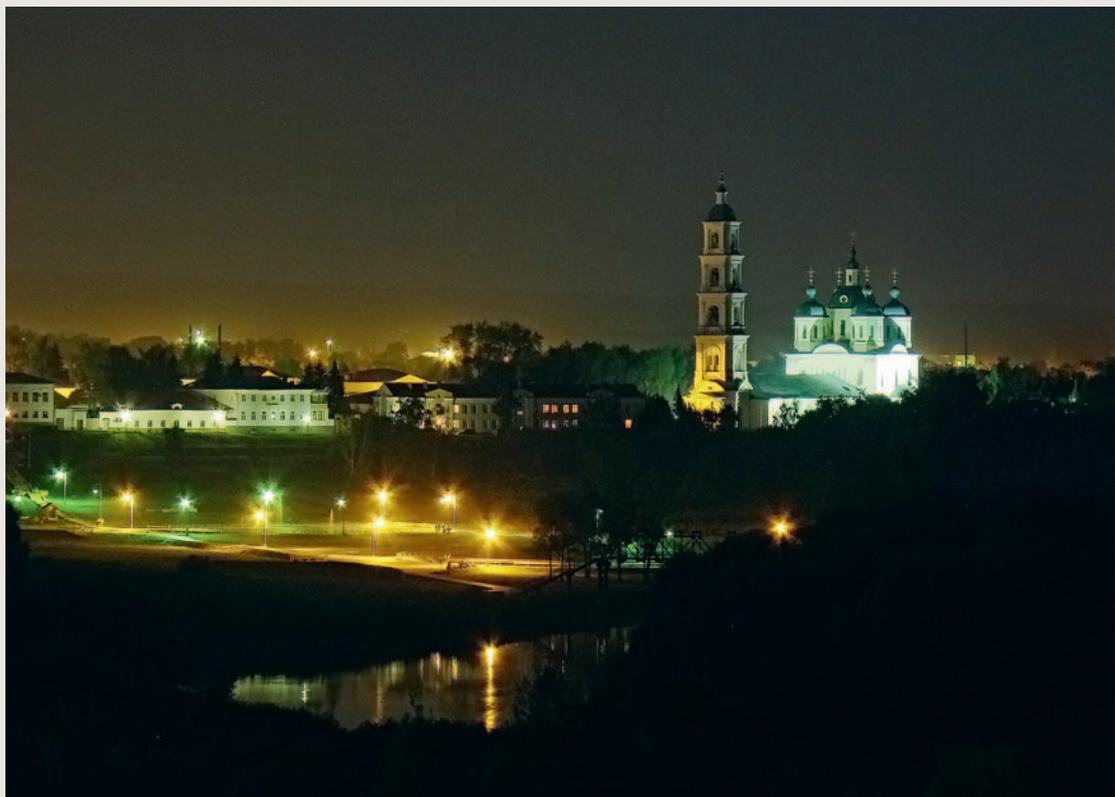

№4 (21) • 2014

ВИДЫ ЕЛАБУГИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арзамас

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

*Главный редактор
Алешков Николай Петрович*

№ 4(21) • 2014

*Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых...*

Михаил Лермонтов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна – *первый секретарь*

Правления Союза российских писателей;

Ларионова Татьяна Петровна – *исполнительный директор*

республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);

Миннахметов Ирек Джаудатович – *руководитель*

республиканского агентства по печати

и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Руденко Гульзада Ракиповна – *генеральный директор Елабужского*

государственного историко-архитектурного

и художественного музея-заповедника

Фомин Анатолий Алексеевич – *председатель Общественной палаты*

Республики Татарстан

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н. Н. Беляев – *член Союза российских писателей (Казань);*

Н. М. Валеев – *доктор филологических наук,*

член Союза писателей России (Казань);

Н. А. Вердеревская – *кандидат филологических наук,*

член Союза российских писателей (Елабуга);

В. Н. Гофман – *протоиерей, член Союза писателей России*

(Нижний Новгород);

В. А. Ермаков – *заслуженный работник культуры РФ,*

член Союза писателей России (Орёл);

И. В. Лимонова – *член Союза писателей СССР (Москва);*

Д. Е. Кан – *член Союза писателей России (Новокуйбышевск);*

С. Д. Кузнецихин – *член Союза российских писателей (Красноярск);*

С. Е. Михеенков – *член Союза писателей России (Таруса);*

Н. В. Переяслов – *секретарь Союза писателей России (Москва);*

Н. Б. Рачков – *член правления Союза писателей России*

(Тосно, Ленинградская обл.);

Р. Ш. Сарчин – *кандидат филологических наук,*

член Союза российских писателей (Казань);

В. С. Суворов – *доктор педагогических наук (Набережные Челны);*

В. П. Хамидуллина – *член Союза российских писателей (Набережные Челны);*

М. А. Чванов – *президент Международного*

Аксаковского фонда, член Союза писателей России (Уфа).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Заместители главного редактора – Александр Воронин,

Любовь Сивко

Дизайнер-верстальщик – Виталий Павлов

Художник – Ольга Белова-Недовизий

Фото на обложке – Михаил Медведев

БОРОДИНО

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки –
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головую
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилёг вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умрёмте же под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пёстрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смеркось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны -
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

От редакции. Год двухсотлетнего юбилея великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова близок к завершению. В журнале «Аргамак» было несколько публикаций, посвящённых этому событию: глава из книги Валерия Михайлова «Один меж небом и землёй», изданной затем в «ЖЗЛ», статья Валерия Сухова «Корни русской трагедии» (о библейских и мифологических подтекстах романа М. Ю. Лермонтова «Вадим» и трагедии С. А. Есенина «Пугачёв»), аналитическая статья Камиля Хайруллина «Святое вечности зерно», подборка стихов Рената Хариса и Валерия Сухова под общим заголовком «Кремнистый путь».

Год завершается, а влияние лермонтовского гения на русское и мировое сознание не завершится никогда. Лермонтов остаётся одним из самых значимых и непостижимых явлений истории и литературы нашего Отечества. Поэтому в наступающем году тема жизни и творчества великого поэта в нашем журнале будет продолжена.

СТИХИ В НОМЕР

ОЛЬГА ХМАРА

ОДЕССКАЯ ХАТЫНЬ

Ты, память, невзначай нас, грешных, не покинь!..
Забудьте, небеса, меня, коль я забуду,
Как корчилась в огне Одесская Хатынь.
Как славил толпа кровавого Иуду.

Вкус прожитого дня и горек, и остёр.
Безбожно давит скорбь опущенные плечи.
Прими, Господь, людей, взошедших на костёр
За право вольной быть вовеки русской речи.

От крови опьянев, безумная толпа
Осанну Сатане выводит голосисто...
О, как взываю я, чтоб в руки мне попал
Один из тех зверей, бандеровцев, фашистов...

Я – не из палачей. Беснуясь и грозя,
Не стану головы сносить его повинной.
Я просто попрошу, чтоб глянул он в глаза
Всем, у кого отнял: отца, невесту, сына...

И даже преломить ему позволю хлеб.
И прикажу смотреть в глаза беды кромешной
Ежесекундно, так, чтобы, прозрев – ослеп
От ярости людской, неплачущей, нездешней.

И в завязи плода горчи, горчи, полынь!
Осеннюю порой кричи об этом мае.
Слезам не потушить Одесскую Хатынь, –
Костры всю горят.
Который твой – кто знает...

г. Воркута

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

МОЛИТВА ОПОЛЧЕНЦА

Не образуются наши враги.
Господи, выстоять нам помоги,
Чтобы звездой путеводной взошла
Истина Божья над силами зла!

Лезет «укроп» – не отступим ни шагу.
Сдаться на милость? И думать не смей!
Разве не нам завещали отвагу
Наши отцы, победившие смерть?
С верой и совестью не разминёмся –
Честному сердцу сие не дано.
К жёнам и детям с победой вернёмся –
Жёнам и детям в подвалах темно.
Горе Москве, если клятву нарушит!
Не отсидеться в столичном тепле!
Битва ведётся за каждую душу
На небесах и на грешной земле.
Смелым, умелым и не оробелым
Время забыть о «молчаньи ягнят».
Войско небесное, всадники в белом,
Чёрное войско к обрыву теснят.
Русские люди, мы все в ополченьи!
Наши святые (так было не раз)
Новым заветом – Христовым ученьем –
Благословляют на подвиги нас.

За океаном и рядом – враги!
Господи, выстоять нам помоги,
Чтобы звездой путеводной взошла
Русская правда над силами зла!

г. Набережные Челны

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ОСЕНИ

«АРГАМАК» В ЕЛАБУГЕ, УФЕ, ИРКУТСКЕ И ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ...

«ЕСЛИ ДУША РОДИЛАСЬ КРЫЛАТОЙ...»

Проходят дни, а память всё продолжает листать страницы VII Международных Цветаевских чтений «Если душа родилась крылатой...», которые оказались на редкость яркими, содержательными и эмоционально насыщенными. На состоявшемся 4 сентября торжественном открытии чтений генеральный директор Елабужского государственного музея-заповедника Г.Р. Руденко не случайно предоставила первое слово ректору Казанского (Приволжского) федерального университета И.Р. Гафурову. Ведь именно в те годы, когда он являлся мэром Елабуги, в городе был создан Мемориальный комплекс Марины Цветаевой, куда входят Дом памяти, Литературный музей, Библиотека Серебряного века и площадь с памятником поэту. А в 2007 году, ознаменовавшим 1000-летие Елабуги, И.Р. Гафуровым была учреждена Литературная премия имени Марины Цветаевой, и первые три лауреата были награждены в дни юбилейных торжеств.

Выступая перед собравшимися, ректор КФУ напомнил, что 12 лет назад в этом же актовом зале Елабужского института проходили первые Цветаевские чтения. «Нынешний Цветаевский форум, — сказал он, — вписан в наш вуз в череду мероприятий, посвящённых 210-летию Казанского (Приволжского) федерального университета. И это символично. На фоне научных школ мирового уровня в областях фундаментальных точных и естественных наук мы сохраняем и поддерживаем в качестве приоритетного гуманитарное направление. Программой развития университета предусмотрены мероприятия и материальные ресурсы для того, чтобы в области гуманитарных исследований наш вуз сохранил лидерские позиции в международном научно-образовательном пространстве».

Наряду с Елабужским музеем-заповедником и Казанским федеральным университетом организатором Цветаевских чтений является Министерство культуры Республики Татарстан, от имени которого выступила первый заместитель министра И.Х. Аюпова. Подчеркнув, что Цветаевские чтения — это один из важных проектов в культурном календаре республики, она, в частности, сказала: «Глубокие историко-культурные корни во многом обеспечили успех созданного 25 лет назад Елабужского музея-заповедника. Это — уникальная территория, где симбиоз национальных культур дал потрясающие результаты».

Конечно, ни один музейный проект не будет успешным, если среди его инициаторов не окажется людей, которые всю свою жизнь и энергию посвящают раскрытию

культурного потенциала родной земли. Такие люди во главе с Гульзадой Ракиповной Руденко работают в Елабужском музее-заповеднике.

У нас в министерстве ежегодно проводится коллегия. И когда мы доходим до Елабужского музея-заповедника, то нам бывает очень трудно с кем-то его сравнить. Дело даже не в экономике. Комплексный подход и желание объять необъятное присутствуют в каждом проекте музея-заповедника и в конечном итоге приводят к фантастическим результатам»,

Начиная с 2010 года, самым волнующим моментом открытия каждых чтений является вручение Литературной премии имени Марины Цветаевой. В этом году её лауреаты определялись по трём номинациям: «Цветаевский мемориал», «Исполнительское искусство» и «Поэтический сборник». В первой поступили четыре заявки — из Магнитогорска, Ижевска, Москвы и Королёва. Награда была присуждена Зое Николаевне Атрохиной, которая с 1 октября 1991 года возглавляет Мемориальный дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве. Много лет этот дом был закрыт на реставрацию, а музей ютился на небольших площадях в городе Королёве. Однако деятельность его не прекращалась. Музей выпустил в свет большое количество изданий, рассказывающих о творчестве Марины Цветаевой и жизни её семьи, о представителях русского зарубежья. Благодаря настойчивости З. Н. Атрохиной в июне прошлого года состоялось долгожданное открытие возрождённого Мемориального Дома-музея Марины Цветаевой в Болшеве. Сейчас это признанный во всём цветаевском мире культурный, научно-исследовательский центр.

В номинации «Исполнительское искусство» было более 20 претендентов из России, Украины и Израиля. Литературной премии имени Марины Цветаевой была удостоена Антонина Михайловна Кузнецова — народная артистка РФ, профессор кафедры сценической речи Российской академии театрального искусства. В её репертуаре 35 сольных программ по зарубежной и отечественной литературе, в которых наряду с произведениями поэзии и прозы используются архивные документы, письма и воспоминания. Центральное место в её сценическом искусстве занимает Марина Цветаева и другие поэты Серебряного века. А. М. Кузнецова не только читает их произведения, она автор книг и многочисленных публикаций по этой тематике, участвовала в создании телевизионных фильмов о Марине Цветаевой как сценарист и актриса. Преданно служит этому имени в течение многих лет.

Как всегда, больше всего заявок на Литературную премию поступило в третьей номинации. Жюри рассмотрело 57 сборников 37 авторов из России, Беларуси, Украины и Казахстана. Впервые в номинации «Поэтический сборник» лауреатами стали сразу два автора. Посмертно за сборник «Дневные сны и бдения ночные» Литературная премия имени Марины Цветаевой была присуждена казанскому поэту Вилю Салаховичу Мустафину. Принимая награду, его вдова Г. М. Килеева сказала: «Мой муж был страстным поклонником творчества Марины Ивановны. Ещё в далёкие шестидесятые годы, когда он впервые познакомился со стихами Цветаевой, то читал их каждому встречному на каждом углу. Наши знакомые до сих пор рассказывают, что впервые услышали о таком поэте именно от него. Он считал Марину Цветаеву лучшим российским поэтом. Ей Виль Салахович посвятил целый цикл стихотворений, написанных в виде беседы с Мариной Ивановной».

Вторым лауреатом в этой номинации за сборник «Язык травы» стал Евгений Ростиславович Эрастов из Нижнего Новгорода. Он — современный российский писатель. Доктор медицинских наук. В Союз писателей России был принят в 1998 году. Публиковался в журналах «Волга», «Москва», «Дружба народов», «Звезда»,

«Наш современник», «Новый мир», «Сибирские огни», «Юность» и других, а также в альманахах и коллективных сборниках. Является лауреатом премии имени А. М. Горького в номинации «Литература». Победитель международных поэтических конкурсов имени Сильвы Капутикян, «Рождественская звезда» и «Цветавская осень». Автор шести поэтических сборников и четырёх книг прозы. Его произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. После вручения премии Евгений Эрастов прочёл новое, ещё нигде не публиковавшееся стихотворение, в котором простота и трогательность сочетаются с тонким лиризмом:

*Я жил не зря, я видел лопухи
На волжской отмели с серебряной изнанкой.
Средь зарослей рябины и ольхи
Жизнь не была обломкой и обманкой.*

*И пеночек я видел, и стрижей,
И ласточек, повисших в небе чистом,
И юрких, изворотливых ужей,
И ящериц на склоне каменистом.*

*Лягушек видел, видел лягушат
С нежнейшею пупырчатой кожей
Что у воды привычно мельтешат,
Не смея привлекать тебя, прохожий.*

*Средь зарослей рябины и ольхи
Не зря я жил, меня не обманули:
Слагались вдохновенные стихи
На лодке перевёрнутой, в июле.*

*Стихи слагались, мелкая плотва
Привычно ускользала под коряги.
Меня учили сдваивать слова
Пропахшие черёмухой овраги.*

*Я жил не зря, раз двадцать повторю,
И тридцать раз, и сто, и даже триста.
Я лопухи за всё благодарю
Те самые, на отмели тенистой*

*Растущие по воле естества,
Пушистые с серебряным исподом.
И, ощущая степени родства
Природы, вдохновенья, божества,
Я жил не зря под синим небосводом.*

Ещё в 2010 году на V Международных Цветаевских чтениях И. Р. Гафуров выступил с идеей проведения конкурса студенческих научных работ, посвящённых исследованию творчества Марины Цветаевой, на приз ректора Казанского федерального университета. Первые премии студенты КФУ получили в 2012 году. На этот раз ав-

торами лучших работ были признаны Карина Галимзянова, Алина Оседач, Мария Прохорова и Фарида Ахмадишина, которым вручил награды И. Р. Гафуров.

Следует напомнить, что мысль об учреждении Литературной премии имени Марины Цветаевой первым высказал челнинский поэт Николай Алешков, который в настоящее время является главным редактором созданного пять лет назад литературного журнала «Аргамак. Татарстан». За эти годы журнал завоевал репутацию качественного и серьёзного литературно-публицистического издания, которое любят и ждут читатели из разных городов нашей страны.

В этом году на средства благотворителей была учреждена премия литературного журнала «Аргамак. Татарстан», первое вручение которой состоялось на открытии VII Международных Цветаевских чтений. Обладателями наград стали постоянные авторы «Аргамак» — писатель Михаил Чванов (Уфа), поэтесса Диана Кан (Новокуйбышевск), литературные критики Вячеслав Лютый (Воронеж) и Рамиль Сарчин (Казань). Кроме премий, все они получили фирменный знак издания в виде сувенирной именной подковы. Слова поздравления лауреаты и все, кто причастен к изданию журнала «Аргамак» услышали от народного поэта Татарстана, председателя комитета Госсовета РТ по науке, образованию, культуре и национальным вопросам Р. И. Валеева. В заключение своего выступления он прочитал стихотворение, которое написал ещё 20-летним студентом Литературного института. Оно завершается четверостишием:

От несправедливости свободен,

Перед красотой преклонюсь.

Или мир я изменю сегодня,

Или сам сегодня изменюсь!

«Я думаю, — добавил Разиль Исмагилович, — что творчество Марины Цветаевой и наш прекрасный журнал «Аргамак» смогли изменить мир в лучшую сторону. Спасибо им».

Однако на этом церемония награждения не завершилась, поскольку на сцену был приглашён сопредседатель национального гражданского комитета «Общественное признание», член Союза писателей России А. Г. Михайлов. Он вручил ордена «Общественное признание» внучатой племяннице М. И. Цветаевой О. А. Трухачёвой, директору Елабужского института КФУ Е. Е. Мерзон и учёному секретарю Елабужского музея-заповедника А. Н. Иванову.

По сложившейся традиции после торжественного открытия Цветаевских чтений последовал поэтический час с блистательным выступлением А. М. Кузнецовой. Стихи и отрывки из писем Марины Цветаевой звучали в этот раз в её исполнении как никогда вдохновенно, завершившись овацией и криками «Браво!» Профессионализм артистки — это одно, но нужно, очевидно, сродниться с произведениями поэта, чтобы как Антонина Михайловна донести до сердца слушателей каждое слово стихотворений с самыми сложнейшими цветаевскими рифмами и ритмами.

Научная часть VII Международных Цветаевских чтений оказалась на редкость продолжительной. Она началась 1 сентября лекциями для студентов на тему «Филологический анализ текста», которые читал профессор Тартуского университета Р. С. Войтехович, а завершилась 6 сентября лекциями «Основы стихосложения» профессора Московского института открытого образования О. И. Федотова. Но основной блок лекций, докладов и выступлений прозвучал 4 и 5 сентября. В них анализировались языковые особенности литературного наследия М. И. Цветаевой, рассматривалось её творчество в контексте европейской и русской литературной традиции. Прозвучали доклады о ближайшем окружении Марины Цветаевой, её контактах с выдающимися поэтами и критиками Серебряного века.

Актовый зал Елабужского института был неизменно полон. Возможность соприкоснуться с высокой поэзией была предоставлена не только гуманитариям, но и студентам других факультетов. В рамках чтений для представителей музейного сообщества был проведён круглый стол (о котором на сайте будет подготовлена отдельная публикация), а каждый вечер завершался музыкально-поэтической программой. 4 сентября она была подготовлена делегацией из Павлодара.

Истинное наслаждение получили зрители от выступления Светланы Немолочновой, великолепно исполнившей как давно известные и любимые всеми песни на стихи Марины Цветаевой, так и впервые услышанные зрителями на этом концерте. Приятным сюрпризом для публики стали песни на стихотворения Анастасии Цветаевой.

Свои стихи о Марине и Анастасии читала в тот вечер павлодарская поэтесса Ольга Григорьева, удостоенная в 2008 году Литературной премии имени Марины Цветаевой. За неделю до приезда в Елабугу она побывала на Цветаевском фестивале в Крыму. Сорвав там на могиле Максимилиана Волошина букетик полыни, она привезла его как привет из Коктебеля на Петропавловское кладбище.

Два года назад в дни Цветаевских чтений у Ольги Григорьевой родилось стихотворение «Бабочка». Нынче появилось новое — «Связные»:

*Веточку волошинской полыни
Я везу в Елабугу Марине.
Терпко пахнет крымская полынь —
Зноем, пылью, горечью, любовью,
Тёплым морем, вечностью и болью,
Сладким соком перезревших дынь.*

*От горы высокой коктебельской
До елабужской дорожки сельской,
Тоже в гору, тоже на холме.
Листья земляничные, резные...
Понимаю я, что мы — связные,
В руки дан пакет тебе и мне.*

*Дан пакет Волошину, Марине.
И за срок земной — такой недлинный —
Довезти бы, донести, успеть
То, что нам с тобою поручили:
Листик земляники, цвет полыни,
Душу, побеждающую смерть.*

Подводя итоги VII Международных Цветаевских чтений, на которые съехались представители России, ФРГ, США, Эстонии и Казахстана, генеральный директор Елабужского государственного музея-заповедника Г. Р. Руденко сказала: «Безусловно, ни одно из множества прошедших в эти дни мероприятий не состоялось бы на таком высоком уровне и не имело бы столь широкий научный резонанс, если бы не поддержка наших постоянных партнёров — руководства и сотрудников Казанского федерального университета, отмечающего в этом году 210-летний юбилей, и его Елабужского института, где прошла исследовательская часть конференции. Особая заслуга руководства вуза в том, что они взяли на свои плечи финансирование Литературной премии имени Марины Цветаевой.

Высокий статус чтения в Елабуге приобрели и благодаря Министерству культуры Республики Татарстан, постоянно включающего их в план основных и юбилейных

мероприятий. На земле Татарстана не угасает интерес к личности и творчеству великого поэта Серебряного века, и в этом наша общая заслуга».

«Когда в 2010 году наш институт вошёл в состав Казанского федерального университета, — сообщила директор ЕИ КФУ Е. Е. Мерзон, — у нас появились очень важные документы: программа развития и дорожная карта, согласно которым к 2020 году Елабужский институт должен стать центром гуманитарных исследований. И такие проекты, как Международные Цветаевские чтения, тюркологическая конференция, международный фестиваль школьных учителей, конечно, приближают нас к реализации данной цели.

За эти дни прослушали лекции, выступления и стали участниками открытых дискуссий более полутора тысяч студентов. Для нас было очень важно, чтобы каждый из них понял и принял тему, связанную с историей нашего института, города, республики и страны».

Рассказав о том, по каким направлениям шла работа конференции, заместитель директора ЕИ КФУ по научной деятельности А. И. Разживин сказал: «На первых Цветаевских чтениях мы заслушали 12 докладов, а на вторые, помнится, искали учёных и специалистов, чтобы обогатить нашу конференцию. Сейчас у нас настало больше программа, что мы вынуждены были принести извинения нашим коллегам за то, что не удалось всех заслушать. Так серьёзно мы выросли. За эти годы образовалось огромное цветаеведческое братство. Мы знаем друг друга, дружим, общаемся между конференциями. И, что очень отраднo, на каждые чтения приезжают всё новые и новые исследователи. Они узнают об этих чтениях по публикациям, по сборникам научных трудов, которые мы каждый раз издаём».

Высокую оценку чтениям дали выступившие от лица модераторов профессор Московского института открытого образования О. И. Федотов и профессор Магнитогорского государственного университета А. В. Петров.

Последним подарком переполненному зрительному залу стал концерт классической музыки камерного оркестра под управлением Игоря Лермана из Набережных Челнов и заключительный поэтический час. На нём читали свои стихи Галина Умывакина (Воронеж), Николай Алешков (Набережные Челны), Диана Кан (Новокуйбышевск), Галина Рудь и Станислав Айдинян (Москва), Ольга Григорьева и Елена Игнатовская (Павлодар), Рахим Гайсин и Светлана Савина (Елабуга), Анна Барсова (Екатеринбург), Ирина Киселёва (Томск), Вадим Бакулин (Оренбург), Лилия Газизова (Казань).

Пожалуй, лучшим эпиграфом к этому поэтическому часу, собравшему авторов из разных городов не только нашей страны, но и Казахстана, стало бы четверостишие Светланы Савиной, сказанное от лица Марины Цветаевой:

Рябин прощальных пламенные гроздьё...

Уходит лето, так и жизнь прошла.

Вы всё равно ко мне придёте в гости,

Стихи прочтёте, где б я ни была!

Немало прочитанных стихов были посвящены Марине Цветаевой. Звучали названия «Коктебель», где произошла её встреча с будущим мужем, и «Елабуга», где она окончила земной путь.

Неумолимо движется время, но не умолкает на воздушных путях перекличка поэтов. Стихи звучат, пронзая толщу тысячелетий, падая в душу малым зерном и прорастая золотым колосом высокой поэзии.

Людмила ПАХОМОВА

ЗОЛОТОЕ АКСАКОВСКОЕ КОЛЬЦО: КАК ЕГО РАСШИРИТЬ ДО КАЗАНИ?

В сентябре в Уфе прошёл традиционный XXIV Международный Аксаковский праздник, который на этот раз посвящался в том числе и 70-летию известного прозаика, председателя совета Аксаковского фонда, директора Мемориального дома-музея С. Т. Аксакова, лауреата первой премии литературного журнала «Аргатак. Татарстан» Михаила Андреевича Чванова. Мне повезло побывать на этом празднике, а заодно познакомиться с самим юбиляром и прекрасным городом Уфой.

В этом году, когда по всей стране гремели раскаты от крушений туристических фирм-гигантов, я вдруг оказался завзятым туристом! Хотя по природе домосед. Так сложилось, что в течение месяца мне довелось увидеть впервые сразу пять самых разных городов, больших и малых. А началось всё с Пензы и посещения села Тарханы, где прошли детские годы Михаила Юрьевича Лермонтова.

А ещё я впервые побывал в Саранске. Конечно, невозможно за день познакомиться с городом основательно, пришлось ограничиться «лёгкой пробежкой» по самому центру. И всё же впечатления от обновлённой столицы Мордовии были самые яркие. Особенно от кафедрального собора святого праведного воина Фёдора Ушакова, рядом с которым стоит дом, где весь верхний этаж занимают апартаменты Жерара Депардье.

С ним встретиться не довелось. Зато увидел в Пензенской области и Мордовии сёла под названием Аргамаково! Может, мелочь, но всё равно приятно.

Посещение Елабуги подарило встречу с известной воронежской поэтессой, членом правления Союза российских писателей Галиной Умывакиной. А челнинская поэтесса Вера Хамидуллина, помимо основной программы Международных Цветаевских чтений, свозила нас на экскурсию в Менделеевск, где мы посетили краеведческий музей и разыскали старый деревянный дом, где зимой 1915 года проживал Борис Пастернак.

Но с особенным волнением я ждал поездку в Уфу, где никогда раньше не был. И в ожиданиях своих не ошибся. Хотя поначалу у меня и складывалось впечатление, будто на машине времени я переместился года на два-три назад.

Тогда Казань ударными темпами готовилась к Универсиаде-2013, вся была перекопана, перепахана, покрыта строительными лесами. С одной стороны, неудобства, конечно, с другой стороны, радостные предчувствия огромного праздника... Всё это снова я испытал в Уфе, которая готовится в следующем году принять саммиты стран БРИКС и ШОС.

Приготовления в столице Башкортостана нешуточные, строятся новые дороги и развязки. Рядом с нашей гостиницей, на вершине горы возводится соборная мечеть, которую уфимцы уже называют самой высокой в Европе. Помнится, самой большой когда-то считали мечеть Кул Шариф в Казанском Кремле. Но потом в Грозном построили Центральную соборную мечеть «Сердце Чечни» имени Ахмада Кадырова, ставшую одной из крупнейших в мире. Наверное, не так уж важно, какая из них самая высокая или самая вместительная. Главное, это грандиозное сооружение с золотыми куполами (на самом деле нитрид титана сияет даже лучше сусального золота!) безусловно, Уфу украсило, даже в строительных лесах мечеть смотрится великолепно и очень скоро станет «визитной карточкой» столицы Башкортостана.

А вообще в Уфе очень многое напоминает Казань. Река Белая украсила городской ландшафт, возможно, даже живописнее, чем разливанная Казанка. Исторический

центр также застроен новоделом, который во всех столицах смотрится провинциально. Особенно мне понравилась цветочная «скульптура» местных озеленителей. Вместо клумб в виде драконов и лошадей, к которым мы так привыкли в Казани, уфимцы на набережной соорудили огромную пчелу! При этом разными цветами и в мельчайших подробностях они передали образ дарительницы главной башкирской гордости — замечательного мёда. Кстати, он продаётся повсюду, как у нас чак-чак.

А ещё Уфа гордится тем, что вошла в пятёрку самых длинных городов России, её протяжённость с севера на юг превысила 54 километра. Кроме Москвы и Санкт-Петербурга столицу Башкортостана перегнали лишь Самара и Волгоград. Впрочем, уверен, что Казани вряд ли стоит с ними тягаться в этом отношении, наша древняя столица тем и хороша, что разрастается вокруг исторического центра достаточно гармонично, что позволяет с любой окраины добраться до Кремля сравнительно быстро.

Размеры Уфы мы прочувствовали в первый же день, когда нас повезли на открытие Аксаковского праздника в микрорайон Шакша, где возле Свято-Никольской церкви установлена Аксаковская стела — на месте бывшей усадьбы Н. С. Зубова, деда будущего классика русской литературы. Здесь Серёжа Аксаков не раз бывал в детстве. Мне показалось, что мы давно уже выехали за пределы города, однако нас уверяли, что мы всё ещё в Уфе. Шакша оказалась большой станцией, вроде нашего Юдина, однако возвращались мы оттуда не менее часа.

К юбилею писателя, почётного гражданина Уфы Михаила Чванова городской совет выпустил книгу, которая называется «Крест мой» — это сборник публицистики, посвящённой творческому наследию Сергея Аксакова и его семьи. От-

крывает сборник стихотворение известного поэта, лауреата Всероссийской литературной премии имени С. Т. Аксакова (2010) Константина Скворцова «В Надеждино звонят колокола», которое известно как гимн Международного Аксаковского праздника. Далее в книге публикуются эссе самого Михаила Чванова: «Быль о великом семьянине» рассказывает о двух автобиографических произведениях Сергея Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» и об истории рода Аксаковых, а две другие статьи посвящены Ивану Аксакову, истории возрождения Дмитриевского храма в селе Надеждино и Свято-Никольского храма в Николо-Берёзовке. Издание дополнено статьями Нико-

лая Рачкова и Александра Сегеня о творчестве Михаила Чванова. Книгу «Крест мой» презентовали всем участникам XXIV Международного Аксаковского праздника.

В Уфимском командном речном училище в рамках XXIV Международного Аксаковского праздника прошёл «Урок чести», почётными гостями которого стали Герой России, генерал-лейтенант, начальник управления авиации ФСБ РФ Николай Гаврилов, депутат Государственного Собрания — Курултая РБ Вячеслав Аброщенко, представители Морского собрания. Литературный журнал «Аргамак. Татарстан» в этом году познакомил читателей с Николаем Фёдоровичем Гавриловым, опубликовав интервью с ним. В прошлые годы мы публиковали эссе Михаила Чванова о своём земляке-герое, полярном штурмане Валериане Альбанове, дневники которого легли в основу знаменитой каверинской книги «Два капитана».

Почётные гости вручили двум сотням первокурсников студенческие билеты и вернулись в центр города на судне, которое с прошлого года носит имя Альбанова.

С каждым годом число гостей Аксаковского праздника и география мест, откуда они прибывают в Уфу, постоянно ширится. На этот раз столицу Башкортостана по-

сетила большая делегация из Болгарии — это профессор Варнинского университета, директор национальной ассоциации болгарского культурного наследия Румяна Микеле, преподаватель Софийского университета, полномочный представитель общества «Дружба народов Башкортостан-Болгария» Симеон Ефимов, а также супруги Терзински — Владимир и Величко, которые познакомились в годы учёбы в Уфе ещё в советские годы (и вот приехали снова почти тридцать лет спустя) .

Величко Терзински преподаёт в гимназии города Пазарджик, которая называется «Иван Аксаков». Сын нашего писателя-классика Иван Сергеевич Аксаков в своё время так много сделал для освобождения Болгарии от османского владычества, что благодарные болгары предлагали ему царский престол! Аксаков отказался, потому что не хотел покидать Россию.

В уфимской гимназии № 11, которая носит имя С. Т. Аксакова, по традиции состоялся «Урок нравственности», который в этом году посвятили дружбе двух славянских народов — России и Болгарии. Участникам праздника показали музей выпускников гимназии, в котором отдельный стенд посвящён Николаю Матвеевичу Любимову, выдающемуся патологоанатому, который в 1905 году был избран ректором Казанского университета... Увы, волнения революционных лет всего за пять месяцев свели профессора в могилу. Он похоронен на Арском кладбище Казани.

Замечу, сам Сергей Тимофеевич Аксаков в гимназии той не учился (её основали много позже), он закончил Казанскую гимназию и наш университет, где и начал свою литературную деятельность. Впрочем, вернёмся в Уфу.

После экскурсии по мемориальному дому-музею С. Т. Аксакова гости праздника приняли участие в открытии замечательной выставки заслуженного художника БАССР Алексея Храмова (1909–1978), участника Сталинградской битвы и форсирования Днепра, который всю жизнь писал пейзажи родного Бельского края и Урала. А из музея, лишь перейти дорогу, сразу начинается Софьюшкина аллея, заложенная 150 лет назад в честь дражайшей супруги первым уфимским губернатором — Григорием Аксаковым и восстановленная два года назад в первоначальном виде. Кстати, это единственный в Уфе бульвар, который проходит мимо резиденции Центрального Духовного Управления мусульман России и европейских стран СНГ, резиденции верховного муфтия РФ, шейха Талгата Таджуддина до Дома правительства Башкортостана.

На той аллее прошло массовое народное гуляние и разыгралось театрализованное действо, подобных коему я не видал от рождения, хотя по театральному своему образованию не раз принимал в них участие и писал к ним сценарии. Историю семьи Аксаковых и рождения первенца Серёжи студенты уфимских вузов и училища искусств разыгрывали прямо по ходу всей прогулки. В продолжение полутора километров и на протяжении сорока минут артисты представляли отдельные сценки, а потом предлагали зрителям пройти далее по аллее, где играли юные музыканты, художники писали этюды и рисовали экспресс-портреты всем желающим, а среди гостей праздника и горожан прохаживались пары в костюмах позапрошлого века. И вообще на Софьюшкиной аллее всё было стильно и душевно! Даже сам Чванов, основатель и бессменный организатор всех Аксаковских праздников, не удержался и прокомментировал в приватной беседе, что такого достойного открытия за двадцать три года не припомнит. А надо сказать, Михаил Андреевич на первый взгляд показался мне человеком несентиментальным.

Редкий пример писательского упорства: сейчас в Уфе его превозносят именно за то, за что четверть века назад поносили. Директор скромного провинциального музея в одиночку отстаивал свою правоту и всё же доказал властям города и республи-

ки, что Сергей Аксаков — это один из перспективнейших «брендов» Башкортостана! Вряд ли наши Тукаевские и Державинские праздники поэзии когда-нибудь сравнятся по размаху и поддержке сверху с Аксаковским праздником...

В связи с подготовкой к саммитам Башкирский театр оперы и балета, где тоже, кстати говоря, проводятся Шалапинский и Нуриевский фестивали, оказался закрытым на ремонт, поэтому Аксаковский бал и торжественный вечер впервые за многие годы прошёл в Башкирской филармонии. Поначалу уфимцы говорили нам об этом с некоторым сожалением, дескать, праздничный концерт у оперников всегда получался грандиозным... Но в конце вечера сами с изумлением отмечали: в филармонии всё прошло даже интереснее, не так академично и помпезно.

Аксаковские премии за лучшие студенческие работы на вечере вручал председатель Уфимского городского Совета Евгений Семивеличенко, а лауреатами 2014 года в номинации «За лучшую научно-исследовательскую работу» стали магистрант БГУ Эльмира Гимаева и студентка пятого курса университета Екатерина Ключникова. В номинации «За лучшую работу прикладного характера» дипломы лауреатов и денежные премии получили студентка театрального факультета Уфимской государственной академии искусств Алина Мустаева за пластический спектакль «НЕБОЛЬНО. Вольно» (по фантастической повести К. С. Аксакова «Облако», что стало первым случаем вручения премии за театральную постановку) и студентка художественного отделения Уфимского училища искусств Милослава Дымша за серию графических и живописных работ «Аксаковская Дёма: времена года», а также Лиана Галлямова, Ильмира Камалова и Софья Гарипова — за проект комплексного памятника природы и культурного наследия Байрамтау в Малом Аксаковском кольце.

На вечернем приёме по случаю 70-летия Михаила Чванова высокие чины из Аппарата Президента РБ, правительства республики и городского совета Уфы чествовали директора дома-музея С. Т. Аксакова, председателя Аксаковского фонда, вице-президента Международного фонда славянской письменности и культуры, давали слово для приветствий и гостям праздника. Так, в своём коротком выступлении ваш покорный слуга рискнул напомнить собравшимся, что Михаил Андреевич Чванов, прежде всего, большой российский писатель, и поздравил юбиляра с присуждением ему первой премии нашего литературного журнала «Аргамак. Татарстан» за повесть-реквием «Серебристые облака». Нашего лауреата испугали в овалцах!

На следующий день гости Аксаковского праздника выехали в Кармаскалинский и Белебеевский районы Башкортостана, где большая семья писателя владела именьями.

В селе Ильтерьяково мы возложили цветы к только что открытому памятнику на могиле выдающегося мордовского просветителя и местного священнослужителя Авксентия Юртова — уроженца Татарстана и выпускника Казанской семинарии, которому в эти дни торжественно отмечали 160-летие со дня рождения. Он прославился тем, что написал первый букварь на языке эрзя (мордва и сейчас делится на две родственные ветви — мокша и эрзя) на основе кириллицы, введя оригинальные диакритические знаки. Отметим, что село Ильтерьяково до сих пор делится на две части — мордовскую и чувашскую, недавно для них восстановили церковь. Как отметил глава администрации Кармаскалинского района Фанзиль Фаизович Чингизов, кармаскалинцы гордятся, что на протяжении четверти века у них жил и трудился Авксентий Филиппович. Вполне возможно, когда-нибудь Юртова причислят к лику местночтимых святых.

А в селе Старые Киешки на берегу реки Белой возлагали цветы к бюсту С. Т. Аксакова возле сельской школы, носящей его имя не случайно. Здесь находилась летняя усадьба

«АРГАМАК» В ЕЛАБУГЕ. ЦВЕТАЕВСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ОСЕНИ

«АРГАМАК» В ЕЛАБУГЕ. ЦВЕТАЕВСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ОСЕНИ

«АРГАМАК» В УФЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЙ АКСАКОВСКИЙ ПРАЗДНИК

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ОСЕНИ

«АРГАМАК» В ИРКУТСКЕ. ДНИ ДУХОВНОСТИ И КУЛЬТУРЫ «СИЯНИЕ РОССИИ»

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ОСЕНИ

Аксаковых, именно здесь мальчик Серёжа впервые попал на охоту, научился удить рыбу, приобщился к дивной прибельской природе. Много позже, уже в Москве, он это описал в «Записках об уженье рыбы» и «Записках ружейного охотника», повестях «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» (приложением в это произведение вошла и сказка «Аленький цветочек»), что принесло ему писательскую славу.

Апофеозом Аксаковского праздника в Старых Киешках стал огромный хоровод, в который и детей, и взрослых собрал самарский поэт и лихой казак, президент Самарского фонда содействия развитию культуры и нравственности «Всенародное достояние» Павел Коровин, спевший по многочисленным просьбам кармаскалинцев свой давний хит «Аленький цветочек». Кстати, все три дня Паша ходил в казачьем мундире, в папахе и с шашкой на поясе. И все три дня, где бы мы ни появлялись, его обязательно просили спеть эту песню, которая стала великолепным лейтмотивом Аксаковского праздника.

Остаётся добавить, что Воронин с Коровиным сошлись удивительно быстро — стоило лишь признать, что я тоже родом из Самары.

В Белебеевском районе гости Аксаковского праздника посетили Дмитриевский храм, музей семьи Аксаковых и Дом ремёсел села Надеждино. Там мы узнали, что и сельский храм Дмитрия Солунского, и Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино» были созданы по инициативе Михаила Андреевича Чванова и стараниями возглавляемого им Аксаковского фонда. Завершался вечер торжественным мероприятием «Колокола надежды» в Центральном дворце культуры города Белебея. Здесь надо особо отметить, что Год культуры в Башкортостане решили отметить своеобразным культурным марафоном, передавая каждую неделю — из города в город, из района в район — символический штандарт «Культурная столица Башкортостана». Десять дней там проходят различные мероприятия, которые в субботу завершаются большим культурным празднеством. Как это выглядит на деле, мы видели сами.

А наутро белебеевцы передавали штандарт Уфимскому району, где в селе Зубово по такому случаю проходил традиционный фольклорный праздник, ярмарка художественных промыслов и народные гуляния. Гости XXIV Международного Аксаковского праздника и жители Уфимского района могли посетить башкирский и татарский, русский и украинский, мордовский и чувашский национальные дворики. Им предлагали не только дегустировать разные сорта мёда, но и самим качать его из сот, запечатанных воском.

Рядом с настоящей степной юртой, где гостей угощали традиционным кумысом, стояла русская печь. Гостям предлагали самим испечь блины. Признаюсь, отведать горяченьких блинчиков с медком да на свежем воздухе желающих нашлось немало.

Районный комитет молодёжной политики и спорта совместно с Молодёжным центром предложили всем желающим попрыгать на батуте и принять участие в презентации интерактивного 5D-визора. Сельские ребята с удовольствием участвовали в танцах флешмоба, чтобы согреться, — в последний день нашего пребывания на уфимской земле вдруг ощутимо похолодало.

А дальше местное общество охотников и рыболовов предлагали удить рыбу и охотиться на кабанчика. Молодой месячный поросёнок Борька, до начала праздника сбжавший из клетки (его ловили всем миром и никак не могли поймать!), когда настал его черёд для выступления, вдруг застеснялся — и отказался бегать. А может, просто замёрз... Паша Коровин легко изловил его прямо руками, даже шашки не вынимал. В заключение рыболовы предложили всем желающим отведать тут же сваренную на костре уху.

В будущем году Международный Аксаковский праздник пройдёт в двадцать пятый раз, и власти Уфы обещают провести его на высшем уровне. А в 2016-м мы отметим 225-летие со дня рождения Сергея Тимофеевича Аксакова, представляю, какой размах примут торжества... Возможно, к тому времени Аксаковский праздник придёт и в Татарстан?

Ведь аксаковские места в Поволжье имеются не только в Башкортостане. В оренбургском селе Аксаково действует музей-заповедник С. Т. Аксакова, в селе Страхово Самарской области похоронен сын С. Т. Аксакова, тот самый Григорий Сергеевич, который был Уфимским, а потом и Самарским губернатором, по общему мнению, один из лучших гражданских губернаторов российских. А в селе Языково похоронена его дочь Софья, которой дедушка посвятил сказку «Аленький цветочек» и которая в годы гражданской войны умерла от голода, но спасла архив семьи Аксаковых.

Аксаковские праздники начинают проводить и в Ульяновской области. Университетская Казань, став местом литературного крещения Сергея Тимофеевича Аксакова, уверен, тоже имеет возможность присоединиться к межрегиональному литературно-краеведческому проекту «Золотое кольцо Аксаковского Поволжья».

Этот проект стартовал в прошлом году, а в 2014-м в селе Аксаково «экспедицию Чванова» встретил сам губернатор Оренбургской области Юрий Александрович Берг, специально проехав 400 километров, и сам просил включить его в состав Попечительского совета Аксаковского фонда. Вечером приехал Рафаэль Камильевич Багаутдинов — глава соседнего, Камышлинского района Самарской области, и рассказал, как в старом дворянском парке села Неклюдова местные краеведы отыскали могилу деда С. Т. Аксакова. И власти района (он на 80% заселён татарами) начали реставрацию парка.

Мы познакомились в Уфе с заместителем главы Камышлинского района Минсагитом Шайхутдиновым и начальником отдела культуры, заведующей районной ЦБС Ильсияр Шайхутдиновой, их глава администрации послал в командировку — изучать Аксаковский опыт. О коррупции в рядах райадминистрации речи не идёт, у Шайхутдиновых в Камышлах вообще много однофамильцев. И Аксаков — фамилия татарская, считают они.

Александр ВОРОНИН

СИЯЙ, РОССИЯ!

Мне посчастливилось целую неделю провести на сибирской земле, в старинном городе Иркутске, побывать на священном озере Байкал — в числе других писателей я был приглашён на празднование Дней русской духовности и культуры «Сияние России», проводимых уже в двадцатый раз по инициативе выдающегося писателя современности Валентина Григорьевича Распутина. В череде всех мероприятий этого праздника особенно запомнились Крестный ход и молебен «Во славу земли Иркутской» на Соборной площади у Спасской церкви, выступление артистов Иркутского театра народной драмы с зажигательным казачьим репертуаром, а также несмолкающие аплодисменты переполненного зала на уникальном концерте Государственной Академической певческой капеллы из города Санкт-Петербург под управлением народного артиста СССР Владислава Чернушенко.

Вместе с другими литераторами из Москвы, с Алтая, из Перми, Калуги, Иркутска приходилось и мне выступать в различных аудиториях с чтением стихов, в том числе и перед студентами. И всюду нас принимали так тепло, что чувствовалось — родное

русское слово вновь откликается благодарностью в сердцах сограждан, соскучившихся по высокому искусству.

Ну и, конечно, забываема встреча с Байкалом, на котором я побывал впервые.

Не могу не отозваться добрым словом о гостеприимстве сотрудников гостиницы «Русь», оправдывающей название колоритом и убранством, а также о прелестях сибирской кухни. Особенно понравились на вкус пбзы (бурятские пельмени) и, конечно же, знаменитый байкальский омуль. Это объединение!

Подумалось: зря мы стремимся на заграничные курорты, не лучше ли провести очередной отпуск в нашей заповедной благодати — на озере Байкал!

* * *

А теперь — подробности, без которых не обойтись. Впечатлений так много, что придётся сосредоточиться только на самом-самом.

Прежде всего, я рад знакомству и наметившемуся сотрудничеству со многими участниками праздника. Я рад встрече с поэтом из братской Сербии Зораном Костичем, его русской женой, актрисой Еленой Трепетовой. Мужественные стихи Зорана, которые он читал на родном языке, а Елена эти же стихи читала на русском, о междоусобной войне в Югославии, о том, как хорваты заживо сжигали сербов в запертой православной церкви, отзывались болью и благородным гневом в сердцах всех слушателей. Поэт из Сербии обращался к каждому из нас: мы вновь живём в трагические дни, месяцы и годы — на Украине вспыхнула Одесская Хатынь, а в Донецке и Луганске погибают дети и старики, ни в чём неповинные мирные жители...

В тот же поэтический вечер к микрофону неожиданно подошла девочка-школьница, беженка из расстреливаемого укронацистами Донецка. Она со слезами на глазах прочитала стихи на украинском языке, и боль её была понятна всем.

Как хочется верить, что и на этот раз фашистский пожар, раздуваемый «демократическими» соловьями-разбойниками из-за океана, будет потушен. И очевидно, что тушить его придётся России, а также всем, кто верит в неё, кто помогает ей.

Соловьи-разбойники объявили нам информационную войну. Поэты отвечают на неё адекватно. Я благодарен Зорану Костичу, что он, услышав в тот вечер и мои стихи гражданского звучания, отозвался на них, предложив перевести их на сербский язык. Я ответил, что «Аргмак» готов предоставить страницы и его поэтическому слову.

* * *

Впечатления от полумиллионного Иркутска самые хорошие. Мы вместе с экскурсоводом Ириной Викторовной Кореновой побывали на набережной Ангары, осмотрели памятники выдающимся деятелям России и Сибири. В частности, памятник святым Петру и Февронии (символ русской семьи и супружеской верности), поставленный несколько лет назад, весьма популярен у горожан, к нему приезжают молодожёны. Выдающийся скульптор современности, ныне покойный Вячеслав Клыков успел в начале так называемых «нулевых» годов вопреки желанию властьпредержащих установить памятник адмиралу Колчаку, напоминающий о трагедии гражданской войны, когда брат шёл на брата. Величественен памятник императору Александру Третьему; на набережной поставлен памятный знак в честь пребывания на сибирской земле цесаревича Николая.

Популярен среди туристов так называемый 130-й квартал, располагающийся в центре Иркутска. Это деревянный городок (новодел), возникший на месте, где за три

с половиной столетия старые здания и строения превратились в ветхое жильё. Теперь же здесь в двухэтажных свежевыкрашенных срубах разместились многочисленные сувенирные лавки, магазины, кафе и музеи. Вся пешеходная зона выстлана брусчаткой. Жители из покосившихся лачуг переселены в благоустроенные квартиры.

* * *

Предприняли мы и путешествие к истокам духовности. За 250 километров от Иркутска, в глубине сибирской тайги находится старинное село Анга, родина святителя Иннокентия, Митрополита Московского, апостола Америки и Сибири. Здесь, в 1797 году в семье пономаря местного храма родился мальчик Ваня Попов. Когда ему было шесть лет, умер его отец, мать с четырьмя детьми осталась в бедственном положении. Брат умершего, дьякон того же храма, взял любознательного отрока к себе на воспитание. А в девятилетнем возрасте Иоанн Попов был определён в Иркутскую Духовную семинарию, в которой пробыл 11 лет, и с которой началось его священническое служение. В 1823 году он отправился по предписанию Священного Синода с миссионерской целью на Алеутские острова, входившие в состав русских владений вместе с прилегающей территорией Аляски. После пятнадцатилетнего пребывания в Северной Америке отец Иоанн прибыл в Петербург, чтобы просить Священный Синод увеличить штат священнослужителей в американских владениях России. Вскоре закончила земную жизнь благоверная супруга отца Иоанна, после чего он, определив при добром участии Московского Митрополита Филарета своих дочерей в институт, а сыновей в Петербургскую духовную академию на казённое содержание, принял решение о пострижении в монашество. Постриг был совершён 29 ноября 1840 года с наречением имени Иннокентия в честь Святителя Иркутского. На другой день иеромонах Иннокентий был возведён в сан архимандрита, а вскоре посвящён во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. Вернувшись в Америку, епископ Иннокентий продолжил миссионерскую деятельность. Его епархия оказалась чрезвычайно обширной, она объединяла многочисленные народы, жившие на американском материке, на Алеутских и Курильских островах, на Камчатке и на всём побережье Охотского моря. В 1867 году скончался Московский митрополит Филарет, и его преемником был назначен Иннокентий, ставший к тому времени архиепископом. Скончался он в Великую Субботу, 31 марта 1879 года. Перед кончиной просил, чтобы при погребении никаких речей не было и чтобы лишь его викарий Преосвященный Амвросий (позднее Епископ Харьковский) сказал слова на текст: «От Господа стопы человеку исправляются» (Пс. 36, 23) .

6 октября 1977 года определением Священного Синода Русской Православной Церкви (в ответ на просьбу Священного Синода Православной Церкви в Америке от 8 мая 1974 года) Митрополит Иннокентий был причислен к лику Святых...

Эти сведения я позаимствовал из жития и канона Святителя Иннокентия, изданного по благословению Высокопреосвященнейшего архиепископа Иркутского и Ангарского Вадима и подаренного каждому из нас в селе Анга во время молебна в честь открытия музея. Музей открыт в отреставрированной маленькой избушке, в которой и родился триста семнадцать лет назад Ваня Попов, ставший святителем Иннокентием. А рядом с родовым местом русского святого возводятся деревянное чудо — православный храм взамен уничтоженного когда-то большевиками. На нём — мы слышали — уже звонят колокола.

По дороге из Иркутска в Ангу и обратно мы проезжали по живописнейшим местам. Трасса то углублялась в дремучий лес, то вырывалась на степные просторы, где

глазам открывались огороженные бурятские пастбища, на которых бродили кони, коровы, овцы. Дорогу пару раз перебежали рыжие лисицы, а на обочинах привлекали внимание ухоженные по бурятским же обычаям площадки для отдыха с врытыми буквой П из жердей воротами (в рай?), вероятно, для молитв и отдыха путников. А вблизи русских поселений — уже и огороды, и распаханное поле. Через мосты мы пересекали две великие сибирские реки Ангару и Лену. Лена в тех местах гораздо уже моей родной Камы, перегороденной плотиной Нижнекамской ГЭС,

* * *

Ну, а Байкал... Разве расскажешь о нём в коротком журнальном отчёте? Мы увидели «славное море» и его окрестности во всей осенней красе в канун прощания с Иркутском. Прибрежный посёлок Листвянка, где берёт свой разбег Ангар, обустроен всем необходимым для приезжающих туристов, охотников, рыбаков: уютные гостиницы, кафе, рыбный базар, сувенирные ряды с изделиями из местных драгоценных камней и минералов. Мы побывали на месте гибели Александра Вампилова, почтив выдающегося драматурга возле стелы, установленной в память о нём. А затем трудяга-паром перевёз наш литературный десант в другой посёлок, в «Порт-Байкал», где мы посидели на завалинке бывшей дачи Валентина Григорьевича Распутина, которая теперь принадлежит его свояку поэту Владимиру Скифу, полюбившись на лиственницу с гнездом (помните рассказ В.Г. «Что передать вороне?»)

Километра полтора по распадку вдоль каменистых сопок — и мы в таёжном раю. Именно так можно обозначить турбазу «Форт Байкал», у хозяина которой Анатолия Ивановича Фенина доброе сердце, быстрый сметливый ум и золотые руки. Дома-терема, выстроенные им, вся прилегающая территория, обихожённая с любовью, открывают одно чудо за другим. Я не видел так много разнообразной старинной утвари, собранной в одном месте. Утюги, самовары, старинные ружья, кованые изделия, головные уборы, нумизматика везде и всюду: во всех теремах, на всех стенах, а на полу — медвежьи шкуры. На улице, вдоль подпорной стенки, выложенной булыжником, — продолжение экспозиции: пролётка пушкинских времён, «Запорожец» первого выпуска. Где хозяин всё это взял — не спрашивай, лучше оцени страсть и труд собирателя, много лет занимавшегося реставрацией храмов и других памятников во всей Иркутской области, а сейчас передавшего дело сыну и уединившегося с любимой супругой Татьяной Алексеевной в забайкальских сопках, где воздух, настоящий на таёжных травах, — хоть ножом режь да в чемоданы складывай и в Европу вези! Далеко ещё не стар Анатолий Иванович, жилист, крепок, весел да остроумен. Наверное, на таких мужиках Русь-матушка держится. Спасибо ему за хлебосольство: от пуза мы напробовались за дубовым столом омуля малосолевого, омуля вяленого, омуля копчёного, да с рассыпчатой картошечкой, да с грибочками, да под самодельную сорокаградусную «берёзовку» Анатолия Ивановича, которую даже я, сто лет непьющий, пригубил... Чем отблагодарить тебя, добрый человек? Только тем, что сообщу нашим читателям координаты турбазы «Форт Байкал», пусть звонят да приезжают исцеляться и душой, и телом. **Итак: 8 (3952) 24–11–88, 8914 013 8044, e-mail: Fenin1@mail.ru, спросить Анатолия Ивановича или Татьяну Алексеевну.**

* * *

Не выразить в словах всей признательности моему одногодку, ровеснику Победы (1945 год рождения), руководителю Иркутского отделения Союза писателей России

Владимиру Петровичу Смирнову (Скифу), большому русскому поэту, чьи стихи уже не в первый раз публикуются в «Аргамак», а также его верной спутнице жизни, жене Евгении Ивановне, сопровождавшей нас в поездке на Байкал. До чего же красива семейная пара Скифов, проживших вместе около сорока лет!

Иркутским писателям вообще трудно не позавидовать. Они живут полнокровной творческой жизнью, о них заботится местная власть, регулярно выделяя из бюджета средства на издание книг и на оплату авторских гонораров. В их распоряжении находится Дом литераторов – старинный купеческий особняк на улице Степана Разина, где скоро начнутся реставрационные работы, они выпускают литературный журнал «Сибирь», с которым у «Аргамак» наметилась дружба.

Несомненно, позиции государственников, истинных патриотов России сильны в Иркутской области ещё и потому, что именно здесь живёт и работает выдающийся русский писатель Валентин Григорьевич Распутин. Он лежал в больнице, когда мы приехали и прилетели в Иркутск, лечил исстрадавшееся сердце. Но посреди недели выписался, получив от врачей направление на дальнейшее лечение в Москве, и навестил нас в гостинице, откуда мы все вместе отправились на уникальный концерт Санкт-Петербургской Государственной хоровой капеллы. Руководитель прославленного творческого коллектива Владислав Александрович Чернушенко произнёс здравицу в честь русского писателя, которого зал приветствовал стоя аплодисментами. Храни Вас Господь, дорогой Валентин Григорьевич! Вы нужны России, без Ваших книг «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Пожар» русская классическая литература была бы неполной.

* * *

Всему свой срок. И наступила пора прощаться с Иркутском, с Байкалом, с гостеприимной Сибирью, с радушными хозяевами праздника «Сияние России», которые были рядом с нами. Мы обнялись со Скифами, с директором Дома литераторов Юрием Барановым, подарившем мне замечательные книжки своих стихов для детей, поцеловали руки Евгении Ивановне, а также любезной и внимательной Валентине Семёновой, талантливой поэтессе Светлане Шегибаевой. Мы, приехавшие из разных городов и весей, распрощались друг с другом, посидев напоследок за дружеским столом в уютном ресторане гостиницы «Русь», где подняли тост за Россию, где восхитились храбростью калужанина Андрея Убогого, единственного из «десантников» рискнувшего искупаться в холодном Байкале, где я поблагодарил Владимира Бондаренко за его статью об Иосифе Бродском, публикуемую в этом номере, где мне подарили свои книги поэт из Перми Игорь Тюленев, главный редактор журнала «Бийский вестник» Виктор Буланичев, иркутские писатели Николай Зарубин и Александр Никифоров.

Все семь дней неповторимому празднику «Сияние России» сопутствовала прекрасная сухая осенняя погода – ночью чуть подмораживало, а днём светило солнце, и к полудню температура поднималась до плюс десяти, за что не грех поблагодарить и небо над Сибирью...

Николай АЛЕШКОВ

ПУТЬ К СЕБЕ

НЕВИННЫМ УТРОМ, ЧИЩЕ ХРУСТАЛЯ

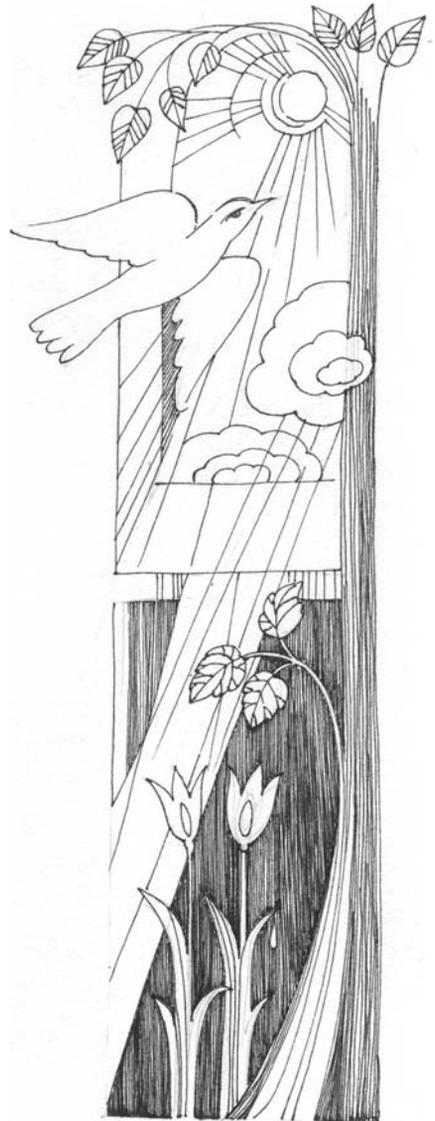
Невинным утром, чистым, как хрусталь,
когда Вселенной сладко-сладко спится,
ко мне в окно влетает через даль
на белых крыльях вдохновенья птица.
Моим мечтам – доступна вся Земля
невинным утром, чище хрустала.

Птенец в гнезде, раскрыв свой жёлтый рот,
летит в мечтах в сады и огороды.
И мир с волненьем ждёт его полёт.
Так много глаз у матери-природы!
Цветут цветы, нам сердце веселя,
невинным утром, чище хрустала.

Заря, купаясь в пенных облаках,
смущает небо красотой броской.
Горят румяна на её щеках,
помада рдеет алою полоской.
Как струны, ветер тронул тополя
невинным утром, чище хрустала.

Увидеть всё, всё полюбить спеша
и отыскать ответ на все вопросы,
в подобный миг старается душа,
следуя за тем, как в травах блещут росы
и как алмазно светятся поля
невинным утром, чище хрустала.

Течёт к земле нерукотворный свет,
струясь, как пламя, по небесным дырам.
Так и моей мечте преграды нет,
она летит, кружа, над целым миром.
Её вместить не может вся Земля
невинным утром, чище хрустала!

ПРЕДЧУВСТВИЕ РОЖДЕНИЯ

Я ещё не рождён, и покой
нежит душу, как птицу в кустах.
Я пока лишь рождаюсь строкой
у столетий на чутких устах.

Я ещё не рождён, чтоб на пир
залететь калачом из печи.
Кем однажды явлюсь в этот мир –
то ли ветром, то ль снегом в ночи?

Я ещё не рождён, а в душе –
слышен Космос, как песнь соловья.
Лишь предчувствую жизнь, но уже
исчезает пелёнка моя.

Я ещё не рождён, отчего ж
и томит, и гнетёт меня грусть,
и предчувствий знобящая дрожь,
и судьбы настагающий груз?

Этот мир – он темнее, чем лес,
где плутать мне в грехах и вине...
Я ещё не рождён. Но с небес
уже слышится плач обо мне.

НАСТРОЕНИЕ

Замолчал свист секунд у виска.
Круг друзей отоснился.
Я забыл, что такое тоска.
Я давно изменился.

Я забыл все привычки свои.
Тени мечутся к дому.
Даже петли дверные мои
стали петь по-другому.

Что случилось? То ль Времени ход
затопил перепутья.
То ль кукушка пугает народ,
счёт в часах перепутав.

Стало в комнатах тесно дышать.
Мысли шарят, как мыши.
Даже доски протяжно дрожат,
каждый шаг ночью слыша.

Бьётся сердце ночью порой,
но глаза не намокнут.

Темнотою, как будто чадрой,
занавешены окна.

Нет надежды пургу ублажить –
будет вместе со мною
о несбывшемся выть и тужить
во дворе под луною.

Вон – рукой машет с улицы мне,
вон – в окошко стучится.
Занавеска качнётся в окне –
свет с небес просочится...

ОБРЕЧЁННАЯ БАБОЧКА

Вдруг небеса блик света разорвал,
и снова синь сгустилась налитая.
От грома клён чуть наземь не упал...
А бабочка летает и летает.

Кружит, кружит... Присядет на сучок,
и вновь к цветам спускается в надежде –
не приютят ли?..

Те в ответ – молчок.
Не просто выжить в этом мире нежным.

Холодный ветер, листья теребя,
дохнул с высот предвестием бурана.
Ну, а она – всё вторит про себя
одну строку святую из Корана,
прося Творца, чтоб Он послал рассвет...

Но тьма всё гуще. И спасенья – нет.

НЕ УТИХАЙ!..

Не утихай,
не утихай, мой Дождь!
Коль ты утихнешь – душу бросит в дрожь.
Последний день падёт своим безмолвьем
на плечи мне, как только ты пройдёшь.

Не утихай!
Пусть Молнии коса
всё небо разлиняет на полосы.
Куда ни глянешь – всюду чудеса,
и льётся дождь, как праведников слёзки.

Пусть сорок дней и столько же ночей
гудит потоп, смывая нечистоты.

Мир полон чудищ, монстров, палачей,
безбожников, предателей, сексотов...

Гуди, потоп!
Пусть совершится Рок,
воздав за кровь, за слёзы и за горе.
Что там за стук?.. Напрасно Ной-пророк
опять ковчег свой строит возле моря.

Напрасно ставит парус он, спеша,
ему не надо к Арарату мчаться.
Должна родиться — *Новая Душа*,
чтоб *Новый Мир*
мог на Земле начаться...

КРАСОТА

Тянусь рукой. Хочу спасти её,
спеша, дрожа, собой не дорожа...
Кричит над чёрной бездной вороньё —
над ней, над белой лебедью кружа.

Я к ней бегу. Я должен поспешить...
Но хочет ли спастись она сама?..
Ей в этом чёрном омуте — не жить,
груз клеветы сведёт её с ума!

«Держись за руку! — говорю ей я. —
Да поскорее убегаем прочь!..»
Но налетают тучи воронья,
и я ничем ей не могу помочь...

В ПОИСКАХ ОТВЕТА

В каких краях, среди каких миров,
в каких веках, среди каких столетий,
в каких мгновеньях дней и вечеров,
в каких мечтах или строках куплетных
я обитаю?..

Не найдя ответ,
я изгибаюсь, точно знак вопроса:
есть ли закон судьбы моей иль нет —
и я живу, как травы и берёзы?

Ищу ответ. И по моей душе
минувших лет проходят караваны.
Мне интересно: кто-нибудь уже
его увидел сквозь веков туманы?..

Идут года. И смотрит сверху вниз
Вселенная, как я в своей Отчизне,
вращая дней скрипучий механизм,
бегу, скользя, по циферблату жизни.

ПРОХОДИТ ВСЁ

*Если боль не тревожит,
Разве радость найдёшь?..*

Поль Верлен

Проходит всё. И всё уходит прочь.
В душе, казалось, зреет ураган,
но встали звёзды, опустилась ночь,
и жизнь опять — мила и дорогá.

Вершины гор покрыл сплошной туман,
не хватит взгляда, чтобы охватить!
Ну где взять силы, чтобы твой обман
я и простить мог сразу, и забыть?

Ну что ж ты, сердце, всё горишь огнём,
меж «да» и «нет» возводишь всё мосты?
Приходит день — мне мало света в нём,
приходит ночь — мне мало темноты...

ПУТЬ К СЕБЕ

Я б ждал его — да некого мне ждать.
Пошёл бы сам — да не к кому идти.
Я не хотел бы мир наш покидать,
но есть конец у всякого пути.

Мы все уйдём. Всех время приберёт
в урочный час. И, слыша глас его,
меня, как лодку к берегу, прибьёт
к последней дате срока моего.

Я на друзей обид не берегу
за то, что ждали выгод от меня.
Они — исчезнут... И на берегу —
лишь я останусь на исходе дня.

И буду снова — вечно одинок,
как и в своей сегодняшней судьбе,
где я всю жизнь
через завалы строк
иду к Себе,
лишь к самому — Себе.

*Перевёл с татарского
Николай ПЕРЕЯСЛОВ*

ПЕРВЫЙ ДЕТСКИЙ СИМФОНИЧЕСКИЙ

*Светлой памяти друга детства
Валеры Денисова посвящаю*

ЗАМЫСЕЛ ЭТИХ ВОСПОМИНАНИЙ РОДИЛСЯ У МЕНЯ ПОД ЧАРУЮЩИЕ ЗВУКИ ШОПЕНА. ПЕРЕД ГЛАЗАМИ ВСЁ ЧАЩЕ СТАЛ ВОЗНИКАТЬ ОБРАЗ МАЛЬЧИКА С РАБОЧЕЙ ОКРАИНЫ, КОТОРЫЙ, ОЗИРАЯСЬ ПО СТОРОНАМ И ПРИЖИМАЯ К ГРУДИ ФУТЛЯР С ФЛЕЙТОЙ, ИДЁТ НА... РЕПЕТИЦИЮ СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА. И МАЛЬЧИК ЭТОТ, КАК ВЫ, НАВЕРНОЕ, УЖЕ УСПЕЛИ ДОГАДАТЬСЯ, — Я. КАКОГО ТАКОГО ОРКЕСТРА? И ПОЧЕМУ «ОЗИРАЯСЬ ПО СТОРОНАМ»? ОБО ВСЁМ ПО ПОРЯДКУ. СТАВ УЖЕ ЗРЕЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, ЭТОТ МАЛЬЧИК ВСЁ ЕЩЁ ПЫТАЕТСЯ ВОСПРОИЗВЕСТИ ЗВУКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЕЛИКОГО ПОЛЬСКОГО ВОЛШЕБНИКА. А В ДАЛЁКИХ 70-Х ОН УЖЕ ВЫШЕЛ ИЗ ТРОЛЛЕЙБУСА НА ОСТАНОВКЕ «УЛИЦА ПАВЛЮХИНА», ПЕРЕСЁК ДОРОГУ, СПУСТИЛСЯ ПО УЛИЦЕ ШАЛЯПИНА ПО НАПРАВЛЕНИЮ К УЛИЦЕ ХАДИ ТАКТАША И, УЛЫБНУВШИСЬ НЕСУЩИМСЯ ИЗ ОКОН ГОЛОСАМ И ЗВУКАМ РАЗЛИЧНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ, ВОШЁЛ В ФОЙЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ № 5...

* * *

Подавляющее большинство детей приходят в музыку благодаря родителям. Вочию вижу, как папа или мама заводят за ручку в музыкалку своё немного испуганное чадо, ещё неостывшее после первого звонка в общеобразовательной школе. Наверное, это правильно, ведь первоклассник ещё многого не понимает. А за окном так соблазнительно звучат удары по мячу и крики детворы, так и не успевшей отрезветь от опьяняющей летней вольницы. Да и первые сентябрьские денёчки столь не похожи на осенние! Но... папе с мамой видней. Они не забудут напомнить, что и Моцарт, и Бетховен, и Лист состоялись как музыкальные гении, потому что слушались в своё время заботливых отцов.

Однако моя мама бредила спортом. Сама в прошлом перворазрядница по альпинизму, призёр личного первенства Татарии по настольному теннису, заядлая лыжница, она видела меня исключительно спортсменом. Жили мы в Старо-Татарской слободе, на улице Ахтямова, и самые ранние мои воспоминания — это заснеженная

ледяная гладь озера Кабан и я с мамой на маленьких лыжиках с палочками в руках. Мне хочется покатать дома машинки, построить из кубиков домик, покомандовать солдатиками, а не семенить ножками на каких-то деревяшках и, хныкая, пытаться догнать маму, которая, вместо того, чтоб остановиться и подождать, убегает и всё подбадривает непонятными возгласами: «Хоп! Хоп! Хоп!»

Через дорогу от нас стояло здание снесённого ныне бассейна. Тёплыми деньками через открытые окна оттуда доносились громкие голоса, трели спортивных свистков, всплески воды — и... участь моя была предreshена. Меня зачислили в группу мастера спорта Камешкова, но тренировал нас весёлый тренер по фамилии Насыров. Нравилось ли мне ходить в бассейн? Не знаю. Точнее, не помню. Ходил да ходил — лишь бы мама была довольна.

Однако занятия плаванием продлились не больше года, поскольку мы переехали в новую квартиру на Курчатова, что на Танкодроме. Ездить стало далеко и неудобно, к тому же бассейн закрыли на какой-то карантин. Всё, больше спортом я никогда регулярно не занимался.

Территория нового микрорайона действительно в прошлом являлась танковым полигоном: под горой, на Оренбургском тракте, стояло Казанское танковое училище. Танкодром довольно долгое время сполна оправдывал своё оригинальное название: проехать по нему можно было разве что на танке. Обустройство микрорайона явно запаздывало, кругом торчали унылые хрущёвки, грязища, регулярно прорывавшиеся на улице канализация или водопровод. Чего стоил один только спуск к остановке шестого троллейбуса по глиняному, скользкому после дождя косогору. Напротив моего дома, где вскоре встала школа № 90, был неглубокий овраг, заваленный собачьими костями, — по слухам, собачники когда-то свозили туда трупы бедных умерщвлённых псов. А мы, мелкая пацанва, надев на палки черепа, часто пугали и гоняли девочек по двору.

Впрочем, «по двору» — не совсем верно сказано. Дворы, в их привычном виде, исчезли с началом типовой панельной застройки. Обширные пространства между домами люди по привычке продолжали называть дворами. Причём само понятие «двор» стало обретать нарицательный смысл: выражения «уличный», «дворовый» воспринимались синонимами чего-то нехорошего. И я часто грустил, вспоминая старые уютные дворики Старо-Татарской слободы.

Помню, как мама после первого посещения будущего жилища всё повторяла, смахивая слезу: «Дыра, дыра...» Я и сам, вернувшись тогда домой, испытал ощущения, схожие с теми, что чувствуют ноги после примерки в магазине новой, неразношенной обуви после «возвращения» в старые, потёртые, но такие родные ботинки.

В те времена граница Казани в направлении Оренбургского тракта проходила по высокой насыпи железной дороги, что вела на восток. Дальше вдоль тракта стояли деревни Аметьево, Старые Горки, Ферма, Борисково. Но Танкодром, шагнув за железку, раздвинул границы города. Тем не менее, новый микрорайон воспринимался далёкой Тьмутараканью, выселками. Это сейчас, учитывая размеры нынешней Казани, он считается расположенным недалеко от центра.

Но, как говорится, дают — бери. Выбирать жильё в те годы не приходилось. Мои родители работали инженерами на заводе «Радиоприбор», что на улице Фаткуллина. Мама в 56-м году приехала в Казань по распределению, отец стал трудиться на заводе после окончания Казанского авиационного техникума, успев отслужить в армии и закончить вечернее отделение пятого (радио) факультета КАИ. В 61-м году они поженились и вскоре радостно вселились в девятиметровую комнатку в трёхкомнатной коммунальной квартире на трёх хозяев на первом этаже. Моя бабушка называла наше

скромное жилище кладовкой со всеми удобствами. Но нужно отметить, что большинство домов Татарской слободы были всё-таки дореволюционной постройки и «всех» удобств, понятное дело, не имели.

Через шесть лет мама получила возможность расширить жилплощадь, но... всего лишь переехав в комнату вдвое большей площади того же дома на Ахтямова. Принятие такого предложения означало бы согласие ожидать очередного улучшения жилищных условий ещё неизвестно сколько лет. Мои родители подумали-подумали и отказались от новой комнаты в коммуналке, решив строить кооперативную квартиру.

Квартиры тогда были трёх категорий: служебные (проживаешь в ней, пока работаешь в конкретной организации), государственные — таковых было большинство, и они давались бесплатно, и кооперативное жильё. Государственная квартира ценилась выше: при наличии прописки пользуешься ею бессрочно. Можно разменять её на другую, но продать, подарить, завещать нельзя. Слово «приватизация» народу было неведомо. Получить бесплатно «хату» от государств, несомненно, представлялось более предпочтительным. Хорошо, если ты работал на мощном предприятии, желательнее оборонного комплекса, которое активно строило «своё» жильё. Но вот работники школ, вневедомственных детских садиков, больниц, поликлиник или просто небогатых организаций получали его по горисполкомовским очередям, нередко ожидая «благоустроенного» счастья по десять-пятнадцать, а то и по двадцать лет. Прописка по адресу носила разрешительный характер, в отличие от уведомительной регистрации в наше время.

Кооперативное жильё (его было относительно немного) доставалось гораздо быстрее государственного, поскольку будущие жильцы участвовали в его возведении непосредственно за свои кровные. Так и говорили: государственные квартиры «получали», а кооперативные «строили». Но попасть в жилищный кооператив было не так просто — туда тоже была немаленькая очередь. Однако местком завода «Радио-прибор», получив отказ от переселения в коммунальную комнату, пособил моим родителям со вступлением в кооператив. И почти полтора года наша семья, отказывая себе во многом, жила на одну зарплату: вторая шла на оплату первого взноса — почти 1800 рублей, что составляло сорок процентов стоимости квартиры. То были большие деньги: месячные зарплаты инженеров немногим превышали сто рублей. Кое-какую сумму пришлось занять у друзей. Остальную часть стоимости жилья выплачивали понемногу в течение пятнадцати лет.

Наконец-то наш кооперативный двухкомнатный «рай» обрёл явь и плоть! Но квартира принадлежала не нам, а кооперативу, где всё решалось на общем собрании под бдительным приглядом избранного председателя. Помнится, одной семье было отказано в удачном обмене на квартиру в другом районе, поскольку кто-то из членов кооператива нуждался в расширении. Дескать, обменяйтесь сперва с ними, и уже их жильём распорядитесь, как хотите. Понятное дело, желанный обмен сорвался.

Но всё равно наша новая двушка в сравнении с «кладовкой» воспринималась хоромами. И не беда, что одна комната проходная, а кухонька всего четыре квадрата, главное отдельная благоустроенная. Совмещённый санузел? Ерунда! Как говорилось — в анекдоте, Никита Сергеевич хоть и успел соединить ванны с туалетами, но не успел соединить полы с потолками. И на том спасибо.

* * *

Погожим первым сентябрьским деньком 69-го года я пошёл в школу. Но мероприятия первого школьного дня первым звонком и ограничились: новую школу № 30,

Слева направо: Петя Муратов, Таня и Валера Денисовы.

что на улице Латышских Стрелков, не успели до конца отделать, поэтому учиться мы начали только с четвертого сентября.

На торжественной линейке я познакомился с будущим одноклассником Валерой Денисовым, с которым мы вскоре стали неразлучными друзьями. Оказалось, что он жил в соседнем подъезде, хотя во дворе нам пересекаться не доводилось. Валерка был невероятно весёлым, находчивым пацаном, неистощимым выдумщиком. С его лица никогда не сходила улыбка.

С Валеркой мы сели за одну парту, после уроков вместе делали домашние задания и коротали время в группе продлённого дня. Во второй класс пошли уже в новую школу, тоже на Латышских Стрелков, ту самую, что встала на месте засыпанного оврага с собачьими черепами. Почему обе школы значились на одной улице, мне до сих пор неясно — территориально этот па-

радокс необъясним. Как непонятно было, отчего на одном пятачке рядышком оказались дома с названиями разных улиц — Курчатова, Комарова и Латышских Стрелков. Ну а про то, почему при нумерации домов выпадали по несколько порядковых чисел, упоминать вообще не стоит. Этакая топонимическая градостроительная головоломка.

Впрочем, занятия в новой школе начались вовремя — первого сентября. Её директором стала Роза Шараповна Ильясова, представительного вида женщина. Мать Валерки, Алевтина Михайловна, устроилась в нашу школу учителем домоводства. Сестра Валерки Танюшка стала первоклассницей, параллельно поступив в музыкальную школу на класс фортепиано, когда мы уже перешли в третий класс.

Четвёртый класс начался для меня с неприятной неожиданности. Придя на торжественную линейку, я был огорочен: Алевтина Михайловна перевела Валерку в другой класс — из «А» в «В».

Дело в том, что классным руководителем 4«В» назначили Зинаиду Ивановну — учительницу предпенсионного возраста, которая в своё время была классным руководителем самой Алевтины Михайловны. Уж не ведаю, каким педагогом она слыла в пору школьной юности матери Валерки, но, забегая вперёд, скажу, что ни у меня, ни у моих родителей отношения с Зинаидой Ивановной (имя изменено по настоятельной просьбе Алевтины Михайловны) не сложились. Она относилась к категории преподавателей «сталинской» закалки. Суровая, жёсткая, требовательная, на её уроках всегда царили тишина и порядок.

«Прекрасно!» — скажете вы. Не торопитесь с выводами. Во-первых, никаких шуток, никаких отступлений от темы — только «давай-давай-давай!». Во-вторых, Зинаида Ивановна не гнушалась оскорблениями детей. Согласно, иногда ребятишки просто напрашиваются на «комплимент», но... Когда из её уст постоянно звучала фраза «щёки красные, а ума нет», то представлялось, что щёки бледные — необходимый атрибут хорошей учёбы. Но это ерунда. Намного хуже, когда в адрес одноклассницы, стеснявшейся своей полноты, «заслуженным» педагогом произносилось: «Тебе что, жир учиться не позволяет?»

И совсем брала оторопь, когда, читая на себя характеристику (после шестого класса, уходя на пенсию, Зинаида Ивановна написала их для нового классного руководителя, а я, каюсь, выкрал), натыкаешься на удивительнейшую фразу: «для него главное — учёба в двух школах, а уже потом всё остальное». (Вторая школа к тому времени была музыкальная). За три года, что Зинаида Ивановна была у нас классным руководителем, не состоялось ни одного похода, ни одной вылазки на природу. Она не интересовалась внешкольной жизнью своих учеников. Было очевидно: человек откровенно дорабатывал до пенсии.

Но тогда, на линейке первого сентября, ясно стало одно: Валерка в другом классе! Как такое может быть? И я направился в сторону «В»-класса. Помню, остановившись на полпути, оглянулся на оставляемый мною «А»-класс. Ставшие родными за три года начальной школы однокашники, поняв моё намерение, отчаянно жестикулировали руками: «Куда? Назад, назад!». Однако без Валерки я себя уже не представлял. «А»-шники ещё года два, встречаясь со мной в коридорах школы, не переставали укорять: «Предатель...»

* * *

Хотя обида на «А»-класс у меня имелаась. К очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1971 года мы, третьеклассники, с волнением готовились увидеть первых пионеров класса. Кто же ими станет? Решала классный руководитель Вера Петровна Дёмина. В кандидатурах круглых отличниц примерного поведения Иры Посохиной и Ильсии Сабировой не сомневался никто. Но кто же ещё? Моё сердце сладостно заходило от одной мысли, что я тоже могу стать «всем ребятам примером». Однако моё имя не прозвучало: то ли незадолго до этого я что-то сломал в классе, то ли с кем-то подрался, не помню. Помню лишь, что с белой завистью смотрел на «алые галстуки, расцветшие на груди» ещё двух сияющих счастливиц — Альфии Габдрахмановой и Иры Шугаевой. Но я, стиснув зубы, терпел, поскольку знал из мультфильма «Чебурашка», вышедшего на экраны в том же году, что «в пионеры берут самых лучших». К тому же видел, как много хороших дел сделали Крокодил Гена с Чебурашкой, прежде чем их «взяли» в пионеры.

Следующий приём был назначен аж на 22 апреля — день рождения бабушки Ленина. Блин, не доживу! Хотя лучшего подарка на мой первый круглый юбилей, ожидаемый двумя днями раньше, представить было невозможно. Красный галстук уже был куплен, я тайком носил его дома, даже спал в нём. Сладостно предвкушая «тайнство первого посвящения» (приём в октябрят не в счёт), на торжественной домашней линейке я принял в пионеры свои любимые игрушки и, повязав на их плюшевые и пластмассовые шеи красные треугольные лоскутки, произнёс за них торжественную клятву юного ленинца.

Но и 22 апреля не всем ученикам была уготована великая честь. Для троечников и хулиганов запланировали третью кампанию по приёму в пионеры — на 19 мая, день 50-летнего юбилея Всесоюзной пионерской организации имени Ленина.

Но за несколько дней до двух знаменательных для меня событий случилось непредвиденное. Я устроил потасовку в классе с Эдиком Савченко, он побежал от меня, я, схватив со стола ножницы (только что кончился урок труда), метнул их в него. Эдик ловко увернулся, а «снаряд» остриём вперёд полетел в сторону сидевшей за партой Гули Шакировой, которую в классе звали Шакирзя. Она успела среагировать, выставив перед собой локоть. Ножницы вонзились ей в руку, брызнула кровь, Ша-

кирзя громко заплакала. Класс замер. Влетевшая в класс бледная перепуганная Вера Петровна метнулась к Шакирзе, не забыв громогласно выкрикнуть в мой адрес: «Вон из пионеров!!!»

Только в тот момент до меня дошёл весь ужас содеянного. Было жаль Шакирзю (я до конца учебного года угощал её печеньем и карамельками), слава Богу, ничего серьёзного с ней не случилось. Но «вон из пионеров!» пережить было невозможно. Оглушённый случившимся, я громко зарыдал, выскочил из класса и побежал домой, забыв про школьный ранец.

Выручила мама. За летающие ножницы я получил от неё, конечно, сполна. Но после посещения мамой школы я был всё-таки восстановлен в списке кандидатов в пионеры.

Утречком 22 апреля, сияя от счастья, в белоснежной рубашечке с красным галстуком на согнутой в локте руке и за ручку с мамой я предстал пред ясными глазами принимаемых в пионеры одноклассников во дворе школы. Они встретили меня с удивлением, но ничего не сказали. Покатился оживлённый разговор, все были в состоянии радостного возбуждения, стоял солнечный погожий денёк, щебетали птички — ну, пришёл да пришёл. Нестройная колонна без пяти минут пионеров двинулась в Танковое училище, где на плацу в присутствии курсантов и офицеров, в торжественной обстановке мы должны были дать клятву верности священному делу Ленина и Коммунистической партии.

Всё прошло нормально. В ознаменование знакового события нам выделили для «изучения» два настоящих учебных танка Т-54 с открытыми люками. Обалдевшие от неслыханного счастья, пацаны облазили, обшупали грозные боевые машины вдоль и поперёк, испачкав белые рубашки.

Я находился в состоянии блаженства. Картину абсолютного счастья жизни дополнял роскошный подарок на десятилетие — новенький сверкающий велосипед «Салют», заменивший ставший маленьким «Ветерок».

Но на следующий день... На следующий день меня ждала обструкция одноклассников. Оказалось, что после беспощадного «приговора» Веры Петровны все троечники нашего класса возрадовались: «Ура! Петька будет вступать в пионеры вместе с нами!» А тут он является счастливый, с красным галстуком на груди! Начались непрекращающиеся наезды: «Эх, ты, позорник! Припёрся с мамочкой за ручку! Тоже пацан, называется!..» Как же это отравляло ощущение праздника! Я кипятился, краснел, пытался что-то объяснять, но подсознательно понимал: пацаны правы, тут даже драками (мы называли их махачами) дело не исправишь. Им же не расскажешь, что я уже полгода спал в пионерском галстуке! Немного подсластил горькую пилюлю вышедший вскоре фильм «Ох, уж эта Настя!», где главной героине тоже пришлось отбиваться от обвинений и козней коварных активистов-одноклассников, доказывая право стать пионеркой, и пройти свой нелёгкий путь «через тернии к звёздам», к красному галстуку, горну и барабану.

Хорошо хоть, что тот третий учебный год вскоре завершился. Потому и ушёл я вслед за Валеркой в другой класс без особого сожаления.

* * *

Однако в четвёртом «В» мне была уготована непростая жизнь, ведь я был чужаком. Валерке было попроще, ибо все знали: его мать — училка. Женщиной она была весьма строгой и твёрдой, в том числе и в отношении к своим детям. За меня особо заступаться было некому, да и ябедничать тогда считалось заторным.

«Мазу» в новом классе держали двое — Шамиль Хайбуллин по кличке Шампунь, и Толя Коровин, по кличке Куцый. Естественно, при каждом из них были приближённые. Но между собой «авторитеты» соперничали, что можно использовать в своих интересах. Куцый вдобавок был на год нас старше.

Большинство учеников «В»-класса были знакомы между собой с самого раннего детства: их переселили из каких-то бараков с Суконной слободы. Многие байки о прошлом так и начинались: «Когда мы жили в Старых бараках...» Проживали они тоже компактно — в нескольких домах по улице Комарова. Позднее группировка гопников со всего Танкодрома стала именоваться «Комаровские».

Немалое значение для «веса» в коллективе имело наличие старших братьев или просто «наставников». Так и говорили: «Он ходит с таким-то». Имярек такой-то, разумеется, должен был принадлежать к числу блатных, как они себя называли. У меня, к сожалению, ни старших братьев, ни корешей не было. Помню, как удачно начавшийся для меня махач с приклатнённым одноклассником Серёгой Пашкиным по кличке Паша остановил его старший кореш Олег Дружинин, банально мне навтыкав. А конфликт с Маратом Мардановым, назревавший перерасти в махач, обидно и больно (для меня) прервал его старший брат.

Но и собственные «кондиции» тоже имели значение. В новом классе я, осмотревшись, сразу оценил, что кое-кто из пацанов незаслуженно ставил себя выше меня только потому, что учился в нём с первого класса. Изменить «статус-кво» и продвигаться вверх по иерархической лестнице можно было только через махач.

И он вскоре случился! Сцепились из-за какого-то пустяка с Ильгизом Гадельзяновым по кличке Грузин, который врезал мне первый. Зачастую конфликты ограничивались агрессивной риторикой, угрозами и толчками друг друга в грудь. Бывало, ни одна из сторон не отваживалась перейти на «обмен знаниями при помощи жестов», как говорят боксёры, несмотря на провокационные подначивания болельщиков. Удар в лицо был равносильным объявлению войны: надо или ответить, или не ответить — значит, струсить. Но Грузин явно переоценил свои силы. После короткого динамичного махача он отвернулся и заплакал, закрыв лицо руками. Это означало победу. Меня, ещё не остывшего от схватки, не разжавшего кулачки, стали хлопать по плечам Шампунь с Куцым: «Молодец! Молодец!»

Но на наших будущих отношениях с Грузином тот махач никак не отразился. Просто Ильгиз (а вместе с ним и другие) сделал для себя правильные выводы, а я уверенно шагнул на одну ступеньку вверх. Потом мы с ним стали приятелями, к тому же нас объединял жгучий интерес к футболу и хоккею.

Нужно отметить, что умение играть в футбол и хоккей было обязательным для любого уважающего себя казанского пацана. У Валерки Денисова не очень получалось играть в футбол-хоккей, но он проявлял к ним интерес.

Иногда можно было занять авторитет среди пацанвы, просто хорошо играя. Безусловным авторитетом слыл среди нас игрок от Бога, мой бывший однокашник по «А»-классу Ильхам Маматов (почему-то все звали его Эдик). Причём он был одинаково силён и в футболе, и в хоккее, достаточно сказать, что во дворе всегда побеждала та команда, за которую играл Эдик. Его желание сыграть с нами почиталось за честь. Правда, позднее Эдика из-за постоянных тренировок стало видно всё реже и реже. В юности он играл за «Электрон» — футбольную команду завода «Радиоприбор». Мой отец не раз сталкивался с ним в кассе завода, поскольку Маматов был там кем-то оформлен официально. Но громкой карьеры в спорте сделать ему не удалось, поскольку «Рубин», куда он ненадолго попал на место вратаря, в те годы ещё не играл в высшей лиге чемпионата СССР.

Летом любая ровная полянка превращалась в футбольное поле, воротами становились камушки или школьные портфели. А зимой пацаны расчищали снег, используя его для строительства бортов, и заливали уже собственную хоккейную площадку. Штангами ворот служили сложенные стопками кирпичи, натасканные отовсюду. Для прочности конструкции «штанги» обливали водой, но ворота оставались без перекладины, а площадка — без задних игровых зон. Со временем ЖЭКи стали ставить в некоторых дворах деревянные хоккейные коробки.

Но пока на дворе стояла осень. Осень 1972 года — время исторической, незабываемой хоккейной суперсерии СССР — Канада. Описывать колоссальный интерес к этому захватывающему спортивному зрелищу после показа фильма «Легенда номер 17» излишне. Правда, прямых репортажей из Канады тогда не велось: коммунисты трогательно заботились о здоровом сне трудящихся, и сидеть в ресторанах или смотреть телевизор после 23.00 не полагалось. Счёт уже сыгранного накануне матча узнать было неоткуда, поэтому репортаж в записи на следующий день фактически превращался в прямой.

Мы бредили этими играми. Конечно, прекрасно знали и любили наших хоккеистов: Михайлова, Петрова, Харламова, Якушева, Мальцева, Рагулина, Васильева, Третьяка, Анисина и других. Их постоянно показывали по телевизору, их имена были на слуху. Но вот канадцы... Это были инопланетяне. Волосатые, без касок, с выбитыми передними зубами, постоянно что-то жующие. Именно тогда я впервые услышал выражение «жевательная резинка», даже попробовал ластик на зуб — не впечатлило. Крайне редкие случаи появления у кого-то из пацанов этой вождельной резинки становились настоящим событием — на обжёвки от неё выстраивалась целая очередь, поэтому даже самый маленький кусочек жвачки ценился на вес золота и проходил через десятки пацанячьих ртов. Те, кому жвачки не доставалось, всё равно во время игры совершали энергичные жевательные движения.

А имена канадцев! От них у меня до сих пор захватывает дух: Кен Драйден, грозный Фил и Тони Эспозито, счастливчик Хендерсон, забивший победную шайбу всей серии матчей, костолом Боби Кларк, Халл, Стив Курнойе, двое Маховличей, забияка Паризе... Мне немного стыдно вспоминать, но из песни слов не выкинешь. Именно они, а не советские хоккеисты, стали тогда нашими настоящими кумирами, учитывая, что и суперсерию, пусть даже с минимальным перевесом, всё-таки выиграли «Кленовые листья»... За право носить имя кого-нибудь из канадских профессионалов шли упорные споры. Тогда же я сменил свой псевдоним «Полупанов» (по-моему, московский динамовец) на «Питера Маховлича», но этим громким именем канадского нападающего меня наградил сам Эдик Маматов! К сожалению, из-за тех же канадцев стало входить в моду драться прямо на площадке во время игры (до этого спорные моменты оставляли для разборок после матча).

Так мало-помалу я вживался в новый для себя коллектив класса. Да, играл и разбирался в хоккее и футболе, да, мог грамотно «вклеить промеж ушей», да, умел «побазарить» — это тоже необходимо было правильно исполнить, причём не только по содержанию, но и по форме.

Некоторые пацаны свой «базар», или как ещё произносили «бáсар», тренировали специально. До сих пор в ушах стоит хрипяще-сипящее, типа зловещее, шипение детским, ещё не сломавшимся голоском: «Ну, ты, чё-о-о, деш-ш-шёвка, блин, в натуре, а?! Ты, чушпан, на кого хвост пружинишь? Чё, вальты загрызли что-ли? Сма-а-ррри у меня, марёха, ща бапер сверну! Пойал?!» Комментарий для непосвящённых: «чушпан» — кастрированный поросёнок, «марёха» — тот, кого морят, унижают, гнобят. Но что означает фраза «вальты загрызли», честно говоря, забыл. Или более «про-

двинутая», явно подслушанная у отсидевших старших братьев или корешей фраза: «Забейся в кураж, вша подшхоночная!» (шхонками на зонах называли койки) .

А дворовые песни! Это было нечто совершенно удивительное! Их исполняли с особым выражением и упоением, в сопровождении трёх гитарных аккордов. Кстати, умение брэнчать на гитаре, пусть и крайне примитивно, тоже приветствовалось и почиталось.

Но главным моим козырем была хорошая учёба. Это ерунда, когда утверждают, что отличников морили только за успеваемость. Точнее, если от этого не было пользы для других. Но я не жмотился: и домашку дам скатать, и на контрольной списать, и подсказу на уроке, и шпаргалку, когда надо, по возможности, пришлю. Словом, сплошная выгода.

Шампунь, приходя утром в школу до начала первого урока, говорил мне только одно слово: «Быстро!» Это означало, что нужно было тут же тетради с домашним заданием на подоконнике коридора в нужной последовательности уроков для списывания. И мне поначалу приходилось мириться с таким неуважительным к себе отношением.

Куцый относился более дружелюбно. Он долгое время сидел у меня за спиной, поэтому со списыванием вообще проблем не возникало. Коровин не раз благодарно говорил мне: «О, Пецца — друг детсца!». Впрочем, это не помешало ему как-то раз на уроке прожечь мне штаны, подложив на стул зажжённую спичку.

Моя мама не раз ходила к нему домой по заданию родительского комитета класса, изучала условия проживания, общалась с родителями. Куцый был из многодетной неблагополучной семьи, его мать, по-моему, не работала, а отец, бывший фронтовик, выпивал. Помнится, Коровин-старший не раз с гордостью декламировал: «Я — лейтенант! И Толька тоже будет лейтенантом!» Однако будущему «лейтенанту» визиты моей мамы не нравились категорически.

Но однажды Куцый резко зауважал мою маму. Как-то раз на улице он начал ей откровенно хамить. Мама, хоть и была почти на голову ниже, недолго думая, ловко скрутила его сильными спортивными руками и выдала такой грамотный «басар», что тот просто обалдел, совершенно не ожидая подобного от маленькой, интеллигентной с виду женщины. И потом всё расспрашивал меня, где это она так научилась.

Я отшучивался, но не стал рассказывать, что жестокие качели судьбы в годину военного лихолетья забросили мою осиротевшую маму, в то время двенадцатилетнюю девчонку, и в немецко-румынскую оккупацию в Краснодаре, и в детский спецприёмник, и на несколько месяцев в колонию для малолетних преступников на Ставрополье, где она носила кличку Полковница и кое-что крепко усвоила на всю жизнь. Позже Полковницу за хорошее поведение перевели в пятигорское специальное ремесленное училище, готовившее военных радистов. Там учились одни военные сироты. Но война, к счастью, закончилась. С той поры моя дорогая матушка Людмила Петровна гордо носит почётное звание «Ветеран тыла», а День Победы в нашем доме всегда отмечался как самый светлый, самый радостный праздник. Правда, мама никогда не смотрит военные фильмы, её до сих пор трясёт от звука заходящего на пике бомбардировщика.

Впрочем, по душам с Куцым она тоже умела поговорить. Как-то раз, уже после окончания школы, мама встретила на улице его, повзрослевшего и немного остепенившегося, и, по-доброму пообщавшись, сделала ему комплимент: «Ты, Толя, стал таким красивым! Если б у меня была дочь, я б её за тебя отдала!» «Друг детсца», говорит, аж зарделся, настолько приятно ему было это услышать.

Но тогда, школяром, Куцый был злым и жестоким гопником, постоянно кого-то «отоваривал» (бил), «обшакаливал» (отнимал деньги) и, понятное дело, курил, многие его боялись. Он, кстати, единственный из класса не был принят в пионеры. Кое-кто из старших гопников обзывал Куцего октябрёнком, но из нашего класса на подобный «комплимент» в его адрес не отваживался никто: «промеж ушей» можно было схлопотать железно.

* * *

Но были ли такие паца..., пардон, мальчики, которые не могли принять и усвоить все вышеперечисленные правила? Которые не махались, не умели грамотно базарить, не интересовались футболом-хоккеем, не ставили три аккорда на гитаре? Ещё и учились не очень? Конечно, были. Участь многих из них оказалась незавидной.

В нашем классе это был, прежде всего, Тагир Аглиуллин, который переехал с родителями в Казань из райцентра Нурлат где-то в пятом классе. Тихий, скромный, слабенький — мухи не обидит. Морить его, конечно, никто по-настоящему не морил: считалось за низкое, но клевали регулярно. Зачастую просто так, для поддержания своего «рейтинга», из желания самоутвердиться за счёт слабого. Даже девчонки его задирали.

Дети жестоки и часто безрассудны, особенно в подростковом периоде. Потом, в старших классах, мозги постепенно заполняются разумом, отношения между собой и со старшими становятся уважительными.

Оказалось, что количество девятых классов в сравнении с восьмыми уменьшилось на один. Наиболее одиозным ученикам давали понять, что в девятый их не возьмут, предлагая загодя подыскать какое-нибудь ГПТУ. Уходили и те, кто выбирал для дальнейшего образования техникумы или творческие училища (музыкальное, художественное или хореографическое). В результате, один класс попадал под сокращение и расформирование. По иронии судьбы, им оказался как раз мой бывший «А». Некоторые его ученики, перешедшие к нам, вновь стали моими одноклассниками. Особенно я был рад воссоединению с Камилем Зайнутдиновым, по кличке Камбал, и Толей Таборкиным, по кличке Баклый. Буквенное обозначение нашего класса тоже поменяли: с «В» на освободившуюся литеру «А», так что с девятого класса я вновь превратился в «А»-шника. А годом позже из пяти восьмых стали делать только три девятых класса, что существенно стимулировало интерес к учёбе и хорошему поведению тех, кто хотел продолжать учёбу.

Из нашего класса тогда и «попросили на выход» Куцего с Шампунем. Кстати, Шамиль сейчас уважаемый человек, крепкий семьянин, прекрасный автомеханик. Он, конечно, в лихие девяностые «поработал» с братвой, но кому тогда не сносило крышу? Между прочим, в те же годы он дал, по слухам, хорошие средства на строительство мечети «Мадина», что у нас на Курчатова.

Но тогда, в пятом классе... Каюсь, я тоже изредка поклёвывал бедного Тагира. Позже, помнится, в восьмом классе, я присмотрелся к нему поближе. Оказалось, что у Тагира тонкая поэтическая натура, он любил литературу, театр, пытался писать небольшие прозаические миниатюры. Но вот учился неважнецки. Я не раз говорил ему: «Тагир, почему ты троечник? Ты же неглупый пацан!» Он: а мне, мол, просто неинтересно учиться. Однако в последующие годы Тагир закончил заочно филфак Казанского университета, отделение «журналистика», и долгое время работал по специальности. Одним словом, взял я Тагира под своё покровительство. «Поклёвки» почти прекратились, что существенно повысило его самооценку и уверенность в себе.

Ещё одним учеником нашего 4«В», заметно выбивавшимся из общей канвы, был Фархад Хакимуллин — новичок класса, также как и мы с Валеркой. Фархад был тактичен, вежлив, выдержан и, несмотря на совсем юный возраст, внутренне интеллигентен. Он был как бы немного из другого времени. Вспоминаются удивительно точные слова из песни Булата Окуджавы: «Дворянство, растворённое в крови, неистребимо, как сама природа...» Это про Фархада или, как мы стали его называть (и зовём до сих пор), Форина. Конечно, он был не из дворян, но из рода Мустакимовых — татарской интеллигенции ещё дореволюционной поры.

Дед Форина по материнской линии Мухтар Мустакимов работал землеустроителем, в Первую мировую войну служил штабс-капитаном. Его родному брату Искандеру удалось до революции закончить «Казанский Императорский университет», что было для тех времён исключительным фактом.

Дома у Форина хранился большой семейный альбом в красивом бархатном переплёте со старинными фотографиями, я не раз с интересом его перелистывал. Помню чёрно-белую фотооткрытку, присланную Искандером-абый. На ней — изображение с видом какого-то европейского города и письмо на русском языке, написанное ныне практически вымершим, идеальным каллиграфическим почерком. Оно начиналось приветствием: «Мой милейший братъ Мухтаръ!» Ну, кто сейчас, скажите на милость, пользуется таким трогательным, тёплым эпитетом «милейший»?

Мухтар-абый устанавливал советскую власть в Стерлитамакском уезде. Там же он женился на простой девушке Фатиме, у них родились три дочери. Все сёстры получили высшее образование: старшая Дина закончила с отличием университет, средняя Таисс и младшая Земфира — консерваторию. Словом, обстановку, в которой рос Форин, представить несложно.

Своих детей у сестёр Дины и Земфиры не было, поэтому Форин был окружён общей заботой и вниманием. Муж тётки Земфиры Рашид-абый тоже любил и привечал его. Бабушку Форина Фатиму-апу, классическую татарскую эбике, маленькую, аккуратную, в длинном белом платке, плохо говорившую по-русски, вспоминаю приветливой и гостеприимной. Она относилась ко мне прекрасно, всегда чем-то угощала, любила пообщаться, повспоминать прошлое. Однако я не забыл, как она коршуном вылетела из дома, завидев в окно начавшийся у меня с Фоорином махач. Фатима-апа жила в центре, на улице Жуковского, и часто гостила у дочери с внуком.

В доме Форина (а жил он через три подъезда от моего) меня буквально завораживало старинное, светлого цвета немецкое пианино, украшенное изящной резьбой, 1879 года производства. Конечно, почти за сто лет дерево рассохлось настолько, что настроить инструмент было уже невозможно, да и попутешествовать ему довелось немало. Клавиши из слоновой кости от времени стали разноцветными. Вдрызг расстроенный звук пианино очень напоминал тот, что сопровождает старые немые фильмы. Мама Форина, Таисс Мухтаровна, преподавала музыку, поэтому ей пришлось купить обычную советскую «штамповку» — пианино «Казань», которое возможно было настраивать. Но старинный музыкальный раритет до сих пор красуется в их доме.

Сейчас тётка Дина живёт у Таисс Мухтаровны и Форина. Иногда сёстры общаются между собой по-русски. Знаете ли, довольно экзотичная картинка: слушаая их, двух стареньких эби в белых платочках, я всегда поражался тому, какая изысканная, можно сказать, «калиброванная» русская речь звучит из их уст — любой филолог бы оценил.

Я так подробно описываю родословную Фархада, чтоб ясно представлялось, насколько глубоко противоестественны и решительно неприемлемы были для него

многие «условные рефлексy» и нормы поведения пацанвы. Хотя Форин неплохо играл в футбол-хоккей, обустривал с нами хоккейную площадку (ох, и наплескали мы в его квартире, таская вёдрами воду для заливки льда, пока мать была на работе — он жил на первом этаже) и так же, как все, «сходил с ума» осенью 72-го года во время великого советско-канадского противостояния.

Вскоре наш с Валеркой неразлучный дуэт превратился благодаря Форину в трио.

Этажом выше Форина жила наша одноклассница Эльвирочка Зарипова — отличница, воспитанная, симпатичная девочка. Её мать, Фания-апа, работала учительницей в бывшей тридцатой школе. Форин дружил с Эльвирой, они часто вместе делали домашние задания. На сленге того времени это называлось «кадрили» или «ходили».

Но вот Эльвира приглянулась Шампуню. Форин был вызван им «на разговор» после уроков в присутствии двух приклатнённых одноклассников-корешей — Пашй и Рината Гарипова, по прозвищу Рэм. Мы с Валеркой с некоторого расстояния, на всякий случай, страховали ситуацию. Но общего махача, которого мы, естественно, не желали, к счастью, не случилось. Расстроенный Форин, глубоко вздохнув, поведал нам: «Они пригрозили убить меня, если я буду ходить с Эльвиркой...» Озабоченно вздохнули и мы с Валеркой. Решили доложить ей про состоявшийся «бáсар». «Фи! — отреагировала Эльвира на сообщение. — Тоже мне, влюблённый нашёлся!» В результате, забегать друг к другу в гости они с Форином не прекратили, но ходить вместе перестали. Хотя, как выяснилось позднее, Эльвире нравился Рэм — что ж, «авторитетные» пацаны, смелые и активные, были не лишены харизмы и привлекательности.

Конечно же, угроза убийством — детские понты, часть общепринятых правил. Хулиганьё обитало повсюду, своеобразная субкультура «конкретного пацана», казалось, была разлита в воздухе той, прежней Казани. И очень многие мальчики из благополучных семей, хорошо успевавшие, занимавшиеся в музыкальных или художественных школах, тем не менее, старались походить на них из желания выглядеть круче.

В нашей неразлучной троице в этом, пожалуй, больше всех преуспел я, часто одеваясь как гопник. На мою внешнюю «обёртку» регулярно покупалась мать Эльвирики. Она не раз при мне громко внушала Форину: «Фархад! Почему ты дружишь с Петей?! Он ничему хорошему тебя не научит!» Понятно, что против его дружбы с Эльвирой она ничего не имела. Я же испытывал двоякие чувства. С одной стороны, казалось странным, что Фания-апа считала меня гопником, ведь она знала, что я хорошо учусь, и была знакома с моими родителями (хотя, к сожалению, иногда хулиганами становились пацаны не только из неблагополучных семей). Но, с другой стороны, было лестно осознавать, что выглядел гопником я вполне правдоподобно. Поэтому как-то раз, после очередного «наезда» с её стороны, я не нашёл ничего более умного, как, артистично сплюнув на асфальт, развязно ответить Фание-апе стандартной фразой: «Ну, чё-ё разоралась-то! Отдыхай!», чем ещё больше настроил её против себя.

Форин всё вздыхал, тоскуя по двору своего раннего детства, который находился в Соцгороде. Впрочем, не берусь утверждать, что там он бы смог в последующем избежать контактов с хулиганьём.

* * *

Существуют такие святые для каждого понятия, как Родина, малая родина и, наконец, отчий дом. Но у многих есть ещё «очень малая» родина — двор, улица, квартал.

У Форины этим местом как раз и являлся дворик в Соцгороде, со скамеечками под кустами сирени у подъездов, выходящий одной стороной на садовые участки. Раньше в Казани было много дачных обществ, расположенных в черте города. И не беда, что участки малюсенькие, а домики напоминали скворечники. Главное — рядом. К сожалению, сейчас этих дачек практически не осталось: земля очень дорога, не до растениеводства.

Форин рассказывал, что когда был совсем маленьким, ему казалось: там, в садах, живёт Солнышко, ведь оно каждый день ложилось спать, скрываясь за яблоньками. Много раз он собирался сходить в гости к Солнышку, но так и не дошёл — без мамы нельзя, а ей самой почему-то не хотелось...

Об этом Форин трогательно поведал мне несколько лет назад, когда уговорил съездить приобщиться к его святыне. Я из вежливости согласился, но, понятное дело, ничего особенного не увидел и не прочувствовал. Двор как двор, каких тысячи. Это ЕГО и только ЕГО. Форин до сих пор, прихватив бутылочку лёгкого винца, изредка навещает свой дворик, сидит на скамеечках, с упоением вдыхая ароматный воздух детства, нежно поглаживает стволы сиреней и с горечью наблюдает, как «Солнышкин домик» всё активнее теснят новые многоэтажки.

Очень малая родина есть и у меня. И это, нетрудно догадаться, не Танкодром, а тот маленький дворик на углу Тукаевской и Ахтямова, рядом с автобусной остановкой, хотя в пору моего детства её не было. Была лишь трамвайная остановка «улица Сафьян», чуть выше по Тукаевской. Когда-то этот дворик был для меня целой планетой — таким большим он казался, а наша «кладовка со всеми удобствами» представлялась космическим кораблём.

Вот здесь, в углу двора, была разбита клумба, рядышком — песочек, где можно повозиться с любимым грузовичком. А вот бордюры, похожий на железнодорожный состав — я с детства обожал железную дорогу, поэтому разрисовывал мелом каждую бордюру: первая — тепловоз, дальше — вагоны. Вот тут стояли сараи, в одном из них сосед по фамилии Бяков держал своих охотничьих собак Тайгу и Достигаю; псы, приветливо виляя хвостами, бережно брали еду с моих рук. С его сыном Ильдаром я дружил. В соседнем подъезде жил Альбертик, помню, как я заставил изрядно поволноваться свою маму, когда, не предупредив её, уехал с ним и его отцом куда-то на мотоцикле с люлькой. А в небольшом старом двухэтажном домике, примыкавшем к нашему дому, на втором этаже проживал ещё один дворовый друг — Рамир Самигуллин. В нашем подъезде жила Леночка Канцевич — страстная любительница кошек. Она постоянно притаскивала их в подъезд, вывешивая у входа грозные объявления типа «Серую кошечку не бить!»

Но самое любопытное происходило в соседнем дворе, от которого нас отделял дощатый забор — в одном из его домов находился вытрезвитель. И мы, детвора, прильнув к щелям в заборе, с большим интересом наблюдали, как из регулярно подъезжавших милицейских «воронков» выгружался весьма своеобразный контингент, насильно доставленный в это специфическое медучреждение.

А сразу за дворовыми воротами, выходящими на Тукаевскую, для меня распахивался целый мир! Оживлённый перекрёсток, приветствующие перезвонами трамваи восьмого маршрута. Мне ещё удалось застать старинные обветшавшие трамваи в два вагона с деревянным полом и дверями, которые открывались руками. Сейчас трамваи по Тукаевской уже не ходят.

Старо-Татарская слобода или, по-другому, Искé-Бистé — очень интересный с исторической и архитектурной точек зрения район. Испокон веку в нём селилось татарское население Казани, но вихри перемен XX века всё перемешали. Однако рай-

ону удавалось сохранять свою историческую самобытность. Многие старинные двухэтажные домики имели печное отопление, а в глубине дворики стояли дровники. Ветшающих «ветеранов», к сожалению, постепенно сносили, заменяя их новостройками. В одной из них — трёхэтажной «сталинке» с балюстрадой и полуколоннами — я и жил. Но тогда, в пору моего детства, Слобода была намного целостнее и колоритнее в архитектурном отношении, чем сейчас. Шагая по Тукаевской на прогулку в Юнусовский садик или в ныне почивший кинотеатр имени Тукая, моё внимание неизменно привлекало красивое здание с башенками, где до революции жил турецкий консул.

И конечно же, совершенно неповторимый колорит Слободе придавали старинные мечети. Рядом с роддомом № 5 на Фаткуллина, где я появился на свет Божий, стояла лёгкая, словно рвущаяся ввысь, Азимовская мечеть с красивыми цветными витражами (там «квартировала» республиканская школа киномехаников). Мимо Бурнаевской я каждый день ходил в детский садик № 66 на улице Нариманова (ныне Сары Садыковой). Ещё немного выше по Нариманова стояла Зенгер (голубая) мечеть, а недалеко от нашего дома — Апаевская. Но и они использовались тогда не по назначению.

Единственной действующей мечетью в городе была Марджани. Помню, одно лето меня водили к няне — бабе Наташе, проживавшей неподалёку, в четырёхэтажном доме жёлтого цвета на углу улиц Зайни Султана и Каюма Насыри. С её балкона открывался прекрасный вид на мечеть и её подворье. Было интересно наблюдать за неспешной жизнью храма, за спешившими на молитву старичками в тюбетейках и с палочками. Я вслушивался в таинственные завораживающие звуки молитвенных сур, которые разрешалось совсем негромко исполнять (православный колокольный звон был вообще запрещён). В доме бабы Наташи их было хорошо слышно. Она жила в их ритме: вставала с утренним намазом, а заслышав обеденную молитву, звала кушать.

В ясли меня отдали девяти месяцев от роду (во, были времена!). Няни-татарочки общались с русскими детьми по-русски, с татарскими — по-татарски. Благодаря фамилии, я считался татарчонком, поэтому, вернувшись из яслей, продолжал общаться со своими родителями по-татарски и только где-то через полчаса переходил на русский. Впрочем, лексикон маленького ребёнка не настолько сложен, чтоб родители не смогли понять своё чадо, на каком бы языке оно ни говорило, тем более, что мой папа знал немного татарских слов.

Всё это глубинным пластом откладывалось в душе, сохранившей позитивное восприятие всего татарского на всю жизнь, хотя потом судьба забросила меня за тысячи километров от Татарстана — в Сибирь. И здесь многие считают меня татаринком — да и ради Бога или, как говорилось в одном анекдоте, «ай, латна-а-а». При каждом визите в Казань я захожу в свой ныне плотно заставленный автомобилями родной дворик. С годами он сильно «уменьшился» в размерах, да и друзей-соседей там уже никого не осталось.

Далеко не каждый город может похвастаться наличием в своих границах крупного естественного водоёма, не считая рек и речек. Зато в Казани целых три озера! И все — Кабаны! Верхний, Средний и Нижний. С каждым из них у меня связано что-то личное: на Верхний Кабан в Борисково, уже проживая на Танкодроме, часто ездил купаться, на Среднем стоит зоопарк, куда я обожал ходить (сперва с родителями, потом уже со своими детьми).

Но самый родной из Кабанов — конечно же, Нижний. Его близость здорово украшает Старо-Татарскую Слободу, тем более, что жили мы в двух шагах от озера. Что

может быть лучше вечерних прогулок вдоль тихой озёрной воды! Вверх по Комсомольской (ныне Марджани) набережной до здания электростанции тёмно-синего цвета (на её месте сейчас стоит Татарский драмтеатр имени Камала) мимо завсегдатаев-рыбаков. Помню, как один из них подарил нам только что выловленную, бьющую хвостом рыбку довольно больших размеров, и как я стал умолять маму отпустить её обратно «домой». С ранней весны, как только сходил лёд, до поздней осени гладь озера бороздили спортсмены-ребцы. Их база, большой деревянный барак с дощатым причалом, находилась напротив Слободы. Там же можно было взять покататься лодку. Ну, а про зимнее использование замёрзшей поверхности Нижнего Кабана я уже упоминал.

Вновь и вновь мысленно я выхожу со своего дворика и иду вниз по Тукаевской. Вот садик напротив окон нашей коммуналки — там меня когда-то выгуливали в колясочке, рядом Клуб меховщиков. Вот трамвайная остановка «Красный восток» — вокруг неё всегда вкусно пахло пивным солодом и суслом. А вот бани, которые мы регулярно посещали. До химкомбината имени Вахитова лучше не доходить (там пахло невкусно), поэтому лучше через спортплощадку «Радиоприбора» пройти вправо на параллельную Тукаевской улицу Нариманова. Рядом с площадкой — заводской клуб, где проводились новогодние ёлки, которые я так ждал и любил. А вот и родной садик № 66! Вдыхаю, вспомнив своих детсадовских «дам сердца» — Нелечку Якупову и Гузель Загидуллину, дай Бог им здоровья! Поворачиваю вправо на Ахтямова и мимо Бурнаевской мечети домой... Булды, всё! Экскурсия в прошлое закончилась.

Ах, Слобода, Слобода!..

Пора вновь возвращаться на Танкодром.

* * *

В том же насыщенном 1972 году произошло ещё одно событие, которое имело для меня значение важное, для Форина — судьбоносное.

Гостя у Валерки, я часто слышал треньканье на пианино его младшей сестры Тани. Когда она начинала учиться музыке, её музицирование меня не вдохновляло — так, звучало фоном, пока мы с Валеркой общались. Но во втором классе из-под её пальцев уже начало звучать что-то осмысленное. Однажды я незаметно подошёл сзади и, замерев, стал с интересом наблюдать за таинством рождения какой-то нехитрой, но вполне вразумительной мелодии. Маленькие пальчики Танюши скользили по клавиатуре как будто совершенно хаотично, но музыка звучала самая настоящая. Ещё малышом, будучи в гостях, я не раз садился за пианино и с выражением, как мне казалось, хорошо «играл». Взрослые, улыбаясь, аплодировали, говорили что-то одобрительное. Однако мультим «Как Незнайка был музыкантом» вскоре развеял детские иллюзии.

Спросил Таню (меня и самого так не раз впоследствии спрашивали):

— А как ты запоминаешь, на какую клавишу и когда нужно нажимать?

Небольшой ликбез длился минут десять, закончившись предложением:

— Хочешь, я научу тебя какой-нибудь мелодии?

— Хочу!

Первым музыкальным произведением в моей жизни стала детская песенка «Птичка над моим окошком гнёздышко для деток вьёт...» Простенькая трогательная минорная мелодийка увлекла меня, и минут через двадцать я уже вполне уверенно её исполнял одним пальцем.

— А знаешь, — улыбнувшись, молвила «учительница первая моя», — тебе стоит заниматься музыкой — ты хорошо схватил.

Однако реакция Валерки была неодобрительной:

— Тебе чё, делать нечего? Пойдём лучше посмотрим фотоальбом по истории авиации.

Авиация тогда была нашим увлечением. Но «Птичка» запала в душу. Пару раз в гостях, завидев пианино, я с гордостью заявлял: «А я умею играть одну вещь на фортепиано!» Хозяева из вежливости и любопытства позволяли это продемонстрировать, после чего разочарованно вздыхали. М-да, бледно...

Но во мне набирало силу желание учиться музыке. Шла уже вторая четверть четвёртого класса, а в музыкальные школы брали только с семи-восемью лет. Выход был найден. В одном из домов на Комарова находился «Салон проката» — тогда было распространённым явлением не покупать, а брать напрокат бытовую технику, велосипеды, пианино, туристскую амуницию и прочее. При салоне работал кружок «по привитию музыкальных навыков», располагавшийся в двух комнатках со старенькими пианино, видимо, списанными из числа предлагаемых напрокат. Учиться брали всех желающих вне зависимости от возраста и наличия музыкальных способностей. Такса десять рублей в месяц — сумма по тем временам немаленькая, но вполне терпимая. Моя мама не возражала. Ещё бы, детей, добровольно стремящихся учиться музыке, было наперечёт, такое желание можно только приветствовать, но... Вздохнув, она не стала скрывать: «Я всё-таки хотела, чтобы ты занимался спортом...»

Моей первой преподавательницей музыки стала Венера Галимулловна, представительная дама средних лет. Какое музыкальное образование было у неё самой осталось невыясненным, её игры я никогда не слышал, а в «салонном» дневнике записи-наставления по каждой разучиваемой пьеске практически не отличались друг от друга. Вдобавок, на занятиях она нередко что-то почитывала или ела. Даже как-то раз жирные пятна на платье солью отчищала. Преподавали, как в музыкальной школе: дневники, зачёты, экзамены и, наконец, отчётные концерты перед родителями. И «процесс пошёл».

Я тщательно скрывал от одноклассников, что стал учиться играть на пианино — это не вязалось с образом «нормального» пацана. Тем не менее, моя мама известила об этом Зинаиду Ивановну — та пожала плечами, никак не отреагировав.

Но однажды скрываемый мною факт был обнародован. Как-то раз я плохо ответил по математике, её вела как раз Зинаида Ивановна. Успевал я хорошо, но любя «осечка» вызывала острую критику. И класс услышал очередной педагогический «перл»: «Вместо того, чтоб учить математику, ты по клавишам тренькаешь!» Я замер. Пацаны удивлённо вскинули головы.

После урока ко мне подошёл Шампунь.

— А ты чё, на пианине учишься играть, что ли?

— Да, а чё? — отвечаю.

— Ну ты, ващще, в натуре, даёшь! Ты чё?!

— Слышь, — говорю, — я тебе домашку списать дал? Дал! На контрольной помог? Помог! Чё те не канает?

— Да не, ничё! — Шампунь, презрительно ухмыльнувшись, пошёл информировать пацанов.

Но я вышел из положения, сказав им, что скоро, мол, должны класс гитары открыть, но пока учат нотной грамоте, развивают слух, знакомят с тем, как правильно играть и так далее. Одним словом, пацаны удовлетворённо отстали: на гитаре — можно.

* * *

Нас постоянно бесили вкус и представления «о прекрасном» нашей почтенной классной руководительницы. Первым делом она рассадила всех пацанов, строго придерживаясь детсадовского правила: мальчик — девочка, мальчик — девочка. Мне в соседки по парте досталась Мариночка Ковалёва — прилежная, аккуратная ученица. Впрочем, этот вариант, в отличие от соседства с Валеркой, для учёбы был, пожалуй, более полезен.

Больше всего пацанов задевало демонстративное пренебрежение Зинаиды Ивановны к успехам класса на спортивном поприще. Это сильно контрастировало с предпочтениями фанатичной болельщицы — классной руководительницы параллельного «Г»-класса Анны Ивановны Лошак, которая вела у нас географию. Любой матч принимался ею близко к сердцу.

Ежегодно в школе проводились чемпионаты. Зимой — по хоккею, весной — по футболу. Организатором и куратором этих соревнований был физрук Леонард Георгиевич Качалич. Позже, во многом благодаря его стараниям, в нашей школе появился специализированный футбольный класс.

Леонард был несколько грубоват, не сюсюкался с маменькиными сыночками и требовал спортивных результатов. Любопытно, что он пользовался большим уважением у гопников — они часто заходили к нему. Леонард их не прогонял. Со стороны это казалось странным: серьёзный мужчина, преподаватель, а якшается с хулиганьём. Но как-то раз я услышал их разговоры: Леонард ненавязчиво, с грамотным применением «бáсара» наставлял их на ум-разум. Самое интересное — они слушали физрука. Не слушались, но хотя бы слушали, что уже было немало.

Про культ футбола и хоккея я уже упоминал. Попасть в сборную класса считалось за честь. Причём турниры проводились не по мини-футболу, а на нормальном большом поле в школьном дворе, по одиннадцать игроков с каждой стороны. Матчи судили, как правило, сами физруки (вторым был Александр Иванович Кузнецов). Гораздо позже, в пору учёбы моего сына Славы, правда, не в Казани, отношение к футболу заметно ухудшилось. Славик, сам страстный футболист, даже на мини-футбольный турнир школы ребят из своего класса наскребал с огромным трудом — упрашивал, убеждал.

Капитаном и футбольной, и хоккейной команд был ещё один «авторитет» нашего класса Ринат Латыпов, по кличке Срих — он и производил отбор кандидатов в основной состав. Кандидатура Тагира Аглиуллина, понятное дело, вообще не рассматривалась. Не проходил в основу по своим игровым кондициям, увы, и Валерка. Форин — от случая к случаю, как правило, на подмену.

Моей же страстью был последний рубеж — ворота! На чемпионатах школы я всегда стремился во вратари. Невозможно описать азарт и страсть, с которыми билась пацаны за спортивную честь класса! Я не любил играть в хоккейной маске: дышалось с трудом, видимость плохая. Удобных масок тогда не продавали — так, пластмассовая штамповка на резинках. Поэтому как-то раз мне даже зуб шайбой выбили. Не беда: прибежав домой, выплюнул зуб, отполоскал кровь и... понёсся доигрывать матч.

Но места в «основе» и для меня поначалу не нашлось. В воротах уверенно обосновался Юрка Тимофеев, по кличке Макар. Помню, как я впервые пришёл на матч футбольного чемпионата школы со своим бывшим «А»-классом. Чтоб доказать свою «профпригодность», я придумал хитрость, дальновидно прихватив с собой вратарские перчатки. За «А»-шников в центре нападения, как всегда, играл Эдик Маматов. Он

куражился на славу, забивая по шесть или семь голов на любой вкус. Разгром моего нового класса был тотальным и безоговорочным. Леонард свистел и свистел, указывая на центр поля. Но даже в этой ситуации Срих не заменил в воротах Макара.

Моя же хитрость заключалась в следующем. Ворота были без сетки. Я встал за Макаром и одновременно с ним тоже прыгал за летящим в наши ворота мячом. Причём половину пропущенных им «банок» (так мы называли голы) я взял! Более того, громко, чтоб слышал Срих, стал подсказывать Макару: «Потерял ворота!», «Немного вперёд — сузь сектор!», «Не сиди, вперёд на перехват!», «Эта «свеча» — твоя, пошёл!» и так далее. Любой вратарь поймёт, о чём идёт речь. Тем более, во дворе я часто играл против Эдика и лучше знал его манеру игры. Макар сперва огрызался, грубил, мол, «отвали!», «задрал!» или, как ещё у нас выражались, «без сопливых скользко!» и тому подобное. Но потом, осознав мою правоту, стал следовать указаниям. Я же после проигранного в пух и прах матча сказал Сриху всего одну фразу: «Ну, чё? Ты, в натуре, всё понял?» Так я и оказался в воротах сборной класса, даже махача с Макаром не случилось.

Мы неизменно проигрывали «А»-классу и в футбол, и в хоккей, противостоять Маматову было невозможно — мастер, что и говорить! Однако разрывы в счёте год от года неизменно сокращались. В седьмом классе счёт в футбольном матче с нашим принципиальнейшим соперником и вовсе долго держался ничейным — 1:1 (гол у нас забил Паша́). Неужели выстоим и сотворим сенсацию?! Но нет... Под занавес игры в мои ворота (блин!) влетели две «банки», причём забитые не Маматовым — он лишь выдавал идеальные голевые передачи.

Эдик, забив гол, никогда не торжествовал: не скакал, как обезьяна, истошно не орал «го-о-ол!», не вскидывал победно руки. Он с невозмутимым видом возвращался на свою половину поля — мол, что произошло, то произошло. Впрочем, своим одноклассникам радоваться не запрещал. Я, кстати, так и остался для них хорошим раздражителем, и они старались забить мне изо всех сил. Мы же, в очередной раз продув, не забывали напоминать: «Ну, чё, блин, радуетесь-то? Да если б не Маматов...» Обычно мы занимали вторые места, обыгрывая остальные три параллельных класса.

Где-то с восьмого класса Эдика стало видно всё реже и реже — он много и упорно тренировался, собираясь перейти в спортшколу. Во дворе он и вовсе прекратил играть, поскольку в спортивном отношении перерос всех на два порядка. А «барахтаться» с нами — только риск травму получить.

И вот с волнением узнаём: на матче хоккейного первенства среди восьмых классов Маматов играть не сможет (он уезжал на какие-то соревнования)! Неужели у нас появился реальный шанс стать чемпионами?

Матч состоял из двух периодов по двадцать минут каждый. Игра началась. Без Эдика сборная «А»-класса — совершенно не то! Я стоял, как лев, мои ребята носились, как угорелые! И счёт рос в нашу пользу! Первый период закончился с разрывом в шесть или семь шайб! Это почти победа! Почти. Счастливый Шампунь, после свистка на перерыв, понёсся к моим воротам и сходу заключил меня в крепкие объятия. Прикатили все игроки — и Куцый, и Грузин, и Рэм, и Паша́, и Срих, и Орлёнок. И все меня обнимать! Я пребывал в приподнятом настроении. Если так дальше продолжится, то мы не просто выиграем, а отомстим за все обиды и поражения прошлых лет.

Перерыв завершился. Что потом случилось со мной, до сих пор не могу объяснить. Наваждение! Потому как посыпалось всё: любой точный бросок по моим воротам — гол! Бросок — гол! Бросок — гол! Наши тоже забивали, но разрыв в счёте стал неумо-

лимо сокращаться. Ё-моё! Когда же конец матча?! «А»-шники вошли в раж! До сих пор перед глазами их тройка нападения: Муртазин — Нуруллин — Масленников. Я умоляюще смотрел на них, будто просил: ну Айратик, ну Азатик, ну Витечка! Ну, не надо мне забивать! Вы же видите: со мной что-то произошло!

До конца матча времени оставалось совсем немного. Счёт сравнялся. Ладно, ничья так ничья — хрен с ней! Победный гол «А»-шников влетел в мои ворота вместе с финальным свистком. Они торжествовали. Наши перемахнули через борт, накинули на себя куртки и, не глядя в мою сторону, стали снимать коньки. Мне переобуваться не надо — я играл в огромных отцовских валенках с самодельными наколенниками, ведь ни хоккейных щитков на ноги, ни широких вратарских клюшек купить тогда было невозможно. Я подошёл к раздавленным поражением одноклассникам и, постояв минутку, вякнул что-то дежурное. Шампунь поднял на меня глаза и, чуть не плача, сказал всего одну фразу: «Из-за тебя проиграли!»

Я до сих пор переживаю тот матч! Встретив меня, Эдик велеречиво изрёк: «Ну, вот видишь, мои ребята и без меня вас «сделали!»» Крыть было нечем. Впрочем, победители всё же повели Маматову о ходе матча. О том, как по всем статьям уступили в первом периоде, о том, как неожиданно-негаданно пошла «лажа» у Муратова, хотя вначале он был почти непробиваем.

Весной педсовет школы № 90 принял решение о расформировании «А»-класса, поэтому грядущий футбольный чемпионат становился для них прощальным. К тому же, уходил из школы Маматов.

Матч между нашими классами был распisan последним: Леонард будто чувствовал, что он станет решающим. До этого мы с соперниками шли ноздря в ноздю, привычно успешно разобравшись с тремя остальными классами. Хотя нет, «А»-класс, по моему, потерял очко, сыграв с кем-то вничью. Или у нас была лучше разница забитых и пропущенных мячей, ведь все три матча «А»-шники опять играли без Маматова. Не помню, хоть убей! Помню лишь, что в том, последнем, матче нас устроила бы и ничья. Эдик заранее попросил физруков застолбить дату и не менять её, пообещав вырваться сыграть прощальный матч за родной класс.

И вот долгожданный день матча настал!

Начали, как обычно, не спеша. Маматову суетиться, играя на таком уровне, было не к лицу. Всему своё время, в том числе и победным голам. Мы же стояли насмерть. Время шло, а голов не было — ни в мои, ни в «А»-шные ворота. Но вот Паша каким-то чудом вчистую отобрал у Эдика мяч, вот Срих опередил его на перехвате, вот жёсткое игровое столкновение закончилось для Маматова обидным падением с поднятием целой тучи пыли (на таких стрёмных полях он играть уже отвык). Чувствовалось, Эдик начал нервничать. Свисток на перерыв — 0:0! Срих, помню, вскинул вверх руки — первый тайм выстояли!

Второй тайм продолжился по тому же сценарию. Эдик опять завалился, задрал ноги. Кто-то из болельщиков (а их тогда пришло немало) засмеялся и подколот его: «Ну, чё копыта-то развалил, вставай давай!» Вскоре последовали широко известные в таких ситуациях приёмы — навязчивые апелляции «звёзд» к судьям и выпрашивание пенальти. Маматов один раз что-то недовольно кинул физруку Кузнецову, судившему тот матч. Александр Иванович не выдержал и громко выдал ему, принципиально перейдя на «вы»: «Я вас выгоню с поля!»

Минуты таяли мучительно долго. Прекрасно помня зимнюю «трагедию», мы боялись даже думать о положительном для нас результате. Эдик начал орать на своих: то не так, это не так. Ну а что ты, дорогой, хотел от дворовых «чайников»? Ты же вырос с ними и знаешь их, как облупленных!

Счёт по-прежнему — 0:0. В нашу пользу. Конечно, случайный гол мог залететь в наши ворота в любой момент — многострадальная сборная России, к примеру, знает это как «Отче наш». Но я в тот день тащил всё, мяч просто-таки лип к моим рукам! Однако «дурачок» мог залететь и в их ворота — на то он и «дурачок». Маматов стал бить по нашим воротам со всей дури из любого положения, не видя более разумных игровых решений. Но прицел у него явно сбился.

Финальный свисток! Ничья, равносильная для нас победе! Ура! Мы — чемпионы! Расстроенный вконец Эдик начал агрессивно «наезжать» на Пашу и Сриха, пришлось всей нашей команде сгрудиться рядом: «Ты чё, в натуре, Пеле хренов?! Промеж ушей захотел?» Впрочем, Маматов был настоящим спортсменом и взял себя в руки, прекрасно понимая, что после драки кулаками не машут.

Однажды произошло знаковое для меня событие. Шампунь утром, как обычно, скомандовав «Быстро!», ожидал тетради для списывания домашнего задания. Я отрезал:

— Не дам!

— Чё-ё-ё?! — лицо классного авторитета вытянулось.

— А ты скажи «пожалуйста»!

Это был переломный момент. Шампунь напрягся, но, посообразав пару секунд, расслабился и миролюбиво сказал:

— Петя, дай списать «домашку», пожалуйста!

— Пожалуйста, Шамиль!

К концу восьмого класса мы и вовсе «скорешились», даже жалко было расставаться с ним. Я до сих пор в разных жизненных ситуациях использую его незабываемые выражения и «афоризмы».

* * *

Потом Эдика и вовсе не стало видно. Тренировки, игры, сборы. Его вождельной целью была главная команда города — «Рубин». Почему он оказался там на месте вратаря, непонятно. По моим представлениям, Маматов был прирождённым бомбардиром — центральным нападающим. Но, видимо, у руководства клуба на этот счёт имелись свои резоны.

«Рубин» в те времена был городской командой. Никаких легионеров, все игроки жили в Казани, тут же тренировались, на зимние сборы выезжали, максимум, в Сочи. В 1971 году, к нашему великому разочарованию, из «Рубина» в киевское «Динамо» перешёл кумир казанских пацанов Виктор Колотов. Мы, помню, всё твердили обиженно: «Предатель! Предатель!» Но, конечно же, он никогда бы не вошёл в историю советского футбола, останься тогда в «Рубине» — завсегдаеае второй лиги чемпионата СССР.

Но болеть за «Рубин» мы не перестали. Отец мой ходил на стадион, когда «Рубин» именовался ещё «Искрой». Он часто вспоминал звезду команды той поры Тетерина, которого болельщики звали Тетёра. Папа привил мне любовь и к футболу, и к «Рубину». Помню, как он уводил меня в уголок и заговорщически шептал: «Скажи маме, что ты хочешь на футбол, сегодня «Рубин» играет!» Мама, хоть и была спортсменкой, футбол не жаловала, отказывая этому виду в праве именоваться спортом вообще. Она не раз недовольно пеняла отцу: «Кто приучил ребёнка к этому дерьму?!» Впрочем, на матч «Рубина» нас отпускала. Иногда мы брали с собой за компанию и Валерку с Фоорином.

«Рубин»! «Рубинчик»... Любимая команда моего детства. Как я чуть не плакал, когда в 1973 году свердловский «Уралмаш» из-под носа увёл путёвку в первую лигу,

хотя почти весь сезон тогда «Рубин» шёл на первом месте в своей группе (группы второй лиги формировались по территориальному принципу)! А последний матч с балаковским «Кордом» казанцы, будучи, видимо, раздавленными не хуже нашего после проигрыша в хоккее «А»-классу, и вовсе сдали. Хотя теоретические шансы оставались, статья в газете «Комсомолец Татарии» накануне матча так и называлась — «Минимальные шансы на чудо». Никогда не забуду: Центральный стадион, хмурый вечер поздней осени, низкие свинцовые тучи, густой снегопад, 0:3 — и... ощущение почти полного апокалипсиса...

Зато как я был счастлив, когда на следующий год «Рубин» героически пробился в первую лигу! Впрочем, в группе «Рубин» вновь занял только второе место, первенствовал в ней грозненский «Терек». Но в тот год чеченцы в первую лигу так и не попали, не пройдя сквозь дальнейшее отборочное сито (такого сложно организованного дополнительного турнира я больше не припомню). А первое место в лиге, в итоге, взяла фрунзенская «Алга».

Я много лет хранил номер газеты «Комсомолец Татарии» со статьёй-передовицей «Мы в первой лиге!». В сотый раз перечитывал такие родные имена футболистов: Анатолий Яшин, Александр Иванов, Юрий Ибраев, Ильгизар Гайнутдинов, Геннадий Климанов, Кадыров (имя не помню), Ринат Камалетдинов... Но настоящим любимцем казанской «горсиды» той поры был Мурат Задикашвили, его называли Задик, — небольшого роста, юркий, лысенький грузинчик, он всегда бился и цеплялся за мяч до последнего. Именно ему удалось забить юбилейные 500-й и 600-й голы «Рубина». Позже, уже в университете, я учился на одной кафедре со Светой Егоровой, дочкой главного тренера Юрия Маркова — именно он вывел тогда «Рубин» в первую лигу. От всей души попросил её передать отцу большой привет, подчеркнув: «Я помню!»

Казанский хоккейный клуб со сложным названием «СК (спортивный клуб) имени Урицкого», будущий «Ак Барс», тоже обитал во второй лиге чемпионата СССР. Меня часто умиляли подобные посконные «совковые» названия, ведь даже скандировать имя любимой команды, в отличие от «Рубина», на матче было невозможно. Болельщики произносили проще: «Скаурицкий». Но в СССР были команды, не считая всевозможных названий-аббревиатур, имевшие имена и похлеще: ещё один казанский «Спортивный клуб имени Воровского» (в простонародье «Скаворовский»), баксанская «Автозапчасть», рязанский «Станкостроитель» или (не падать!) красноярский «Экскаватортяжстрой» (регби).

Как-то летом, отдыхая в Марийке на турбазе озера Яльчик, мои родители пересеклись с хоккеистами «Скаурицкого» (во, были времена!) — у них там проводился то ли сбор, то ли совместный отпуск. Они, познакомившись с некоторыми игроками, попросили команду расписаться на открытке, а вратарь Гуляев вообще написал для меня, своего коллеги, отдельное приветствие с пожеланиями. Помню, как я хвастался в классе, гордо демонстрируя автографы казанских хоккейных звёзд той поры Столбуна, Елистратова. Маслова, Рахматуллина.

* * *

Футбол и хоккей — это не все наши с Валеркой и Форином увлечения. Мы страстно любили авиацию. У моего отца имелась кое-какая популярная литература на эту тему. А Валеркиным сокровищем был внушительных размеров «гэдээровский» фотоальбом по истории авиации. Мы не только перерисовывали и обсуждали нравившиеся нам самолёты, но и разрабатывали собственные «конструкции» авиатехники.

Никогда не забуду нашу с Валеркой гордость — многоцелевой универсальный военно-гражданский шестимоторный самолёт «Муде-1» («Муратов-Денисов первый»). Мой папа внимательно ознакомился с новейшей разработкой отечественного «авиапрома», терпеливо выслушал предполагаемые ТТХ (тактико-технические характеристики), одобрил, в целом, «новаторские» подходы и конструктивные решения, но настоятельно посоветовал сменить название.

Мы настолько разбирались в авиации, что могли по звуку в небе безошибочно определить марку летящего самолёта. Тогда небесные просторы страны бороздили самолёты исключительно отечественного производства (чехословацкие «Л-410» — не в счёт). Да и по дорогам колесили только наши, в крайнем случае, СЭВовские авто.

Валерка в технике соображал больше, чем я. Помню, как он из ватного стёганого одеяла смастерил классные хоккейные щитки на ноги, правда, потом огрёл по полной от родителей. Или как они в квартире Форина запускали ракету. Начинка летательного аппарата была довольно сложной, на основе магния, тем не менее, ракета поднялась в воздух. Хорошо, что наблюдение за стартом (как и полагается) происходило из-за укрытия, потому что на второй или третьей секунде полёта произошёл взрыв — даже загорелся угол шкафа. К счастью, последствия нештатной аварийной ситуации удалось быстро устранить.

В пятом классе Валерка с Форином «заболели» радиолюбительством: ковырялись в схемах, паяли, собирали какие-то приёмники. Мой отец несколько раз с ними позанимался (я к радиотехнике был равнодушен). Валерка потом часто интересовался у меня: «А когда дядя Юра с нами ещё раз позанимается?»

Но самым серьёзным Валеркиным «творением» был самострел, стрелявший мелкокалиберными патронами. Его даже, по-моему, опробовали на голубях. Валерка часто выходил гулять с нами, держа обрез за поясом. У него аж выражение лица менялось (дело было в шестом классе). Валеркины родители об этом не знали, и сейчас я отчётливо осознаю, насколько опасным было ношение такого оружия, и не только из-за вероятности самопроизвольного выстрела.

В доверие к Валерке тогда втёрся сосед Хабиб, тип коварный и подлый, на пару лет старше нас. Прознав про самострел, рассказал гопникам. Гуляем как-то, к Денисову подошли Хабиб с дружкой: «А теперь быстро отдай то, что у тебя на животе!» Валерка мгновенно оценил ситуацию и бросился наутёк. Гляжу, наперерез ему — человек пять. Валерку обложили, как волка, со всех сторон. Денисов метнулся к дому, но далеко уйти ему не дали. Когда мы с Форином подбежали, он уже сидел на земле, плакал, привалившись к стене дома и держась руками за живот. К счастью, он успел незаметно выбросить обрез в подвальное вентиляционное окно в стене. А вероломный Хабиб стоял над ним и, загибая пальцы, цинично перечислял статьи уголовного кодекса, под которые неминуемо попадёт Валерка, если завтра же не принесёт им своё самодельное оружие. Кстати, мерзкий Хабиб — пример гопника из благополучной с виду семьи. Слава Богу, никаких последствий эта опасная и крайне неприятная история не имела. Больше попыток изготовить нечто подобное Валерка благоразумно не предпринимал.

Форин по складу и интересам находился где-то посередине между мной, гумани- тарием, и Денисовым, технарём до мозга костей. Я не сомневаюсь, что имя Валерки в будущем прогремело бы непременно. Форин тоже был толковым пацаном, но несколько несобранным и неорганизованным. Мог найти сложнейшее решение, а мог не увидеть очевидного. Мог получить на одном уроке пятёрку, а на следующем — двойку. Учился, в целом, неплохо, но крайне нестабильно.

Как-то в седьмом классе мы писали сложнейшую министерскую контрольную работу по физике. Все одноклассники, включая отличниц, получили тройки и двойки, ни одной четвёрки. И как бельмо в глазу класса — две пятёрки, у меня и у Форина (я списал у него). Однако никто ни единой секунды не сомневался в обратном: Хакимуллин «скатал» у Муратова. Начались «наезды» на Форина — его пятёрка была расценена классом не только незаслуженной, но и вызывающей отметкой. «Это Муратов у меня содрал!» — краснея от негодования, кричал Форин. Я молчал. «Петька, ну скажи им!» — я продолжал молчать. Мой авторитет был настолько высоким, что даже говорить ничего не требовалось. Ну, не гад ли я, а? Фархад до сих пор не может этого забыть. Поэтому почти через сорок лет заявляю всем: ЭТО Я ТОГДА СПИСАЛ У ФОРИНА! Прости, друг!

Мы с Валеркой старались перетянуть Форина каждый на свою сторону интересов. Валерка был равнодушен к музыке и музицированию и не так «сдвинут» на футболе. А я не тяготел к технике (легендарный «Муде-1» не в счёт), даже в авиации меня больше интересовала история, а не устройство самолётов. Постоянно ссорились на уроках труда (наши верстаки и в столярке, и в слесарке находились рядом). Когда я однажды обиделся, Денисов объяснил просто: «А потому что делать ничего не умеешь!» Раньше уроки труда были организованы более основательно и серьёзно, чем сейчас, а наш трудовик, Юрий Алексеевич Никитин, слыл настоящим энтузиастом своего дела. Без сомнения, руки у Валерки росли из «нужного места» в отличие от меня. Хотя и я увлечённо собирал и склеивал популярные в то время «гэдээровские» модельки самолётов.

В пять лет Форин уже учился играть на скрипке у одного студента консерватории, а в семь лет поступил в музыкальную школу на класс фортепиано. Но, к сожалению, его хватило только до третьего класса, после чего учиться музыке он решительно отказался. Таисс Мухтаровна очень переживала, поскольку хорошие музыкальные способности у него имелись. Она часто приводила меня в пример, видя моё влечение к музыке, — Форин лишь отмахивался. Кстати, Фания-апа, мать Эльвирки, узнав от Таисс Мухтаровны о том, что я учусь играть на фортепиано, всё равно не изменила ко мне своего отношения, хотя, согласитесь, музицирующий на рояле гопник — нонсенс. И вплоть до старших классов продолжала безуспешно долдонить Форина о вредности дружбы со мной, но я старался ей больше не грубить.

* * *

Моё «салонное» обучение успешно продолжалось. Кстати, люди всегда весело реагировали, когда на вопрос «где учишься музыке», следовал ответ «в салоне» — настолько изысканно, по-французски это звучало.

К концу пятого класса Венера Галимулловна собралась в декретный отпуск. Вскоре мы простились и, как оказалось, навсегда. Её подменила учительница музыкальной школы (салон проката нанял, чтоб не терять деньги учащихся). В конце учебного года втайне от «салона» она известила родителей наиболее способных учеников о том, что на базе музшколы № 5, что на улице Шаляпина, открывается вечерняя № 18, подчеркнув: «Делать вашим детям в «салоне» больше нечего!»

Эту школу организовали специально для тех детей, которые созрели для музыки позже семи-восьми лет. И таких набралось предостаточно — конкурс насчитывал по три человека на место. Рекламу вечерней музыкальной школе сменщица Венеры Галимулловны (забыл её имя) дала не из меркантильных соображений, а из «любви к искусству», поскольку сама в ней не работала.

Конкурс я выдержал. Но попал не на отделение фортепиано, а в хор. То ли баллов не добрал, то ли блата не хватило, не помню. Но я особо не переживал. Основой постановки техники у пианистов были гаммы, гаммы и ещё раз гаммы, которые я ненавидел. Тогда как по предмету «общее фортепиано», которое шло у всех «непианистов» раз в неделю, их долбёжка не требовалась. Стоимость обучения возросла почти вдвое — до восемнадцати рублей в месяц, кусалось! В программу начального образования входили также сольфеджио и музыкальная литература.

Чуть позже наш хор получил название «Улыбка». Петь я всегда любил, но не в хоре. Эти нудные распевки: тонический аккорд и девять нот «а-а-а-а...» вверх-вниз, снова аккорд тоном выше и опять «аканье», «оканье»... Во-вторых, в «Улыбке» почти одни девчонки, нас, мальчишек, было всего двое. Это сильно угнетало (не дай Бог, пацаны узнают!).

В-третьих, через полгода у меня начал ломаться голос, поэтому ни в одном концерте выступить не удалось. Но и из-за этого я тоже не переживал. Дело в том, что через пару-тройку месяцев после начала учёбы всему хору пошили концертную униформу — блузочки-юбочки, жилетки-брючки в клеточку. Не спорю, смотрелось хорошо, но меня буквально напоявал «выкашивала» одна деталька: на груди у каждого должно было красоваться большое кружевное жабо и брошка с красной стекляшкой посередине.

Мой напарник по хору Юрка Андреев был из местных, «павлюхинских», о чём он с гордостью и поведал, картинно циркнув слюной сквозь зубы. Юрка постоянно хвастался, что всех блатных знает, что они, «если чё», за него «урюют» любого. И вот как-то концерт, в котором я не участвовал. Глядь, Юрик в костюмчике с жабо! Ну, ничего не скажешь — крас-с-сава! Я подошёл, заботливо разглядел на его груди жабо, поправил брошку и, хлопнув по плечу, сказал: «Во! А после концерта прогуляйся в таком виде по Павлюхина или Хади Такташа, чтоб твои блатные увидели, — они, в натуре, твой прикид заценят!» Юрка затравленно глянул на меня и, ничего не ответив, пошёл на сцену к «Улыбке». Порадовало одно — на том концерте жабо с брошкой на нём не было.

И в-четвёртых... Молодая преподавательница по фоно — Елена Степановна. На первом же занятии мне было безапелляционно заявлено, что играю я совершенно неправильно, и меня нужно переучивать. Но ведь почти за два года в салоне проката под чутким «началом» незабвенной Венеры Галимулловны я чему-то выучился и кое-что уже вполне прилично исполнял! А тут опять к азам: «Как под горкой, под горой торговал старик золой...» или «В поле на пригорке заюшка сидит...»? Кто учился по классическому сборнику «Школа игры на фортепиано» под редакцией Николаева, меня прекрасно поймёт. В общем, «на колу мочало, начинай сначала».

Этот довольно распространённый типаж — преподавательница музыкальной школы по фортепиано — требует небольшого отступления. Все они, «училки по фоно», были неуловимо похожи друг на друга: одинаковыми выражениями лица, предпочтениями в одежде, манерой разговора. Наблюдая за ними, я воочию представлял их за пианино. Сперва маленькими прилежными девочками с большими бантами на голове. Прямо видел, как они, исполнив пьеску, изящно снимают ручки с клавиатуры и, опуская по дуге, аккуратно кладут их на колени. А вот юные пианистки — уже учащиеся музыкального училища. «Хорошо темперированный клавир» Баха, сонаты Бетховена, этюды Шопена. И вот, наконец, они — студентки консерватории, видевшие себя в мечтах концертирующими на большой сцене. Длинные классические роскошные платья, зрительские овации, восторженные поклонники, букеты цветов... Но... в подавляющем большинстве случаев всё заканчивалось унылой прозой жизни:

скромной комнаткой класса банальной музыкальной школы и расстроенным пошарпанным пианино. Рядом сидит мелкий страдалец (или страдалица), который, пыхтя от усердия, неумело двигает пальчиками, пытаясь исполнить «Старинную французскую песенку» Чайковского. А за дверью, в коридоре на стульчике в ожидании конца занятия сидит кто-то из родителей, только что отконвоировавший своё чадо на встречу с прекрасным.

Я, конечно, немного утрирую, но именно этим объясняю для себя некоторую истеричность доброй половины учительниц фортепиано. Сколько способных ребятшек бросили занятия, попутно возненавидев из-за них инструмент! Сколько выпускников музыкальных школ ни разу в жизни больше не садились за клавиатуру! С возрастом «училки по фоно», несостоявшиеся знаменитости, как правило, мудрели, успокаивались, примиряясь с долей...

Не являлась исключением и Елена Степановна. У меня до сих пор в ушах стоят её истерические взвизгивания: «Яблоко! Яблоко в руке!», «Ну как ты кладёшь лапу?!» или «Ты что, плохо видишь? Сходи к врачу!» Как я тосковал по родной Венере Галимулловне, принимающей пищу (воистину, порой лучше жевать, чем говорить!) или сладко дремлющей на солнышке! И в целом мире не было человека счастливее меня, когда по какой-либо причине урок фоно срывался!

Удивительно, но факт: мне ни разу не встречались учителя фортепиано мужского пола. Других инструментов — сколько угодно, но только не фортепиано. В нашей музыкалке это были хоровики Фарсин и Фраучи, скрипачи отец и сын Макухо, Кульчак, виолончелист и композитор Лоренс Блинов. Про преподавателей-духовиков и вовсе не упоминаю — почти одни мужики. Почему так происходило, почему исполнителей-пианистов мужского пола хватало всегда, но никто не шёл в учителя фоно? Не могу ответить.

* * *

Уж не знаю, насколько бы меня хватило, и когда бы я, подобно Фोरину, бросил музыкалку к чёртовой матери (правда, в салон проката не вернулся бы точно). Но не сделать этого вновь помог Его Величество Случай.

Гордостью базовой дневной музыкальной школы № 5, на территории которой «квартировала» наша вечерняя, было наличие классов преподавания почти всех инструментов симфонического оркестра. И, безусловно, главная «фишка» школы — единственный в те годы во всём Поволжье детский симфонический оркестр с почти полным инструментальным составом. Кроме этого, в стенах музыкалки творили искусство домровый оркестр, ансамбли скрипачей и баянистов, несколько хоров. Солидно, не правда ли? Таисс Мухтаровна преподавала там фоно и музыкальную литературу. Директором пятой школы работал Фарид Юнусович Фарсин, представительный поджарый мужчина средних лет с длинными седоватыми волосами.

Многие учащиеся занимались в духовом оркестре, но он был приписан к ДК (дому культуры) имени Кирова на Павлюхина (где ныне Татарская государственная филармония имени Тукая). Там же духовой оркестр проводил репетиции, руководил которыми настоящий энтузиаст своего дела Александр Алексеевич Поляков, почтенного возраста ветеран войны.

Как-то вечером, едва дождавшись окончания хоровой тягомотины, я сломя голову понёсся к актовому залу, где шла репетиция оркестра. Подошёл сзади, со стороны открытой двери, ведущей к выходу на сцену, и... застыл, зачарованно глядя на необычное действие. Репетицию вёл руководитель оркестра, преподаватель скрипки

Владимир Алексеевич Макухо. Он, возвышаясь над оркестром, то громко пел, видимо, показывая кому-то, как правильно исполнять партию, то шутил, то смеялся, то подстраивал кому-то скрипку. Одним словом, творил! От него шла мощная энергетика, усиливаемая консонансом прекрасной музыки. И юные оркестранты — точно такие же ребяташки, как и я. А репетировал оркестр марш Сайдашева.

Маэстро Сайдашев, пожалуй, первый профессиональный музыкант и композитор Татарстана, основоположник татарской классической музыки. Свой знаменитый марш он сочинил к годовщине создания Красной Армии.

По преданию, после исполнения марша нарком обороны Клим Ворошилов, «первый красный офицер», вручил Салиху Сайдашеву свои золотые часы, настолько был впечатлён произведением. Со временем «Марш Красной Армии» стал именоваться просто маршем Сайдашева и превратился в главный марш республики. Для Татарстана он то же самое, что и марш «Прощание славянки» Василия Агапкина для России. Марш Сайдашева всегда звучит на торжественных мероприятиях, под его исполнение отправляется и прибывает фирменный поезд «Татарстан» сообщением Казань-Москва. Да и просто это замечательное музыкальное произведение.

С маршем Сайдашева в нашей семье связаны личные воспоминания. Когда мои родители расписывались в ЗАГСе, что находились тогда на пересечении улиц Чернышевского и Ленина (ныне Кремлёвская), «церемониймейстер» бракосочетаний, как обычно, включал брачующимся парам музыку. Русским — «Свадебный марш» Мендельсона, татарским — марш Сайдашева (определялось это по фамилиям, а не по национальностям вступающих в брак). Глянув на фамилию моих будущих родителей, он врубил марш Сайдашева! Молодые немного смутились, думая, что и поздравления будут на татарском, который моя мама не понимала совсем. Однако процесс официальной регистрации брака прошёл на русском, лишь фоном продолжал звучать Сайдашев.

Ни одна замужняя женщина никогда в жизни не забывает тот абсолютный позитив, ощущение полного счастья и безграничной радости, которые молодой взволнованной невестой с колотящимся сердцем однажды почувствовала в ЗАГСе. Белое платье, фата, свадебные кольца, цветы — всё это неотъемлемые составляющие всеобщего женского культа. Чувства неописуемого восторга и сладостного волнения навсегда остаются в человеке. И как однажды, смущённо улыбнувшись, поведала мне мама: «ты тогда уже всё чувствовал». Может быть, поэтому через её кровь я и впитал особую любовь к маршу Сайдашева?

Но, стоя за сценой актового зала, я не сводил заворожённого взгляда с оркестра и его руководителя. Это была Музыка! Особенно мне нравилась средняя часть марша — «трио», где медно-духовые, ведущие тему, чередовались с деревянно-духовыми, дававшими её разработку, под чеканный ритм ударных инструментов.

Всё! Хор «Улыбка» мгновенно прекратил для меня своё существование. Но как, каким образом можно попасть в оркестр? Где и на чём нужно срочно начинать учиться играть, чтоб сделать это возможным?

На день моего тринадцатилетия (1975 год) друзья родителей тётя Нина и дядя Толя Тульчинские подарили комплект из двух пластинок с музыкой балета Чайковского «Щелкунчик». Вскоре я почти ничего больше не слушал, представляя, как звучали бы в исполнении оркестра Макухо Вальс цветов или Адажио.

Хорошо продвигались дела на футбольной «ниве». Киевское «Динамо» с нашим земляком Виктором Колотовым впервые в истории советского футбола взяло Кубок кубков и Суперкубок УЕФА. Потому и Казань была сопричастна к этому знаменательному успеху — мы в этом не сомневались! С того момента я стал ещё и страстным

болельщиком киевлян в высшей лиге. К слову, мне сейчас порой не верится, что я болел за украинскую команду, как за родную.

А любимый «Рубинчик», кисло-сладко стартовав, потом всё же закрепился в середине турнирной таблицы первой лиги, что для начала было совсем неплохо. Первенство-вавшая годом раньше во второй лиге киргизская «Алга», кстати, в том же году вылетела из первой лиги обратно во вторую.

На два первых домашних матча того сезона мы с папой ходили. Билетов было не достать, стадион — битком, даже в проходах на бетонных ступеньках сидели. Сперва «Рубин» дёрнул со счётом 2:1 алма-атинский «Кайрат», только что вылетевший из высшей лиги, а через несколько дней ту же «Алгу» — 1:0. И если два гола «Кайрату» наши забили в начале матча (оба — Байгузов), а потом героически отбивались, изо всех сил «засушивая» игру (как это созвучно нынешней тактике «Рубина» в важных матчах!), то «Алгу» наоборот «душили» весь матч. Но забить никак не получалось. И только за семь минут до конца игры Геннадий Климанов, к великой радости казанских болельщиков, головой забил победный гол — ох, и наорался я тогда!

В начале июня мы, троица неразлучных друзей, прощались, разъезжаясь на летние каникулы. Я отбывал на всё лето к бабушке в Пятигорск, Форин — на дачу к тётке Земфире в Матюшино, а Валерка — в пионерский лагерь под Казанью. Поймав по «крабу», мы сказали друг другу: «До встречи!»

Но, как оказалось, я видел своего друга Валеру Денисова в последний раз...

* * *

Как долго пришлось настраиваться, прежде чем продолжить повествование. Не хочется беречь душевную рану...

Всё произошло обескураживающе буднично и до слёз примитивно... Валера играл в пионерлагере в футбол и наступил на ржавый гвоздь. Никому ничего не сказал, рану не обработал. Через день нога распухла. Медсестра лагеря, бегло осмотрев, поставила «диагноз»: ничего страшного, растяжение, перевяжите — пройдёт. В результате, было упущено драгоценное, жизненно важное время. Дотянули, гады, пока не поднялась температура, а по ноге не стала растекаться зловещая одутловатая краснота. Сепсис, заражение крови. Срочно в реанимацию, но было поздно. 22 июня 75-го года моего любимого друга, весельчака и балагура, фантазёра и изобретателя Валерочки Денисова не стало.

Мои родители помогали Денисовым, чем могли, и в недолгом лечении, и в похоронах, восприняв безутешное горе, как своё собственное. Дня за два до смерти Валеры моя мама навестила его в больнице. Он всё реже приходил в сознание, но при ней на минутку очнулся и, обведя помутневшим взглядом палату, слабо выдохнул: «Тётя Люся? Какой же я позорник, что до сих пор ещё здесь!» После чего, не выпуская её руки, стал быстро говорить что-то несвязное, вновь погружаясь в горячечный бред. Мама как-то призналась, что долго не могла спокойно подходить к нашему классу в школе — душили слёзы: казалось, что Валерка, как всегда первым из класса, радостно подскочит к ней: «Здравствуйте, тётя Люся!!!»

Зинаида Ивановна известила всех одноклассников, кто оставался в Казани. Форин, узнав о смерти друга, убежал на травянистый высокий берег Волги и целый день созерцал реку и небо. Но ехать на похороны Валерки побоялся — детская психика не пустила: он всё испытывал какую-то непонятную вину перед его несчастными родителями. В последний путь Валерку провожал духовой оркестр танкового училища.

Будущие офицеры по просьбе Алевтины Михайловны сдавали для него кровь и, конечно же, переживали за пацана.

Упокоился Валера на Арском кладбище. Вскоре над его могилкой встал на вечный рейд кораблик с парусами — памятник белого цвета, как символ детских грёз, фантазий и мечтаний о далёких путешествиях. С той поры я не могу спокойно слышать детскую песенку «Белые кораблики, белые кораблики по небу плывут...»

Я в то время гостил у бабушки в Пятигорске. Родители часто писали по два письма — для меня и для бабушки, вкладывая их в один конверт. В одном конверте пришло и письмо с известием о том, что Валера попал в больницу. Потом письма стали приходить через день, но только для бабушки, тоже хорошо знавшей Валеру, — после их прочтения она каждый раз становилась всё мрачнее и мрачнее.

И вот недели на две письма вовсе прекратились. Во время этого перерыва бабушка каждый день пыталась вести со мной пространные разговоры о том, что медицина не всесильна. Но я отмахивался, мол, что ты, Валерку спасут. Не могут не спасти! Позже выяснилось, что бабушка пыталась подготовить меня к худшему. Но детская психика решительно сопротивлялась самой мысли о смерти. И только через месяц после его кончины она наконец-то сообщила мне страшную весть открытым текстом. Впервые в жизни я остро почувствовал, что означает выражение «сжалось сердце», меня застряло, из глаз посыпались слёзы. Наверное, с месяц Валерка нился мне каждую ночь.

До сих пор досадно осознавать, что за смерть друга фактически никто не ответил. Ну, уволили ту медсестру, ну, сняли с должности директора пионерлагеря. И только. Даже уголовного дела не заводили. То есть, настоящей ответственности за преступную халатность и служебное преступление не понёс никто. И самое противное — всё шито-крыто. В Стране Советов зачастую не только «не было секса», но не было и смерти детей из-за головоотяпства взрослых. Вот если бы Валерка был сыном секретаря райкома... Но он был сыном простых скромных служащих. Алевтина Михайловна написала письмо в райком, но оттуда ей вежливо ответили, что не стоит «гнать волну», дескать, несчастный случай (не более того!) исключить невозможно, а потому... В те времена не было обыкновения «звонить в колокола», поднимать общественность и тому подобное. Представляю, какую бы сейчас шумиху подняли СМИ, как минимум, на местном уровне. Но тогда... Погоревали-погоревали родители, родственники и друзья — и как будто бы и не жил никогда мальчишка. Навсегда уплыл в небо на «белом кораблике»...

Вновь встретившись с Фоорином перед самым началом нового седьмого учебного года, мы растерянно улыбались друг другу и молчали, пытаясь осознать, что наше некогда неразлучное трио, осиротев без Валеры, превратилось в дуэт. Словно где-то в далёкой галактике около двойного светила возникла бездонная чёрная дыра. Валерка ушёл, а его дух остался витать между нами...

К чести родителей Валеры, они, несмотря на свой весьма немолодой возраст, нашли в себе силы и мужество не заикливаться на горе и быстро зачать новую жизнь. Встречаясь с Алевтиной Михайловной, я, поздоровавшись, сразу же смотрел на её всё увеличивавшийся в размерах животик. Смотрел и ловил себя на одной мысли: а вдруг мальчик? Которого, может быть, тоже назовут Валерием...

* * *

Оставляю на некоторое время переживающих далеко не детское горе двух друзей Петю и Фархада и попробую повспоминать тогдашнюю жизнь. Содержание этой ча-

сти напрямую с сюжетом не связано, поэтому читатель может её пропустить. Но разве можно забыть свою Родину — Советский Союз? Чувствую горячее желание подняться над простым изложением фактов и порассуждать, между мной нынешним и мной тогдашним — почти сорок лет.

Жизнь была непроста. Жили очень скромно и, как правило, от зарплаты до зарплаты. Обстановка жилищ подавляющего числа советских людей была стандартна и довольно убога. Мне возразят: самое необходимое у людей в наличии было! Но вспоминаю, как Валерка с Танькой оставляли друг другу ключ от квартиры под ковриком перед входной дверью на лестничной клетке подъезда. Бросили, поправили ногой и побежали. Показательно? Квартирных краж совершалось существенно меньше, чем сейчас, хотя войти в любой подъезд можно было совершенно свободно. Конечно, воры-домушники «работали» во все времена, но они, видимо, знали куда стоит лезть.

Кому сейчас придёт в голову хвастаться тем, что купил цветной телевизор или холодильник? Купил да купил. Обыденность. Но тогда их приобретение по значимости было сопоставимо, пожалуй, с покупкой автомобиля сегодня. Правда, ВАЗ «Жигули» — заветная мечта советского человека — сейчас не в счёт. Но тогда! Бытовало шутивное замечание: «Чего не здороваешься, машину, что ли, купил?» А популярное выражение «автомобиль — не роскошь, а средство передвижения» воспринималось с улыбкой, философски. Знаете ли, кому как.

Моему отцу удалось удачно поработать от «Радиоприбора» в Ираке, «в загранке», как тогда выражались, — он был прекрасным специалистом по авиационному радионавигационному оборудованию. В 77-м там только что пришёл к власти молодой амбициозный Саддам Хусейн, и страна была на подъёме (мои родители чуть не плакали, когда в 2006 году по телевизору показывали казнь бедного иракского лидера). Главным итогом заграникомандировки стала новенькая «Волга» ГАЗ-24, купленная по льготной очереди для специалистов, поработавших за рубежом, — иракцы оплачивали труд наших спецов в фунтах стерлингов.

И вот, в самом конце 78-го года, отец пригнал «Волжаночку» из Москвы. Это было Событие, равнозначное нынешнему приобретению, наверное, «Бентли» или «Майбах». «Роскошь»! Опасаясь нездоровой реакции соседей, мы долгое время вообще не решались подъезжать на «Волге» к своему дому. Папа настолько её берег, что почти не пользовался. Когда через 27 лет он продавал ставшую старенькой «Волгу», в ней ещё пахло новым салоном, а спидометр показывал пробег всего лишь в 30 тысяч километров (да и то почти треть из них накатал я), то есть, машина, фактически, успела пройти обкатку.

Такого отношения к автомобилю сейчас уже не встретишь, каким бы дорогим он ни был, — машина, наконец-то, превратилась в средство передвижения. Ведь и «Бентли», и «Майбах» заменить при желании на другое авто сейчас не проблема. Но в те времена понятия «поменять автомобиль» не существовало. «Железный конь», впрочем, как и квартира (а в абсолютном большинстве случаев и жена!) — в единственном числе и на всю жизнь.

Иметь на руках валюту не разрешалось, продать или купить кому-то за рубли запрещалось — на этот «случай» имелась статья в уголовном кодексе. Её можно было лишь обменять в банке по официально установленному курсу (70 копеек за один доллар) на чеки Внешпосылторга, которые отоваривались в рублёвом эквиваленте в специальных магазинах «Берёзка» (не путать с валютными магазинами для иностранцев!). Там предлагался различный дефицитный товар или, с лёгкой подачи Аркадия

Райкина, «диффсыт», недоступный за рубли. За них, родимых, «деревянных», «диффсыт» можно было взять только «по блату», а «с рук» или «из-под полы» — в два, в три раза дороже. Казань «Берёзок» не имела, в Москве же к ним бывало трудно подойти из-за толпы грузин, скупавших чеки по курсу — один номинал за два рубля. На барахолке у тех же грузин, фарцовщиков или цыган тоже можно было купить вожделенный «диффсыт», но с учётом их немалого «гешефта». И то держи ухо востро, чтобы не «впиндюрили» неликвид.

В молодёжной среде настоящей культовой вещью были фирменные джинсы. Отец купил мне в «Берёзке» «Милтонс» и «Ранчер». Я страшно ими гордился. Но самой крутой, как тогда выражались, джинсой считались штаны «Вранглер», хотя правильно произносить «рэнглер». Они (по сути, тряпка!) стоили на барахолке две средние зарплаты советского человека. Вспомнился и популярный в те годы слоган: «кто носит фирму «Адидас», тому любая баба даст!»

«Диффсыту» неизменно сопутствовала очередь. Вспоминая её, на ум приходит эпиграф из «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева: «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайл!», правда, адресовано это почти двести лет назад было не очереди. Но как точно! Всегда и везде одно и то же: «вы здесь не стояли!», «куда без очереди полез!», «ну и что ж, что ветеран!» или «больше одного килограмма (одной пары, двух штук, трёх рулонов и так далее) в одни руки не давать!» Воспетое официальной пропагандой «чувство локтя советских людей» не доставляло удовольствия, если ты ощущал чувство этого же самого локтя... в бок. Но вот, как сухой шелчок бича, звучал из уст продавца не подлежащий обжалованию приговор очереди: «вон за той женщиной больше не занимать!» И как-то сразу «чудище» обмякало, сдувалось, стихало, чтоб через несколько секунд вновь мобилизоваться с утроенной энергией.

Торгашей одновременно ненавидели и заискивали перед ними, ценили знакомства в торговой среде и радовались, когда кого-то из них сажали. Вся нелюбовь и презрение к торгошам воплотились в образе незабвенного персонажа директора рынка из рязановской кинокомедии «Гараж», вышедшей на экраны в 79-м году. Помню, моему Славику было лет девять или десять, когда он подсел ко мне, — я в очередной раз пересматривал эту комедию. И как-то незаметно для себя сын попал под обаяние этого нестаряющего фильма, тем более, что некоторые актёры ему были знакомы по другим картинам. И вдруг он задал вопрос, по-детски простой и достаточно сложный одновременно: «Папа, а почему директорше рынка нужно непременно построить гараж? Если она такая богатая, почему его попросту не купить?» Мне пришлось потрудиться, чтоб доступно ответить Славику. Ведь купить гараж тогда было практически невозможно — он, слушая, недоуменно хлопал глазёнками, пытаясь понять, как такое могло быть?

Блатной считалась, например, работа приёмщика бутылок, на эту «хлебную» должность было не попасть. Как ни придёшь в пункт приёма стеклотары (он был на Комарова, за гастрономом), на двери одно и то же объявление: «Тары нет». Но она мгновенно находилась, если ты предложишь принять бутылки дешевле, например, «чебурашку» вместо двенадцати копеек — за десять. Иначе греми с бутылками обратно домой.

«Нет» — как символ времени. «Мест нет» в ресторанах и барах, «мест нет» в гостиницах и санаториях. «Пива нет» в пивных ларьках. Такси не поймать, либо оно непременно «едет в парк». Нужна картошка? Посади. Фрукты-ягоды? Вырасти. Гараж? Построй.

Где-то в середине семидесятых Казань стала первым городом в Союзе, в котором ввели талоны на нормированный отпуск товара, пока ещё только сливочного масла — один кг на человека в месяц. Но, как вскоре показало время, лиха беда — начало.

Очень значимую роль в снабжении семей продуктами и «дифссытом» играли регулярные торговые вояжи в Москву. Во многих трудовых коллективах даже существовал неофициальный скользящий график: каждый работник по очереди на выходные мотался в столицу, собрав заказы и деньги сослуживцев, благо ехать одну ночь. И вот на перрон казанского вокзала высыпали толпы встречающих граждан, ожидающих свои заказы, под бравурные звуки горячо мною любимого марша Сайдашева прибыл долгожданный поезд-кормилец «Татарстан».

До сих пор перед глазами маячит незабываемый типаж: уставший, вымотавшийся человек с видом исполненного долга тащит в обеих руках огромные сетчатые авоськи с консервами одного вида, а крест-накрест через всю грудь, словно пулемётные ленты революционного петроградского матроса, две вязанки туалетной бумаги. Впрочем, подобный портрет был обычным почти для всех городов РСФСР. Помимо Москвы и Ленинграда, так называемую «первую категорию» снабжения (или «московскую»), имели ещё закрытые («режимные») и, чтоб привлечь переселенцев, молодые строящиеся города.

Почему-то во всех бывших союзных республиках, в которых мне удалось тогда побывать, изобилие продуктов и товаров было намного богаче. Но, как ни странно, жители братских республик так не считали, всё время недовольно гундели и не раз с пеной у рта доказывали мне, что именно они «кормят Россию» (последствия распада Советского Союза убедительно показали, кто кого кормил).

Но больше всего задевало, что продуктовый дефицит наблюдался именно в Татарстане, где сельское хозяйство всегда было неплохо развито. Народ шёпотом объяснял этот феномен так: «Всё идёт в Москву». Поэтому бытовала ещё одна популярная поллушутливая фраза: «Из Казани в Москву товарными вагонами, обратно в Казань — пассажирскими».

Не меньшим дефицитом были хорошие книги — кстати, показатель культурного уровня населения. Богатая библиотека являлась предметом особой гордости её хозяев. А на книги Булгакова, Пастернака, братьев Стругацких, Булычова, Высоцкого (малоформатный «Нерв») смотрели с восхищением, как на драгоценности. Но иногда гость владельца библиотеки, съедавший глазами корешки вожделенных книг, натёкался на шуточный лозунг: «Не шарь по полкам жадным взглядом — здесь книги не даются на дом!» Вспомнились ещё два широко распространённых афоризма тех лет: «Книга — источник знаний» и «Книга — лучший подарок».

Чудовищный дефицит книг мало печатаемых, но фантастически популярных авторов ещё можно понять. Но вот вопиющую нехватку изданий классических русских и советских поэтов и писателей, тех, что изучали по школьной программе, чтение которых можно было только приветствовать, я понять никак не могу. Зато в книжных магазинах ровными плотными рядами от пола до потолка, в любую погоду и время года — материалы «исторических» партсъездов, сборник «Ленинским курсом» или «бессмертная» трилогия «дорогого» Леонида Ильича Брежнева: «Малая Земля», «Возрождение», «Целина». Народ, помнится, иронично напевал на мотив итальянской песни «Феличита»: «Перечитай! «Целину», «Возрождение», «Малую Землю» перечитай! Слева направо, справа налево перечитай! Перечитай!»

Особой популярностью пользовались полные собрания сочинений. Однако многие, подобно коврам на стену, жаждали достать их почти исключительно для

убранства жилищ — ровные корешки одинаковых томов, чередующихся по цвету, украшали, как правило, большие зальные комнаты квартир. Но для более эффектной их демонстрации требовалась «стенка». Нетрудно догадаться, что и мебельные стенки тоже числились в дефиците. Впрочем, считалось крутым, когда стена комнаты была сплошь увешана одними заполненными книжными полками, но для этого книг требовалось не просто много, а очень много. Один мой знакомый, одержимый в то время книжным собирательством, как-то жаловался, мол, всю жизнь гонялся за книгами, а что теперь? Корешки выцвели, бумага потемнела, шрифт поблек — стоят, только пыль собирают. Думал-думал, вздыхал-вздыхал, однажды матюкнулся да и свёз всё добро в гараж — выбросить или сдать в утиль рука всё ж таки не поднялась...

Но тогда... Помню, в книжном магазине на Сибирском тракте недалеко от пересечения с улицей Арбузова регулярно проводили розыгрыши полных собраний сочинений. Люди с вечера занимали очередь только для того, чтоб суметь получить талончик, дающий право на участие в розыгрыше! Можно сегодня себе представить подобное? Простоять всю ночь, чтоб не купить, а всего лишь попытаться это сделать! Мы были в их числе — очередь страждущих книголюбов впечатляла! И сначала нам фантастически везло: почти три раза подряд наши талончики оказывались среди выигранных. Удалось купить полных Некрасова, Гамзатова и Мамина-Сибиряка. Но потом как отрезало.

* * *

И конечно же, всеобщим «хобби» стало садоводство. Почему в кавычках? Да потому, что в большинстве случаев это увлечение было вынужденным. Где-то со второй половины шестидесятых годов руководство страны, поняв, что полноценно обеспечить советский народ фруктами-ягодами-овощами в рамках существовавшей тогда системы невозможно, приняло давно напрашивавшееся решение: позволить людям самим себя обеспечивать. «Спасибо партии за это и лично Леониду Ильичу!».

Повсеместно стали выделяться земельные участки для организации садовых обществ, строго по предприятиям. Заводу «Радиоприбор» досталась обширная территория заброшенного яблоневого сада за деревней Нижний Услон, что напротив Казани через Волгу. Местные жители кликали эти места «Лисятником», устраивали там гулянья, соревнования, игрища. Но земли давали крохи — по три сотки на семью! Причём не могли поставить на участке баню или гараж, можно только небольшой летний домик да сараюшку: земля тебе, дорогой товарищ, высочайше пожалована исключительно для растениеводства! Впрочем, на дачу в Нижний Услон на машине, если она имелась, почти никто и не ездил: моста через Волгу ещё не существовало, а добираться в объезд через переправу в Свяжске представлялось крайне неразумным. К тому же, после дождя по раскисшим просёлкам не то что проехать, пройти бывало трудно.

В 73-м году у нас появилось собственное трехсоточное «счастье», а на участке росло аж девять яблонь! Правда, оставили мы только четыре, самые плодоносящие, остальные, одичавшие, пришлось вырубить — сильно затеняли землю. Но «помилостерянные» яблоньки не смогли пережить жесточайшую зиму 78–79-го годов (температура опускалась до минус пятидесяти!), и их пришлось спилить. Однако растения не погибли и по весне выбросили от корня ростки, заплодоносив вновь через два года. Сорт яблок определить никто не мог (даже спецы), поэтому он именовался нижеуслонским — ох, и вкусные были яблочки!

Иногда, если не поджимало время, мы высаживались чуть раньше, на пристани Студенец, и шли до дачки по прибрежному косоугру километров пять пешком. «О, Волга, колыбель моя...» Летом, когда всё вокруг цвело и благоухало, стрекотало и порхало, освежал речной ветерок, прогулка по высокому берегу Волги-матушки доставляла особое удовольствие. Под тобой — отражающий бездонное чистое небо простор волжского разлива со снующими вверх-вниз по реке баржами и круизными лайнерами, «омиками» и «ракетами». Напротив, через Волгу, на пологом берегу изумрудным ковром расстился сосновый бор. Когда я, уже будучи сибиряком, в первый раз привёз молодую супругу в Казань и решил показать ей нашу дачу, мы специально вышли в Студенце. Она, иркутянка, глубоко вдохнув запах речной свежести и охватив взглядом сие окружающее великолепие, восхищённо произнесла только одну фразу, дав высшую оценку: «М-м-м, хорошо, как на Байкале!»

Да, окружающий незабываемый пейзаж здорово подслащал далеко не всегда позитивную действительность. Ибо до дачи требовалось сперва добраться. Чуть свет в субботу — подъём! С сумками и рюкзаком на шестом или восьмом троллейбусе до Кольца. Оттуда на переполненном втором троллейбусе до Речного вокзала — напрямую ничего из общественного транспорта тогда больше не ходило. Дальше рысью к портовым кассам, там с раннего утра толпились очереди. Взяв билеты, бежишь на «омик», а суровый речпортовый «матюгальник» подгоняет: «Ом-420 до Матюшина отправляется с третьего причала!» Уф! Попал на кораблик, можно дух перевести. До Нижнего Услона через Волгу — сорок минут хода (пристань «Садовая», поближе к даче, появится только в конце 70-х). От деревенской пристани ещё минут сорок ходьбы — и ты на любимой дачке! Вся дорога занимала «каких-то» три часа!

Конечно, после дорожной «одиссеи» хотелось отдохнуть. Но не-е-ет! Некогда! Лопату, тяпochку, секатор в руки или туесок на шею — и вперёд! Висевший на ветке яблони транзисторный приёмник только и успевал позывными радиостанции «Маяк» («неслышны в саду даже шорохи...») отсчитывать каждые незаметно пролетевшие полчаса.

Но всё вышеописанное меркло по сравнению с возвращением домой. С урожаем! Сперва марш-бросок с полной выкладкой до пристани. Осенью, когда дачников с ведрами собиралось особенно много, иногда подгоняли к дебаркадеру пристани баржу. Помещались все, но тащиться через Волгу приходилось уже часа полтора-два. Потом в переполненном троллейбусе: за спиной рюкзак, в одной руке — ведёрко с малиной, в другой — со смородиной, а чуть ли не в зубах — туесок с крыжовником. Доползая до дома и закрыв за собой дверь, я ощущал то же, что и финиширующий марафонец. Зато слаще и вкусней той ягоды не было ничего на свете! А зимой, с чувством выполненного долга, чай с вареньем — красота!

Земельный надел в три сотки принадлежал не дачникам, а садоводческому кооперативу. Участок, впрочем, можно было продать, но цена включала в себя не землю, а стоимость домика, хозпостроек и произрастающих культур. Но ясно, что чем больше площадь участка, тем выше цена.

Да, товарищи дорогие, три соточки — это мало, оскорбительно мало. Домики, плотно натыканные по участкам, затеняли значительную часть площади. Слышимость, в силу критичной близости соседей, была потрясающей, в том числе, когда кто-то рядом посещал нужник. Одна радость — сосед дядя Ильдар Зайнутдинов, сослуживец моих родителей, имея неплохой голос, при работе всё время душевно исполнял русские народные песни, которые обожал. Из-за подобной скученности го-

ворить о дачном отдыхе, в полном смысле слова, не приходилось. Впрочем, нечего расслабляться: тебе землю дали, чтоб пахать на ней, а не качаться в гамаке, задрвав ноги. Воду, электричество подвели? Подвели. Течёт река Волга? Светит солнышко? Вот и радуйся.

Долгое время руководство садоводческого товарищества завода «Радиоприбор» добивалось выделения дополнительных земель — сразу за садовым забором лежали обширные пространства заброшенных, давно не обрабатываемых сельхозугодий. Что мешало дать возможность людям вновь окультурить землю, кто этому сопротивлялся, я не знаю. Забегая вперёд, сообщу, что буквально за полтора года до кончины «нерушимого» Союза всех желающих всё-таки облагодетельствовали — землицы добавили. Поэтому у нас появилось ещё пять соток в чистом поле, метрах в четырёхстах от дачного участка. Ставить ещё один домик — зачем? Да и воду подвели только лет через семь — мы там сажали неприхотливые культуры: картофель, тыкву, кабачки, патиссоны. И каждый раз, катя туда на тележечке полный 36-литровый бидон для полива, мой «разум возмущённый» сверлила упрямая мыслишка: ну почему сразу нельзя было дать людям по восемь соток?!

Вспомнилось также, как в отсутствие моего отца (он был в «загранке») в течение двух дачных сезонов нам помогал управляться на даче Султан-абый — тесть соседа по участку, певца-любителя дяди Ильдара. Султан-абый — бодрый, деятельный, сухонький, классический татарский бабай — слыл опытным садоводом. В знак благодарности мои родители в Багдаде приобрели для него Коран в прекрасном издании. Мама вернулась оттуда раньше папы, она рассказывала, чего ей стоило провезти Священное Писание мусульман. С иракскими таможенниками при проверке багажа, ясное дело, никаких проблем не возникло: завидев Коран, они улыбались, показывали большой палец, одобрительно кивали головами. Но вот наши... Наши пограничники вполне могли изъять — ввоз из-за границы любой религиозной литературы не разрешался. Мама замаскировала книгу, как могла, чем-то обмотала, засунула поглубже в барахло. Помогло то, что она ехала в группе семей военспецов, и её багаж должным образом не «обшмонали». Никогда не забуду, КАК благодарный Султан-абый со слезами на глазах обеими руками принимал бесценный дар — достать Коран в Казани тогда было почти невозможно.

К слову, поездка мамы в Ирак могла вообще не состояться: особист из первого отдела «Радиоприбора» вынул ей всю душу с фактом пребывания в детском возрасте на оккупированной во время войны территории. Иметь «правильную» анкету, «чистую» биографию для решения многих, зачастую судьбоносных, вопросов в те времена было принципиально важно (особенно при трудоустройстве в определённые организации). Слава Богу, помог по своим каналам брат-москвич — полковник спецслужб.

Но у нас, грех жаловаться, хотя бы была ровная земля. Если, стоя на нашем участке лицом к Волге, повернуть голову влево, то открывался захватывающий вид на «Гору дураков». Упаси Боже обвинить меня в авторстве этого топонима, но «из песни слов не выкинешь»: именно такое название бытовало (бытует ли до сих пор?) в народе. Что за «гора»? Просто крутой склон высокого берега Волги к безымянному ручейку, впадающему в реку недалеко от пристани Садовая. Обыкновенных садоводов грех называть дураками — они великие труженики. Дураками хочется назвать тех, кто выделил участки, крутизна которых доходила порой до сорока пяти градусов. И это при наличии огромного количества свободных, брошенных угодий, а то и целины вокруг!

Нужно было видеть эти дачи! Люди нарезали участки на терраски, укрепив вертикальные откосы листами шифера, удобряли землю, натаскав на себе навоз и черно-

зём, поскольку из-за крутизны склона машина не проходила. Так же на себе тащили стройматериалы. В результате, одной стороной дачный домик висел над склоном, а противоположной был в него врыт. При определённом ракурсе обзора «Горы дураков» иногда создавалось впечатление, что ты на Памире или в Тибете. Но если вы подумаете, что в порядке компенсации за неудобство расположения земельки подкинули побольше, то ошибётесь. Земли-кормилицы тоже отщипнули — «от щедрот душевных» — по три стандартные сотки.

Но может быть на «Горе дураков» обитали враги народа или, как минимум, спецпереселенцы? Нет! Трагикомизм ситуации заключался в том, что эти участки принадлежали ковавшим «шит Родины» работникам КАПО (Казанское авиационное производственное объединение) имени Горбунова или, как его называли в народе, «двадцать второго завода». На нём тогда выпускали первый советский межконтинентальный пассажирский самолёт-красавец Ил-62 и грозный «Бэкфайр» (по классификации НАТО) — сверхзвуковой стратегический бомбардировщик Ту-22М, внешне тоже, кстати, красавец.

Ныне горько видеть, сколько там брошенных дач, сколько титанического труда пошло прахом... Дожди постепенно смывают «культурный слой», земля сползает по склону, домики частично разобраны, частично попросту брошены. Ковыряются там кое-где по старинке лишь пожилые люди. То ли романтики-авиастроители перевелись, то ли народ стал более прагматичен. Пожалуй, и то, и другое одновременно. Нынешнее авиастроение, к сожалению, по масштабам производства не сравнить с советским. Зато нормальной земли, слава Богу, приобрести стало проще и цивилизованней. Правда, цена её опять-таки кусается.

Никто не спорит, земля — общенародное достояние. Земля-матушка, земля-кормилица... Словом «земля» нередко называют родину. Понятия родной земли, родины, отчего дома человек впитывает с молоком матери. Насколько взаимосвязаны, тонки и сокровенны они для каждого человека! У любого народа почитается за честь полить родную землю пóтом, а если потребуется, то и кровью. Счастливы те, чей отчий дом стоит на земле. Не сомневаюсь, тот, кто живёт и работает не земле, внутренне богаче тех, кто эту землю попросту созерцает. Предметное восприятие вкупе с абстрактным всегда более основательно, чем просто абстрактное.

С личными домовладениями усадебного типа тоже было придумано хитро: дом — твой, а земля, на которой он стоит, — государственная. В доме живи на здоровье, при желании даже разбирай его, продавай или переноси, куда хочешь, но землю «положи на место»!

В буднях великих строек, в процессе индустриализации страны этот компонент — ощущение земли — как-то выпал. Безусловно, без создания могучего производства, промышленного потенциала говорить о самостоятельности и самостоятельности государства невозможно. Но, с другой стороны, убеждён — с отчуждения от земли начинается бездуховность. Да и зерно из-за рубежа, в основном из Штатов, ввозилось тогда миллионами тонн, несмотря на воспетые пропагандой «величественное преобразование социалистической деревни» и героику «битв за урожай».

И потом, где кончается народ и начинаются конкретные люди, этот народ образующие? Со своими желаниями и потребностями. А главная потребность человека — это своя семья и свой дом. Дом — на земле. Тут и проходил рубикон, который, к великому сожалению, коммунисты преодолеть не смогли, ибо дальше начинался... «собственник».

* * *

Согласен, земля нужна не всем. Есть горожане до мозга костей. Но я толкую о принципиальной возможности. Хотя предполагалось, что у советских людей автомобилей в массовом пользовании тоже не будет. Иначе чем объяснить, что внутриквартальные проезды вдоль наших «хрущёвок» были только для одной машины — со встречной уже не разъехаться. В какое колоссальное неудобство это вылилось сегодня! Я уже не говорю про отсутствие мест для автопарковок.

Но если многие недостатки носили системный характер, то имелись и свои местные казанские «болячки». В 70-е годы родной город смотрелся довольно запущенным и неухоженным, резко контрастируя с сегодняшней красавицей Казанью. Конечно, многое объяснялось наличием обширного обветшавшего жилого фонда. Как вспомню запах из дворов на улице Баумана, надписи аршинными буквами «туалета нет!» на стенах арочных проходов в них! Эти трущобы в центре города — Федосеевская слободка, Суконка, Калуга... А с самого конца 70-х завонял сероводородом мой родной Нижний Кабан. Кто был в этом виноват — районный жилкомхоз или Вахитовский химкомбинат, не ведаю, но жаркими летними днями от озера тащило — не приведи Господь! Поэтому исчезли на нем и рыбаки, и спортсмены-гребцы.

Честно говоря, даже не знаю, кто тогда был на посту мэра, пардон, председателя горисполкома Казани, но народ вокруг постоянно поминал имя только одного официального лица — первого секретаря обкома КПСС Табеева. Табеев то, Табеев это. Спорить не стану, Фикрят Ахмеджанович сделал очень много полезного для республики, но я никогда не поверю, что построить «Нижнекамскнефтехим», КамАЗ и Оргсинтез легче, чем навести порядок в городе. Видимо, «там, наверху» во главу угла ставили выполнение плановых производственных показателей.

По пути в речной порт одно время висел уличный лозунг: «Всё во имя человека, всё для блага человека!» Народ тогда смотрел как бы сквозь подобные лозунги, не замечая их, — они служили частью общегородского «декора», а кое-где исполняли вполне утилитарную функцию, закрывая собой, например, какую-нибудь дыру, непарадную часть фасада дома или страшненький заборчик. Но на площадях и центральных улицах играли основную роль — наглядно-агитационную. Лозунг про «благо» был довольно распространён во всех городах Советского Союза. Народ в шутку дополнял его оригинальным и принципиально существенным окончанием «... с Запада!». И действительно, перед иностранцами в те годы юлили и лебезили намного больше, чем сейчас. Впрочем, их в стране тогда было порядка на два меньше.

Несмотря на «железный занавес», народ за рубеж крайне редко, но всё же выбирался. В основном, в страны соцлагеря или прогрессивного некапиталистического пути развития. И если из Вьетнамов-Лаосов-Монголий и даже из Ирака советские люди возвращались с «чувством глубокого удовлетворения» и гордости за успехи Страны Советов, то визиты в Европу обескураживали разницей не в нашу пользу. Свои же прибалты — и те задирали нос перед нами. И основания для подобного высокомерия имелись — мы подспудно осознавали и мирились с этим, ничего не попишешь — Евро-о-опа... Хотя и сильно восточная.

Ну а те, кому посчастливилось глянуть хотя бы одним глазком на «загнивающий» Запад... Всё! Никакие идеологические накачки не помогали — годами формируемый системой иммунитет давал сбои. Причём люди смотрели на вернувшихся «оттуда»

с завистью и вожделием, жадно ловя каждое слово счастливого, повидавшего Запад, и веря всем их рассказам безоговорочно. Как точно поётся: «нас так долго учили любить твои запретные плоды», казавшиеся нереально сладкими... Сумасшедший культ всего западного мы сами себе тогда создали!

В стране победившего пролетариата официальная идеология превозносила рабочий класс до небес и даже иногда называла Его Величеством. Слагала восхваляющие песни: «Идут хозяева земли! Идёт рабочий класс!», «Вам владеть всем богатством на свете...», «Трудовые будни — праздники для нас!». Но в обиходе повседневной жизни эта возвышенная патетика удивительнейшим образом сочеталась с обидным и незаслуженным унижением «работяг». Одно презрительное толкование аббревиатуры городских профессионально-технических училищ, кузниц рабочих кадров — «ГПТУ», чего стоило: «Господи, Помогите Тупому Устроиться...» А с восьмого класса некоторые учителя нам старательно «дули в уши»: «Учитесь! Вы что, хотите попасть к станку на заводе?!»

Хотя нельзя не отметить, что заработки рабочих были зачастую существенно выше, чем у инженеров, служащих и вообще у интеллигенции, которую работяги в отместку кликали «гнилой», с лёгкой руки «дедушки» Ленина. Одноклассники, пошедшие работать после школы, при встрече со мной неизменно подчёркивали, мол, работаю, к примеру, мотористом на автобазе — двести рэ в месяц имею. При этом интересовались: «А у тебя стипендия сколько?»

Коммунистическая партия, некогда провозгласившая себя боевым авангардом рабочего класса, всегда выступала «от имени и по поручению» Его Величества, действовала «по многочисленным просьбам трудящихся» и исключительно «в интересах советского народа».

Благодаря печати и телерадиоэфиру, все были в курсе об ударниках Коммунистического труда, победителях соцсоревнований и переходящих красных знамёнах, о рекордных намолотах зерна, подборках валков и вспашках зяби, о выполнении и перевыполнении плановых заданий, торжественных рапортах трудовых коллективов, борющихся за почётные звания. Непременно в «едином порыве», особенно в преддверии исторических пленумов, а тем более, съездов КПСС. Я недоволю морщился, в сотый раз слыша по радио песню «Любовь, комсомол и весна» или детскую кантату Чичкова на слова Ибряева «Берём с коммунистов пример».

Многие вокруг, будучи убеждены, что невосприимчивы к официальной трескотне, не замечали, как в дальних закоулках подсознания всё это потихонечку оседало. Абсолютно согласен ещё с одним популярным лозунгом времён развитого социализма: «Советскому народу присущ исторический оптимизм!» («лишь бы не было войны», но Советский Союз её не допустит!). И зубоскала над бравурными лозунгами и безудержными славословиями, травя анекдоты про Чапаева и Брежнева, давась в очередях и вкалывая на дачках, советские люди в то же время были уверены: ЗАВТРА НЕ БУДЕТ ХУЖЕ, чем сегодня. Конечно, если не бухаешь (алкашей и тогда хватало), не воруеть или не бездельничаешь.

Никто не «косил» от армии, не тунеядствовал и не «ширился» (я не знал ни одного наркомана!), а «гомики» сидели, где положено. Почти все стремились создать семью и иметь детей. Холостякуешь? Плати налог за бездетность. Вышла замуж, но хочешь с мужем «пожить для себя»? Тогда твоя очередь оной подати. И никаких тебе гражданских браков, изволь-ка продемонстрировать штамп в паспорте, иначе в гостиницах спи с женой в разных номерах. А в двадцать три нуль-нуль «отбой!» — никаких ресторанов, ночных клубов, баров и саун, посещений общаг, просмотра телепрограмм. Всем спать! «Время классовых битв ещё не прошло!»

Дебоширишь дома, выпиваешь, решил развестись? Погоди, дорогой, тебя заставят считаться с общественным мнением и разберутся с тобой, вынеся соответствующий вердикт на заседании месткома или профкома. А если ты ещё и член партии, то партком от души всыплет — мало не покажется. Что-что? Авторитарно, не демократично? Зато действительно и даже в какой-то мере, черт возьми, естественно!

И, конечно же, над всей страной колокольным звоном разливался метущийся и рвущий душу хриплый голос Владимира Высоцкого... Это было поистине уникальное явление — Высоцким интересовались на всех этажах властной вертикали Страны Советов. Многие функционеры днём, на работе, «клеямили» самого народного артиста, а вечером, дома, с интересом его слушали и восхищались.

Уникальность феномена Высоцкого заключалось ещё и в следующем: на одной стороне — многотысячная армия «ратников» идеологического фронта из обкомов-райкомов, которым не верили. А на другой — Высоцкий, один-единёшенек (пардон, вдвоём с гитарой). Ему верили безоговорочно. Народ с упорством и упоением изыскивал в песнях Владимира Семёновича тайный подтекст. Искали и находили, каждый свой. Никогда не прошу себе, что не пошёл в своё время на его концерт. Помешала какая-то житейская ерунда, казавшаяся на тот момент очень важной. Думал, ладно, жизнь впереди длинная — ещё удастся послушать. Не удалось...

Изредка по первому каналу телевидения поздно вечером шла популярная у молодёжи передача «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». В ней подробно знакомили с творчеством и новинками эстрадных исполнителей братских стран социализма — чеха Карела Готта, болгарки Лили Ивановой, польской группы «Червоны гитары», венгерских «Омеги» и «Локомотива ГТ», информировали о ходе эстрадных конкурсов в польском Сопоте или на болгарском «Златният Орфее». А в конце передачи, «на закуску», ставили какой-нибудь клип «АББА», «Бони М», «Би Джиз» или «Куин». И знаете, когда программа этой передачи была наиболее насыщена и интересна? В пасхальную ночь! Угадайте с трёх раз — почему?

К слову, уверен, что полное игнорирование религии в качестве естественного союзника — однозначно крупное упущение идеологических бонз эпохи развитого социализма. Ведь многие заповеди и нравственные нормы что христианства, что ислама были срисованы почти под копирку в свод «Морального кодекса строителя коммунизма». Понимаю, что в период становления власти большевиков религия была враждебно к ним настроена. Понимаю, что Владимир Ильич ещё раньше «приласкал» религию незабываемыми определениями, такими, как «вздых угнетённой твари» и «опиум народа». Но ведь ещё древние подметили: «всё течёт, всё изменяется». И в годину тяжких военных испытаний Иосиф Виссарионович первым из властителей страны осознал, каким огромным положительным духовным, созидательным потенциалом обладает религия, использовав её во имя великой Победы. Так ведь нет, упёртый и недалёкий Никита Сергеич во всеуслышание пообещал показать советскому народу «последнего попа». Слава Богу, надорвался, но по инерции религия ещё десятилетия три всячески унижалась.

На уровне массового глубинного подсознания нередко намертво впечатывалось: критикуют, осуждают и, тем более, запрещают — значит, круто; одобряют и тиражируют — значит, «фуфло». Всеобщее недоверие, недосказанность порой выливались в навязчивое желание людей всюду искать некий подмысл, скрытый там, где его зачастую не было вовсе. А эзопов язык тогда можно было смело признавать вторым государственным.

* * *

Коммунисты, вероятно, были неплохими ребятами, но их постоянно держала в мучительном напряжении какая-то необъяснимая маниакальная опаска, что вдруг люди станут богатыми сверх некоего уровня, достигнув которого, они перестанут строить коммунизм, перестанут стремиться к светлым идеалам. Слово «зажиточный» воспринималось негативно. Зажиточный — значит потенциальный враг Системы. И лучше свою зажиточность, если она имела место, было не демонстрировать.

Но знаете, друзья, несмотря на вышеописанные «чудеса», равнодушие и даже насмешки людей над перлами официальной пропаганды, невзирая на многие выдуманые властями условности и их неистребимую тягу к запрету, всё же вынужден признать подлинную народность правившей в те годы партии. Люди не относились к ней, как к какому-то чужеродному явлению, а коммунистов, несмотря ни на что, воспринимали своими, родными. Конечно, огромную роль сыграло то, что власть предрежащие мужи (женщин во власти были единицы) в своё время, как пелось, вышли все из народа, дети семьи трудовой. Многие из них проливали кровь на фронтах Великой Отечественной. Но немаловажным представляется и тот факт, что миллионы рядовых коммунистов сплошь и рядом жили среди простого народа и, по большому счёту, никакими привилегиями и льготами не пользовались. Так же отбывали повинность в очередях и сражались за «дифсыт», так же стояли раком в садах-огородах. Были, как говорится, плотью от плоти...

Не могу избавиться от какого-то неясного внутреннего ощущения о более справедливом устройстве тогдашнего общества. Жили мы, в целом, неплохо: работали, никто не голодал и не мёрз, все были одеты-обуты (главное, чтоб «не промокало» и «не жало»). Проживали пусть в скромненьких, но квартирах. Бомжей (не путать с «бичами» и цыганами!) на улицах городов практически не наблюдалось. Много решалось власть предрежащими вполне по совести, а деньги весили не столь внушительно, как сейчас. Связи? Связи — да, ценились, но они, пардон, ценились во все времена.

Не отрицая в целом единства народа и партии, в то же время не могу забыть, как гаишники останавливали движение по Оренбургскому тракту, сгоняя все машины к обочинам. Как томительно длилось ожидание, пока по опустевшей дороге на огромной скорости в направлении обкомовских дач не пронесутся правительственные лимузины (кстати, отечественного производства). Народ тогда недовольно бухтел и про бюрократизм, и про эти пресловутые дачи, и про обкомовские больницы, и про закрытые спецраспределители. Позднее, в пору перестройки, кое-кому даже удалось ненадолго взбежать на политический Олимп под знаком борьбы с привилегиями партноменклатуры. Но, глядя на сегодняшние рублёвские замки и яхты на Лазурном берегу, честное слово, осознаёшь скромные по нынешним меркам запросы той самой охаянной партноменклатуры. Ведь набор их тогдашних спецпайков сегодня на выбор в любом гипермаркете, а средняя обкомовская дача отличается от поместий отечественных олигархов, как наша двухкомнатная хрущёвка на Танкодроме от «квартирки» бывшей главы «Оборонсервиса» Васильевой.

Осознавался ли партией тот несомненный вред, который наносился святому делу строительства коммунизма всеми теми фактами и явлениями, о которых я веду речь? Безусловно! Ведь, помню, даже сам «дорогой» Леонид Ильич Брежнев называл их «болячками», причём не где-нибудь, а на святой святых — съезде КПСС. Листая старые номера республиканского сатирического журнала «Чаян», вижу, что большин-

ство фельетонов и карикатур постоянно высмеивали проблемы «диффсыга», блата, несовершенство сферы услуг и коммунального хозяйства.

Да, высмеивалось и критиковалось. Да, заострялось и анализировалось. Делались выводы, после которых выходили постановления, подобные принятию величественной «Продовольственной программы». То есть, понимание вроде было. Но и только. Честное слово, у меня до сих пор не укладывается в голове, с одной стороны, хроническая неспособность разрешения этих проблем, а с другой — освоение космоса, покорение атома, строительство каналов в пустыне и городов в тайге, создание самой мощной армии в мире, успешное функционирование государственных систем бесплатной медицины, среднего, специального и высшего образования. Упорное неумение (или нежелание?) за великим не видеть частного.

Вся промышленность по выпускаемой ею продукции делилась на две категории: «А» и «Б». В первую, «А», входили тяжёлая промышленность, машиностроение, производство средств производства. И мы до сих пор по праву гордимся советскими синхроциклотронными ускорителями и орбитальными космическими станциями, шагающими экскаваторами, уникальными экранопланами и атомными ледоколами. Но продукция отраслей промышленности группы «Б» снисходительно именовалась «ширпотребом» и считалась второсортной. В результате, как патетически декламировал напарнику Шурика Феде прораб «Пуговкин» из гайдаевской кинокомедии «Операции «Ы», выходило так, что «в то время, когда наши космические корабли бороздят просторы вселенной», туалетная бумага была в большом дефиците. Каким непостижимым образом подобное могло сосуществовать?

Широко известна цитата Черчилля, посвящённая Сталину (а в его лице и всей державе): «Он принял страну с деревянной сохой, а оставил с атомной бомбой». Логически смысл фразы воспринимается таким образом, что одно должно априори исключать другое. Однако парадокс заключался в том, что при всех величественных достижениях социалистического строя пресловутая «деревянная соха» ведь никуда не делась! Она лишь малость видоизменилась, приняв вид, к примеру, лопаты для копки картофеля силами студентов и «товарищей учёных, доцентов с кандидатами» или секатора для заготовки ими же веточного корма в «едином патриотическом порыве» оказать «шефскую помощь» селу.

Но можно попытаться взглянуть философски. И вот ведь что приходит на ум: а не являлось ли то причудливо сочетавшееся несочетаемое тем мощнейшим внутренним источником развития, о котором гласит закон единства и борьбы противоположностей? Ибо не мною открыто, что именно «противоречие есть корень всякого движения». И под гладью и тиной «застоя», над которым вволю поиздевались перестроечные и постперестроечные критиканы, возможно, накапливались и вызревали колоссальные внутренние силы для самосовершенствования Системы. Той самой Системы, что, увы, не смогла (или не успела) полностью раскрыть свой потенциал. Той самой Системы, что, в конечном итоге, безвозвратно канула в лету.

И потом, чтобы себя хорошо зарекомендовать и продвинуться во власть, в те времена нужно было много чего сделать. Успешно учиться, ударно работать, быть активными — словом, совершить что-то полезное для общества, для людей. Пусть даже в рамках существовавшей идеологической парадигмы. Но она, идеология, не обслуживала интересы какого-либо этноса или конфессии а, несмотря на своё изначально классовое происхождение, со временем всё больше и больше стремилась просто воспитывать в людях советский патриотизм. «Для себя — тлеть, для семьи — гореть, для Родины — светиться» — таков тогда был ещё один популярный лозунг.

А насчёт «всё для блага человека»? Конечно, тогда, стоя в позе буквы «зю» в переполненном троллейбусе с ведёрком ягод в зубах, менее всего думалось о том, что это и есть то самое благо, для которого сделано «всё». Но пресловутое «благо» — понятие относительное, ибо общеизвестно: «не всё то золото, что блестит». А что если попытаться ещё разок глянуть на этот вопрос сквозь призму закона единства и борьбы противоположностей? И знаете ли, друзья мои, занятная картинка получается! Потому как советский народ был воспитан выносливым и работающим, подтянутым и неприхотливым, рукастым и изобретательным, сметливым и неунывающим. С таким народом, извините, не только поднимать целину, делать ракеты и перекрывать Енисей, но и в войне мировой побеждать удавалось. И если в философском смысле это не есть благо (без кавычек), то тогда что? Как говорится, «что имеем, не храним...»

Да-а... Признаться, интере-е-есная была та, в целом, позитивная и устремлённая в будущее страна Советский Союз. Страна одной партии, но социальной справедливости. Страна удивительных парадоксов и уникальных противоречий. Страна, которая, с течением времени всё больше и больше превращается в легенду. Страна, которая по-прежнему живёт внутри меня. И почему-то приходит на ум строка из песни: «отпустить меня не хочет Родина моя...»

* * *

А мы с Форином учились жить без Валерки. Его отсутствие рядом с нами ощущалось почти физически. Какой-то биоэнергетический вакуум. Наш класс тоже как будто повзрослел. Без Денисова потихоньку сошло на нет увлечение Форина радиолюбительством, и чем-то это срочно требовалось восполнить.

Сам же я после незабываемого «ранения оркестром» не переставал думать, как же в нём оказаться. Для начала необходимо было перевестись из вечерней музыкальной школы в дневную. Почему-то казалось, что удастся попасть в оркестр, если пойти учиться на контрабас — в оркестре играл всего один школяр-контрабасист. Однако выяснилось, что существовало «джентльменское» соглашение между директорами обеих школ о том, чтобы не переманивать вечерников в дневную музыкалку, где стоимость обучения была существенно меньше. Мы с папой сходили к «вечернему» директору Матвееву, я объяснил, что хочу играть в оркестре Макухо, а хор-де «так и так брошу»! Матвеев стал увещевать отца: «Подумайте сами, зачем мальчику играть на вымирающем контрабасе!» Аргумент более чем странный. Восемнадцать рублей в месяц за обучение в хоре «вечёрке» терять не хотелось.

Я и Форина увлёк рассказами про оркестр. И у него шевельнулся интерес — всё-таки прежние занятия музыкой дали знать о себе. Плюс стойкая наследственная предрасположенность к восприятию прекрасного. Надо сказать, что музыка в доме Форина звучала всегда: Таисс Мухтаровна занималась с учениками на дому, да и сама любила помузицировать. Мне нравилась одна довольно взрослая девочка, бравшая уроки у мамы Форина, — до сих пор помню её красивые руки. Почему-то было приятно, когда Таисс Мухтаровна её хвалила, играла она действительно хорошо.

Каникулы закончились. Задание по фоно не выполнено, про хор и вовсе вспоминать не хотелось. Я реально осознавал, что значит «неинтересно учиться», как однажды пытался объяснить мне свою неважную успеваемость Тагир Аглиуллин. И через несколько дней, на первом после каникул занятии по фоно, Елена Степанов-

Друзья-флейтисты Петя и Фарид (Форин) на "Сквородке"

на стала вновь чихвостить меня за лень и за недисциплинированность. В мозгу стучала лишь одна мыслишка: хватит, наелся.

И вдруг Форин сообщил, что рассказал своей маме о желании вернуться к музыке — Таисс Мухтаровна была на седьмом небе от радости. Она поговорила и с Макухо, и с директором Фарсиным, выяснив, что из оркестра почти полностью выбыла группа деревянных духовых инструментов — кто-то закончил обучение, кто-то бросил, кто-то не изъявлял желания играть в оркестре. Самое главное, учиться на духовые принимали до пятнадцати лет, да и с отбором туда было намного проще — это вам не «диффсытные» классы скрипочки или фоно, к которым питали особое пристрастие многие благоговейные мамочки. К обучению на духовых инструментах человек, как

правило, созревал позже — младшекласснику чисто физически тяжело играть на них. Продолжительность курса обучения духовиков составляла всего пять лет — на два года короче, чем на скрипке или фортепиано. Административный ресурс Таисс Мухтаровны тоже помог — нас готовы были принять посреди учебного года сразу во второй класс. Оставалось только определиться с выбором инструмента.

Кларнет! Но там была полная укомплектованность класса — четыре человека. Гобой! Но пара учеников, которые начали было заниматься на этом инструменте, школу бросили, и преподаватель успел уйти. Класс фагота никогда не набирался из-за малоизвестности и экзотичности этого язычкового духового инструмента. Между прочим, кажется странным, но классов преподавания гитары что шести-, что семиструнной почему-то не было. Ученики классов щипковых народных инструментов (мы кликали их «скворечниками» из-за круглой дырки в деке домр и балалаек), получив навыки игры, осваивали шестиструнную гитару самостоятельно.

Флейта! Два ученика уже были — Андрей Климов и Лера Сапун. Оставались ещё две вакансии — ну, флейта так флейта! Лишь бы попасть к Макухо в оркестр. Правда, Владимир Алексеевич сразу выразил большие сомнения насчёт того, насколько быстро нам удастся достичь уровня, достаточного для игры в оркестре — всё-таки партитуры инструментов были профессиональные, для детей неадаптированные. Ведь ни Сайдашев, ни Чайковский на исполнение ребятишками своих оркестровых произведений не рассчитывали. Однако Таисс Мухтаровна заверила его, что мальчишки мы старательные: «Петя в общей сложности учится музыке уже четвёртый год, ну, а Фархад — мой сын, следовательно...»

— Ладно-ладно, — ответил Макухо. — Посмотрим.

Я, кстати, не слышал о простых (не специализированных при консерваториях) музыкальных школах, где преподавали бы такое количество разнообразных и довольно редких инструментов, как в нашей музыкалке. Их преподаватели зачастую являлись совместителями. У нас работали штатные оркестранты Казанского государ-

ственного театра оперы и балета имени Мусы Джалиля: Снегов (контрабас), Ильин (труба), Пашин (кларнет), к сожалению, фамилии других музыкантов-преподавателей забыл. Работали они, разумеется, не бесплатно, но дорогого стоило их желание пропагандировать или, как сейчас говорят, пиарить свои инструменты среди детворы. И в музыкальных училищах, и в консерваториях во все времена преподавали педагогику, поэтому их выпускники имели право работать с детьми. Но без желания и без энтузиазма в этом деле, безусловно, было не обойтись.

Не являлся исключением и наш учитель флейты, музыкант от Бога, Акмалетдин Хаялетдинович Мингазетдинов, которого мы звали проще — Акмал Хаялыч. В оперном театре он был ещё и концертмейстером флейт (самым опытным специалистом по инструменту): следил за дисциплиной, профессиональной формой коллег, разбирал с ними, если нужно, сложные места партитур, словом, «главный флейтист» театра. Невысокого роста, крепенький, с классической бородкой — Акмал Хаялыч производил впечатление основательного, серьёзного человека. Привлекал внимание его иронично-философский взгляд на вещи. С первого же занятия я уверился: прежних проблем в отношениях с преподавателями не возникнет в принципе. Как он умело подводил к поставленной цели, настраивал на выполнение конкретного задания! Он и педагог от Бога! Сам факт его работы в оперном театре гарантировал уровень музыканта высочайшей квалификации, недаром наш казанский оперный некоторое время спустя заслуженно получил высокий статус академического театра.

Понятно, что главное внимание таких преподавателей-совместителей было обращено в сторону их основной работы в театре. Поэтому они набирали считанное количество учеников, зато работали с ними — не чета другим. Акмал Хаялыч, кстати, преподавал ещё и ударные! Взял Генку Кормакова на ксилофон и пару учеников на барабаны. Ко всем своим достоинствам — ещё и универсал!

* * *

И новый этап нашего музыкального образования стартовал! Сказать, что мы с Фоорином буквально бежали на занятия по флейте — значит не сказать ничего! Повстречать на своём жизненном пути настоящего Мастера — огромная удача. Я проходил мимо регулярно встречавшихся мне в школе бывших «соратников» по хору «Улыбка» с гордо поднятой головой — музыкант-инструменталист всё-таки! А Елена Степановна наконец-то избавилась от такого безнадёжного лодыря, как я. Тем не менее, случайно сталкиваясь со мной в коридорах школы, смотрела на меня несколько озадаченно. Ещё бы, недавний «страдалец» и неумеха, сжимая под мышкой футляр с флейтой, ходил по школе с абсолютно счастливым лицом! Мало того, у него сразу возник интерес и к другим музыкальным дисциплинам. А стоимость обучения, между прочим, снизилась до полутора рублей в месяц.

Акмал Хаялыч с ранних лет занимался музыкой у соседа — известного музыканта, солиста оркестра оперного театра. Окончив Казанское музыкальное училище, он поступил в Московскую консерваторию имени Чайковского в класс корифея советской флейтовой школы профессора Платонова. Правда, учёба в консерватории прерывалась на три года службой в армии, которая захватила и драму Карибского кризиса. Одновременно с учёбой Акмал Хаялыч работал в Московском государственном симфоническом оркестре под управлением Вероники Дударовой — настоящей кузнице музыкантов высочайшего уровня. По окончании консерватории туда же и распределился. Однако отсутствие московской прописки и, как следствие,

проблемы с жильём, заставили перераспределиться в Казанский театр оперы и балета, где ему, как молодому специалисту, пообещали общежитие. Когда Акмал Хаялыч женился, ему дали комнату в небольшом ветхом доме дореволюционной постройки в Старо-Татарской слободе. Получается, жили мы с ним по соседству в одно и то же время. Супругой его была скрипачка Гуля, тоже оркестрантка оперного театра.

Руководство оркестра Вероники Дударовой после отъезда Акмала Хаялыча из Москвы прислало в оперный театр запрос с просьбой вернуть классного флейтиста (видимо, проблема московской прописки разрешилась бы удачно), но руководство нашего оперного отказало. Условие возвращения в столицу гласило: «освободить при наличии равнозначной замены». Равного Акмалу Хаялычу тогда не нашлось, что означало: извольте, товарищ молодой специалист, отработать требуемый по распределению срок полностью. Заманчивое приглашение, понятное дело, осталось не реализованным.

Акмал Хаялыч страстно увлекался переложениями татарских музыкальных произведений для флейты (в сольном исполнении или в сопровождении фортепиано). Обработки народных песен, а также классика Салиха Сайдашева, Фариды и Мирсаида Яруллиных, Рустема Яхина, Александра Ключарёва и других композиторов заиграли новыми гранями. Но больше всего Акмал Хаялыч преклонялся перед творчеством Назиба Жиганова, имя которого носит сейчас Казанская консерватория. Со временем мы с Форином стали, наверное, основными исполнителями произведений творческого «тандема» Жиганов — Мингазетдинов.

Правда, сам Назиб Гаязович тогда, наверное, не знал об этих переложениях. Забегая вперёд, поведаю про один забавный случай. В 79-м году, уже будучи студентом биофака Казанского университета, на фестивале самодеятельности я исполнял «Тан» («Утро») Жиганова в переложении для флейты-соло.

На следующий день в университете ко мне подошёл студент:

– Скажи, а что за вещь ты исполнял на флейте?

Я решил блеснуть эрудицией.

– Это произведение написано знаменитым татарским композитором Назибом Жигановым, Героем Соцтруда, председателем Союза композиторов Татарии, автором известной оперы «Джалиль»... — и дальше в том же духе. Интересовавшийся, затаив дыхание, слушал мой рассказ.

Закончив, я с важным видом глянул на своего собеседника: мол, видишь, какой я умный! Тот ответил:

– Да-а, большое спасибо! Мне было очень интересно послушать рассказ о моём отце. А то я вчера дома говорю ему: твою вещь на нашем фестивале на флейте исполнили, а он мне: «Ты знаешь, сын, я никогда ничего для флейты не писал!»

Оказалось, то был Ваня Жиганов с нашего факультета. Пришлось рассказать ему и про своего бывшего учителя флейты, и про его страстное увлечение.

Несколько раз мне доводилось видеть святыню Акмала Хаялыча — толстый рукописный сборник с его переложениями в переплёте собственного изготовления. Писал он в нём изысканным каллиграфическим почерком, исключительно тушью, на прекрасной лощёной импортной нотной бумаге. У меня создалось впечатление, что Акмал Хаялыч боялся даже просто давать кому-либо в руки своё сокровище — листая страницы, он светлел лицом. Играли мы по писанным им же от руки нотам — кое-что из них у меня сохранилось.

Прошло два месяца, как мы с Форином стали увлечённо заниматься на флейте, наши дела продвигались хорошо. И вот однажды...

* * *

Шло вечернее занятие. Акмал Хаялыч, извинившись, куда-то вышел один раз, потом другой, а под завершение и вовсе, как нам показалось, пропал. Время урока истекло, но ни задания на дом, ни прощания. Ушёл, что ли? Странно как-то, уж чересчур «по-английски». Вдруг он стремительно влетел в класс и с загадочной улыбкой промолвил: «Вещи сложите, но инструменты не разбирайте. Пошли со мной!»

Мы поднялись на второй этаж и направились к актовому залу со стороны выхода на сцену, туда, где я не так давно, затаив дыхание, впервые слушал репетицию оркестра Макухо. Акмал Хаялыч распахнул дверь, и... мы увидели рассеявшихся по своим местам оркестрантов, а над ними за дирижёрским пультом самого Владимира Алексеевича! Наши с Форином челюсти разом отвалились — на нас были устремлены десятки пар заинтересованных глаз! «А вот и наши флейтисты пожаловали! — с улыбкой объявил всем присутствующим дирижёр. — Садитесь, вон ваши места».

Шок, сравнимый с этим, я в следующий раз испытаю, наверное, только если мне объявят, что сборная России стала чемпионом мира по футболу. Оказалось, что Акмал Хаялыч, конечно же, прекрасно зная, что мы с Форином пошли на флейту из-за оркестра, пару раз уже обсуждал с Макухо наши перспективы. И решил приготовить для нас сюрприз. Буквально через пару недель на казанском телевидении должна была состояться запись выступлений учеников нашей музыкалки, а в завершение предстоящей телепередачи главная «изюминка» школы — марш Салиха Сайдашева в исполнении детского оркестра. На тот момент из «дерева» там был только один кларнет, а тут ещё две флейты! Медно-духовая группа (на музыкальном сленге «медь») была в полном составе, даже туба! Правда, валторну заменяли баритоны, хотя они не входят в состав инструментов симфонического оркестра.

Мы обалдело оглядывали присутствующих — кое-кто из них нам был знаком. Сперва мелко затрясло меня, потом Форина. Прошли на указанные места — разложенные пюпитры уже нас ожидали. Акмал Хаялыч последовал за нами и, улыбнувшись, стал собирать свою флейту. Усевшись рядом, маэстро достал ноты флейтовой партии... Мат-т-тушки мои-и! В глазах зарябило от обилия нотных знаков (у музыкантов это называется «черным-черно»). «Да, — подумал я, — флейтистов уважаемый композитор явно не «пожалел!»

Макухо поднял дирижёрскую палочку, все замерли, приготовились к исполнению. Сердце у меня выпрыгивало из горла. Кроме смеха, прочитать с листа сложнейшее нотное письмо, впервые оказавшись в настоящем симфоническом оркестре, при этом имея за плечами всего двухмесячный стаж музицирования на инструменте, — это, братцы мои, слишком!

Грянули первые звуки марша. Мы с Форином исполнили две первые ноты, после чего не то что играть — глазами не успевали отслеживать по нотам место, где играют. Зато Акмал Хаялыч рядом словно соловьём заливался. Господи, как же классно он играл! Вот и средняя часть марша — моё любимое «трио». М-да-а... Я глубоко-глубоко вздохнул. С одной стороны, сокровенная мечта вроде бы сбылась: я сижу в самом что ни на есть настоящем оркестре, который играет марш Сайдашева. Но, с другой стороны, бледный, испуганный, с колотящимся сердцем, именно сию — с таким же успехом, наверное, могла сидеть за пюпитром и дрессированная обезьяна с флейтой в лапах. Заключительная тема марша, финал и, наконец, последние громкие мажорные аккорды — Макухо в такт им резко взмахнул руками, после чего также резко их опустил. Марш сыгран.

Потрясение и глубокое разочарование одновременно: ох, ребята, похоже, не играть нам с Форином в оркестре... А если и играть, то лет через сто, не раньше. «Ну, что, флейтисты, не играем?» — весело спросил Макухо. Мы, кисло улыбнувшись, пожали плечами. Да и что тут скажешь? В тот момент до меня, понятное дело, не доходил мудрый замысел Акмала Хаялыча и Владимира Алексеевича: сразу поднять перед нами планку на максимальную высоту.

В тот вечер дома я был непривычно мрачен и задумчив. «Что случилось?» — допытывалась мама. Я, глубоко вздохнув, сказал ей, что, похоже, мечта сыграть в оркестре так и останется недостижимой. «Фу-у, какая ерунда, я-то думала, действительно что-то случилось, — с облегчением промолвила она. — Сыграешь! Я тебе говорю!»

Акмал Хаялыч продолжал действовать. Он переработал партии и первой, и второй флейт, заметно их облегчив, убрал многие мелизмы, кое-где увеличил длительности нот, понизил регистр, одним словом, адаптировал нотный текст для «чайников». Меня Акмал Хаялыч назначил первой флейтой.

Как говаривал незабвенный кукурузовод Никита Сергеевич Хрущёв, «цели наши ясны, задачи определены, за работу, товарищи!» Мы отодвинули программу и две недели на занятиях «долбили» один только марш. Утром я вскакивал с кровати и, схватив флейту, сразу к Сайдашеву, придя из школы — к Сайдашеву, сделав домашку — к Сайдашеву, перед отбоем — снова к Сайдашеву. В том же ритме жил и Фортин. Результат не преминул сказаться: через две недели облегчённые партии марша отскакивали у нас от зубов. Акмал Хаялыч и Макухо были довольны.

Справедливости ради стоит отметить, что кларнетист (по-моему, его звали Ильяс), хоть и учился играть на инструменте уже третий или четвёртый год, но свою партию марша целиком тоже не проигрывал: где-то тянул звук, где-то попросту фило-нил. В грядущей телепередаче ему вдобавок отводился целый номер, мы с Форином до такой чести на тот момент ещё не доросли. Макухо попросил и Акмала Хаялыча, и преподавателя кларнета Владимира Пашина подойти на телестудию на звуковую запись марша. Для записи «картинки» вполне хватало и нас, «чайников». Духовики-«медники» были старше нас и в дублёрах, к счастью, не нуждались.

Запись телепередачи длилась целое воскресенье. В ожидании очереди мы носились по длинным коридорам телестудии, как угорелые. Но вот нас пригласили в самое большое помещение студии — все мигом посерьёзтели. Исполнению марша предшествовал небольшой рассказ диктора (на татарском языке) про наш оркестр. Тишина! Загорелись красные глазки телекамер (снимали с трёх разных позиций) — «поехали!» Записали только с четвёртого дубля. В перерыве между сеансами записей кларнетист Владимир Пашин удивлённо кивнул, показывая на нас с Форином: «Слушай, Акмал, а ведь твои ребятки абсолютно вовремя вступают!» Акмал Хаялыч удовлетворённо хмыкнул, мол, а ты как думал (они оба работали в оркестре оперного театра). Пашин, улыбнувшись, добавил: «Конкуре-е-нты!»

И уже следующим воскресным вечером передача вышла в эфир по республиканскому телевидению. Чтоб придать торжественность столь знаменательному событию, мои родители пригласили гостей — друзей семьи, в том числе супругов Тульчинских, не так давно осчастлививших меня «Щелкунчиком» (эти пластинки «живы» до сих пор). Мой оркестровый дебют был увековечен с помощью ныне допотопной магнитофонной приставки «Нота-303». Правда, записывали через микрофон, качество записи — сами представляете. Но тем не менее...

Гости не скупились на комплименты, а я светился от радости и гордости. Это — я, а это — МОЙ оркестр! Да ещё в телевизоре! Давно ли я, вцепившись в косяк двери актового зала музыкалки, впервые наблюдал за репетицией оркестра Макухо и от-

чаянно завидовал юным оркестрантам. И вот, страшно представить, я не кто-нибудь, а первая флейта этого оркестра! Именно в тот момент ясно понял, кем хочу стать. Музыкантом! Артистом симфонического оркестра.

* * *

Форин в этом вопросе тоже определился. Решено! Мы оба станем профессиональными флейтистами! Объявили об этом Акмалу Хаялычу — было видно, насколько ему приятно это слышать. Он, кстати, не скрывал, что у нас обоих есть данные — и музыкальные, и физические. Игра на духовом инструменте, помимо развития музыкальных способностей, хорошей памяти и даже некоторого артистизма, требует определённых физических кондиций. Для духовика очень важны два элемента: амбужур (губы и язык) и грудная диафрагма, грубо говоря, «меха»

Признаюсь, я немного ревностно отношусь к флейтисткам: представительниц прекрасного пола, музицирующих на моём любимом инструменте, сейчас почему-то стало особенно много. Иногда кажется, что их даже больше, чем флейтистов-мужчин. Ничего не скажу, девушка с флейтой смотрится очень романтично, а физические затраты для звукоизвлечения на флейте минимальны по сравнению с другими духовыми инструментами. Конечно же, профессиональные флейтистки не уступают ни в технике, ни в музыкальной культуре, но вот звук... Звук! Всё-таки для идеального звука нужны мужские «меха». Слышал многих флейтисток, но куда их звуку до Акмалова — объёмному, разливистому, певучему... Звук, как голос: он либо есть, либо его нет. Согласен, и голос, и звук можно поставить, натренировать, но не создать! И именно из-за недостаточно качественного звука порой кажется, что флейта сипит-свистит, а не звучит-поёт. В оркестре это, конечно, не так заметно, но я мгновенно могу определить, есть звук у флейты или нет. Сложный инструмент, скажу я вам.

С тех пор Учитель занимался с нами с учётом поставленных целей: «Через полтора года вы, «жегетляр» (ребята), то есть к концу восьмого класса общеобразовательной школы, должны соответствовать уровню музыкального училища. Точка!»

Акмал Хаялыч никогда не изменял иронично-философскому стилю преподавания, а татарский акцент придавал его наставлениям неповторимый колорит.

До сих пор вспоминаю его незабываемые выражения.

— Слушай, а какую ты вещь играешь, а? — Учитель, будто внезапно забыв, задал вопрос с каким-то недоуменным удивлением.

— Как какую? «Волшебную флейту» Моцарта.

— Хорошо. А как ты её себе представляешь?

— Ну... Это что-то неземное.

— Вот, неземное... А ты как играешь, а?

— А я как земное.

— Земно-о-ое... — маэстро, немного передразнив, наконец, выдал суть. — Да ты играешь, как водастошный труба!

Или как мы с Форином исполняли на уроке дуэт на основе известной темы из седьмой симфонии Бетховена. Играли, как нам казалось, хорошо, даже очень. Акмал Хаялыч с неясной загадочной полуулыбкой смотрел мимо нас, мечтательно созерцая стенку. «Не иначе как наша игра наваяла на него какие-то приятные размышления», — подумалось невзначай. Вдохновения прибавилось, а потому мы старались всюю. Закончив исполнение, мы, в предвкушении одобрительной оценки, даже игриво пихнули друг друга в бок локтями. «М-да-а-а... — выдержав паузу, наконец-то выдохнул Учитель. На наших щеках чуть заметно разливался румянец удовольствия. — Как вас

Макухо до сих пор из оркестра не выгнал, — не понимаю...» Но, честное слово, с нашей стороны никаких даже намёков на обиду. Изредка Акмал Хаялыч приходил на репетиции оркестра, сосредоточенно слушал нас, но никогда ничего не говорил.

Вскоре мы с Фоорином стали посещать концерты Государственного симфонического оркестра ТАССР для школьников по специальному абонементу. Выступления проходили по воскресеньям в актовом зале консерватории — тогда ещё неказистом прямоугольном здании-«стекляшке», что стояло на площади Свободы. Часто дирижировал сам руководитель оркестра незабвенный Натан Рахлин, народный артист СССР. Слушая музыку с видом знатоков, мы воспринимали оркестрантов филармонии как своих старших коллег. А однажды Акмал Хаялыч, договорившись с главным дирижёром оперного театра Илмаром Лапиньшем и инспектором Рыжиковым, пригласил нас на спектакль... в оркестровую яму. Никогда не забуду то колоссальное впечатление от прикосновения к таинству рождения Музыки в самом её святилище. К тому же было очень приятно, что оркестранты, преподававшие в нашей музшколе, поприветствовали нас с Фоорином.

Наверное, поэтому моё сочинение на тему «Кем я хочу быть» было признано лучшим в классе, удостоившись прочтения нашей замечательной учительницей русского и литературы Людмилой Ивановной Веселовой на уроке вслух. Мои некогда категорично настроенные против музицирования одноклассники, немного повзрослев и посерьёзнев, воспринимали наше с Фоорином увлечение уже достаточно нейтрально, даже с некоторым интересом.

Забегая вперёд, скажу: музыкантом я так и не стал... Впрочем, не совсем так. Настоящим музыкантом я, пожалуй, был именно тогда — где-то в седьмом-восьмом классе, поскольку занимался и играл с упоением, самозабвенно, не сомневаясь в том, что музыка — моё будущее. И весьма скромный, достигнутый мною на тот момент уровень тут, по большому счёту, не при чём. Ведь музыкант, помимо призвания, — это ещё и строй мысли, состояние души.

К тому же, кажется, в восьмом классе, я начал сочинять. И не просто сочинять, а писать оркестровые партитуры, поскольку прекрасно изучил возможности и диапазоны каждого инструмента симфонического оркестра, что называется, изнутри. Как тут не вспомнить очень любимый мною образ музыканта-неудачника, всю жизнь сочинявшего первую страничку «то ли кантаты, то ли оратории «Все люди — братья» Андрея Григорьевича Сарафанова, блистательно исполненный Евгением Леоновым в фильме «Старший сын» по пьесе Александра Вампилова. Вот и я тогда не сомневался, что кантаты с ораториями и симфонии с увертюрами — всё впереди, а я на верном к ним пути. Улыбаюсь, перелистывая сегодня тот детский партитурный примитив. Тем не менее, искренне удивляюсь: неужели это действительно мною, четырнадцатилетним пацаном, написано?

В те годы, в основном, у девочек, были популярны тетради-анкеты. Их давали друг другу, чтоб оставить на память дружеские приветствия, пожелания и ответы на вопросы, типа, «твой любимый цвет (город, артист, певец, время года, цветок, предмет в школе и так далее)», «кого ты любишь (в этом разделе ответами, как правило, служили сплошные инициалы)» и другие. Словом, этакий неотъемлемый трогательный атрибут нежного романтического возраста. В конце анкеты часто писали так: «ставлю точку и целую в щёчку».

Мне тоже нередко предлагали черкнуть на память нечто подобное — я никогда не отказывал. На вопрос «твоя мечта» отвечал необычно: «сыграть партию первой флейты музыки к балету Чайковского «Щелкунчик». А ответ на вопрос «твой любимый ансамбль (или группа)» и вовсе повергал в искреннее изумление моих сверстни-

ков: «Государственный симфонический оркестр ТАССР». Согласен, не без прикола, но, тем не менее, правдиво.

* * *

Вопрос про «любимые ансамбли», конечно же, подразумевал совсем другие ответы. Несложно догадаться, что указывались почти исключительно зарубежные коллективы. Считалось престижным разбираться в популярных западных группах и исполнителях. Это было своего рода признаком хорошего тона. Обсуждение новых модных альбомов и шлягеров происходило обычно с немного уставшим видом всезнающих специалистов. Напевать или просто цитировать тексты песен или, на худой конец, отдельные фразы из них на языке оригинала также приветствовалось. Но поскольку английский тогда преподавали на уровне «читаю и перевожу со словарём», чаще всего произносилось так же, как и слышалось, — то есть полная абракадабра. Достать оригинальные слова было неоткуда, а безошибочно воспринять их на слух могли лишь единицы.

И не дай Бог, если в приличной компании ты заикнёшься, что тебе нравится творчество советской эстрады — всевозможные вокально-инструментальные ансамбли (ВИА), к примеру, «Голубые (или «Поющие») гитары», «Поющие сердца», «Лейся (или «Здравствуй»), песня», «Синяя птица», «Красные маки», «Весёлые ребята», «Добры молодцы», «Орфей», «Музыка» и прочие. Минимум — насмешки, максимум — обструкция гарантированы тебе были железно. Конечно, песни наших ВИА звучали повсюду и, в силу несомненного музыкального достоинства многих из них, критично настроенной молодёжью совсем уж не игнорировались. Имелось ввиду другое: быть фанатом любой из этих групп считалось стрёмным, неприличным.

Хотя некоторые исключения допускались для «Песняров», «Цветов» (круче звучало «Группа Стаса Намина»), «Землян», «Аракса», «Самоцветов», Юрия Антонова, Валерия Ободзинского, Александра Градского, Аллы Пугачёвой, Софии Ротару, прибалтийских ансамблей и исполнителей. А уж если группа относилась к так называемому андеграунду («Машина времени», «Воскресенье», «Аквариум» и другие) — увлечение одобрялось, фанатей сколько влезет. Самое главное, чтоб официально всё это не одобрялось.

И если средства на покупку лицензий для выпуска дисков Дина Рида, Джо Дассена, Мирей Матье, Тото Кутуньо, Джанни Моранди или оркестра Поля Мориа у государства всё-таки находились, то вожделенные «Битлы», «Пинк фloyd» или «Куин» можно было найти только на писанных-переписанных магнитофонных записях. Наличие фирменного винилового диска этих групп по значимости приравнивалось к владению томом Булгакова или братьев Стругацких.

В результате, сложилась преинтереснейшая ситуация: многие исполнители, которые критиковались или вообще игнорировались в молодом возрасте, нынче нами же, полысевшими, поседевшими, потолстевшими, оказались востребованными! А их песни, некоторые из которых вообще слушать считалось зазорно, теперь воспринимаются нашим поколением с удовольствием! Звучание той, прежде непрестижной, совковой, музыки зачастую усиливается ещё и чисто ассоциативным восприятием, будучи напрямую связанным с нашей молодостью.

А что же нынешняя молодёжь? Нынешняя молодёжь, лишённая столь странных предрассудков, просто слушает её, как историческое музыкальное наследие. Даже рассуждает, мол, эта песня — «ничего», а это — «ващце классная», и что вам, старым балбесам, в ней не нравилось? Приятно, что молодёжь нынче предпочитает своё,

и фанатов у нынешних отечественных групп и исполнителей — хоть отбавляй! Кстати, что там в музыке сейчас на Западе делается? Да хрен его знает! Слушаю радиостанцию «Европа плюс», и меня хватает, извините, максимум, минут на десять — все эти однообразные, как под копирку, ничем не цепляющие синглы. Даже не знаю, кто там сейчас в «звездах» ходит, да и, честно говоря, знать не желаю. Лишь нашим вчерашним и позавчерашним кумирам — диско- и рок-идолам «с западу» — организуют «чёс» по России-матушке, а те искренне дивятся тому, как их здесь помнят и принимают.

Нельзя также не упомянуть про расцвет интереса молодёжи, особенно студенческой, в те годы к авторской песне, к бардам. Отношение к ним власть предержащих тоже было немного насторожённым, поскольку не охватывалось руководящим началом Ленинского комсомола. Авторская песня, звучавшая в любительских «Клубах самодеятельной песни» (КСП), в студенческих общежитиях или у лесных костров, вызвала подозрения. Не потому, что КСП-шники были сплошь диссидентами (к таковым, и то лишь частично, могу отнести только Александра Галича), а поскольку их репертуар не утверждался всевозможными «худсоветами». Сами они, как правило, не являлись профессиональными авторами и исполнителями, точнее, не имели соответствующих «корочек» и официально не состояли в союзах композиторов или писателей. Мне понравилось очень точное определение авторской песни как «фольклора городской интеллигенции».

Окуджава, Визбор, Никитин, Городницкий, Ким, Ланцберг, Суханов, Крупп, Дольский, Клячкин, Долина, Матвеева, Якушева, Берковский, Кукин, Туриянский, казанец Боков... Их песни светлы и чисты, грустны и ироничны, доступны и несложны. Они вызывают к лучшим человеческим чувствам и учат любить родину. Но у всех один общий «недостаток»: я ни разу не слышал от самодеятельных авторов песен, славивших КПСС и Ленина (хотя одну, Юрия Визбора, «в тему» припоминаю — про «весёлого марксиста» чилийца Виктора Хару).

И ещё. Авторская песня была правдива, а правда во все времена — острое оружие. Ежегодно летом тысячи любителей собирались на фестиваль самодеятельной песни имени Валерия Грушина под Самарой, пардон, под Куйбышевым. Но с 1980 года, когда я уже был первокурсником, «Грушу», как в шутку кличут фестиваль КСП-шники, запретили. По слухам, каким-то функционерам не понравились некоторые песни предыдущей «Груши». Проведение Грушинского фестиваля возобновилось только в перестроечные времена. «Груша» по-прежнему регулярно проводится, становясь заметным культурным событием всероссийского и даже международного масштаба.

* * *

Больше марш Сайдашева мы никогда не исполняли. Руководитель духового оркестра Поляков задумал собственную большую программу и делиться духовиками с Макухо стал реже. А как без «меди» играть маршевые вещи? К тому же больше не изъявлял желания играть в оркестре кларнетист Ильяс. Я искренне недоумевал: «Зачем ты тогда вообще учишься оркестровому инструменту?» К нашей радости, его место вскоре заняли двое друзей-кларнетистов Дима Аксаков и Володя Яковлев, влюблённые в оркестр, как и мы с Форином.

Впрочем, двое «медников»-трубачей не переставали играть в симфоническом, успевая посещать репетиции обоих оркестров. Первой трубой был Толя Крашенинников — серьёзный, строгий парень, года на два старше нас. Помимо зрелых, почти взрослых рассуждений о жизни он запомнился мне уморительным исполнением

конского ржания на трубе, которое регулярно «врубал» в моменты общего веселья или шуток юмориста-импровизатора Макухо, чем ещё больше смешил народ. Толик, помню, дружил со скрипачкой нашего оркестра Суфией Хафизуллиной — тоже серьёзной, вдумчивой девушкой. Её младший брат Анвар, по кличке Мелкий, скрипач оркестра, сидел передо мной и всегда восхищённо слушал нас с Фоорином, из-за чего не раз опаздывал со вступлением.

Вторым трубачом был высоченного роста Женя Сипигин, в противоположность Крашенинникову настоящий хохмач. Когда он приходил на репетицию, все сразу начинали улыбаться — анекдоты и шутки лились из него рекой. Про него можно уверенно сказать — человек-оркестр. Кроме трубы (основного инструмента) Женя играл также на контрабасе, тубе, литаврах, а в перерыве репетиций неплохо лабал джазовые наигрыши на фоно. Уверял, что и гитару освоил самостоятельно, а в доказательство своими длинными ручищами брал наперевес контрабас и, уподобив его гитаре, начинал под общий смех ставить на нём аккорды.

Но больше всех нам с Фоорином нравился Саша Пьянов — первая скрипка оркестра, лучший скрипач музыкалки. Он единственный из нас, оркестрантов, имел абсолютный слух. Невысокого роста, светленький, слегка заикающийся, умевший «грамотно» базарить и отлично играть в футбол. С виду обычный казанский пацан. Но он совершенно преображался, когда играл на скрипке. Иногда создавалось впечатление, что в этот момент в него вселился кто-то другой, неведомый, из другого измерения. Пьянов полностью растворялся в чарующих звуках скрипки — сочных, проникающих в самую глубину души. Казалось, что сопровождавшее игру невероятно чувственное выражение его ничем непримечательного в быту лица тоже прописано в нотах. У многих замороженных его исполнением слушателей на глаза наворачивались слёзы. Мы шутили: у тебя, Сашок, и фамилия подходящая — опьяняешь своей обалденной игрой (впоследствии он взял фамилию матери Зимин). Было приятно, что Пьянов тоже потянулся к нам с Фоорином; впоследствии не один год мы, уже обзаведясь собственными семьями, поддерживали дружеские отношения.

Владимир Алексеевич его очень уважал, иногда даже советовался с ним. Никто не подвергал ни малейшему сомнению казавшуюся незыблемой аксиому: будущее Саши Пьянова — музыка и только музыка. После восьмого класса он поступил в специализированную музыкальную школу при Казанской консерватории, но играть в нашем оркестре не перестал, что было для нас очень лестно. Принципиальное отличие такой школы от рядовых музыкальных в том, что в ней, помимо специальных предметов, на которые, разумеется, делался основной упор, преподавали и общеобразовательные. С одарёнными, специально отобранными учениками сразу начинали работать преподаватели консерватории. В ней учились на год больше — 11 классов. Это давало право выпускникам подобных элитных школ поступать в консерваторию, минуя музыкальное училище (средне-специальное учебное заведение), и зачастую продолжать обучение у тех же самых педагогов.

Макухо, как и Поляков, тоже наметил новую обширную программу: Чайковский, Григ, Мусоргский, Жиганов, Дунаевский. Включил он в репертуар и вещь собственного сочинения — «Эстрадную мелодию». «Ха! — скажете вы. — А как вам удавалось исполнять Сцену из «Лебединого озера», «Рассвет на Москве-реке» или «Утро» Грига, не имея в составе оркестра гобоев?» А вот так! Приходилось нам с Фоорином отдуваться за гобоистов, исполняя их партии параллельно с флейтовыми. Места ушедших из оркестра гобоистов никто не занял, а желающих учиться играть на этом довольно экзотическом язычковом инструменте пару лет не было вовсе.

Мы, юные оркестранты, упросили Владимира Алексеевича включить в репертуар ещё и «Танец маленьких лебедей» — дети питают особую любовь к этому очень популярному, лёгкому, почти «воздушному» произведению Петра Ильича. «Позвольте, — защищался наш руководитель и главный дирижёр, — но там гармоническую основу (фа-диез — до-диез) вообще задаёт фагот, который взять неоткуда». Однако мы были неумолимы. В результате, партию фагота исполняли вторые виолончели пицекато (щипком).

Экспериментировали и с «Танцем феи Драже» из балета «Щелкунчик». Почему экспериментировали? А где же достать челесту — именно её прозрачное, хрустальное соло придаёт музыке этого танца уникальное неповторимое звучание, ведь электронных синтезаторов тогда ещё не существовало в природе? Не беда, «голь на выдумки хитра»: в молоточки пианино понавтыкали канцелярских кнопок — звук получался похожий, всем нравилось. Но Макухо, подумав немного, от этой затеи отказался: мол, нечего над инструментом издеваться.

Аkkомпанировали мы и хору нашей музыкальной школы. Исполнялась, как правило, музыка того времени: пионерские песни «На улице мира», «Салют сина (тебе), Муса Жялил (Джалиль)» и другие. Оркестровое аккомпанирование весьма специфично и требует усердных совместных репетиций, поскольку главная роль отводится хору. А мы всего лишь сопровождали. Хотя оркестр априори намного более сложная музыкальная структура, чем детский хор.

Дирижировать обоими коллективами должен был руководитель хора. Но, боже мой, насколько он не чувствовал оркестра! Иногда казалось, что хоровик вообще забывал про нас, всецело отдаваясь поющей братии. И когда мы, теряя ритм и сбиваясь, останавливались, искренне недоумевал: почему, мол, не играете? Или, ещё хуже, начинал ритмично хлопать в ладоши, отмеряя такт, что сбивало нас окончательно. Приходилось Владимиру Алексеевичу, извинившись, брать бразды правления в свои руки — всё сразу налаживалось.

Но на концертах за дирижёрский пульт вставал всё-таки хоровик. А Макухо... Макухо приходилось маскироваться среди оркестрантов, иногда чуть ли не сидя на полу. Впрочем, одно его присутствие вносило спокойствие, собранность и организованность в наши ряды, обеспечивая грамотное аккомпанирование хору.

Зато насколько легче было сопровождать выступления нашей школьной певицы-иллюстратора! Что за иллюстратор? Дело в том, что все ученики-инструменталисты были охвачены учебными дисциплинами по коллективному исполнительству: различными ансамблями, оркестрами. Ученикам-пианистам их заменял предмет «аккомпанемент», поскольку умение грамотно аккомпанировать для пианистов обязательно. Поэтому в штате музыкальной школы предусматривалась должность иллюстратора — певца-исполнителя, на котором, собственно, и отработывали юные пианисты навыки музыкального сопровождения.

У нас иллюстратором подрабатывала бывшая солистка оперного театра. Потом ей, к сожалению, пришлось уйти из солисток из-за проблем со зрением — она носила очки с толстенными линзами. Боже, какой у неё был шикарный голос! Изумительной красоты глубокое, мягкое меццо-сопрано. Певица, в отличие от юных хоровиков, умела слушать и слышать оркестр, прекрасно представляя нашу квалификацию. Но и мы тянулись за ней, пытались соответствовать уровню. До сих пор закрываю глаза и сладостно выдыхаю, вспомнив «Аве Марию» Шуберта и «Ариозо матери» Новикова в нашем совместном исполнении.

Позднее постоянным солистом оркестра стал певец Юрий Орлов. С ним мы исполняли, в основном, советскую песенную классику: «День Победы», «Горячий

снег», «Торжественную песнь» Магомаева, «Твои следы», «Моя Казань» и другие песни. Как-то раз Владимир Алексеевич попробовал примерить амплу певца на своего пятилетнего сына — планировалось разучить с ним «Песенку Чебурашки» («Я был когда-то странной игрушкой безымянной...»). Но мальчик постоянно сбивался, и от замысла пришлось отказаться. Вести тему с интервалом в терцию («бак-вокал», по-нынешнему) предписали тогда, нам, флейтам, под аккомпанирование пицекато струнных. Забавно припомнить, что во время первого исполнения на репетиции незамысловатая минорная тема детской песенки проняла меня настолько, что, честное слово, на глазах выступили слёзы умиления...

М-да... Невозможно передать, чем был для нас, юных музыкантов, наш оркестр. Он и сейчас представляется мне невероятно светлым и позитивным событием детства. Вспоминаю выразительные детские лица, озарённые благозвучием прекрасной музыки, лучезарным потоком лившейся из-под наших смычков и мундштуков. Конечно, далеко не всегда звучал полный унисон у смычковых, не хватало «мехов» духовикам, небезупречна была техника. Что и говорить, симфонический оркестр — это вам не духовой или народный. Но как же мы, ребята, были счастливы, когда Макухо, перекрывая звучание оркестра, радостно кричал за дирижёрским пультом на репетициях: «Вот! Во-о-от! Теперь я слышу симфонический оркестр!!!» Во многом благодаря ему многие школяры-оркестранты пошли учиться в музыкальное училище.

Отношения между нами тоже были особыми. Не припомню более тёплых, приветливых и радужных отношений, в какие бы коллективы в дальнейшем не заносила меня судьба. Нас объединяла, как пела Алла Пугачёва, «одна святая к музыке любовь». И решающую роль в нашем сплочении и творческом единении играл, конечно же, сам Владимир Алексеевич — тоже, как и Акмал Хаялыч, педагог от Бога. Он, словно магнитом, притягивал детские сердца. Можно только поблагодарить судьбу за такое везение в жизни.

Нелишне напомнить, что в те времена не существовало ни сканеров, ни копиров. Абсолютно все нотные оркестровые партии были рукописными. Что-то мы сами перерисовывали с оригинальных печатных партитур, но львиную долю этой титанической работы проделывал сам Макухо. Особенно меня восхищала быстрота его письма, когда нужно было оперативно переписать партии каждого инструмента при транспонировании в другую тональность в зависимости от высоты голоса солиста-певца.

Тогда-то я и заделался заправским «композитором». Поньше сожалею, что не показал свои творения Владимиру Алексеевичу — стеснялся. Хотя одна вещица — «Марш игрушек» — была ничего. Но уж больно она и по структуре, и по оркестровке похожа на главный марш моей жизни — сайдашевский.

За год мы с Форином освоились в оркестре настолько, что казалась неправдоподобной сама мысль, что нас когда-то здесь не было. Памятный дебют и вовсе вызывал улыбку: а может, то были не мы? Когда получалось что-то дельное, нас с Форином охватывали искренняя радость достижения цели и упоительное ощущение самосовершенствования.

Но очень часто к этим светлым чувствам примешивалась грусть... И причиной её был... Валерка. Точнее, его отсутствие. Как же нам хотелось, чтоб он тоже слышал! Конечно, мы помнили, что музыку он особо не жаловал. Но не сомневались, в нашем исполнении непременно бы воспринял! Воспринял и оценил. Но увыл...

Погожей весной 76-го года у Денисовых родилась девочка, назвали Светой. Впоследствии, завидев её во дворе, я всегда замедлял шаг. С улыбкой наблюдал, как Светочка шустро семенит своими маленькими ножками, ковыряется в песочнице, слышал переливы её весёлого звонкого смеха. Очаровательный ребёнок. И вдруг становилось не по себе от мысли, что она, возможно, не появилась бы на белый свет, если бы не смерть нашего друга. Глубоко вздохнув, я прогонял прочь невесёлые мысли. На всё воля Божья. Света жила вместо него. За него.

* * *

Конкуренция с Поляковым из-за духовиков-медников заставляла Макухо подбирать репертуар, в котором их участие было минимальным. Например, в «Танце маленьких лебедей» они исполняли только две последние ноты (так в партитуре Чайковского). И только непосредственно перед концертами состав оркестра ненадолго пополнялся этой колоритной и довольно специфической публикой.

Духовики! В нашей музыкалке это понятие носило несколько нарицательный, брутальный оттенок. Почему? Поляков часто брал в свой духовой оркестр трудных подростков. Да и вообще, духовая музыка — увлечение настоящих, в хорошем смысле слова, мужиков! Духовики, числясь учащимися нашей музыкальной школы, зачастую посещали занятия только по своему инструменту, игнорируя другие предметы. Руководство школы мирилось с этим: увлечены музыкой пацаны — и слава Богу.

Сейчас я отчётливо понимаю, какое святое дело творил Поляков, уводя их с улицы и увлекая прекрасным. Духовой оркестр по составу был компактней симфонического и концертировал по городу даже больше нашего. На лето Александр Алексеевич заключал договор с каким-нибудь загородным санаторием или домом отдыха — оркестр вечерами играл там на танцах. Пацаны и делом заняты, и отдыхают, и в каникулы по улицам не болтаются. Поляков, ветеран войны, слыл подчёркнуто строгим и суровым педагогом, даже внешне соответствовал своему стилю преподавания, но по-другому с этими пацанами было нельзя. На его репетициях всегда царили желез-

ный порядок и твёрдая дисциплина. Зато юные духовики глубоко уважали и свято чтили своего наставника и руководителя, слушались его беспрекословно. Он был для них непререкаемым авторитетом.

Некоторые духовики действительно выглядели настоящими гопниками и нередко вели себя соответствующе. Частенько общаясь с ними, я, чтобы быть на равных, ментально «включал» все уличные рефлексy и навыки. Форин духовиков сторонился.

Как сейчас перед глазами нехарактерная для музыкальной школы картинка: поляковцы шагают на репетицию по коридору, «конкретно базаря» и громко гогоча. Бедные благообразенькие скрипачи и пианисты, встречавшиеся бравым духовикам, с опаской жались к стеночкам. А мне почему-то вспоминалась строка из маршевой патриотической песни «Руки рабочих»: «Идут хозяева земли! Идёт рабочий класс!»

Помню, как одна ошарашенная мамаша, ожидавшая в коридоре своё чадо с занятий, с недоумением спросила испуганным шёпотом другую мамашу:

— Кто это?

— Ду-хо-ви-ки! — эмоционально прошипела та в ответ.

Меня это рассмешило. Впрочем, духовики, несмотря на браваду и антураж, были, в целом, вполне адекватными, нормальными ребятами. Кое-кого из них я очень уважал как музыкантов. Правой рукой Полякова слыл Рафис — серьёзный, авторитетный парень, очень приличный трубач. Если кто-то из оркестрантов Полякова «не догонял» или не сразу «въезжал», то Рафис растолковывал по-своему, более «доходчиво». Репетиции духового оркестра, к глубокому удовлетворению встревоженных мамочек, проходили, в основном, в ДК имени Кирова на улице Павлюхина.

Но я-то, пардон, тоже духовик! И если в музыкальной школе бытует щадящее, снисходительное отношение к нам, нельзя ли этим воспользоваться? И вскоре подходящий случай представился.

Напомню, предмет «общее фортепиано» был обязательным — любой музыкант должен иметь навык игры на базовом инструменте.

Моей новой преподавательницей фоно стала Лидия Николаевна Ландина — спокойная приветливая женщина. Зная, что я духовик, она не особо лезла из кожи в навязчивом желании сотворить из меня Гилельса или Рихтера, однако привечала желание дружить с клавиатурой. Оценив мой уровень, Лидия Николаевна подобрала соответствующий репертуар для разучивания.

Месяца два-три я старательно разучивал предписанные к исполнению «бирюльки», но вскоре вновь заскучал. Как-то набрался наглости:

— Лидия Николаевна, мне не нравятся вещи, которые мы с вами разучиваем!

— Да? Ну, извини, дорогой, ты — во втором классе, а существует такая вещь, как программа, я обязана её придерживаться.

— Во-первых, за фоно я уже четвёртый год. Меня уже «кормили» подобной обязателькой, из-за чего я чуть не бросил музыкальную школу. —

Я твёрдо стоял на своём и подробно рассказал и про марш Сайдашева, и про установки к действию Акмала Хаялыча, и про то, что хочу ставить планку на максимально возможную высоту.

— Ну, хорошо, — примирительно сказала Лидия Николаевна. — А что б ты хотел разучить?

— Честно? Полонез Огинского, «К Элизе» Бетховена и Вальс Грибоедова. У вас есть их ноты?

— Ноты? А ты знаешь, что это знаковые произведения, их даже пианистам не дают играть. Вещи, конечно, не особенно сложные в техническом плане, но там есть места, где вполне можно «закопаться». Ты, боюсь, не справишься, поэтому...

Я почувствовал, что разговор пошёл по заданному кругу, поэтому решил пойти ва-банк, врубив интонацию «а-ля гопник».

— Ка-а-ррроче, Лидия Николаевна! Мне это «по барабану»! Не буду я больше играть вашу фигну! Я — ду-хо-вик!

Честно говоря, я даже покраснел от собственной наглости, но «слово — не воробей...» Покраснела от недовольства, поджав губы, и Лидия Николаевна. Несколько секунд висела томительная тишина. Я заволновался: слишком круто, похоже, заложил вираж, непонятно куда ситуация вырвется, ведь прекращать учиться на фоне намерений-то не было. Но вдруг в глазах педагога мелькнул весёлый огонёк, значит, «есть контакт»! И действительно, Лидия Николаевна, выдохнув, махнула рукой:

— А что, давай! Давай! Это даже, чёрт возьми, интересно!

Облегчённо выдохнул и я. Спасибо вам, Лидия Николаевна, за понимание!

— Но смотри, Петя! Гонять буду, как сидорову козу! — постучав пальцем по крышке пианино, добавил педагог.

Что можно сказать? Я и сегодня могу вполне сносно исполнить вещи, на которые тогда замахнулся. Всё-таки Интерес (с большой буквы) — великая вещь! Только огромное желание и настоящая целеустремлённость приносят результат — в этом я не оригинален. Частенько в жизни приходилось сталкиваться с выпускниками музыкальных школ по классу фортепиано. Меня всегда искренне удивляло равнодушие к музицированию их подавляющего большинства. Более того, некоторые вообще забыли, какие вещи играли на выпускном экзамене! Обалдеть! А на вопрос «для чего тогда учился» звучат разные ответы, сквозь которые красной нитью проходит одно — отсутствие настоящего интереса.

Конечно, пришлось попотеть и покорпеть при разучивании заявленной мною достаточно непростой программы. Потерпеть, кстати, тоже — критики и назиданий в процессе занятий хватало. С другой стороны, предупреждали заранее? Предупреждали. «За гуж взялся», «груздём назвался»? Вот и не хныкай!

Близился годовой экзамен по «общему фоно» у инструменталистов. К нему мы готовили «Полонез» и «К Элизе», получалось вполне нормально. Не безупречно, конечно, но всё же.

И вот день экзамена настал! В коридоре перед экзаменационным классом толпились второклассники. Первыми шли струнники. Духовики постарше, коих, понятное дело, были единицы, замыкали экзамен. Сквозь неплотно закрытые двери класса просачивались звуки «бирюлек»; струнники играли на фоно значительно лучше духовиков.

Моя очередь. Поздоровавшись, уселся за пианино. «Училки» по фоно выглядели довольно утомлёнными, среди них Лидия Николаевна. Начал с Огинского. Слежу краем глаза, стараясь не сбиться: педагоги зашевелились, приосанились, стали озираться на Ландину — она сидела с непроницаемым лицом. Перед «Элизой», переводя дух, оглянулся на присутствующих экзаменаторов, в их глазах читался немой вопрос, адресованный, скорее, Лидии Николаевне: «Второй класс? Что играет мальчик?!»

Отыграл. «Спасибо!» Вышел. Вскоре экзаменаторы стали выходить из класса, каждый из ожидавших результата экзамена учеников ломанулся к своему преподавателю. Я не спешил, ожидая окончания ажиотажа младших школяров. Наконец, Лидия Николаевна, улыбаясь, подошла ко мне.

— Ну что, на твёрдую пятёрку не дотянул, кое-где смазал. Мне больше твой «выпендрёжный» репертуар защищать пришлось — все были весьма недовольны несоблюдением общепринятых правил, я тебя предупреждала.

— И что вы им сказали?

— А, говорю, покажите духовика, который играет лучше. Ты знаешь, они как-то сразу успокоились. — И, вновь улыбнувшись, добавила. — А вообще ты — молодец!

Так в моём репертуаре появились вещи, которые не стыдно было показать на людях. Даже красовался с ними перед оркестрантами, обычно они немножко играли на фоне в перерыве репетиций.

* * *

Однажды ко мне подошёл Рафис.

— Слышь, а чё ты у Макухи-то играешь? Давай к нам в духовой! Ты, вроде, пацан нормальный...

Вопрос, как говорится, интересный, однако ответ на него представлялся очевидным — отрицательным. Но отказать необходимо максимально дипломатично и убедительно. Так, чтоб Рафис не обиделся ни за себя, ни за своих пацанов-духовиков, ни, тем более, за Полякова.

— Видишь ли, Рафис, — начал издали. — Я ж, типа, сразу к Макухе сел, он на меня конкретно ставит — я ж первая флейта.

— Ну и чё? — парировал Рафис. — И у нас будешь первой флейтой, а Андрюха подвинется (Андрей Климов тоже занимался у Акмала Хаялыча) .

— Препод у нас симфонист, он, типа, сразу нас настроил на Макуху, помогает, объясняет, если чё. Ты ж знаешь, — продолжил я.

В глазах Рафиса читалось одно: «Не убедил». И тогда я понял, что пора вбросить решающий аргумент.

— И потом, вы же все с Павлюхина, Хади Такташа, Спартаковской, так? А я-то комаровский. Мои пацаны, в натуре, не поймут.

Рафис, прищурив глаза, несколько секунд внимательно изучал меня, будто впервые увидел.

— Не, ты чё, в натуре, с Комарова что ли?

— Я тебе О!-твечаю!

Рафис, резко развернувшись, молча удалился. Базар окончен.

Почему наш диалог с Рафисом закончился так неожиданно? Очень просто — комаровские воевали с павлюхинскими. Именно воевали — бились смертным боем, даже просто находиться на территории противника было небезопасно.

Не скрою, чтоб развернуть сюжет и продолжить повествование, вновь пришлось долго настраиваться, поскольку писать про гопников и про музыку — небо и земля. Но надо, ибо полную картину казанской жизни времён моего детства и отрочества изложить без описания явления, получившего во времена Перестройки название «казанский феномен», не получится. Ведь сталкиваться с ним в той или иной степени приходилось почти каждому казанскому мальчишке.

Я упоминал про культ «конкретного» казанского пацана. Конечно, стремление выглядеть приклатнённым, грамотно базарить, культивировать в себе бойцовские качества, бесстрашие и агрессивность, качать мышцы и уметь драться — не уникальное казанское явление, оно присуще едва ли не всем городам и весям страны. Во все времена на Руси сойтись врукопашную «стенка на стенку» считалось национальной забавой. Но войны группировок казанских гопников назвать «забавой» язык не поворачивается.

Всё, как на войне: объявление войны какой-нибудь, как правило, соседской группировке, заключение союзов, перемирий. На стенах домов, заборах, в общественном транспорте часто красовались надписи: «Такие-то» — козлы, «такие-то» — короли

(вместо слова «короли» обычно изображалась корона)», из которых можно было понять, кто с кем враждует. В итоге: «Чё-чё-чё?! За базар отвечаете? Айда шаблá (толпа) на шаблу, что ли?» И понеслась!..

Иногда боевые действия приобретали немалый размах — десятки бойцов с каждой стороны в рукопашной. Впрочем, рукопашными в полном смысле слова схватки за «честь улицы» были далеко не всегда. Боевой «арсенал» включал в себя палки (бейсбольными битами тогда ещё не торговали), цепи, кастеты, ножи. Боестолкновения нередко завершались весьма печально. Словом, с наступлением темноты на улицу лучше было не выходить. Патрулирование своих владений называлось «моталками».

Оружейных дел мастера, подобные покойному Валерке, обитали не только в нашем районе. Однажды меня, возвращавшегося поздно вечером из музыкалки, неожиданно окружили павлюхинские гопники. «Где живёшь?» — первый вопрос чужаку повсюду был одинаковым. Правдивый ответ на него мог привести к самым непредсказуемым последствиям, поэтому я назвал какую-то далёкую улицу, надеясь, что павлюхинские с ней проблем не имеют. Вообще-то врать было опасно — могли подловить на втором вопросе «кого знаешь?» (авторитеты из разных группировок были широко известны гопникам за пределами своих улиц). И если ответа не следовало или он оказывался неверным — значит, врётся! А раз врётся, значит, скрываешь, откуда на самом деле, значит, скорее всего, с вражеской территории. Но второго вопроса не последовало, какой-то салага вылез вперёд: «Чё врётся, я тебя на Комарова видел!» Видел ли он меня на самом деле или брал на понт выяснять было незачем, я мгновенно среагировал и, протаранив салагу, бросился наутёк. Бежал я хорошо, не смотря на портфель с флейтой. «Стоять!» — крикнули сзади. Ага, сейчас! Послышался непонятный хлопок — дома я обнаружил маленькую дырочку в портфеле, уж не знаю, из чего по мне шамальнули. Хорошо хоть, флейту не задели.

Пришлось моему отцу вечерами встречать нас с Форином с занятий. Что поделаешь? Да и днём ходить по территории неприятеля приходилось, будучи всегда начеку. Привычка постоянно оценивать оперативную обстановку вокруг вошла в норму.

Хорошо запомнил, как после празднования моего пятнадцатилетия мы с Форином пошли проводить скрипача Саню Пьянова и кларнетиста Димку Аксакова. Идём, ничего не можем понять — Танкодром напоминал растревоженный муравейник. У всех встречавшихся какие-то возбуждённые лица, люди эмоционально что-то обсуждают, то тут, то там — милиция. Оказывается, павлюхинские только что нанесли визит с палками и цепями, нападая на всех встречных пацанов. «Ответка» комаровских не заставила себя долго ждать. И так по кругу.

Но рисковал ли я, честно сообщив Рафису, где живу? Уверен, что нет. Почему? Правильно, спасала «одна святая к музыке любовь». Мы, оркестранты и ученики музыкалки, понятное дело, не придавали особого значения тому, кто с какой улицы.

Некоторые мои одноклассники регулярно участвовали в «моталках» и в междоусобицах гопников, это существенно повышало авторитет. Я массовых драк сторонился, несмотря на культивируемый мною антураж гопника, но, повторюсь, это было частью общепринятых норм поведения.

Но однажды и мне пришлось поучаствовать в коллективном махаче. Возвращаясь из города, на конечной троллейбусной остановке «Кольцо» на улице Свердлова я случайно встретил своих пацанов. Стоим, базарим, никого не трогаем. И вдруг, как атака кобры, — внезапное нападение с разных сторон. Кто-то из наших успел определить: «Павлюхинские!» Конечно, драка была скоротечной — всё-таки среди бела дня, останова, полно народу, но одному из наших по кличке Чича успели сильно разбить лицо.

Комаровские враждовали также с аметьевскими, с Высотной, ЖБИ, Борисково, со Вторыми горками. Когда я учился в девятом классе, в драке «шаблА на шаблУ» забили насмерть пацана со Вторых горок. Как беспристрастно и сухо констатировал милицейский протокол, «крики прекратились, удары продолжали наноситься». По «делу» тогда проходили четверо — все бывшие ученики нашей школы. Время стёрло из памяти их имена, но кликухи помню до сих пор: Афоня. Купец, Селя и Гоголь. Все получили различные сроки заключения. Один из них «ходил» с одноклассницей Ирой Гараниной, она, помнится, ещё собирала подписи учеников школы с просьбой взять его на поруки — не помогло. Весьма печальным фактом было другое. Многие наши пацаны рассуждали примерно так: «его (погибшего пацана) сюда никто не звал, он сам со своей шаблОй припёрся на Комарова, не убили бы его — убил бы он». Замкнутый круг. Этот трагический случай вызвал большой общественный резонанс: в газете «Советская Татария» даже вышла статья «Драка». В ней автор пытался анализировать причины подобных вопиющих инцидентов, и не только у нас на Танкодроме.

Самой крутой в городе в пору моего детства считалась группировка тяп-ляповских — из жилого микрорайона вокруг завода «Теплоконтроль». Слава о ней гремела далеко за пределами Казани, группировкой руководили криминальные авторитеты. Суд по уголовному делу тяп-ляповских также освещался в газете «Комсомолец Татарии».

* * *

В чём причины столь широкого распространения в Казани подобных негативных явлений, о которых я пытаюсь рассказать? Не знаю. Да и не ставлю задачу исследования, просто описываю, как всё происходило, исходя из личных воспоминаний и впечатлений. Вражда молодёжных группировок, массовые драки здорово отравляли казанскую жизнь той поры, заметно влияя на духовную атмосферу города. Народ вокруг постоянно пугал друга друга бесконечными страшилками, начинавшимися одинаково: «возвращался (возвращалась) поздно вечером домой...».

Определение «казанский феномен» появилось позже, при Горбачёве, когда я уже жил в Сибири. Почему-то эта тема очень полюбилась журналистам и телевизионщикам, постоянно представлявшим родной город в нелицеприятном свете, как-будто ничего позитивного в Казани вообще не происходило. Тогда по телевидению и в прессе, после информационного воздержания застойных времён, вообще считалось нормой смаковать негатив. Вытаскиваешь «чернуху», льёшь грязь в глаза и уши сограждан — значит, идёшь в ногу со временем. Гласность же! Безусловно, освещать негативные явления жизни, призывать бороться с ними — показатель гражданской зрелости общества. Но всё хорошо в меру, тот период остался в памяти, как всеобщее низвержение основ и принижение значения почти всего, что было создано поколениями советских людей, сопровождавшихся мазохистски упоительными самооплёвыванием и самобичеванием.

Всегда бесило, когда кто-то, узнав, что я из Казани, сразу начинал задавать вопросы про гопников: «а правда, что у вас в Казани...» или ещё лучше: «... у вас, у татар...» В Новосибирске хулиганья, конечно, хватало, но массовых драк, войн группировок, как в Казани, в те времена не было.

Перво-наперво приходилось объяснять вопрошавшему, что никакой, абсолютно никакой националистической подоплёки в «казанском феномене» не было даже близко, группировки были подчёркнуто интернациональными. Главный вопрос —

где живёшь?. Честь улицы — превыше всего. И вообще, Казань, мол, в этом плане не уникальна — молодёжные группировки тогда безобразничали и в Горьком, и в Свердловске, и в других крупных индустриальных городах. Но с чьей лёгкой руки была «ославлена» именно Казань...

Не существовало у группировок и экстремистской направленности — подавляющее большинство гопников были пролетарского происхождения. Помню, в марте-апреле 1979 года к 90-летию со дня рождения Гитлера по Казани поползли упорные слухи, что невесть откуда взявшиеся «бритоголовые» собираются шумно и широко отметить юбилей фюрера. Никто их в глаза не видел, однако слухи множились и множились: кто-то говорил, что, мол, откуда-то приедут, кто-то — что они глубоко законспирированы, но обязательно повылазят, «вот увидите!»! Власти города отнеслись к подобным слухам всерьёз, поэтому вечером 20 апреля на опустевших улицах города дежурили усиленные наряды милиции. Патрулировали город с целью обнаружения и наказания «бритоголовых» и группировки гопников, каждая на своей территории. Впервые милиция их не трогала, а на вопросы «чего тут шляется?», пацаны объясняли: «Да не, начальник, отвечаем, всё нормально будет. Мы, в натуре, бритоголовых ищем!» И действительно, махачей «шабля на шабле» в тот день не случилось, между группировками было заключено всеобщее перемирие, правда, никаких бритоголовых ни милиции, ни гопникам обнаружить не удалось. И слава Богу.

Здоровые понятия о самом главном тогда были у всех. В те времена никому и в голову не приходило ставить под сомнение значимость и величие нашей Победы. С детства, играя в «войнушку», мы старательно изображали «русских» и «немцев», а не гоблинов или десептиконов, как сейчас, причём никто не хотел быть «немцем».

Вспомнилось также, как в день сообщения о нападении маоистского Китая на дружественный Вьетнам в феврале 1979 года пацаны нашего класса пришли к военруку школы Павлу Евстихьевичу Назаренко с вопросом на полном серьёзе: «Как попасть в добровольцы, чтоб воевать за Вьетнам?» Конечно же, военрук доходчиво объяснил, что надобности в нас нет никакой, наше, мол, дело — «учиться, учиться и учиться, как завещал великий Ленин». Но каков сам порыв! К слову, «косить» от армии тогда считалось западло. А служить все, как один, хотели в десанте или морской пехоте. Многие позже сами просились на службу в ДРА (Демократическую Республику Афганистан). Служили хорошо, в школу иногда даже приходили благодарственные письма из воинских частей.

Большинство гопников моего детства вспоминаются вполне вменяемыми пацанами. Многие из них впоследствии как бы переросли, переболели, перебороли этот возрастной недуг, и армия в этом исцелении послужила хорошим лекарством. Хотя многие и ломали себе судьбы: вставали на кривую дорожку, попадали в тюрьмы или спивались. Откровенные отморозки (хотя в ту пору такое словечко, как, кстати, и слово «братва», ещё не употреблялось) тоже встречались, но их, слава Богу, были единицы.

Безусловно, группировки гопников той поры принципиально отличались от братковских из ОПГ 90-х годов. Мне довелось как-то увидеть по каналу НТВ в телепроекте «Криминальная Россия» сюжеты про казанские ОПГ «Жилка» и «Хади Такташ» — разница колоссальная. Главная причина отличия — отсутствие, скажем так, экономической составляющей, непоставимо меньшее влияние на молодёжную среду криминального бизнеса образца семидесятых годов, размах которого просто смешно сравнивать с лихими девяностыми. Но многочисленные ОПГ лихого десятилетия реформ уже не были локальным казанским явлением, свидетельствуя об общественном недуге всероссийского масштаба.

Однако я веду речь про семидесятые. Абсолютное большинство вчерашних гопников, повзрослев и посерьёзнев, шли работать, заводили семьи, некоторые даже получали высшее образование. Но я до сих пор не могу понять, что за бес вселялся в души обыкновенных пацанов?! Отчасти понятно: подростковый максимализм, «понты», бравада, общественный вызов, желание привлечь к себе внимание. Плюс своего рода протест против общепринятых норм поведения и правил жизни, ощущение силы, околориминальная псевдоромантика. Строптивость и агрессивность как способ защиты. Но что ещё?

* * *

Не бойтесь быть хорошими!

Помню, как-то Куцый целый день ходил и напевал в школе песенку старушки Шапокляк из мультфильма «Крокодил Гена»: «Кто людям помогает, тот тратит время зря, хорошими делами прославиться нельзя!». Я спросил его, чего, мол, распелся-то? Он в ответ:

— А чё-ё, не так, что ли? Пра-а-льно, хорошее сделаешь, никто и не заметит! Вон Филиппок (местный авторитет той поры) никому ничего хорошего не сделал, а все его знают и боятся!

Почему-то тогда среди многих пацанов считалось: вежливость, учтивость, доброжелательность — свидетельства мягкотелости, слабости. А слабых бьют! Вот и «старались» всюду, выпендривались друг перед другом и перед всеми, как могли. И потихоньку, незаметно, исподволь подобная гипертрофированная норма общения формировала некую постоянную жёсткую поведенческую установку, выйти из которой у многих не получалось. Засасывало. Зачастую ссору можно было легко загасить, но не-е-ет! «Кодекс чести» не позволял.

Общепринятыми, универсальными были даже походка и выражение лица. «Конкретному» пацану полагалось ходить не спеша, вразвалочку, чуть скосив стопы внутрь, руки непременно в карманах. На подчёркнуто безразлично-нагловатом лице как бы было написано: «Ну, чё-ё надо-то? Отвалите все!» Желательно что-нибудь жевать или курить, время от времени сплёвывая на землю. Хриповатый смех звучал толчками и напоминал кашель. Слова произносили немного в нос, растягивая и гнусавая.

В начальных классах одним из моих лучших друзей был одноклассник Азат Нуруллин (фамилия изменена), позже широко известный среди «комаровских» под кличкой Таук. Из нормальной семьи, добрый, общительный мальчишка. Когда он улыбался, на его щёчках появлялись симпатичные ямочки. Никогда не забуду его письмо ко мне в Пятигорск (после первого класса я отдыхал там на каникулах у бабушки). Послание было довольно сложным, потребовался подстрочный письменный «перевод» моих родителей с помощью подсказок самого автора. Азатик пояснял, что именно хотел сообщить, но вот фразу «ваш кафтан стоит по-прежнему» объяснить так и не смог: дескать, забыл, что хотел сказать.

Потом мы с ним оказались в разных классах — я, напомню, ушёл вслед за Валеркой в новый класс. Общаться стали значительно реже, потом в мою жизнь вошёл Форин, музыкалка, флейта, оркестр. И я не заметил, с какого момента Азат стал превращаться в настоящего волчонка, злого и хищного. Его полностью захватила стихия улицы. С возрастом он занял весомый авторитет среди гопоты, многие пацаны его боялись. Общение наше и вовсе свелось к минимуму — так, кивнём друг другу да парой фраз перебросимся. Но я обращался к нему не по кличке Таук, а по имени и только по имени. Принципиально. И чувствовал, ему это импонирует.

Как ни странно, Азат побаивался моей пятигорской бабушки, хорошо знавшей его младшеклассником. Точнее, не побаивался, а как-то, случайно сталкиваясь на улице, сторонился, избегал её. Почему? Бабушка, педагог во втором поколении, Отличник народного просвещения, Заслуженный учитель РСФСР, очень любила пообщаться с моими друзьями подчёркнуто дружелюбно, ласково. Завидев Азата, всегда подходила к нему с открытой улыбкой: «Привет, Азатик! Ну, что, мой милый дружок, как твои дела?» Причём совершенно не «просекала» ситуации: «дружок» мог стоять с пацанами, покуривая (папиросу он сразу бросал) и «конкретно базаря» нарочито хриплыми приклатнёнными голосами. Разок подобная встреча происходило при мне. Бедный Азатик терялся, начинал ёжиться, озабоченно озираться. У пацанов «выпадал глаз» и отвисали челюсти: чё-чё? Мы не услышались? Грозный Таук, аказыц-ца, милый дружок Азатик этой странной бабки? И ведь не нахамишь, не пошлешь подальше — человек, как-никак, подошёл к тебе искренне, с открытым сердцем.

Да уж... Я пытался объяснить бабушке ситуацию, но она решительно не «врубалась», дескать, я что, не могу подойти поприветствовать хорошего мальчика? «Ты что, мне, старой заслуженной учительнице, ещё будешь рассказывать, как нужно общаться с детьми?» Необходимо упомянуть, что в Пятигорске, где прошла её основная педагогическая деятельность, гопников не было вообще. А Генка, сосед бабушки по дому, отрекомендованный ею как «ужасный хулиган городского масштаба», совершенно не впечатлил. Мой намётанный глаз сразу оценил: не-не-не — жидковат, в Казани этот чувак не потянул бы даже на авторитета средней руки.

Азат неплохо играл в футбол и хоккей за бывший мой «А»-класс, позже судил матчи чемпионатов старшеклассников. Физруки доверяли ему: пацан авторитетный, его судейские решения никогда не вызывали несогласия и споров у игроков. Помню, как после обидной, пропущенной мною, «банки», он, вынимая шайбу из ворот, назидательно изрёк: «Вот, Петя, это тебе не на пианине играть!»

Ещё до окончания мною школы Азат получил свой первый срок — год, за драку. В бытность мою студентом отправился во вторую «ходку», более длительную. А когда я уже проживал в Сибири, он сел в третий раз, теперь уже надолго. По слухам, стал на зоне авторитетом, «смотрел» за карточными играми.

Но годы третьей «ходки» Азата совпали по времени с периодом колоссальных перемен как в стране, так и в криминальной жизни: во весь рост поднималась новая хищная поросль — знаменитая «братва» девяностых, поначалу не признававшая старые воровские традиции. Хотя, со временем, «братков», попадавших на зоны, заставили считаться с ними. Оказавшись как бы на изломе эпох, Азат, освободившись с зоны, не «вписался» в новую жизнь. Улица изменилась до неузнаваемости: «пушки», «крыши», «стрелки», проценты, «откаты», «счётчики». Прежнего пиетета не стало, плюс отсутствие образования, специальности, да и на работу с тремя судимостями попробуй устройся. Хорошо хоть, что поддерживала семья, где он остался горячо любимым сыном.

Пару раз мы с ним в те годы встретились. Улыбались, обменивались дежурными фразами, справлялись об общих знакомых — кто, где и как. Но общения не получалось, мы словно с разных планет прилетели. Однако было приятно узнать, что Азат, по слухам, гордился наличием «друга-учёного».

Общая неустроенность и неудовлетворённость жизнью, к большому сожалению, привели к пагубному пристрастию, закончившемуся трагически — Азат преждевременно ушёл из жизни, царство ему небесное. Вот я и думаю: останься он самим собой — и по-другому сложилась бы жизнь. Но, несмотря ни на что, Азатик остался в моей памяти добрым обаятельным мальчишкой с замечательными ямочками на

щеках, который так и не смог вспомнить, что же означает фраза «ваш кафтан стоит по-прежнему».

* * *

«Не бойтесь быть хорошими!»

Так называлась передача для школьников, которую вёл на республиканском телевидении кандидат педагогических наук Михаил Бушканец. Произносил он название своей передачи своеобразно: «Не бойтесь быть «ха-о-шими!»», но это так, деталька. Ему удалось очень точно уловить и облечь в короткую ёмкую фразу суть внутреннего личностного конфликта очень многих подростков.

Передача была популярна, в ней участвовали ученики казанских школ. Обычно обсуждались различные нравственные, гуманитарные темы. Для создания соревновательного духа приглашались ученики двух (именно двух!) школ. Задумано тонко: «свои» подсознательно тянулись к «своим», поддерживая точки зрения друг друга. Получался увлекательный двусторонний интеллектуальный поединок, часто возникали горячие споры, мнения расходились. Ведущий умело вёл диспут, направлял тему, вбрасывал мысли, подсказывал, помогал выйти из штопора, когда выступавший запутывался в собственных рассуждениях, мягко гасил раздражение и агрессию, если градус споров повышался. Но иногда школяры зажимались и молчали, как партизаны на допросе, несмотря на все старания педагога раскошегарить участников телешоу. Стоит отметить, сейчас народ более раскован перед телекамерами, чем тогда, особенно молодёжь. Да и престиж, и значимость самого факта показа по телевидению были несравнимо выше нынешнего. Фраза «меня по телеку показывать будут!» звучала магически. Раз в телевизоре — значит, крут!

Что ж, замысел был великолепен: школяры раскрывались, пытались разумно рассуждать, аргументировать, старались выглядеть лучше. И в тот момент, конечно же, не боялись быть хорошими! Их мнение было не просто замечено, выслушано и одобрено, но ещё и, благодаря телеэфиру, растиражировано. Действительно, сидят в студии настоящие «живые» пацаны и девчонки, спорят в непринуждённой манере, озвучивают правильные мысли, многие из которых, возможно, оставили бы при себе в повседневном общении со сверстниками в силу некоей доминирующей коллективной установки или ложных предубеждений. Внимали их речам и юные телезрители: раз это звучит с телеэкрана, значит... Помимо несомненной пользы для самих участников телепрограмм, услышанное по «телеку», глядишь, западёт полезным зёрнышком кому-то в душу и даст хороший всход. Михаил Бушканец всячески поддерживал верные мысли, не скупился на похвалу, а в завершении, поблагодарив школьников за участие в передаче, всегда искренне желал: «Не бойтесь быть хорошими!»

Довелось поучаствовать в этой передаче и мне. Представители от нашей школы утверждались директором лично. Предстояло сразиться со сборной специализированной математической школы № 131, куда в разное время перешли учиться и несколько человек из нашей школы. Капитаном команды «стотридцатки» как раз являлся бывший наш ученик Саша Курмышкин. Тема передачи: «Век техники или век человека?» Запись происходила на той же телестудии, где тремя годами раньше звучал марш Сайдашева в исполнении оркестра Макухо.

Соперники не понравились нам сразу: снобизм и высокомерие читались на их лицах — фу-ты, ну-ты, спецшкола, блин. А мы кто? Так, обычная «рабоче-крестьянская» школа — мы ощущали почти что классовую неприязнь. Естественно, они утверждали, что «век техники», а мы, тоже совершенно естественно, что «век человека» — а как по-другому?

Словом, «заруба» была нешуточная. Бушканец почувствовал их несколько пренебрежительное к нам отношение, самолюбование, лёгкое высокомерие, сквозившее в каждом выступлении представителя «стотридцатки», поэтому незаметно стал подыгрывать нам: чаще давать слово, соглашаться с нашей позицией, мягко останавливать самозабвенно «токующих» математиков. К тому же, какой, к чёртовой матери, «век техники»? Человечка! Человек превыше всего! Справедливости ради отмечу, что Курмышкин, которого я немного знал лично (его родители преподавали математику в нашей школе), всё же лишнего не усердствовал, возможно из-за того, что жил по соседству, и «перегиб палки» мог выйти ему боком — большинство наших пацанов смотрели эту передачу.

С телестудии по домам нас развозили на служебном автобусе. В салоне мы, представители обеих противоборствовавших сторон, старательно не замечали друг друга, ещё не успев отойти от ожесточённого, почти «идеологического» противостояния. И вдруг я поймал себя на мысли, что мне физически не хватает Шампуня с Куцым для продолжения «басара» со «стотридцаткой» в несколько ином «формате». Как пел Высоцкий, «настоящих буйных мало...» Но... нужно же «быть хорошими», как пожелал нам Бушканец.

После показа передачи авторитет участников теледиспута в школе резко вырос. Некоторые гопники даже одобрительно похлопывали по плечу: «Не, вы нормально всё-таки этим ... врезали! Нефиг им! Подумаешь, «стотридцатка», блин!»

Бушканцу подобный «телеспаринг» тоже понравился — идея сводить на интеллектуальном ринге учеников простой и специализированной школ оказалась очень удачной. Поэтому он пригласил повторить теледебаты на новую тему в том же составе, правда, я во втором раунде уже не участвовал.

* * *

Не могу не вспомнить добрым словом педагогов, сделавших очень много, чтоб отвести пацанов от улицы, оградить от влияния гопоты.

В нашей школе это были, прежде всего, учитель труда Юрий Алексеевич Никитин, руководивший кружком «Умелые руки» и упоминавшийся ранее физрук Леонард Георгиевич Качалич с его захватывающими школьными чемпионатами по футболу и хоккею (позже к ним добавились баскетбольное и волейбольное первенства) и «душеспасительными» басарами с гопниками.

Кружок «Умелые руки». Ха! — усмехнётесь вы, — тоже мне, «сделай сам». Но не спешите с выводами. Изделия, которые изготавливали ученики, поражали своим качеством и технической сложностью. Недаром многие пацаны ходили к Юрию Алексеевичу и в старших классах, когда уроки труда уже не входили в учебную программу. Кабинет труда поражал своей оснащённостью — сейчас таких уже не найти. Отдельно столярная и слесарная мастерские, множество самых различных инструментов и станков, с которыми трудовик, мастер «золотые руки», управлялся виртуозно. Он запомнился мне здоровым, сильным, довольно резким мужиком. Мог на уроке и «вклеить» особо напрашивавшемуся, и обматерить или, как меня однажды, вышвырнуть за шкуру с урока (не скрою, заслужил). Но никогда назидательно не зудел, не «давил на мозг», не занимался нудным морализаторством. И именно открытостью, искренностью, справедливостью, неподдельной увлечённостью и какой-то мужской «настоящостью» подкупал пацанов. Не могу себе представить, чтоб кто-то из нас мог ему нахамить, что в отношении с другими учителями было обычным делом. Хорошо помню, как в восьмом классе на уроке литературы мы совместными усилиями довели до истерики молодую учительницу Эфиру Зиевну — она, бабахнув дверью, с плачем выскочила из класса и побежала в учительскую.

Начало восьмого класса ознаменовалось сменой директора. Вместо ушедшей на пенсию Розы Шараповны школу возглавил Лев Аркадьевич Могильнер — учитель истории, по непроверенным слухам, полковник КГБ в отставке. Прямой, жёсткий, но справедливый и честный человек. Он совершенно не боялся гопников, не тушевался и не пасовал перед ними, был с ними подчёркнуто твёрдым и непреклонным. Разок, помню, элементарно навтыкал при нас авторитету по кличке Усы. И гопники, чувствуя его силу и характер, частенько давали слабину, отступали. При Розе Шараповне они имели привычку постоянно приходить в вестибюль или на крыльцо школы, кого-то задирать, унижать — словом, «обозначать присутствие» в жизни школы (штатных школьных лицензированных охранников с тревожными кнопками и рациями тогда не существовало). Ученики, в массе своей, их боялись, да и многие учителя, чего уж там скрывать, тоже опасались. Лев Аркадьевич быстро их отвадил. Добавлю, что ни пионерская организация, ни комитет комсомола школы, где я заведовал сектором печати, абсолютно никакого влияния на гопников не имели, хотя многие из них числились членами ВЛКСМ. Но и только.

Новый директор резко активизировал сотрудничество и с инспекторами по делам несовершеннолетних, и с участковыми. С ними проводились классные и общешкольные родительские собрания, особенно после ЧП с убийством.

На одном из общешкольных собраний Лев Аркадьевич демонстрировал небольшую экспозицию ударно-колюще-режущего арсенала, изъятого у учеников в стенах школы. Одно время мы забавлялись тем, что, зарядив в розетке небольшой конденсатор, разряжали его в кого-нибудь из школяров, как правило, младше или слабее себя. Особенно «сладостным» было наблюдение за процессом медленного подноса конденсатора к открытой части тела отчаянно верещающей жертвы, которую крепко держали. Ну, а мастерски метнуть кому-то под ноги портфель так, чтобы жертва рухнула на пол, или намазать перед самым уроком соплями дверную ручку класса, чтобы учитель впопыхах её схватил, — это за плохие поступки не считалось.

В то же время, добрые сердца ребятишек ведь никуда не девались: каждое утро к крыльцу школы собирались все дворняги округи. Псы, виляя хвостами, ожидали завтраки и угощения, которыми заботливые мамы снабжали в школу своих чад. А одноклассник Рэм обожал котят и щенят, не раз притаскивая их в школу. Но в какие-то моменты детские сердца будто бы в свинцовую фольгу заворачивались.

Став директором, Могильнер вместе с учителем физики Александром Ивановичем Раковым обеспечил все помещения классов телевизорами. При нём в школе возникло множество спортивных и прикладных кружков. Но одним из самых знаковых и необычных деяний директора была организация в нашей школе музея Латышских стрелков.

Напомню, моя школа № 90 стояла на улице Латышских Стрелков, по-татарски — «Латыш Укучылары». В 1978 году в Казани широко отмечался шестидесятилетний юбилей освобождения города революционной Латышской Красной дивизией от колчаковцев. Лев Аркадьевич решил провести праздник одноимённой улицы и школы, на которой она стояла. Из Риги даже приехали три настоящих латышских стрелка, старенькие ветераны той дивизии, — они сидели на почётных местах в первом ряду школьного актового зала во время торжественного собрания и концерта в честь знаменательной даты. Перед школой прошёл праздничный митинг, состоялось шествие по улице, названной их именем (её перед этим отремонтировали и вычистили). Юбилейные мероприятия завершились разбитием небольшого сквера Латышских стрелков рядом со школой (к сожалению, деревца прижились плохо, сейчас же на этом месте высится жилой дом...).

Венцом торжеств стало открытие ветеранами школьного музея Латышской Красной дивизии. Причём Лев Аркадьевич поручил основную работу по его организации самому «проблемному» на тот момент — 9«Б»-классу (я тогда уже был десятиклассником). Ученики, между прочим, проявили большую заинтересованность, делегации от класса не раз ездили в Ригу. Там с нашими школярами поделились информацией, историческими документами, некоторыми экспонатами, опытом в проведении экскурсий по музею. Так в нашей школе появилась своя собственная «изюминка». Одна ученица 9«Б» проводила даже экскурсии на английском языке (несколько раз школу посещали иностранные делегации).

Первый визит в Ригу наших девятиклассников запомнился ещё одним событием, но другого толка. По рассказам пацанов, около вокзала до них докопалось местное хулиганье. Те понятия не имели, что связываться с казанскими — себе дороже. Пришлось нашим доступно растолковывать это непосвящённым аборигенам простым «контактным способом»: казанская делегация не ударила лицом в грязь, подтвердив своё реноме. Вернувшиеся с гордостью докладывали о «боевом» успехе, и это было самым ярким впечатлением от первого визита в столицу Советской Латвии.

* * *

Наконец-то у нас в оркестре появились гобои! Два оркестранта, Саня Мясников и Игорь Пысин, окончив музыкалку по классу скрипки, специально ради оркестра пошли учиться в класс гобоя, преподаватель которого, также как и Акмал Хаялыч, был оркестрантом оперного театра. Конечно, отдуваться за гобои нам с Форином было не в тягость, но всё же флейта — не гобой. Иногда потребность в звучании именно этого инструмента — сильного, немного гнусавого, разливистого — ощущалась почти физически. И хотя оба свежееиспечённых гобоиста имели отличную общую музыкальную подготовку, не один год играли на скрипках у Макухо, но...

Ребята! Неудивительно, что ученики, выбиравшие при поступлении этот инструмент, долго в школе не задерживались. Гобой — самый сложный инструмент симфонического оркестра! Его предок — русская жалейка, принцип звукоизвлечения на гобое — колебание между собой двух тонких тросточек (язычок). Детишки летом на улице часто издают схожий звук, сорвав и сплющив губами стебелёк одуванчика — колеблющиеся между собой половинки стебелька как бы выполняют функцию тросточек гобоя. У Сани с Игорем всегда под рукой было несколько маленьких скляночек с замоченными в воде язычками. Перед вставкой в корпус инструмента их необходимо подготовить — продуть, пососать, пожевать губами. Аппликатура гобоя сложнейшая. Чтобы играть на нём, нужно иметь стальные губы и хорошее здоровье — по физическим затратам на звукоизвлечение это самый ёмкий инструмент симфонического оркестра. Неудивительно, что гобоисток несравнимо меньше, чем флейтисток. И если я изредка вижу в каком-нибудь оркестре гобоистку, мне, честное слово, хочется снять перед ней шляпу. Это не женщина — это самурай!

Наши экс-скрипачи Саня и Игорь имели месячный стаж игры на гобое, когда стали выступать в новом амплу. Но за этот месяц, максимум, чему можно научиться, — это извлекать звук. Не поставить, натренировать, а всего лишь научиться грамотно извлекать, иначе то передув, то «кикс», то пустой звук. И вот играет на репетиции оркестр — пока нормально. Но... врубил гобои — всё, тушите свет! Можно дальше не продолжать — никакая аудитория слушателей не вынесет такой лажи. Оркестр спотыкался, Саня с Игорем тяжело вздыхали и, краснея, начинали сосредоточенно рассматривать и поправлять язычки. Инструмент им упорно не

подавался. А ведь так хотелось иметь в оркестре почти полный состав «дерева»! Тем более, что исполняемые нами «Утро» Грига, «Рассвет на Москва-реке», «Танец маленьких лебедей» и «Сцена» из «Лебединого озера» вообще начинаются с соло гобоев! Но, увы...

Однако не было счастья да несчастье помогло. Конец второго года нашего музицирования в оркестре завершился ошарашивающей всех новостью: Макухо отказывается от руководства. Дело было на репетиции. Мы, юные оркестранты, оглушённые известием, молчали, сжав в руках инструменты. Как так? Такого не может быть! Может, это шутка? А, Владимир Алексеевич?

Но это была не шутка. Макухо рассорился с директором Фарсиным. По сведениям Таисс Мухтаровны, в школу пришла разнорядка о представлении соискателя на звание «Заслуженный учитель», нужно было определиться с кандидатурой. Честолюбивый Владимир Алексеевич вполне заслуженно надеялся на получение почётного звания, ведь его ученики-скрипачи каждый год успешно поступали в музыкальное училище, а про нас и говорить нечего: единственный не только в Казани, но и во всем Поволжье детский симфонический оркестр держался исключительно на энергии, энтузиазме и профессионализме Макухо.

Однако Фарид Юнусович придерживался другого мнения: есть, мол, уважаемый Владимир Алексеевич, более достойные кандидатуры, Вы ещё сравнительно молоды, а потому... Словом, свой отказ от руководства оркестром Макухо объяснил оркестрантам «свинским к себе отношением» со стороны директора.

Каникулы с восьмого на девятый класс прошли в печальном осознании того факта, что моё святилище, моя «шамбала» — симфонический оркестр — похоже, уйдёт в небытие. Вдобавок родители настояли на том, что мне не следует поступать в музыкальное училище, об учёбе в котором мы с Форином мечтали. Карьера музыканта, дескать, очень непроста и неопределённа, флейта — инструмент достаточно специфический, редкий, а музыкальное образование — узко специализировано. Другое моё увлечение — биология — более универсально, а потому оно перспективнее, и пора всерьёз задумываться об учёбе в университете. Что ж, убедили. Но Форин — молодец: он остался верен нашей с ним детской мечте и после восьмого класса решил податьсь в музучилище. Поступил уверенно, что совершенно неудивительно, благодаря блестящей школе Акмала Хаялыча.

Начало нового учебного года в музыкальной школе было тускло и безрадостно, несмотря на насыщенную и сложную программу, намеченную учителем. Предстояло разучить сложный флейтовый концерт Кванца — уровень училища, между прочим. Но что толку совершенствоваться в игре на инструменте, если нет ни Форина рядом, ни любимого оркестра, ни будущей перспективы музыканта. Бросить, что ли? Но нет! Я настолько любил свою флейточку, относясь к ней, как к любимой девочке, бросить которую представлялось подлым и низким предательством. И не только по отношению к ней, но и к искренне вкладывавшему в меня душу Акмалу Хаялычу. Ладно, думаю, закончить музыкалку и получить аттестат полезно — жизнь впереди длинная, мало ли что ждёт на пути.

Новый дирижёр школы отказался руководить оркестром в его полном составе — не каждый музыкальный специалист осилит такую сложную махину: смычковые, «дерево», «медь», ударные. Да, похоже, наш Макухо уникален. В результате, скрипачей, виолончелистов и контрабасистов объединили в струнный оркестр, а духовиков, не охваченных оркестром Полякова, отрядили в ансамбль, которым руководил преподаватель трубы, оркестрант оперного театра Ильин. Нужно отметить, что на базе первой и четвёртой казанских музыкальных школ тоже существовали достаточно

сильные оркестры, но они, как и новый, «облегчённый» оркестр нашей школы были камерными, струнно-смычковыми.

После первого же занятия в духовом ансамбле я отчётливо осознал — нет, ребята, это не для меня: морковка после мёда, как выражались наши пацаны, не канала. О чём я прямо заявил Ильину, добавив, что ходить на ансамбль больше не стану: слишком сильно «ранение оркестром». А если «настучите» на меня директору — вообще брошу музыкалку. К чести Ильина, он не сделал этого, поскольку не раз слышал оркестр Макухо и прекрасно видел разницу между ним и директивно вменённым ансамблем, а потому «гнать волну» не стал, дескать, не хочешь — не ходи.

Но Макухо не был бы Макухо, если бы так легко сдался. Встретив как-то меня, он с загадочной улыбкой поинтересовался: а не хочу ли я продолжить играть в его оркестре? Внутри меня всё радостно возликовало: «Ха! Вы ещё спрашиваете!» «Так приходи на репетицию!» Владимир Алексеевич договорился с директором соседней общеобразовательной школы № 88, что на улице Ботанической, в которой учились многие наши оркестранты, о выделении помещения для репетиций.

На первую репетицию реанимированного оркестра я буквально летел! Невозможно передать, как мы, оркестранты, были рады новой встрече друг с другом и возобновлению репетиций и выступлений! Никто не ушёл! Ни один человек! Даже те, кто поступил в музыкальное училище, включая Форина, хотя им-то точно уже необязательно было играть у Макухо. К слову, тогда в музучилище своего симфонического оркестра не было. А тут — какая-никакая, а всё-таки оркестровая практика! Да и вообще...

Так чем же несчастье помогло? Освободившись от музыкальной школы и её директора, Макухо со своим оркестром превратился в свободного художника: планы и цели можно было уже ни с кем не согласовывать, только с нами. Оркестр стал выступать намного чаще. И на радио, и на телевидении, и в МЦ (Молодёжном центре), и в филармонии, и в святая святых — оперном театре, и даже на ТЭЦ-2. Певец Юрий Орлов стал нашим постоянным солистом. Несколько раз мы выступали в ДК имени Кирова, объединившись с их ВИА, нас тогда величали уже эстрадно-симфоническим оркестром, как у самого маэстро Юрия Силантьева! Выступали также с хором Дворца пионеров имени Абдуллы Алиша.

Административный талант Владимира Алексеевича заиграл новыми красками, ему удалось найти спонсоров (тогда говорили шефов). Нам пошили единую концертную форму: девчонкам — красивые длинные переливающиеся голубым платья, нам, пацанам, — жакетные костюмы и рубашечки тоже голубого и синего цветов. В таком виде мы смотрелись не просто хорошо — картиночкой! Не было проблем с кормёжками, транспортом. Словом, полноценная творческая жизнь!

Правда, название оркестра менялось в зависимости от «политической» конъюнктуры: то «ДК имени Кирова», то «ДК Республиканского центра творчества молодёжи», то как-то ещё. Вышедшая весной 1978 года в газете «Комсомолец Татарии» статья под названием «Первый детский симфонический» окрестила нас уже оркестром «Приволжского РОНО». Под этим же названием мы выступили на большом правительственном концерте в оперном театре. «РОНО» так «РОНО», — на качество исполнения это никак не влияло.

А что же многострадальные гобой? Макухо и тут нашёл решение. Свобода действий и плавающий «статус» нашего оркестра позволили ему добыть небольшую ставочку совместителя для Фердинанда — выпускника музучилища по классу гобоя, мы звали его Фердик. Фердик совсем бы не выделялся среди нас, если б не борода, которую он отказался сбрить. И в стройном ансамбле оркестрового «дерева» зазвучал гобой! И не просто зазвучал — запел... Звуком гобоя, почти виртуозной техникой,

Фердик владел прекрасно. В сложных местах партитур бородатый «мальчик», как и Акмал Хаялыч когда-то в нашем с Форином незабываемом дебюте, играл один, где попроще — с Саней и Игорем. И всё время им подсказывал, показывал, объяснял, как правильно исполнять. Результат не преминул сказаться: качество игры экс-скрипачей под непрерывным чутким руководством Фердика стало улучшаться не по дням, а по часам. Когда удавалось правильно исполнить что-то стоящее, Саня с Игорем светились от гордости, чему мы все были несказанно рады.

Но... жизнь без тёмных полос не обходится. В начале 1978 года ушёл из жизни руководитель духового оркестра Поляков. Достоинейший человек, фронтовик, педагог, воспитатель, царство ему небесное. Провожал Александра Алексеевича в последний путь ЕГО оркестр. Таисс Мухтаровна, присутствовавшая на похоронах, рассказывала, КАК играли «поляковцы». Играли и плакали. Руководил ими, смахивая слезу, в момент повзрослевший, посерьёзневший Рафис. Впервые он никому из своих не «вдувал» за фальшь: понимал, что пацанам не всегда удавалось справиться с дрожащими от плача губами. Когда становилось совсем нелегко, юные музыканты ненадолго отнимали инструменты от губ...

* * *

Как продвигалась учёба Форина на новом, более профессиональном уровне? Очень успешно. Он был самым сильным первокурсником духового отделения. Переселился к бабушке на Жуковского, чтоб не тратить время на дорогу. Стал получать стипендию, обрёл свободу, самостоятельность, чем очень гордился (я-то продолжал оставаться в статусе школяра). Задружил со старшими ребятами-музыкантами, начал играть в духовом квинтете. Но... всё также ходил в наш оркестр. Там, в основном, мы с ним и встречались.

Преподавателем Форина стал Рамзис Ханипович Гайсин — патриарх казанской флейтовой школы. За глаза его звали Рамзесом. Форин называл его философом — Рамзес любил, чтобы каждое произведение учащиеся не просто исполнили, а обязательно «пропустили через голову», прочувствовали, осмыслили.

Весной 78-го года произошло знаменательное событие в жизни Форина. Однажды, по объективным причинам, временно выбыли из строя два штатных флейтиста оркестра оперного театра. Акмал Хаялыч, который, напомним, был концертмейстером флейт, должен был подыскать замену. Обычно музыканты города, в случае чего, всегда выручали друг друга — профессиональных флейтистов в Казани было наперечёт, все они, естественно, были знакомы между собой. Но тут, тоже по объективным причинам, возникли сложности. Если на вечерние спектакли замены ещё находились, то на один из воскресных утренних детских спектаклей «Кошкин дом» второй флейтой играть было некому. Тут Акмал Хаялыч и вспомнил про Форина, попросив его, теперь уже почти коллегу, выручить.

Ух ты! Сыграть в оркестре оперного! В самом настоящем спектакле! В пятнадцатилетнем-то возрасте, всего лишь через два с половиной года с того момента, когда ты вообще впервые взял флейту в руки! Пусть «Кошкин дом», пусть для детей, пусть второй флейтой, но сам факт! Конечно же, Форин с радостью согласился.

И вот день спектакля настал. Но никто Форина на служебном входе, как договаривались, не встретил. Строгий вахтёр не пропустил, объяснения и увещевания не помогли — не положено и всё тут! Озабочено взглянув на часы, Форин глубоко вздохнул и поторопился в кассу. Взял самый дешёвый билет за пятьдесят копеек, попав, наконец-то, в театр вместе с юными зрителями и их родителями. Оказалось, что про

него впопыхах попросту забыли, правда, искренне извинились. Спектакль прошёл нормально, Форин уверенно справился с не самой сложной партией второй флейты. Акмал Хаялыч был доволен, новоиспечённому юному внештатному сотруднику даже выплатили кое-какой гонорарец. Лиха беда начало!

С тех пор бывший учитель стал нечасто, но регулярно привлекать Форина на дневные детские спектакли. Это давало и финансовое подспорье, и статус, и первоклассную практику, учитывая, что партии балетов «Конёк-Горбунок» Пуни или «Золушка» Прокофьева, хоть и второй флейты, простыми никак не назовёшь. Но всё равно Форина тянуло в оркестр Макухо, где когда-то им был сделан первый шаг на тернистом пути профессионального музыканта. Стоит заметить, он был не единственным из выпускников музыкалки, прикипевших сердцем к оркестру нашего детства. Анекдот заключался в том, что я продолжал играть первой флейтой, как изначально распорядился сам Акмал Хаялыч, несмотря на то, что за год учёбы в музучилище Форин заметно перерос меня в профессиональном плане.

И вскоре свершилось! Форина пригласили поработать на вечернем спектакле — балете Адана «Жизель». Завхоз театра подыскал ему чёрную оркестровую униформу, приблизительно подходившую по размеру, с концертным фракком и бабочкой (на дневных спектаклях музыканты обычно одевались кто во что). На «Жизель» пожаловала мама Форина с сёстрами и дядей и я с родителями. Виновник торжества, поправляя непривычный тесный «кис-кис», деловито расхаживал по оркестровой яме, непринуждённо беседовал о чём-то с музыкантами, разыгрывался, но я явственно чувствовал его волнение. Ещё бы! Парню всего-то шестнадцать! Несмотря на то, что чёрный классический фрак сидел на худощавом Фореине немного мешковато, смотрелся он настоящим профессионалом. Завидев нас, «болельщиков», он небрежно сделал ручкой. Впрочем, нечего понапрасну отвлекать: артисту необходимо грамотно разыграться, настроиться на исполнение, ещё раз прогнать сложные места партии — мне всегда нравилась лёгкая, разномастная, настраивающая на особый лад какофония звуков «разогревающихся» перед спектаклем музыкантов.

Наконец раздался третий звонок, плавно погас свет, зажглись софиты, занавес поднялся, зазвучала увертюра балета. Я волновался не меньше самого Форина — сердце у меня стучало как после километрового кросса. Успокаивало одно: первой флейтой играл Акмал Хаялыч. Родной надёжный Учитель находился рядом, что вселяло уверенность, я видел, как в паузах они что-то обсуждали, глядя в ноты.

Что там делалось на сцене, меня, честно говоря, не интересовало — я не сводил восхищённых глаз со своего друга. Завидовал ему — вот он и воплотил в жизнь нашу с ним сокровенную детскую мечту. Таинственный полумрак оркестровой ямы придавал необычному действию торжественность и загадочность, а волшебная музыка Адана только усиливала восприятие чуда. В мягкой ауре подсветки театрального попитра, словно при горящей во мгле свече, Форин своим выразительным, с тонкими чертами лицом, обрамлённым светлыми, немного вьющимися волосами, напоминал молодого Шопена...

Со временем Форин закрепился в оркестре оперного театра, вечерние спектакли стали для него привычным делом. Иногда он, отказываясь от участия в наших вечеринках, с усталой небрежностью бросал: «Не могу, у меня вечером «Риголетто». Словом, рос парень. На последнем курсе училища, когда ему исполнилось восемнадцать, его и вовсе оформили в штат театра на постоянную работу.

К тому моменту Форин уже полностью освоился в музыкальном коллективе театра, к Учителю стал обращаться просто «Акмал», перейдя на «ты», — коллеги-коллеги, как-никак. Пару раз мы втроём встречались, тепло общались с умеренным по-

треблением спиртного. Однако я не мог и не собирался переступить психологический порог: обращение к Учителю только по имени, а тем более, на «ты» воспринималось мною непозволительным, противоестественным панибратством. Акмал Хаялыч, чуть захмелев, то ли в шутку, то ли всерьёз всё спрашивал меня: «Петя, ты когда в консерваторию поступать будешь?» Я отвечал, мол, в университете же учусь. Он отмахивался: «Э-э! Меня это не интересует! В консерваторию-то ты думаешь поступать?»

Форин всегда легко сходился с людьми, но маргиналов не выносил физически. К моему неудовольствию, стал покуривать (Акмал Хаялыч никогда не курил: лёгкие духовика — его хлеб). Но виною этому была театральная курилка — место раскованного дружеского общения.

Что ни говори, люди искусства — народ особый. Несколько раз Форин приглашал меня на театральные, как сейчас говорят, корпоративы по случаю разных праздничных дат. Я, помню, с удовольствием общался с театральным людом, удачно «косил» под настоящего музыканта и, рисуясь перед девчонками-балеринами, вволю витийствовал, «растекался мыслю по древу» за искусство, за театр, за музыку, благо был немного в теме. Кстати, в не столь отдалённом будущем Форин, как и Акмал Хаялыч, женился на скрипачке театрального оркестра Любочке Квасковой, я был свидетелем на их весёлой музыкальной свадьбе.

* * *

Тем временем стартовал выпускной десятый класс. Последним, выпускным учебный год был и в музыкальной школе. И вновь он начался с неожиданности. Акмала Хаялыча загрузили дополнительной работой в театре и, по-моему, добавили жалования. Времени для работы в музыкальной школе в его плотной творческой жизни не осталось. К моему глубочайшему сожалению... Мне же объявили, что новым преподавателем флейты, точнее, преподавательницей, будет некто Наиля Газизовна Гизатуллина.

Настроение и общий тонус ещё больше упали, когда однажды родители серьёзно поговорили со мной относительно дальнейшего участия, вернее, неучастия в оркестре (закончить музыкальную школу они считали более нужным). Предстояли выпускные экзамены, необходимо было всю жизнь подчинить достижению главной на тот момент цели: поступлению в университет. Вдобавок, если я не поступал сразу после школы, то по возрасту попадал под весенний призыв в армию, а поступать и учиться после армии намного сложнее. Отсюда вывод... Я, конечно, и сам задумывался об этом, но всё малодушно откладывал на потом логичный и неизбежный шаг — прощание с родным оркестром.

К осени количество наших оркестрантов в новом статусе учащихся музыкального училища ещё более возросло, тогда как приток молодёжи из музыкальной школы почти полностью иссяк. Если раньше музицирование в оркестре было частью образовательного процесса, то теперь, уже больше года, оркестр Макухо школьным не считался. Мы росли, и вместе с этим оркестр всё меньше и меньше выглядел «детским»...

Наиля Газизовна оказалась очаровательной миниатюрной девятнадцатилетней девушкой — студенткой-первокурсницей консерватории. В первую нашу встречу после представления друг другу я вдруг почувствовал, как уголки моих губ непроизвольно поехали к ушам, расплываясь в широченной улыбке. Я выглядел старше своих лет, носил усы и «баки». Наиля Газизовна покраснела и опустила глаза — в моей улыбке отчётливо читались приятное удивление, умиление и снисхождение. Вот тебе

и Наиля Газизовна! Обращение к новому преподавателю по имени-отчеству застрева-ло у меня в глотке. Достигли компромисса — обращаться по имени Неля, но на «вы».

Когда Неля пыталась мне что-то растолковать на занятиях, она, стесняясь, неред-ко краснела. Поднимая глаза, постоянно натывалась на мою неизменную улыбочку, которую я на своём лице вообще не чувствовал, настолько она была естественна и не-принуждённа. Однажды, осекшись на полуслове, мой педагог с лёгким негодованием выдала: «Ну чего ты улыбаешься-то?!» После чего опустила глазки и ещё больше покраснела.

В мае установились жаркие денёчки, Неля приходила на занятия в лёгком сара-фанчике, в босоножках, с распущенными волосами — прелесть, а не наставница. Со стороны казалось, что преподаватель — я, «закованный» в пиджак, брюки, ботинки и выше её почти на голову.

Пикантность положения ещё более усугубилась, когда мы с Форином как-то слу-чайной столкнулись с Нелей на улице. Форин, лучезарно просияв, ласково выдохнул: «Нелечка-а-а, салям!» Оказалось, что когда они учились в музучилище (Форин на первом курсе, она — на последнем), мой друг пытался за ней ухаживать, правда, без-успешно (ему всегда нравились девушки постарше, супруга Люба старше Форина на три года). Нелечка, бросив на меня встревоженный, немного растерянный взгляд, поджала губки и... конечно же, привычно покраснела. Она хоть и училась в кон-серватории, а Форин только в училище, но профессиональный вес имела меньший, Форин-то — артист оркестра оперного театра, хоть пока и внештатный. Это вам не хухлы-мухлы!

Впрочем, в музыкальной школе Неля пришлась ко двору. В тот год в класс флейты было набрано неожиданно много младшекласников. Поначалу настоящие инстру-менты им не давали: играть тяжело чисто физически, поэтому азы музицирования детишки проходили на деревянных продольных блок-флейтах, мы называли их «ду-дочки». Нелю они обожали, та тоже любила с ними возиться, чувствуя себя «в сво-ей тарелке». Акмалу Хаялычу по складу характера было бы трудно справиться с этим «детсадом».

Да и мне «лафа»! Неля особенно не докучала Я играл что хотел и как хотел. Иногда было заметно, как вдохнув воздух и приготовившись что-то сказать, она осекалась, похоже, мысленно махнув на меня рукой. Особенно, если замечала мою ухмылочку. Невооружённым глазом было видно, как Неля с нетерпением ждала конца занятия, радуясь звонку на перемену. Уж простите, уважаемая Наиля Газизовна, но за тот год я как музыкант не приобрёл практически ничего. Хотя, наверное, сам виноват. Впро-чем, карьера профессионального музыканта на веки вечные «сделала ручкой», музи-цирование в оркестре вот-вот завершится, впереди другие, новые горизонты жизни, но... но всё-таки жаль. Жаль несбывшихся надежд и детских мечтаний.

Несомненно, Акмал Хаялыч, останься он преподавать дальше, факт смены моих жизненных ориентиров к сведению бы не принял и требований бы не снизил — по-другому он просто не умел. Всё или ничего. Выходит, вновь «не было бы счастья...» Учитель время от времени захаживал в музыкалку на наши с Нелей занятия просто так, по старой памяти и из любви к искусству. Неля во время его визитов скромненько сидела в сторонке. Что ж, было приятно и полезно изредка тряхнуть стариной — я успевал соскучиться по манере преподавания Маэстро. Неля, кстати, тоже с интере-сом внимала его мастер-классу, видимо, почерпывая для себя немало полезного.

Однажды Акмал Хаялыч зарулил ко мне на занятие вместе с Форином. В наруше-ние Нелиных планов на урок мы решили поиграть флейтовые ансамбли трио и квар-тетом. Господи, как классно получалось! Когда выступает ансамбль флейт, музыка

звучит не просто восхитительная — божественная: хрустальная, невесомая, прозрачная, необычная. Через каждые пять минут в класс снаружи приоткрывалась дверь — проходившие по коридору ученики были зачарованы и заинтригованы непривычными волшебными звуками и, не в силах сдержать любопытство, пытались заглянуть внутрь хотя бы одним глазком.

* * *

У всех учащихся музыкального училища программой была предусмотрена педагогическая практика. Однажды, когда я уже был студентом-первокурсником, Форин обратился ко мне с просьбой: «Слушай, Петька, мне надо получить зачёт по педпрактике. Не мог бы ты зайти сыграть что-нибудь перед Рамзесом и сказать, что это я научил тебя, а?» «Да нет проблем, Форин, хоть сто порций!»

В оговорённые день и час я предстал на суд флейтового патриарха славного города Казани. К сожалению, мы с Фоорином заранее не договорились, что буду играть, поэтому я начал с исполнения концерта Кванца. Закончил. Рамзес озадаченно попросил сыграть что-нибудь ещё. Потом ещё. — Да пожалуйста! Форин сидел рядом с непроницаемым лицом. Наконец, Рамзес, улыбнувшись, пошутил: «Фархад, я не пойму: кто кого из вас играть-то научил?» Посмеявшись шутке (конечно же, Форин, к тому времени, играл лучше на порядок), Рамзес с интересом спросил меня: «Слушай, а ты вообще кто? Я всех флейтистов Казани знаю, а тебя нет!» Пришлось рассказать ему и про музыкальную школу № 5, и про Акмала Хаялыча, и про оркестр Макухо (Рамзес был с ним знаком). Но, самое главное, педпрактика Фоорину была зачтена!

Окончив через год музучилище, Форин получил госраспределение в музыкальную школу райцентра Актаныш, хотя уже был в штате оперного театра. Мы, помню, ещё весело посмеялись: двигай по распределению, Форин. Актаныш, конечно же, круче оперного!

А по осени Фоорину предстоял призыв в армию. В оперном театре пообещали сохранить за ним место на время службы. Друг заблаговременно позаботился о перспективе ратной службы. Раздобыл у кого-то телефончик главного дирижёра Отдельного показательного оркестра Министерства обороны СССР генерала Михайлова. С замиранием сердца позвонил: так, мол, и так, я такой-то, заканчиваю Казанское музыкальное училище по классу флейты, осенью призыв. Хотел бы, товарищ генерал, пройти срочную службу в вашем оркестре. Удача улыбнулась моему другу, генерал ответил: «Хорошо, молодой человек. Приезжайте, я вас прослушаю. Адрес такой-то».

М-да, действительно недаром говорят, везение — непростое ремесло. Но вначале нужно было себя удачно подать — экзамен, пожалуй, посложнее выпускного в музучилище. Однако Форин показал себя с самой лучшей стороны — и техника, и звук, и навык чтения с листа генерала удовлетворили. Ещё бы! Вердикт был положительным: «Вы меня устраиваете. Дайте данные приписного свидетельства, я сделаю на вас запрос в военкомат».

Лето прошло в тревожном ожидании: вдруг что-то не срастётся, забудут, не дойдёт? Но всё обошлось. Явившись по повестке в назначенный срок, Форин получил предписание — прибыть в назначенный день по адресу: город Москва, Хамовники, ОПО МО СССР, воинская часть такая-то. Выйдя от военкома, он окинул взглядом галдящую, не очень трезвую призывную братию в телогрейках и с рюкзаками у ворот военкомата и отбыл в гражданском плащике, с дипломатом к месту службы в гордом одиночестве.

База показательного духового оркестра минобороны располагалась на территории знаменитых Хамовнических казарм, построенных ещё в 18-м веке. Конечно, подобная ратная служба, как выражаются военные, «масло». Разок мне удалось побывать у Форина в части: светлая просторная казарма, койки в один ярус, за постом дежурного, у каптёрки, — большой бильярдный стол, рядом репетиционный зал. Хорошая кормёжка, интересный досуг, частые увольнительные (у Форина даже подруга-москвичка была), форма офицерского покроя — словом, элита вооружённых сил. ОПО МО считался лучшим духовым оркестром страны.

Служба проходила в постоянных репетициях, выступлениях, гастролях, парадах, торжественных приёмах, встречах иностранных делегаций или официальных лиц. Изредка привлекали к участию в похоронах высокопоставленных военнослужащих. Автомат Форин брал в руки лишь однажды, когда принимал Присягу. Очень много времени, понятное дело, уделялось строевой подготовке и музицированию в движении, особенно перед парадами на Красной Площади 1 мая и 7 ноября. ОПО МО составлял основу для сводного духового оркестра — ох, и гоняли их в преддверии праздничных дат! Оркестранты, рассказывал позже Форин, буквально падали от усталости. Одни ночные прогоны чего стоили. На главных парадах страны дирижировал сам генерал Михайлов. Сохранилась фотография, которая мне очень нравится: стройный, подтянутый Форин в составе оркестра с флейтой-пикололо в парадной форме с аксельбантом, в беленких перчаточках на фоне Спасской башни и стен Кремля. Довелось поучаствовать и в похоронах Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева на Красной Площади. Словом, служба досталась интересная, насыщенная.

На время службы Форина выпали гастроли ОПО МО в родную Казань. Концертировали в актовом зале консерватории, куда мы с Форином в детстве ходили по абонементу на Госоркестр ТАССР, а также выступали с Макухо. До сих пор помню тот потрясающий концерт военного оркестра: многие ветераны в первых рядах зала плакали при заключительном исполнении «Прощания славянки». Чего ж, спрашиваю Форина, не подготовили специально для Казани марш Сайдашева? — Да вот, мол... не сложилось. Упущение!

Форина после концерта даже отпустили на ночку домой. Он отпросил у командиров несколько друзей-сослуживцев — мы устроили весёлое застолье, но пили исключительно сок, даже шампанское — ни-ни! Газета «Комсомолец Татарии» освещала приезд прославленного оркестра в Казань, подготовив большую статью. В ней дали слово и Форину: как-никак, посланник Татарстана в рядах такого коллектива!

Долгое время вызревала в голове Форина мысль насчёт продолжения сверхсрочной службы. Он всё взвешивал и колебался — ОПО МО или Казанский оперный, армия или гражданка? Окончательно сделать выбор в пользу демобилизации сподвиг один невесёлый случай.

Незадолго до дембеля Форин проштрафился, и ему, уже заслуженному армейскому «дедушке», вlepили десять суток ареста на гауптвахте. Своей «губы» ОПО МО, разумеется, не имел, поэтому беднягу Форина отконвоировали на окружную гауптвахту, занимавшую большое, тщательно охраняемое здание с высоким забором и колючкой по периметру. Почему «беднягу»? Вроде, не такое страшное наказание — десять суток ареста! Что за служба без «залётов»? Дело в том, что охрану арестантов несли солдаты-срочники внутренних войск, призывавшихся, как выяснилось, с Западной Украины — «губошлэпы» называли их «бандеровцами». Боже, вспоминал Форин, как они, гады, над ними издевались! С тех пор при одном только упоминании слов «западенцы» и «бандеровцы» у него начинали ходить желваки на скулах и сжиматься кулаки (сегодня, кстати, не у него одного) .

В итоге, к нашей общей радости, он вернулся домой. Но служба в ОПО МО заметно повысила его профессиональный уровень. Друг прочно обосновался в основе оркестра оперного театра, регулярно исполняя партии первой флейты.

* * *

Но как там дела у оркестра Макухо?

Я всё кормил «завтраками» родителей насчёт оставления оркестра, но каждый раз, приходя на репетицию, глубоко вздыхал и говорил себе: уж в следующий раз — точно! Видя всегда весёлого, ироничного Владимира Алексеевича, мне невольно представлялось, как искренне он расстроится, объяви я о своём уходе. Форин сказал, что тоже бросит, если меня не станет в оркестре. К тому же, в его жизнь уже вошёл другой, более серьёзный оркестр оперного театра. Словом, я ходил с тяжёлым сердцем. Ведь флейта — главный инструмент деревянно-духовой группы. А без неё... Без ложной скромности, равноценных нам с Форином флейтистов Макухо не найти.

И вот Макухо объявил о грядущей записи на радио для детской музыкальной передачи на татарском языке. И я решился: всё, ребята, «прощальная гастроль»! Время передачи было ограничено, нам предложили исполнить три вещи на выбор. На общеоркестровом «консилиуме» постановили: пусть это будут Жиганов «Вторая сюита на темы татарских народных песен», Чайковский «Танец маленьких лебедей» и... Макухо «Эстрадная мелодия».

Исполнением этих трёх знаковых произведений и завершилась моя оркестровая карьера... Сперва я хотел объявить об уходе сразу после записи, но ребята-оркестранты так были воодушевлены удачным выступлением, настолько радостно предвкушали скорый эфир, что я вновь смалодушничал. Тем более, Форин привёл на запись своего однокурсника, фаготиста Ирека, и с хрипловатым звуком фагота, родственником гобоя, «Танец маленьких лебедей» заиграл новыми гранями. Вступительные «фа-диез — до-диез» на фаготе — это вам не пицекато виолончелей!

Что ж, решил я, долгие проводы — лишние слёзы. Воровато выловил Владимира Алексеевича в коридоре музыкальной школы и, ошарашив неожиданной новостью, торопливо сунул ему завёрнутую в бумагу концертную форму и ноты всех флейтовых партий. Макухо, изменившись в лице, только и смог выдохнуть: «Ох, Петя, как же ты меня подводишь!» Я открыл было рот, чтоб объяснить ситуацию: выпускной класс, подготовительные курсы в университете, занятия с репетитором по математике, но не стал. Жизнь, уважаемый Владимир Алексеевич, есть жизнь. Всё рано или поздно подходит к своему концу.

Крепко он на меня обиделся, даже первое время не здоровался. Косились с укоризной и встречавшиеся оркестранты, хотя некоторым из них я ситуацию разъяснил. Но, ребята, у меня на душе тоже «кошки скребли», ведь ушло самое радостное, самое светлое, что было у меня в детстве. А вместе с оркестром ушла и детская мечта...

Передача выходила в эфир утром. Мама отнесла магнитофонную ленту на радиозел «Радиоприбора», попросив знакомых операторов сделать качественную запись. Так осталась память. Позже я переписал запись на кассету. Жиганов, Чайковский, Макухо... Хорошая «компания», знаковая для меня.

На этой музыкальной ноте детство и закончилось. Впереди были удачное поступление в Казанский университет, учёба на биофаке. Жизнь стремительно неслась навстречу, распахивая всё новые и новые горизонты. Но это, как говорится, совсем другая история...

А Владимир Алексеевич позже перебрался в Нижнекамск, устроившись преподавателем в местное музыкальное училище. Маэстро и там не смог жить без своей страсти — создал из учащихся симфонический оркестр. Правда, потом вновь вернулся в Казань.

ЭПИЛОГ

И опять звучит нечто, напоминающее музыку Шопена. Почему нечто? Да потому что это я своими пальцами опять пытаюсь «сварганить» Девятый ноктюрн или «Большой блестящий вальс» Фредерика Великого. Вот, снова сбился, зарывшись в филигранные мелизмы и рубато. Как там говорили древние? «Всяк сверчок...» или «что положено Юпитеру...» Но нет, товарищи дорогие, попробую ещё разок! После двадцатилетнего перерыва в общении с клавиатурой на недорогом ямаховском синтезаторе — новогоднем подарке внучке. Конечно же, снова собьюсь или напортачу. И попыткам тем несть числа. Как в анекдоте про поручика Ржевского, который любил сам процесс...

Играю, а передо мною мысленно проплывает незабываемое разноцветное казанское детство, Старо-Татарская слобода, Танкодром, школа номер девяносто. Давным-давно ушли на пенсию все мои учителя, многих из них уже нет в живых... Канул в лету и школьный музей Латышских стрелков, а юбилеи освобождения Казани от белогвардейцев, как и годовщины Октябрьской революции (теперь всё чаще говорят «переворота»), новая страна официально уже не отмечает. Да и школа моя теперь значится под другим адресом — на улице Комарова.

Не стало засилья гопоты на улицах города — то ли все засели за компьютеры, то ли что-то действительно изменилось. Родная Казань, этот честолюбивый и амбициозный, колоритный и динамичный город, со временем переборола свой социальный недуг. Вычистилась и похорошела, выросла во всех отношениях.

Вспоминаю своих друзей, ныне здравствующих и, увы, ушедших в мир иной... С Форином дружим до сих пор, правда, он уже давно не работает музыкантом. Как не стал им и самый одарённый наш оркестрант — скрипач Саня Зимин (Пьянов). Не сумев поступить в консерваторию после школы, он «загремел» в армию. Демобилизовавшись, сразу женился, сотворил сына — стало не до музыки, нужно было кормить семью. С тех пор Александр так и крутит баранку казанского троллейбуса.

Валерка, Валерка... Всю жизнь во мне живёт его светлый образ, весёлая улыбка, а в небе порой чудится рёв шестимоторного исполина — то ли тяжёлого бомбардировщика, то ли мощного транспортника «МуДе-1». Давно выросла и стала мамой никогда не видевшая своего старшего брата сестра Светлана. Однажды мы с Форином навестили Алевтину Михайловну. На пианино, на котором я когда-то разучивал «Птичку», в рамке стояла фотография. Глянул и обомлел: на меня смотрели Валеркины глаза... Однако то было фотоизображение четырнадцатилетней Светы — внешнее сходство с ним сразило. Просто реинкарнация какая-то. И особенно тронуло известие, что дочь свою она назвала Валерией, дай Бог им здоровья...

При всех успехах и достижениях нынешней красавицы Казани, детских симфонических оркестров, подобных нашему, — с почти полным составом инструментов — в городе, насколько мне известно, больше не было. Впрочем, музыки сейчас звучит не меньше, чем раньше, как говорится, «жить стало лучше, жить стало веселей!» Акмал Хаялыч несмотря на свой почтенный возраст всё также преподаёт флейту в музыкальной школе, правда, не в моей. Владимир Алексеевич получил почётное звание

«Заслуженный работник культуры Республики Татарстан», преподаёт в музшколе № 1, что на улице Горького, и работает с Молодёжным симфоническим оркестром республики, участниками которого являются учащиеся отделений струнно-смычковых инструментов детских музыкальных школ. Этот оркестр — лауреат республиканских и международных музыкальных конкурсов. Очень символично, что в своё время, тоже под руководством Макухо, в ансамбле скрипачей Казанского музыкального училища играла Идель Хакимуллина, дочь Форины.

До сих пор изредка, накатив стопочку, я ставлю раритетную запись, беру флейту и вновь с упоением играю в унисон со СВОИМ оркестром. Частенько, особенно когда слышу хорошую музыку, тайком вздыхаю по несостоявшейся карьере музыканта. Зато Фархад, родной друг детства Форины, претворил в жизнь мою мечту из школьных тетрадей-анкет — сыграл в оперном театре первую флейту в «Щелкунчике»! Я же могу исполнить эту партию, только насвистывая. И чем дальше, тем чаще вспоминаю «команду молодости нашей» — МОЙ оркестр. «Первый детский симфонический»...

ИМЯ В ПОЭЗИИ

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

ПОД СВОДОМ НЕБЕСНЫМ

У ЖИЗНИ НА ПИРУ

* * *

В тиши провинциальной, непогодной
Шумит мой сад и клонит ветви ниц...
Дивит река своей стихией водной,
А лес звенящим пересвистом птиц.

Все эти звуки выразит ли слово?
О чём они: о тайне бытия?
Бессмертия? Вопросы бестолковы...
Ответить не берусь! В недоуменье я.

Мне слышится, как тихо плещут воды
О бережок... Как дыбится волна
Вольнолюбивая, познавшая свободы
Нерасшифрованные письмамена,

Начертанные на воде, на суше,
На камне, воздухе и облачной гряде,
На всём на том, что людям в жизни служит,
Их единя! Особенно — в беде.

Кто расшифрует вод речных текучесть,
Терпенье камня, воздуха струю,
Иль грозовой разряд рычащей тучи,
Улыбку саркастичную твою?

Печальных слов пленительную ложность,
Их роковую, странную игру,
Явившую во взгляде — безнадёжность
Твою, поэт, на жизненном пиру.

Небесный свод над головой
Горит, сияет резко...
И пышут пыльной листвой
Сквозные перелески.

Притихли тёмные боры,
И порыжела хвоя.
Прилив полуденной жары
Подъёмлет волны зноя.

О, летний зной, твоя волна
Так трепетно-телесна!
Её объяла тишина,
Как призрачная бездна.

И вот бредут сквозь пыль и зной
И свет, и тень — в обнимку.
И укрупняют мир дневной
Сквозь маревую дымку.

Что было видеть не дано —
Узрелось полной мерой.
Простора вогнутое дно
Объято полусферой.

Пыльцой космической шурша
За кромкой частоколяя,
Мерцает Родины душа
Сквозь земляные комья.

У СТАРОЙ ЦЕРКВИ

Глебу Горбовскому

Осенний воздух сух, прозрачен...
И в той прозрачности сквозной
Как чётко купол обозначен
Пустынной церковки одной.

Торчат стропила, как оглобли.
Пожух и съёжился лопух.
Меж поржавелых рёбер кровли
Белеет голубиный пух.

Разбиты древние надгробья.
И негде преклонить колен.
К тому же смотрит исподлобья
Вся нецензурица со стен.

Когда-то здесь дубы валила
Гроза... валяются окрест.
И лишь его, его щадила –
Ажурный православный крест.

Кой-где он даже золотится,
Посверкивает и блестит.
И на него садятся птицы,
Чтоб только дух перевести.

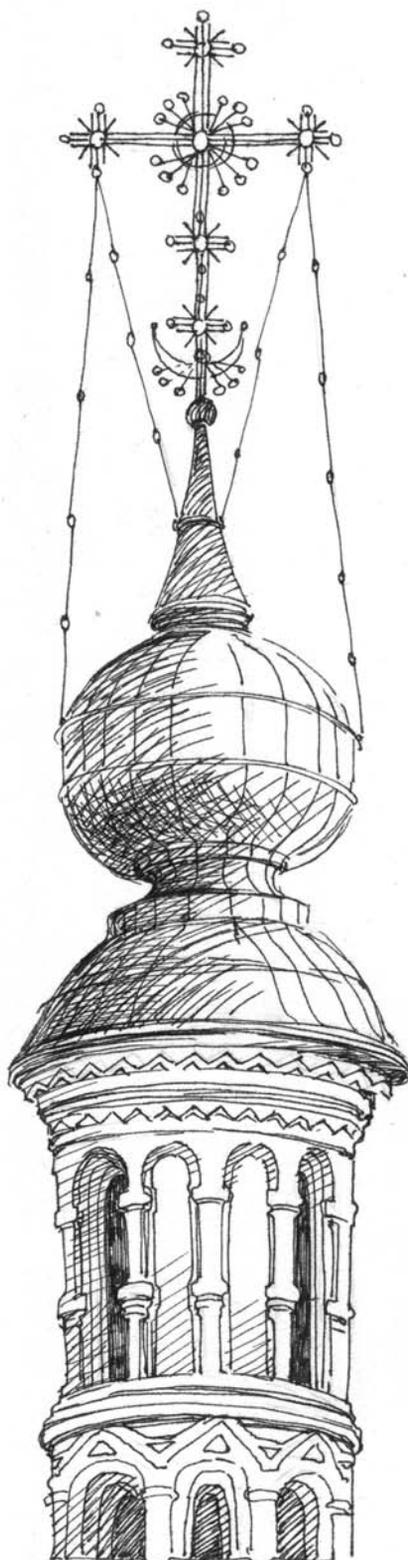
И хоть стоит слегка наклонно,
Но выси держит – на весу.
И смотрит с болью затаённой,
Что мы там делаем... внизу.

* * *

... А я живу, где плещут воды,
Где к лодкам ластится Ока,
Где неоглядые небосвода
Объято шелестом леска,

Где блеск полуденного зноя
Златит сосновые стволы,
Где скрыто что-то неземное
В мерцающих напльвах мглы.

И где слоистый вал тумана,
Клубясь, туда меня влечёт,
Где слышен рокот океана
В струистом русле окских вод,

Где мне, как в Первый День Творенья,
 Во дни душевного смятенья,
 Молитвенно нашепчет лес:
 «О, человек! В сии мгновенья
 Ты зришь не страх исчезновенья,
 А свет взыскующих небес».

БЫЛИННЫЙ МОТИВ

Алексею Хлуденёву

Засинела вода,
 Засверкала в зелёных озёрах.
 На тропе полевой
 Уплотнилась полдневная пыль.
 И слышалось мне,
 Как от птичьих дневных разговоров
 Стал нежнее шуршать
 Шелковистый и влажный ковыль.

За сухие суглинки
 Схватились корнями растенья.
 Хрящеватое ухо
 Подставил под солнце лопух.
 Под глубинной водой
 Оживают, как рыбы, камня...
 Укрепи, о природа,
 Характер мой, волю и дух!

Животворной росой
 Окропи, тальниковая ветка.
 Вон осочина блещет,
 Как остро заточенный меч...
 В пересвисте ветров
 Слышу голос
 Воинственных предков,
 Их победные клики,
 Родную разящую речь.

Слышу звоны щитов!
 Вражья конница русскими смята!
 Наши стрелы летят
 Супротив половецкой стреле...
 А со звонниц гремят
 Колокольные гулы набата!
 И распятый Христос
 Проступает в дымящейся мгле.

* * *

Когда прольются с небосвода
 Луны холодные лучи,
 Светясь, речные вспыхнут воды,
 Искрясь, блеснёт роса в ночи.

И лунный свет зеленоватый,
 Заоблачный и неземной
 От нас относит прочь куда-то
 Вселенной отзвук потайной.

А тот, кто видел в свете этом
 Реку, луга, поля и лес,
 Тот хоть на миг, но был... *поэтом*,
 Счастливецом дива и чудес!

Я тоже был им! Падал косо
 Зелёный луч... Была видна
 Не только зыбь речного плёса,
 Но рябь ракушечного дна.

И майской ночью серебристой,
 Отбросив сетчатую тень,
 Мягка и млечно-шелковиста
 К нам льнула белая сирень.

Её пахучестью объятый,
 Я клялся сдуру, сгоряча
 В любви, конечно... Спешны клятвы
 При свете лунного луча.

Зелёный луч, в оконце брызни
 И озари моё жильё,
 Являя мне и прелесть жизни,
 И как бы... призрачность её.

* * *

Река потемнела... И — замерла...
 Не слышится рыбьего всплеска.
 И с поля теснит синеватая мгла
 Берёзовый блеск перелеска.

И в той, золотой, листопадной тиши,
 Под нависью хвойного бора,
 Природа, сердечную боль ублажи
 Прохладой родного простора.

Ведь здесь, среди наших продутых полей,
Ложков, перелесков и пашен,
Живётся не то чтобы мне веселей,
Но горестный день мне не страшен.

А всё потому, что в ночной тишине,
Во дни затяжного ненастья
Не сумрачный дух пребывает во мне,
А память печального счастья.

Сверкнуло дождинкой оно за окном,
Истаяло тучкой залётной...
Как ветрено, зыбко, незримо оно!
Как призрачно! И – мимолётно.

ТАЙНЫ ТРЕПЕТНАЯ МЕТА

Когда ночами мне не спится,
И гложет жизни мгlistый путь,
К заветной тайне не пробиться
Сквозь ускользящую суть.

От этой сути неизбежной
В душе и сирю, и темно.
Всё дышит хаосом безбрежным,
Вломившимся в моё окно.

И, глядя в тёмные пределы
Полей, оврагов и равнин,
Я чую – мысль оцепенела,
Услышав шелесты осин.

Как будто влажный шелест этот
Вот-вот дыханье оборвёт,
А тайны трепетная мета,
Как лист от ветки, отпадёт.

СТАРЫЙ САД

Константину Воронцову

А скоро тучки засинеют,
Набухнут влагою... И вот
Сверкучим ситничком* засеют
Мой старый сад и огород.

Я избяную дверь открою...
Едва порог перешагну –
В лицо пахнёт землёй сырою.
Я сырь и прель её вдохну.

* Мелкий моросящий дождик.

И опанёт меня прохлада...
Замкнусь. И стану молчалив.
И явит взору сумрак сада
Ветвей чернеющих извив.

О старый сад, насквозь промокший,
Ты всех мне близких пережил...
От брэнной жизни изнемогший,
Ты так печален и уныл!

Ты знал морозы и жарыщу,
Страшил дрожанием ветвей.
Ползли и вились корневища,
Превозмогая суховей.

И хоть сегодня день ненастный –
Ты доверяешься ему,
Продрогший, блёклый, безучастный
И безразличный ко всему.

Та жизнь, которой жил когда-то,
Истаяла... И ты поник...
Живёшь, смятением объятый,
И не срываешься на крик.

Почуяв лиственное тленье,
Плоды роняешь в тишине...
Едва-едва сдержав волненье,
Хранишь завидное терпенье,
Совсем не свойственное мне.

* * *

Тускнеет небо, стынут воды,
У берегов дымясь слегка.
И потаённый мир природы
Связует лес и облака.

Туманной, влажной пеленою
Объяты белые стволы
Берёз... И силой ветряною
Откинут полог синей мглы.

Какой порыв! Какая сила
В холодном ветре! Меркнет мгла.
Она денёк преобразила,
Потоком света обдала.

На соснах вспыхнула живица –
И сосен дрогнуло нутро.
А пролетающая птица
Метнула с воздуха перо.

Его небесное паренье
Сродни падению листка,
Иль дуновенью вдохновенья,
Так схожему, на удивленье,
С прощальным шелестом леска.

МАЛАЯ РОДИНА

Луга, овраги, лес да поле...
Как благодарен я судьбе
За то, что жил у тёти Поли
В её бревенчатой избе.

И было мне сквозь стены слышно,
Как свищет яростно пурга,
Как шелестят по нашей крыше
Сухие, жёсткие снега.

Синела наледь на окошках.
Клубился дым, летя в трубу...
В сенях озябнувшая кошка
Просилась жалостно в избу.

Я открывал... Она вбегала,
За ней врывалась темнота...
Снежинка звёздная мерцала
На самом кончике хвоста.

За окнами темнели ёлки.
Белел сугробный буерак.
И завывали глухо волки
И в Трушкин прятались овраг.

Я к тёплой печке прижимался...
Мой детский страх сходил на нет,
Как только гасик зажигался,
В избе рассеивая свет.

И думалось мне вечерами,
Нет, не про волчью маету:
Как может крохотное пламя
Теснить такую темноту?!

СОН ДЕТСТВА

Сквозь рамы двойные чуть брезжил рассвет.
И вдруг засинел, как чернила...
Быть может, случайно, а может быть нет,
Как знать! Но меня — зазнобило.

Я лёг на кушетку, забылся слегка.
И долго лежал без движенья...
И сон мне приснился... Летят облака,
Прикрыв меня, сонного, тенью.

Пестреют ромашками поле и луг,
Где радужно светятся росы.
И ястреб парит, завершая свой круг...
Гляжу на него я сквозь слёзы.

В густом разнотравье мелькают косцы.
Как их узловаты запястья!
И воздух рябит от цветочной пылицы...
И я замираю от счастья.

И мама моя, слава Богу, жива,
По дому весь день суетится:
То носит для печки сухие дрова,
То полнит кастрюли водицей.

Нащиплет лучины, огонь загудит,
Рванётся во глубь дымохода.
Но пламя не знает, что там впереди.
А там — небеса и... свобода.

В том сне я, резвясь, бултыхаюсь в Оке,
Купаюсь аж до посиненья!
Калюсь на горячем приокском песке,
Расслабленный сладкою ленью.

А мама мне шепчет: «Закончился сон,
Довольно, шустрёнок, валяться!»
... Я плачу. Я в девочку злую влюблён.
И я не хочу просыпаться!

НОЧНЫЕ ТЕНИ

Я вышел на улицу... Воздух
Ударил порывом сырым.
То было в Касимове... Звёзды,
Мерцая, роились над ним.

У жёрдочной шаткой ограды
Той зябкой апрельской порой
Тянуло то влагой из сада,
То горькой вишнёвой корой.

А там, со своей верхотуры,
В сарайной глухой темноте
Квохтали и токали куры
О том, как тепло в тесноте.

И все эти запахи, звуки
Таились, но... лишь до поры.
Я помню, как дрогнули руки,
Коснувшись древесной коры,

Шершавой, прожилистой, клейкой,
Припахивающей медком...
Чернела сырая скамейка,
С краёв пообросшая мхом.

Лиловые гроздья сирени,
Клонясь, припадали к стене.
И двигались трепетно тени
От мокрой сирени — ко мне.

«Эй, тени, я видел вас где-то!»
Метнулись они... и ушли.
И полосы лунного света
Меж ними и мной пролегли.

Казалось, что тени — нетленны...
И я замирал в тишине
В тот миг, когда эхо Вселенной,
Как обруч, катилось ко мне.

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

ЕЩЁ НЕ ПОЗДНО

* * *

* * *

Я не могу шагать в полшага,
Мне хочется вперёд бежать —
Готов с мальчишеской отвагой
Успеть, достичь и перегнать.

Я не могу дышать в полвздоха —
Пусть ветер хлещет по судьбе.
Тебе, родная, станет плохо —
Отдам дыхание тебе.

Я не могу смотреть в полвзора,
И пусть в глаза мне солнце бьёт —
Очищусь солнцем я от вздора,
Душа от света запоёт.

Я не могу желать в полчувства,
Горю в кипении страстей,
И непокорных мыслей буйство
Прорвёт заслон любых сетей.

Я не могу стрелять в полцели.
Ни в «молоко», ни наугад
Впустую пули не летели —
Легли все в «яблочко» подряд.

Я не люблю любить в полсилы,
До дна любовь хочу испить
И лишь тебе хочу быть милым,
Тебя одну хочу любить.

Я не могу писать в полстрочки,
Не обрываю свой рассказ,
Когда-нибудь поставлю точку.
Когда-нибудь, но не сейчас.

Эта ночь мне кажется последней.
Никогда не будет темноты...
Там, вдали, всё ярче, всё заметней
На востоке алые цветы.

К звёздам! Я до неба вырастаю.
Мир звенящей тишиной залит.
В этот миг себя и всех прощаю.
Гаснет пламя чёрное обид.

Растворится в розовом тумане
Боль потерь. И сердце ты не жги
Чувством, что судьба опять обманет.
На заре уверенной шаги.

Остаются в придорожной пыли
Недоверье, отчужденье, злость.
Будто мне сегодня объявили —
Я хозяин жизни, а не гость.

* * *

Пусть закончится нескоро
Бесконечный снегопад,
Пусть февраль метёт с укором —
Я ни в чём не виноват.

Резко скрипнет половица,
Отпечатав чей-то шаг.
Этой ночью мне не спится,
Что-то на душе не так.

Да и ты, февраль, неволишь —
Бесконечен с вьюгой спор.
Сам начнёшь и тут же — в поле,
Где свобода и простор.

За тобой бросаюсь следом —
Где, скажи, найти покой?
Разве может быть ответом
Ветра хохот ледяной?

Снег и ветер друг за другом
Вновь заводят карнавал.
Как мне вырваться из круга —
Сам себя я в круг загнал?

Через звук дверей скрипучих
Снова выйду на крыльцо.
Только хлопья слов колючих
Не бросай, февраль, в лицо...

* * *

Не тяни волынку, дождь,
Не грози мне тучей!
Покаяний, что ли, ждёшь?
Сам покаяйся лучше.
Я судьбу переверну,
На кон жизнь поставлю,
Если шею не сверну,
Голову прославлю.
Не судите по делам
В фильме чёрно-белом.
Пусть герой я главный там —
Фильм не сам я сделал.
По сценарию судьбы
Я шагал невольно.
И за что меня ты бил,
Автор мой, пребольно?
Строчки жизни в небесах
Пишут ангелочки,
А Господь, наверно, сам
Расставляет точки.
Бес-затейник втихаря
Что-то нарисует.
Ничего не разбирая,
Всё перетасует.
Вы и сами хороши,
Праведники-судьи.
Я же искренне грешил,

Стоя на распутье.
Перекрёстки, как кресты,
Давят мне на плечи.
Сам спалил свои мосты,
Душу изувечил.
Кому — рубль, кому — грош,
А кому — полушка.
Кому — правда, кому — ложь,
Да в слезах подушка...
Хоть душа и не пуста,
Всё начну по новой.
Дал Всевышний неспроста
Мне владенье словом.
Я, друзья, ещё спою?
Бог — судья, о главном!
И закончить жизнь свою
Постараюсь славно...
Не тяни волынку, дождь,
Не грози мне тучей,
Душу ты мою не трожь,
Страхами не мучай...

НЕЗНАКОМКА

Живу я, счастьем светлым заворужен,
Любви безгрешной до предела рад.
«Но путь иной был у тебя возможен», —
Весною шепчет мне цветущий сад...

Да, ты не раз мне на пути встречалась,
Я не однажды взгляд твой замечал.
Он обещал какое-то начало
И продолженье тоже обещал.

«Быть может, это только показалось», —
С тобою разминувшись, я твердил.
И если бы судьба с судьбой связалась,
То я б счастливей, чем сегодня, был?

Кто знает, вдруг за гранью судеб тонкой
Меня ты, незнакомого, ждала.
Идущая навстречу незнакомка —
Ты тоже быть счастливее могла?

И по глазам твоим я вдруг замечу,
Что мы, возможно, мыслим об одном:
Остановись, идущий мне навстречу,
Пусть явью встреча станет, а не сном.

Но сердце застучит тебе вдогонку
 О том, что песню врозь мы допоём.
 Навек — прощай и здравствуй, незнакомка,
 Несбывшееся прошлое моё.

* * *

Почему вспоминаю я вновь
 Тот февраль ослепительно белый,
 Как во мне умирала любовь,
 Как она умирать не хотела.

Как кружилась над нами метель,
 Белым саваном нас накрывала,
 Бесконечная, как карусель,
 Беспросветная, как покрывало.

Безнадёжная, словно твой взгляд.
 Безысходная, как лист осенний.
 Заслоняли дорогу назад
 Чьи-то злые безмолвные тени.

Как металась душа в полутьме —
 Натыкалась на стены, на стёкла,
 На железную дверь на замок,
 На закрытые форточки в окнах.

Как летели слова в пустоту
 И уже не имели значенья.
 Мы набрали свою высоту,
 А теперь наступило паденье.

* * *

Я по шоссе лечу в автомобиле.
 Пусть на плечах годов немалый груз.
 Ещё я в силе, дорогая, в силе,
 Ещё есть цель, к которой я стремлюсь.

Вся жизнь моя — по вертикали гонка,
 Порой, без права жать на тормоза.
 Летел над бездной я по самой кромке,
 Летел с повязкой чёрной на глазах.

Меня судьба гнала по бездорожью,
 Где пни-колоды и ловушки ям.
 И был я предоставлен воле Божьей,
 Но в испытаньях не сломался сам.

На виражах машину заносило.
 И на ухабах выбивало руль.
 И лишь твоя любовь меня хранила,
 Когда я вёл смертельную игру.

Твои глаза искал я в небе звёздном,
 Когда меня захлёстывала боль.
 Ещё не поздно, верю, что не поздно,
 Вернуть в наш дом ушедшую любовь.

Сбивает пыль дорог весенним ветром.
 Как очищенье, принимаю дождь.
 И знаю — за последним километром
 Меня ты ждёшь.

* * *

Зазвенело небо синей грустью,
 Горизонта выгнув берега.
 Величаво день клонился к устью,
 Вымывая золото в стогах.

Заиграли жёлтые крупинки
 По вершинам строгих тополей.
 На мои вчерашние тропинки
 Иней лёг, как бархат по земле.

Я не думал о любви и славе,
 Не нарушил чей-то там покой.
 К солнечной, кипящей лаской лаве
 Лишь коснуться захотел рукой.

Заплетая пальцы в жаркой гриве,
 Обжигаясь болью, я б спросил
 Сам себя: «Ты хочешь быть счастливым?»
 И ответил: «Если хватит сил...»

СОВРЕМЕННЫЙ РАССКАЗ

НАИЛЬ ИШМУХАМЕТОВ

ИКАР

Лёгкие большого, очень большого города, до предела забытые выдохами, медленно, но верно умирали. Благородно-бархатная зелень альвеол покрывалась лишайными пятнами, проплешинами, воспалялась и нарывала. Подсохшие гнойные струпья, срываясь в молчаливое пике, приземлялись на свежевскопаннные палисадники, намертво забивались в глубокие оспины на шагренево́й коже тротуаров. На дне этих незаживающих ран в первую же морозную ночь загустевала и превращалась в желе бурая сукровица, тонко пахнущая прелью и грустью. Одетые в модные, но абсолютно не греющие комбинезоны из крупного вельвета липы просовывали озябшие оголённые руки за пазуху невесть откуда залетевшего южного ветра в надежде выскрести оттуда толику черноморского тепла, но обжигались осколком льда, торчащим из сердца неожиданного гостя, и рефлекторно отдёргивали пальцы. Сами деревья с каждым днём всё больше и больше напоминали рисунок нервной системы из учебника анатомии... Боже, как давно всё это... анатомия... география... геометрия...

В эту жаркую для всех дворников пору с утренней пробежки возвращался Ильнар, уже не молодой, но ещё не старый мужчина. К ранним утренним пробежкам он пристрастился в далёкие школьные годы, когда занимался в секции лёгкой атлетики. Выйти раньше всех дворников на улицу и первым протоптать тропинку по свежему снегу или по опавшей за ночь хрусткой листве было для него делом чести и внутренней гордости. Хотя столь ранние подъёмы и приносили порой всякие неожиданности и неудобства, менять привычный уклад жизни Ильнар, давно оставивший мечты о спортивной карьере, не собирался.

Дворник Абдул, который, по разговорам всезнающих бабулек, подшабашивал за жидкую валюту осведомителем участкового, тихонько поругиваясь, выковыривал метлой из асфальтных выбоин золотисто-ржавую липовую листву, прихваченную первым морозом.

— Саям, Абдул-абый! Всё ругаешься на природу, да?

— Ну да, а что ещё мне остаётся-то? А что, милай, «Динамо»-то бежит? — осклабился в однозубой улыбке старик.

— Ты же ненавидишь всякий мусор, абый, зачем тогда болеешь за «мусоров»? Этим толстозадым лентяям всё равно ничего не светит, если даже и побегут!

В ответ раздалась смесь русских и татарских ругательств, неоднократно перемежаемая фамилией Сталина и названиями далёких северных городов.

Ильнар выполнил на свежем воздухе привычный комплекс гимнастических упражнений, подтянулся дюжину раз на горизонтально растущей липовой ветке, от-

полированной его руками до глянцевого блеска, и пружинящей походкой вошёл в обшарпанный подъезд родной высоты.

Он жил на девятом в благоустроенной трёхкомнатной квартире с женой и двумя детьми — старшей умницей-дочкой и двенадцатилетним сыном, тоже смышлёным, но жутко непоседливым парнишкой. Лифт как-то необычно бесшумно открыл-закрыл двери и так же бесшумно стал подниматься. В тишине было слышно, как играют приёмы в просыпающихся квартирах. Вместо девятого лифт поднялся на технический этаж. Удивлённому взгляду Ильнара предстал хитро перемигивающийся разноцветными огоньками светодиодов «мозг» непослушной машины. Исполнить команду «вниз» лифт категорически отказывался. Двери лифтёрки были на амбарном замке, оставался только один выход — десантироваться через незатейливо завязанный проволочкой люк, ведущий на крышу.

С детства Ильнар боялся высоты... до головокружения, до желудочных спазмов, до тошноты. Но, очутившись в это утро на крыше, он не торопился покидать её. Дело в том, что открывшаяся на западной стороне дома панорама не соответствовала тому, что должно было быть: всегда широкая Волга почему-то сузилась почти вдвое, на противоположном берегу сквозь утреннюю дымку виднелись многочисленные трубы, выпускающие в небо густые клубы явно металлургического происхождения. От увиденного у Ильнара тоскливо засало под ложечкой и забурчало в животе — это же картинка его родного южноуральского городка, из которого он уехал со всей семьёй несколько лет тому назад. Удивлённый мужчина осторожно, чтобы не спугнуть пейзаж или мираж, подошёл к ограждению. Да, несомненно, это его родной город. На небольшой возвышенности стоит его родная школа, а вот, вжавшись в пятиэтажную коробку двора, мирно спит детский садик, в который он когда-то ходил. Ошеломлённый увиденным, забыв всякий страх высоты, Ильнар просунул по пояс между решёток ограждения. Когда он зачерпнул воздух родного города, то неожиданно почувствовал, что в руке... вода... прозрачная, невидимая глазу. Ильнар поднёс ладонь ко рту и попробовал воздух на вкус — немного солоноватый, словно детские слёзы. Набрав полную пригоршню, он погрузил лицо в эту непонятную смесь. Волшебные ощущения — можно одновременно пить и дышать, дышать и пить...

Тоненько пискнувший таймер наручных часов вывел Ильнара из благостного состояния — чёрт, пора на работу. Спуск по пожарной лестнице занял пару минут, затем бегом в подъезд и огромными прыжками до родной двери. Во время угорелого подъёма Ильнар успел расслышать привычный грохот опускающегося лифта. На удивление не оставалось времени. Отменив контрастный душ, он быстро умылся, побрился и бодро вошёл в кухню, чтобы на скорую руку чего-нибудь перехватить. Приготовив пару тостов с сыром и вскипятив чайник, Ильнар привычно запустил пальцы в картонную кубышку с разовыми пакетиками, но, вытащив один из них, неожиданно для себя стал задумчиво всматриваться в добычу и, что-то окончательно решив, вернул заварку на место. Ему вдруг показалось, что это никакой не пакетик, а эмбрион воздушного змея, тоненькой ниточкой пуповины соединённый с красной бумажной этикеткой. Если он сейчас опустит эмбрион в кипяток, то убьёт воздушного змея в зародыше. Нацедив в кружку яблочного сока из тетрапака, Ильнар позавтракал и пошёл на работу. По дороге ему не давала покоя внезапная мысль об эмбрионе, Ильнар вдруг заметил, что на простые и привычные вещи он сегодня смотрит как-то не так. Столб с наклеенным на него объявлением ядовитого ухмылялся квадратной улыбкой щелкунчика, зловеще шевеля на ветру редкими кривыми бумажными зубами с татуировкой телефонного номера на каждом. Гроздь спелой рябины виделась ему кровавыми расчёсами рожистого воспаления. Дорожные знаки насмехались над ним и дразнились:

— Погляди-ка на нас, мы знаем, что тебе уже 40, и всем-всем расскажем об этом, а скоро тебе станет глубоко за сорок, и ты превратишься в глубокого засорка, а-ха-ха-ха!!!

Почему-то Ильнару захотелось раздать всю мелочь из карманов старушкам, которые всегда сидели с протянутой рукой вдоль забора центральной мечети, или угостить конфеткой какую-нибудь бездомную дворнягу. Но мечеть была далеко не по пути, а собаки ему не встречались, а если бы и попалась какая, то конфет в кармане у него всё равно никогда не водилось.

На следующее утро пробежка длилась как-то очень уж долго, привычным пяти километрам, казалось, не будет конца. Стремительно вбежав во двор, Ильнар разметал на бегу листву, аккуратно сметённую в золотистые барханы, чем вызвал праведный гнев Абдула, перемежаемый угрозами реанимации Сталина и неминуемой отправкой без суда и следствия в места столь отдалённые, что и подумать было страшно, где это находится. Виногато покосившись на полированную ветку, Ильнар стремглав забежал в подъезд и дрожащим от волнения пальцем нажал на кнопку вызова.

Двери поджидавшего лифта бесшумно раскрылись...

Высокие трубы опять выпускали на противоположном берегу разноцветные дымы. Никогда бы он не подумал, что можно так радоваться ржаво-грязному каракулю, заволакивающему полнеба. Мужчина, словно мальчишка, перелез через ограждение и забултыхал ногами в прохладном солончатом воздухе, всей грудью вдыхал его и жадно пил, торопливо зачерпывая пригоршнями, не в силах определить, что же ему приятней — дышать или пить. Желание поплавать в воздушной воде было столь сильным, что вызывало сладостный зуд в груди и пупырышки гусиной кожи на руках и ногах. Но страх был всё же сильнее. Да и как можно поверить во что-то невидимое и, тем более, всецело довериться, а вдруг всё это лишь вкусовые и осязательные галлюцинации, что тогда? Вдруг всё это бред подорванного напряжённой работой и грузом прожитых лет воображения?

— Мияяуу, — где-то совсем рядом раздался жалобный писк. Ильнар оторвался от раздумий и посмотрел вниз. На балконе десятого этажа жалобно мяукал беспомощно распластавшийся на натянутых бельевых верёвках чёрный пушистый котёнок.

— Ну что, охотник, за птичкой погнался, да? Подожди, я сейчас тебе помогу.

Ильнар, держась одной рукой за ограждение, встал на хлипкую самодельную крышу балкона. С неё осторожно спустился на сушилку. Ощущения, что он продельвает эти движения в воде, не покидали его. Закинув ошалевшего от счастья котёнка внутрь лоджии, Ильнар настолько осмелел, что решил, держась за перила балкона, попробовать погresti ногами, как делал когда-то давным-давно в бассейне.

Ощущения не пропадали.

А если ненадолго отпустить руки?

Держит!

Воздух держит его, словно птицу!

Сначала робко и осторожно, а затем всё смелее и смелее Ильнар осваивал невидимый океан.

Он подплыл к своим окнам на девятом этаже и в отражении рассмотрел себя. В это невозможно поверить, но он превратился в беззубого подростка. А за окном его родной кухни завтрак манной кашей неведомый мальчишка. На вид ему было не более четырёх лет. Напротив него, навалившись спиной на подоконник и скрестив понаполеоновски руки на груди, восседала грозная бабушка, готовая к применению любого наказания за недоеденную кашу. Увидев хитро улыбающуюся и подмигивающую физиономию за окном, мальчуган застыл с раскрытым ртом и поднесённой ко рту полной ложкой. Потеряв остатки терпения, бабушка гордо потрянула головой, рас-

плела руки и стала нервно жестикулировать перед носом у внука, показывая, с какой скоростью должна мелькать ложка. Мальчишка, испугавшись то ли прилипшего носом к стеклу улыбающегося воздухоплателя, то ли сердитую бабушку, зашёл в отчаянном рёве, размазывая по лицу слёзы вперемежку с кашей. Бабушка, забыв про хронический радикулит, резко встала и решительно удалилась в комнату. Судя по печатному шагу, скорее всего, за ремнём. Ильнар, подмигнув на прощание маленькому манкофобу, нырнул к окнам седьмого этажа. Занавески в спальне были полупрозрачными. Сквозь них Ильнар увидел расчёсывающую огненно-рыжие кудри высокую девушку, которая стояла перед зеркалом в одной сорочке. В такт движениям руки с гребешком шёлк ночнушки скользил по аккуратным упругим грудям и дразнящим пуговичкам сосков. Смутьившись, Ильнар хотел было отпрянуть от окна, но тут в дверь позвонили, и девушка, накинув махровый халат, пошла открывать. Она вернулась в спальню с прыщавым, нагло вато глядящим парнем, который, воровато осмотревшись по сторонам, жадно набросился на стройное тело хозяйки. Звонкая пощёчина не остановила сластолюбца. Девушка что есть силы оттолкнула нахала и демонстративно указала на раскрытую дверь, но силы были не равны, и вскоре пара рухнула на кровать. Узкие музыкальные ладони Ильнара невольно сжались в маленькие кулаки. Он замахнулся, чтобы высадить окно, но тут же почувствовал, как воздух стал густым и вязким, разбить стекло в таком сиропе было невозможно. Тогда Ильнар решил влезть в раскрытую форточку и потянулся к раме. Воздух стал ещё гуще, как застывающий битум. Ильнар упрямо дёргался, словно заяц в силках, но только всё больше и больше увязал.

Неожиданно почти окаменевший гудрон стал обычным воздухом, и Ильнар камнем полетел к земле. Ничего, кроме сковавшего по рукам и ногам страха, он не успел испытать. Боль от удара о стремительно приблизившийся палисадник была не сильнее, чем знакомая по детскому саду боль от обиды, когда ему было отказано в поцелуе первой красавицы Ленки Герасимовой, которая снисходительно разрешала себя целовать всем и каждому. Тем более странным был этот отказ, если знать, что отважная Ленка лишь за Ильнара вступалась во время «межгруппировочных разборок» и считала лишь его своим закадычным другом. Она так и говорила — мы с тобой закадычные друзья (Ильнар время от времени оспаривал это слово, закадычный, потому что у девчонок не бывает кадыка). С девчонками Ленка никогда не дружила по причине своей неотразимой красоты.

Наступившая после падения лёгкость была ни с чем не сравнимой. Ильнар летал вдоль и поперёк дома, словно ферзь по шахматному полю. В одном из окон седьмого этажа он разглядел грустного мальчика лет девяти-десяти, который сидел за столом и читал книжку. Книжка была толстая и красочная. Ильнар залетел в форточку и завис над плечом мальчика. Разглядев картинку с привычным на война минотавром, догадался, что это мифы Древней Греции.

— Икар, завтракать в спальне будешь или в кухне? — раздался низкий грудной женский голос.

— Лучше на кухне, ма. Щас я прикачу!

Только теперь разглядел Ильнар, что мальчик сидит в инвалидном кресле. Надо же, как назвали сына — Икар!

Влететь незваным в кухню Ильнар не решился. Позавтракавший Икар прикатил в свою комнату и мечтательно задумался над раскрытой книгой. Взял в руки карандаш и начал увлечённо рисовать в альбоме крылатого юношу, летящего на огромный диск огненно-рыжего солнца. С крыльев нарисованного юноши капал расплавленный воск и вниз падали перья, но горящий взгляд его был устремлён только на солнце. А внизу, значительно отстав, летел старик и сокрушённо смотрел на тающие

крылья... Наблюдать из-за спины, как одно за другим появляются изображения, было очень интересно, никогда прежде не видел Ильнар, как рисуются чужие картины.

— Ика-а-ар, чем ты там занимаешься? Мне пора уходить на работу, сынок, — голос матери приближался к детской. Ильнар растерялся и, не зная, куда бы спрятаться, влетел прямо в раскрытые глаза Икара. Мальчик почувствовал неожиданное табачное жжение в глазах и, растерянно похлопав ресницами, потёр глаза кулачками. Неприятное ощущение быстро прошло. Мама оказалась очень красивая — огненно-рыжая и высокая. Но взгляд её больших зелёных глаз был очень грустен. Она зашла в комнату, поцеловала сына в лоб и сказала:

— Суп в термосе на столе, как обычно. Дверь я за собой закрою. Если пойдёшь гулять, не забудь запереть замок на два оборота, ладушки, художник ты мой?

— Будь спок, ма, всё будет тип-топ!

Икар дорисовал иллюстрацию к прочитанному мифу, потом на другом листе изобразил шикарный чёрный «Мерседес», за рулём которого сидел он сам. На следующем листе Икар уже играл нападающим за футбольный клуб «Манчестер Юнайтед», а соперником в матче был московский «Спартак». На картинке кульминационный момент — мяч вот-вот влетит в ворота «Спартака» от подставленной рыжей головы Икара.

Отложив карандаши и альбом, мальчик засобирался на улицу. Нужно было надеть тёплую куртку, вязаную шапочку, накрыть ноги клетчатым пледом из ангорской шерсти и не забыть взять с собой тросточку, чтобы нажимать на кнопки лифта. На улице обычно угрюмый и молчаливый дворник о чём-то оживлённо и жизнерадостно шушукался с участковым Бугаевым. Этот огромный милиционер иногда приходил к ним в квартиру, «отрабатывая поступающие от соседней сигналы», и наглым образом пялился своими масляными поросычыми глазками на маму. Входя, он небрежно козырял и представлялся: «Участковый Бугаев», как будто никто не помнит, как его зовут. Отработав очередной сигнал, он демонстративно переминался с ноги на ногу в коридоре в ожидании предложения войти и, не получив ничего, кроме вежливого «до свидания», как-то сразу обмякнув и ссутулившись, покидал «тревожный объект». Икар, изменив привычный маршрут, поехал не на детскую площадку, а вглубь липовой аллеи. Его взгляд остановился на горизонтальной ветке, до блеска отполированной тысячами рук. «Интересно, что они все тут делают? Наверное, один из них подпрыгнет, зацепится руками и болтается, как сосиска, а все, кто это видит, загибаются от смеха. А потом меняются местами!» Мальчик невольно улыбнулся своим фантазиям...

Преодолев крутой и скользкий пандус, Икар подъехал к лифту. Обычно грохочущий дверями «трамвай» бесшумно отворился...

С крыши открывался необычный вид. Ласково плескалось самое настоящее море, вдоль берега величаво плыло тростниковое судно под белым парусом с нарисованным на нём огненно-рыжим солнцем. А высоко-высоко в небе летели два крылатых человека, молодой и старый... То, каким образом он здесь очутился, Икар вряд ли сумел бы объяснить. Когда лифт сам по себе поднялся в маленькое душное помещение, мальчик даже испугаться не успел, как воздушная волна подняла и вынесла его вместе с коляской в открытый люк. Подъехав вплотную к ограждению, Икар просунул голову между решёток и разглядел внизу красавец-стадион, на огромном табло которого с удивлением прочёл:

Манчестер Юнайтед (Англия) — Спартак (Россия)

1: 0

79 мин. Хайдаров Икар

— Мияяуу! — донеслось откуда-то снизу. Подтянувшись на ограждении, Икар разглядел котёнка, беспомощно распластавшегося на бельевых верёвках. Мальчик, напряг-

шись изо всех сил, подтянулся на ограждении, но непривычные к таким испытаниям руки не выдержали тяжести, и он рухнул в кресло, больно ударившись затылком...

Из забытья вывело табачное жжение в глазах. Потерев их кулачками, Икар разлепил веки и увидел перед собой улыбающегося мужчину, одетого во всё белое, и только перчатки на руках были чёрными.

— Кто вы? Где это я нахожусь? — неуверенным голосом спросил мальчик.

— Меня зовут Ильнар, — не переставая улыбаться, сказал мужчина, — а вот где мы находимся, не могу тебе точно сказать, если хочешь, то можешь называть это страной, где сбываются мечты.

— Ух-тыы! — воскликнул мальчик, вспомнив про стадион, про море и крылатых мужчин в небе над ним. — А вы, случайно, не доктором быть мечтали? — спросил Икар, многозначительно кивнув на белоснежный наряд Ильнара.

— Нет, никогда не мечтал об этом. Ты лучше на себя посмотри, Икар, ты одет точно так же!

Мальчик с нескрываемым любопытством разглядел чёрные кожаные перчатки, идеально сидящие на его маленьких ладошках, взмахнул просторными белыми рукавами и во весь рот улыбнулся:

— Я похож в этом наряде на птицу!

— А мы и есть с тобой птицы, вставай, нам пора лететь, пока не село солнце!

— Ага, лететь... я и ходить-то не могу.

— А ты попробуй, попробуй, Икар...

Мальчик опёрся о подлокотники коляски, встал на одну ногу... потом на другую.

— Ну же, давай, будь решительней и ничего не бойся! Только так можно исполнить свою мечту! — подбадривал Ильнар.

Ноги дрожали с непривычки, но держали.

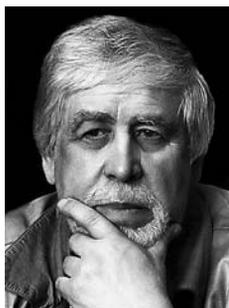
— Уррраааа!!! Мааааммааааа, я стою! Посмотри на меня! — запрокинув голову, кричал в предзакатное небо Икар.

— Нам пора лететь, — одёрнул мальчика Ильнар, — солнце не будет нас ждать!

С крыши девятиэтажки в небо взмыли две чайки. Они полетели прямо на огненно-рыжее солнце, которое с каждой минутой меняло рыжий оттенок, становясь всё более бордовым.

А вдоль побережья летала стая таких же чаек, которые клевали холодное отражение, наивно полагая, что это и есть солнце, и впереводку насмеялись над удаляющейся к горизонту парой.

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

ВЛАДИМИР СКИФ

ХРУСТАЛЬ НЕОДОЛИМЫЙ

ПАСХА

Словно печка — заря затопилась,
Заалела, как дверца в ночи.
Мне сегодня

Под утро приснилось:
Выпекает заря куличи!

Это правда,
а может быть сказка,
но я вижу на стыке веков:
Луч рассвета —
янтарная скалка
раскатала блины облаков.

Это тихая явь или небыль?
Я услышал:
запела пчела,
и поджаристо хрустнуло небо,
И весёлая Пасха пришла.

* * *

И удлинился день,
как хрусткая сосулька,
и оперился день, как лёгкая стрела,
Чтоб вдребезги разбить
стеклянные сосуды
и вылить жёлтый мёд весеннего тепла.

И преломился свет,
и к сердцу припадая,

Повысветил внутри угрюмые углы.
И подавился снег,
коросту льда глотая,
И выдохнули сон — могучие стволы.

К весне катился мир,
как звонкое колечко,
Дымилась в вышине небесная плита.
И посреди камней
стремительная речка,
Как юная змея, снимала кожу льда.

Круглилась тишина,
и в ледяной купели
Купались воробьи. Оттаивал причал.
Катились по душе,
как шарики капли,
И разбивались в пыль тревога и печаль.

* * *

Мир деревенский, многогранный,
Земля моя, мой край желанный,
Я зрю проталины твои,
Я вижу твой рассвет туманный
На дне глубокой колеи.

Я вижу старенькие бродни,
К ручью построенные сходни,
В лощине — серую копну,
И лист подгнивший прошлогодний,
Как будто втоптаный в весну.

Рассвет к околице прилажен,
Спит детства давнего шалашик,
Где мы скрывались от дождя.
Ворс тишины рукой поглажу,
По тихой роще проходя.

Не вижу малого изъяна
В родном краю, на той земле,
Где блещет радугой поляна,
И светит капелька тумана
У спящей птицы на крыле.

* * *

Тучу ударила молнии плеть,
Туча к земле наклонилась,
И загрела небесная клеть,
И серебром осветилась.

Заполыхали в разломах земли
Кварцы, граниты и яшма.
Капли дождя серебром натекли
В закаменелые чаши.

Ливень себя
Божьим даром пролил
В души и дыры сквозные,
Будто живую водою промыл
Рваные раны земные.

Слёзы разбавил, омыл тополя,
Смыл кровавые потёки
И оживил молодые поля,
И открылил водостоки.

Дождь, низвергайся!
И ветер, ярься,
Мчись поднебесною синью...
Господи Боже! Скорей появись
В бедной, несчастной России!

* * *

Вздыбил век тяжёлые скрижали,
Встала жизнь во времени стеной.
Мы себя по свету разбросали
И теперь живём, как на вокзале,
В отчине, от горя — ледяной.

Чтобы жизнь не стала общим плачем,
Мы готовы на заклянье лечь.
Мы для мира что-нибудь да значим,
Мы Господней Истины не прячем,
Мы святая — во Вселенной — течь.

Истина — хрусталь неодолимый,
Истина — магический кристалл.
Мы в стране поруганной, былинной
Со крестом и верой неделимой
Вечность измеряем по крестам.

По дорогам мёрзлым и окопам
Мы, как знамя, Истину несли.
Слыша рядом сатанинский топот,
Мы спасали христианский опыт,
Только вот себя — не сберегли.

На земле не погибают дважды...
Скажем Богу: « Господи, прости!»
Станем снова бдительны, отважны,
Чтобы к Месту Лобному однажды
Всех воров России привести.

КРЕМНИСТЫЙ ПУТЬ

из цикла «Лермонтов»

В стихах он был и вправду равен Богу,
Он не творил — он с Богом говорил.
И, приближаясь к смертному порогу,
В бессмертие тропу свою торил...

Мертвел Мартынов, леденел от света
Его стихов и жажды мир любить.
Он не затмил великого поэта
И превосходства не сумел добыть

В стихах,
в остротах непомерно-шалых,
И на балах — среди друзей-кутил —
Казался тем
начищенным шандалом,
Который не горел и не светил.

Он — мстительный, напыщенный,
в черкеске,
Стелил поэту смертную постель...

Под Машуком
в ближайшем перелеске
Уж скоро грянет чёрная дуэль.

Нам не успеть к поэту на подмогу...
Он упадёт в ночную тьму лицом.
Кремнистый путь дотянется до Бога,
Гора Машук подёрнется свинцом.

И будут сниться каждому отрогу,
Как дождь идёт,
как Лермонтов молчит...
И «Выхожу один я на дорогу»,
Как Божий гром,
над Машуком звучит.

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ СВИРИДОВА

Музыка поля открытого,
Снег и метель в Рождество
Стали дыханьем Свиридова,
Трепетной музой его.

Музыка века пробитого
Стала на все времена
Сердцебиением Свиридова,
Болью, лишаящей сна.

Господом –
вечность отпущена,
Тихая радость и грусть,
Слово высокое Пушкина
И деревянная Русь.

Век и его потрясения
Переступили порог
С песенным даром Есенина,
С тайною блоковских строк.

В небе звучит оратория,
Как Маяковского бас.
Годы листает История,
Время не жалуется нас.

Возле народа несытого
Над полонённой страной
Нежное сердце Свиридова
Пело скрипичной струной.

Возле мальчишки убитого,
Возле московских оград
Русское сердце Свиридова
Билось, как будто набат.

И над полями-заплатами
Горестной русской земли
Музыка пела и плакала
И затихала вдали.

Сердце горело и таяло
И, догорев в Рождество,
Бренную землю оставило...
Вот и не стало его.

Смотрит держава зарытая,
Как, забирая в щепоть,
Чистую душу Свиридова
В небо уносит Господь!

«НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...»

Памяти Ольги Берггольц

Неужто Земля в этом месте пробита
До самого чёрного страшного дна?
«Никто не забыт и ничто не забыто...» –
Осталось тревогой на все времена.

Блокада булыжником в память зарыта,
И снова, как прежде, бьёт в сердце она.
«Никто не забыт и ничто не забыто...»
... Там не было хлеба и не было сна.

Там в жизнь –
из блокады –
дорога закрыта,
Полуторки рвали блокадную тьму.
Стоял Ленинград, в нём душа не убита,
И, может быть, выстоял он потому.

Голодных людей под гранитные плиты,
Казалось, вбивало свинцовой пургой.
«Никто не забыт и ничто не забыто...» –
Тогда и воскликнула
Ольга Берггольц.

Здесь было сиянье из мужества свито,
Которое бездну смогло победить.

«Никто не забыт и ничто не забыто...»
А если забудем — нас надо судить.

Сегодня **себя только** помнит элита,
Которая стала чужой и глухой.
«Никто не забыт и ничто не забыто...»
Им кажется нынче пустой чепухой.

Но в Питере знамя гранитное взвито,
Блокадная боль достаёт облака...
«Никто не забыт и ничто не забыто...»
Бессмертной волной ударяет в века.

* * *

Снегу в саду намело
Белые-белые горы:
Даже ночами светло,
Светят дома и заборы.

Свет неземной у земли,
Вижу из окон опять я,
Словно на землю сошли
Ангелы в облачных платьях.

Снегом согнуло в дугу
Две молодые берёзы.
Светят на хрупком снегу
Ангелов чистые слёзы.

Видятся мне из окна
Звёздные прорези неба.
Душу щемит тишина,
Ткущая омуты снега.

Снегу до звёзд намело...
Кажется мне, в самом деле.
В небо взлетает крыло
Чёрной дымящейся ели.

* * *

Так много внутреннего света
В твоих глазах, в лице твоём,
Что кажется — сияет это
Живой, огромный водоём.

Сияет снег, сияет небо...
Ты так близка по свету им,
Что я подумал: ну, а мне бы —
Быть отражением твоим.

Белеет инеем ограда,
Зима справляет Рождество,
А ты, как тихая лампада,
Стоишь у сердца моего.

* * *

Т. Г.

Ты прекрасна, ты просто роскошна.
Ты гуляешь сама по себе,
Как изящная чёрная кошка —
По своей, по моей ли судьбе.

Мимо зорь, мимо ближнего ада,
Мимо чёрных, валютных менял
Ты идёшь, как волна камнепада...
Я тебя столько лет догонял!

И догнал в ослепительном зале,
И на крыльях любви перенёс
В сонный лес, окуная в Байкале
Полуночное пламя волос.

Я тебя отобрал у прохожих,
У садов, источающих хмель,
И твою атласною кожей
Упивался, как яростный шмель.

В обжигающем зеве Байкала
Мы купались с тобой нагишом.
Тихий ангел на тёмные скалы
Сыпал звёзды небесным ковшом.

Ты стояла под небом нагая,
Ты шептала: — И всё это мне?!
Лился свет, по ключицам стекая,
И искрился в живой глубине.

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

НЕОТТОРЖИМЫЙ ОТ РОССИИ

Есть у каждой реки исток, маленький ключик, от которого всё начинается. И чувство Родины прорастает, как всё большое, из малого зёрнышка. Этим зёрнышком в детстве могла быть речка, текущая в ивниках по степи, зелёный косогор с берёзами и пешеходной тропинкой. Этим зёрнышком мог быть «... шалашик, где мы скрывались от дождя», и тихая роща, и рассвет, который, кажется навечно «прилажен к околице». И каждый раз, возвращаясь к истокам своим, не видишь и «малога изъяна // В родном краю, на той земле, // Где блещет радугой поляна, // И светит капелька тумана // У спящей птицы на крыле».

Близкие сердцу картины родной земли связаны у нас с самыми первыми радостями узнавания жизни, с ощущением жизни как таковой, с неосознанной ещё благодарностью за эту жизнь. Это могучая сила памяти. Она влечёт птиц из дальних краёв к месту, где они родились, она всю жизнь согревает человеческое сердце, делает его счастливым. Или несчастным, если человек почему-то потерял Родину...

Вот о чём я думаю, читая стихи Владимира Скифа — поэта, никогда не искавшего мирских утех в виде литературных премий и прочих наград. Подчас, когда мы пропускаем, пролистываем поставленные в «красной угол» творческой биографии лауреатские «отметины», выясняется, что перед нами и не Художник вовсе, но — в луч-

шем случае — добротный ремесленник. Мне, например, безразлично было бы знать, в каком году Владимир Скиф стал или не стал лауреатом «чего-то», потому что его творчество позволяет ощутить бессмертие русской души: *«Почему так манило людей в небеса //, Где дорога души широка и бескрайна, // Их манило туда, где жила бирюза, // Где качалась лучами небесная тайна...»*

К сожалению, современность со своей скоростью и цинизмом прячет от нас островки любви и мира. И не так-то легко уже, и далеко не каждому дано найти слова, чтобы воспеть Родину. Найти слова через сыновью любовь к родной земле:

*И поля, и берёзки кривые,
И листвы многошумный прибор —
Это Родина, это — Россия
С горьким дымом
над отчей избой.*

.....
*... Мы себе своё счастье косили,
Шли домой по знакомой тропе,
Где горячее сердце России
Билось пламенем в каждой избе.*

Вот и в книге Владимира Скифа «Все боли века я в себе ношу...» всё так же нет ни соринки наносного, чуждого. Только — русское: оплакать и помнить, и идти, клонясь, снежным путём своим...

Кто-то скажет: гипербола, не по силам такое одному — носить в себе все боли века. Многие скажут. Но не потому ли, что человек ныне так ослабел душевно, овладело им «окамененное нечувствие» и трудно ему, живущему только собственными заботами, поверить в то, что есть рядом другой человек — жалеющий, с болящим сердцем.

«Господи, избави мя всякого неведения и забвения, и малодушия, и окамененного нечувствия». Всем ли известно это знаменательное прошение великого Иоанна Златоуста из молитв «на сон грядущим»?

Увы! Наверное, очень немногим. А, между тем, оно так ярко объясняет нам очень многое из того, что происходит в современном мире. Зло современного мира развивается и углубляется всё больше и больше именно в такой последовательности: сначала «неведение», потом — «забвение», затем — «малодушие» и, наконец, ужасное состояние души — «окамененное нечувствие», в котором находится большинство современных людей, всё более погружающихся в разверзшуюся перед ними адскую бездну, где уже нет спасения.

Все эти пороки — и «неведение», и «забвение», и «малодушие», как нельзя более процветают в наше время, даже среди людей, считающих себя «христианами», и потому естественно порождают то всеобщее «окамененное нечувствие», которое так характерно для нашего злокозненного времени.

Как это сказано: «окамененное нечувствие»!

Это такое состояние, когда человек становится как бы бесчувственным, нечувствительным ко всему, как камень.

К сожалению, человек, испытывая душевную боль, разочарование, угрызения совести, не перерождается страданиями, не очищает своего внутреннего сокровенного человека, а падает глубже, оставляя глухими и слепыми ухо и глаз, беспамятным и равнодушным сердце, что и создаёт уродливые наросты в глубинах души, делает её окаменелой, бесчувственной... где уж тут до сострадания к ближнему!

Увы! В наше время большинство людей вообще ничем не трогается, если только не задеваются их личные эгоистические интересы. «Их ничем не прошибёшь»; как

говаривали у нас прежде, «они, как камень бездушный». И даже добро другим творят только тогда, когда видят в этом какую-либо личную для себя выгоду: или прославиться, или стяжать популярность, или взамен что-нибудь для себя приобрести. Бескорыстного добра не жди от них — они на это не способны. Не умеют увидеть, почувствовать, как

*Снова снег, упавший с неба,
Принакрыл тоску и боль
Русским душам на потребу...
Или он — на раны соль?
Этот снег, объявлявший землю,
Словно белый-белый пух,
Видно, чьим-то стоном внемля,
Как Святой явился Дух.
На деревья и ограды
Опустил свою красу,
Как Господние лампы
Засветил в густом лесу.
Застелил луга и доли,
Рваный космос сшил по швам,
Выткал снежные подолы
Чёрным избам и церквам.
Посреди полей широких
Видел я, присев к огню,
Как Архангел светлоокий
В небеса торил лыжню.*

Поэту Владимиру Скифу ведомо многое из того, что утишает земные печали, помогает нам выжить, выстоять. И он напоминает, не позволяет нам забыть о том, что не уныние правит миром:

*Распахни, человек, и судьбу, и глаза,
И не стой среди падшей эпохи нелепо.
Надо только взглянуть широко в небеса
И во всём походить на высокое небо.*

Но зачастую происходит совсем другое:

*Земля проросла трын-травой и дурманом,
В деревне крест-накрест забито окно,
И небо сверкает гранёным стаканом,
Упёршись в российское твёрдое дно.*

Что же случилось? Изменилась жизнь? Изменились мы? Может, это то самое «окамененное нечувствие», избавления от которого мы жаждем? Рискну предположить, что не только. Вернее, окамененное нечувствие вырастает не на пустом месте. Я обсуждал эту тему со многими людьми, и оказалось, что у многих так. Сострадательные, добрые люди в итоге черствеют.

Да, конечно, нельзя оправдываться известной формулой «не мы такие — жизнь такая». Если мы черствеем, если закрываем свои сердца от чужой боли — это происходит по нашей воле, это наши грехи, и нам за них отвечать перед Господом, а спасти может только молитва:

*Спаси меня, Господи, неотторжимый
 От сердца России, от русской души.
 Какие бы нас ни глушили режимы,
 Какие б ни путали нас миражи,
 Мы молим единого Господа Бога
 О нашем народе, чтоб выстоял он.
 Верши свою проповедь,
 Господи, строго.
 Тебе мы несём за поклоном поклон.
 Спаси меня, Господи, верный и правый,
 От зла, от болезней, от смуты в душе.
 Не надо мне злата и ветреной славы,
 А надо Всевышнего чуда уже.*

Надо, жизненно необходимо, хотя «Ещё не выболел, полощется // Моих печалей горький дым». Но помимо личного греха, собственных печалей есть и нечто общее, присущее, как мне кажется, именно нашему времени, нашему продвинутому высокотехнологичному веку. Причём я даже не про интернет, интернет — это частность. Главное же — это огромный поток информации, в котором волей-неволей приходится барахтаться современному человеку. Информация льётся отовсюду: с телеэкранов и из газет, из радио в машине и, конечно, из интернета. Есть, правда, отдельные счастливицы, которые живут как на необитаемом острове, — без телевизора, без компьютера, без прессы. Но это путь немногих. А большинство — во всяком случае, жители крупных городов с развитой информационной структурой — ежедневно смотрят, слушают и читают о том, что вот здесь произошла катастрофа и погибли тысячи людей, вот тут случилось наводнение и жители остались без крова, вон тут издеваются над беззащитными малышами в детдоме или беззащитными стариками в больнице, вон здесь крадут, вон там грабят, вот эта маленькая девочка нуждается в огромной сумме на операцию, и ещё вон тот мальчик, и та тётенька, и ещё сотни, тысячи. Огромный поток чужого несчастья захлёстывает нас и...

И что? Дело ведь не только в том, что улицу не натопишь, что всем не поможешь, даже если по два рубля посылать. Главное, если помогаешь, так ведь произвольно выпускаешь в свою душу чужую боль, сопереживаешь... но когда боли становится слишком много, твоя душа с ней уже не справляется. Можно вообще сойти с ума (и такие примеры известны). Вот потому и срабатывают защитные психологические механизмы, люди перестают сочувствовать столь же глубоко, как они делали это раньше. В душе вырастают некие стенки, человек начинает избегать каких-то тем, каких-то мест, каких-то людей (например, ещё не очерстевших, перед которыми становится стыдно за свою чёрствость), и человек уже не замечает, что «Тьма кромешная настала, // Небесам зашила рот, // Будто бы не рассветало // И вовек не рассветёт. // Тьма всё глуше, всё кромешней, // Стала каменной мгла...»

За такой мглой проще укрыться, а с угрызениями совести у нас есть стандартные способы борьбы. Например, убедить себя, что всё вообще-то нормально, что переживать просто не из-за чего. Например, собирают деньги на операцию ребёнку — ну так это, наверное, жулики, неизвестно ещё, есть ли в природе этот ребёнок, действительно ли он болен, действительно ли нельзя обойтись без сбора пожертвований? Бывают же случаи мошенничества? Бывают, да ещё как! Вот и здесь наверняка оно, мошенничество. Или читаем про то, как органы опеки отобрали ребёнка у бедной семьи — и тут же начинаем себя уговаривать, что наверняка не всё так просто, наверняка семья неидеальная, наверняка есть какие-то неприятные факты... так что лучше

погодить, не подписывать петиций, не поднимать голос в защиту... вообще не брать в голову. То же самое, когда какие-то преступления, какое-то насилие, какой-то полицейский или судебный беспредел. Кто знает, как оно на самом деле было, кто там прав, а кто виноват... лучше вообще об этом не думать.

Такими вот рациональными и, в общем, вполне разумными соображениями мы нередко успокаиваем свою ноющую совесть. Да, действительно, и мошенники случаются, и журналисты сплошь и рядом врут, и концов в мутных историях не найти... только это ведь не подлинная причина нашего равнодушия. Подлинная — страх перед чужой болью, уозсть души, в которой для ещё одной чужой беды уже не остаётся места.

Опять же тут можно сколько угодно морализировать, обличать уозсть чужих душ (да хоть бы и своей!), но факт остаётся фактом: обычный человек неспособен вместить в себя всю боль мира. Ни раньше, в прежние века, не был способен, ни сейчас. Но если в прежние века люди сталкивались с чужой бедой непосредственно в жизни, и количество таких столкновений, как правило, было соразмерно силам души, то современный человек благодаря информационным технологиям соприкасается с невозможным для него объёмом несчастья. И черствеет просто, чтобы не сломаться, чтобы не сойти с ума. Святой человек на его месте выдержал бы, великие святые могли молиться за весь мир, а мы — обычные, грешные люди...

Так-то оно так, но Поэт говорит нам:

*Иду по жизни, словно по ножу,
Разломы бед людских переживаю.
Все боли века я в себе ношу
И из кусочков Родину шиваю.*

Отворачиваясь же от непосильной беды, мы нередко отворачиваемся вообще от любой. Скажем, если в наших силах откликнуться на проблемы трёх человек, без ущерба для нашей психики, а на нас сваливаются проблемы трёх тысяч, то мы не помогаем вообще никому. Наши защитные механизмы работают слишком активно — отсекают вообще всякое участие, всякое сострадание. Так вот и возникает окамененное нечувствие — настоящее, бетонной твёрдости, касающееся уже не виртуальности, а самой что ни на есть реальной жизни.

Что-то, конечно, с этим надо делать. Конечно, есть абсолютно правильный и очевидный рецепт. Жить по-христиански, соблюдать заповеди, бороться со своими грехами, участвовать в жизни Церкви, исповедоваться и причащаться. Тогда душа расширится, тогда в неё можно многих вместить. Словом, «стяжи Дух Святой — и тысячи вокруг тебя спасутся».

Но это дорога на всю жизнь, и духовные плоды вырастают очень нескоро. Что же делать, пока они не выросли? Как не окаменеть душой, живя здесь и сейчас, когда вокруг столько «вороватых, бегающих душ»:

*Они с подгаром — злы и тороваты,
Но им везде играют славы туш...
По всей стране — горелый запах ваты
Прожжённых, хитрых, бегающих душ.*

Может быть, для начала, помочь двум-трём — и не считать себя при этом последней сволочью, что не помогаешь двум-трём тысячам? Одной грудью можно кинуться только на одну амбразуру.

Может, сталкиваясь с какой-то чудовищной историей и не чувствуя в себе сил провести самостоятельное расследование, нужно не выбрасывать её из сознания, а коротко, но искренне помолиться за всех её участников?

А может, не забывать о том, что мир хоть и лежит во зле, но злом не исчерпывается? Что в мире есть глаза близких, музыка и звёзды, что «Природа ещё спит, но солнце острым плугом // Распахивает снег, толкается плечом...», и всё же так просто:

*Влюбляться и страдать, срываться в бездну века
И подниматься вспять сквозь годы и кресты,
Ломать свой чёрствый хлеб, прихлёбывая млеко
Из вымытых сосцов небесной высоты.
В поэзии — себя — отдать сердечным мукам
И в слове не искать особенных затей...
Мне хорошо гулять по набережной с внуком,
Как будто вновь своих выпестывать детей...*

Потому что, если забыть об этом, наш век действительно окаменеет. А тогда — что, уповать на исполнение надежд? Но Поэт говорит нам:

*Отстегну, словно цепи, надежды,
Потому что надежда слаба.
Мою душу она не удержит
На краю мирового столпа.
Разобьётся душа или взмлет
До Господних,
до горних высот.*

*Пусть поэт себя кровью умоет,
И себя этой кровью спасёт.
Пусть душа к уготованной бездне
Привыкает — ей вечно летать.
Без надежды полёты отвесней —
Сразу небо и бездну видеть.*

Апостол Павел сказал, что настанут времена, когда упразднятся вера и надежда, но останется любовь. Вера исчезнет, так как мы воочию увидим то, во что верим, надежды не будет, так как исполнится то, чего мы ожидали, а любовь останется; не только останется, но в вечной жизни будет похожа на разгорающееся пламя...

Знают об этом многие, но пока не каждому дано понять то, что уже понимает и видит Поэт... И пусть он выставляет вперёд не разум, а своё сердце, но если он увидел и воспринял сердцем страдание человека, происходящее от другого человека, страдания своего народа, происходящие от власть имущих, если эта боль коснулась его души, то уже по одной ответственности перед своим талантом, перед своим творческим состоянием, происходящим от сострадания, он **обязан** выразить эту боль:

*Раскачалось гнездо на берёзе
И рассеяло прутья во тьму.
Так и мы в нашем русском народе
Разметались в чаду и дыму
Догорающей нашей Отчизны,
Где тлетворная, злобная тварь
Покусала народные жизни
И проела «Псалтырь» и «Букварь».
Пой, печали лужёная глотка,
Над извечным российским ярмом,
Где, как песня, палёная водка
Правит русским несчастным умом.*

*Свистну я, осушу свои слёзы
 Посреди обгорелого дня.
 Не качайся, гнездо у берёзы!
 Русь моя, будем злы и тверёзы.
 Русь моя, начинайся с меня!*

Насчёт зла — спорно. Философ Иван Ильин писал: «... ни добро, ни зло не имеют в жизни людей «чисто личного» или «частного» характера. Всякий добрый — независимо даже от своих внешних поступков — добр не только «про себя», но и для других; всякий злой — даже если он злится «про себя» — зол, и вреден, и ядовит для всего человечества». Но поэт и сам понимает это, не случайно же в другом стихотворении — «В вечности» — он пишет о том, что зло «душит горницу души». Речь у Скифа, наверное, идёт о решимости, о твёрдости веры, о гневе праведном. Преподобный Серафим Саровский говорил: «Если б решимость имели, то и жили бы так, как отцы, в древности просиявшие». Иначе говоря, между человеком погибающим и человеком спасающимся одна только разница — решимость. Владимир Скиф спасает, по крайней мере, пытается спасти своим словом, примером своим, погибающих — выброшенных из жизни, сейчас спившихся, превратившихся в тех, кого окружающие уже и за людей не считают. Но и они Россия, Русь, Родина. Не просто земля, бывшая когда-то никем не заселённой и дикой пустыней, а земля, в которую Бог вселяет народ, — вселенная народа. И в призыве «Русь моя, начинайся с меня!» — обращение к ближним...

Но найдутся и те, кто спросит: «А ты сам из каких, чтобы в пример себя ставить?» Как ни банально звучит, мы все в одной лодке. Уже во многом разочарованные, не доверяющие рулевым. Но каждый думает: «Ничего, выплыву». А тот, другой, выплывет? И станет ли мир лучше, если думать только о себе и безучастно наблюдать чужую беду? Ведь каждый в ответе за всех, и все — за каждого. Но изврат творится прямо среди бела дня, здесь и сейчас. Человек ко всему привыкает, а правители ещё подтолкнут, мол, стерпится-слюбится. Что стерпеть и возлюбить? Страну, закон и власть люби, остальное — неважно. «Остальное» — родина, память и народ, не говоря о чести и порядочности. Прямо не скажут, но в рыночный механизм добродетель не всунешь.

Так что пусть тот, кто пожелает спросить у Поэта, пусть и себе вопрос задаст: чего же сам молчу?.. И пусть Родина — Русь, Россия — начнётся с каждого из нас, ибо она есть образ и символ Божественного поприща народа, его вселенского призвания... Но есть ещё и молитва Поэта:

*Нетронутые белые листы
 И тишина, и в небесах перила.
 И напугалось сердце немоты,
 И с Господом в тиши заговорило:
 Прости, Господь,
 Удел наш роковой
 И снизойди до существа земного,
 Где о России с думой вековой
 Я пред тобою на коленях снова.
 Молюсь о горькой Родине своей —
 Истерзанной, обманутой, несётной,
 Где сгнули напевы косарей,
 И спит народ, как богатырь убитый...
 И этот сон — **окаменное нечувствие.***

В жизни мы все можем наблюдать духовный закон: «Ничто не проходит бесследно». Всё, что мы делаем, говорим или даже просто желаем и думаем, — отпечатлевается в нашем сердце. Ум сохраняет лишь малую долю встречаемого. Рассудочная память, подобно ситу, задерживает только самое крупное. Но сердце хранит письмена всего, что прошло через душу:

*Мы строили и храмы, и мосты,
Чтоб нам идти к Сиялищу Пророка,
Но нас бросали в бездну темноты
Всемирные служители порока.*

*Мы обращались к светлым небесам
И снова путь окольный начинали,
Но бесы нас кружили по лесам
И чёрной мглой души начинали.*

Малодушничают — потому и начинали, потому и это пространство для бесов, прости, Господи, освобождали. Но учил же блаженный Августин: «От гнева Божия можно бежать только к Божией милости». Но бежим-то не всегда, чаще ждём, но... милости или гнева?

*Мы чуда ждём с небесной высоты,
Мы молча ждём последнего итога,
И посреди Вселенской Немоты
Мы замираем в ожиданье Бога!*

От себя добавлю: не просто мы — истуканами — замираем, но сердца наши замирают в этом ожидании, а состояние сердца — зеркало внутреннего мира человека, того, чем он живёт на самом деле. В сердце суммируется всё, что мы помышляем и чувствуем. От этого оно либо сияет как солнце, подавая свет и тепло окружающим, либо уподобляется чёрной дыре, способной только поглощать на своём пути всё.

И вспомним Тютчева:

*... Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.*

И прислушаемся к нашему современнику, поэту Владимиру Скифу:

*... Мерцает сумрак звёздною слюдою,
Взирает с неба Всемогущий Бог,
А на земле, засеянной бедою,
Уносит время почву из-под ног.
Но всё ещё не умирают нивы,
Цветут сады и зеленеет лес,
И, может быть, поэтому мы живы,
И ждём прощенья Божьего с небес.*

Переработанные по законам стихотворного творчества поэтические отражения реальности, «лики культуры», как их называют, возникают перед нами новыми и неповторимыми явлениями духовной жизни. В одних случаях, когда, скажем, в поэзии воплощаются частные и третьестепенные стороны прошедших событий, они могут восприниматься как нечто интересное, но всё же — только как относительно интересное; тогда как в других — приобретают характер непреходящих ценностей.

К таким непреходящим ценностям относятся, прежде всего, христианские идеи, появляющиеся в художественных образах поэтических произведений. А книга Владимира Скифа «Все боли века я в себе ношу...» буквально дышит ими:

*Спелых звёзд на гору набросала
Ночь, как будто сказочная печь.
О кремь горы — звезда-кресало
Возжигает утреннюю течь.*

*Раз за разом вспыхивают звёзды,
Ударяясь о вершушки гор, —
И дымится раскалённый воздух,
И кометы катятся во двор.*

*Где-то на востоке еле-еле
Растеплела, посерела ночь.
Ожились пасмурные ели,
Стали небо лапами толочь.*

*Заалела матовая бледность,
Птичий напружинился смычок.
Как знаменье сквозь ветхозаветность,
Солнечный взметнулся язычок.*

*И ожили ветки и былинки,
Засверкали зёрнышки росы
На траве, на камне, на суглинке,
Словно в Сотворения часы.*

*Просыпался, сотворялся житель
И молился на Господний кров.
В этот миг Великий Вседержитель
Шествовал по кромочке миров.*

И — главное — поэзия Владимира Скифа напитана соками родной земли, потому-то и уготована ей долгая жизнь. Не говорю «вечная» просто потому, что у смертного нет права на такие эпитеты, когда разговор идёт о слове поэта, поскольку единственно «... Господь Бог есть истина; Он есть Бог живой и Царь вечный» (Иер.10:10) .

Стихи Владимира Скифа — это тот духовный и нравственный багаж, ноша которого не только не тянет, но и придаёт сил.

За что, по слову Апостола, «похвала не от людей, но от Бога» (Рим. 2, 29) .

Ну и от всех нас, смертных, тоже...

ТАК РЕШИЛ ТИМОФЕЙ

Исторические вехи. 2014 год. Возвращение Крыма в состав России.
События сопровождались общенациональным подъёмом.

Они гадают и спорят: кто за этим стоял? Президент Путин, «вежливые люди» в камуфляжной форме или президент Обама с мировым правительством?

А я говорю:

— Так решил Тимофей.

Как всё великое, история началась с пустяка. У Насти украли iPhone. Конечно, для Насти это не было пустяком, а было чуть ли не трагедией: новенький, последней модели iPhone ей подарили родители в знак окончания десятого класса. Даже в Москве, в элитной школе, где она училась, и которую некогда закончил наш самый известный олигарх со сладким именем Рома (помните, была «ромовая баба»), такой iPhone был не у каждого. А для подростков в Крыму, в городе Феодосия, куда Настя приехала на каникулы, — являлся предметом, мало сказать, зависти. Вожделения!

В Крыму Настя проводила каждое лето: некогда дедушка купил здесь небольшую квартиру в старом дворике, похожем на заношенную театральную выгородку. В те годы её родители в Москве едва сводили концы с концами — папа был студентом, но приезжая сюда, они могли вести себя, как богачи! Так всё дешёво стоило! Транжирили, угощали! И Настя привыкла привозить и дарить соседским девчонкам подарки! Так что была своей, родной, долгожданной для подруг, которые из девочек превращались в девушек-подростков. Они торопились пройтись с Настей по набережной, лепясь и подтягиваясь к её стати и росту.

Москвич в провинции сам по себе становится объектом некоего подобострастия. Настя обладала редчайшим даром — красоты своей не осознавала. С детства слышала вокруг: «Какая красивая девочка! Какие глаза!». В Москве одноклассницы уже бежали на всевозможные кастинги, а Настю и без того останавливали в метро, на улице, в школе, предлагая выступить в качестве «модели», манекенщицы, участницы телешоу. На телевидении работала мама, и она была категорически против «шоу». В кино пробовал себя папа, который совсем недавно окончил соответствующее учебное заведение и был на стадии затянувшегося становления, и он вынес приговор: «все те, кто в детстве начал сниматься, плохо кончили». Настя была покладиста, бесконфликтна, не хотела никого обижать.

К родителям, несмотря на школьный возраст и очевидную «детскость» Насти, ждали свататься «престижные» женихи, обещая терпеливо дожидаться совершен-

нолетия и даже взять на себя все последующие затраты на учёбу. Женихов — папа в прошлом был профессиональным боксёром — можно было спускаться с лестницы, вышвыривать со двора (являлись они и в Крыму), но люди приходили, в общем-то, с добрыми намерениями. Настя сгорала от стыда, подтягивая для разумного объяснения потерявшим здравый смысл мужчинам дедушку. Просто папу все принимали за брата, а дедушка выглядел как раз, к тому же сам был женат на женщине гораздо младше себя.

«Я напишу с неё царицу Тамару», — друг дедушки, великий художник, пожалуй, точнее других определил её внешнюю и моральную принадлежность. С правильными, чуть продолговатыми чертами, большими — огромными — глазами, смуглая (по три месяца на море!) и темноволосая русская девочка Настя напоминала именно грузинскую царицу или пока княжну — какой-то наследственный ген с восточных, а точнее, с синайских палестин закатился и стойко удерживался в череде поколений; Настя походила на свою маму, так что иногда, вечером, их можно было и перепутать. Но и этому «проекту» пока не суждено было сбыться: художник ходил на нетрезвого Гришку Распутина, оставить с ним девочку для позирования одну представлялось делом невероятным, а вот так, как выдилось, что соберутся вместе, без выпивки, не получалось по Божьей воле. «Царица Тамара» — вспомнил слова художника дедушка Вова, когда приехал с внучкой в Оптину пустынь. Настя повязалась платком и была в церковном свечении так хороша, так точёна ликом, и очи её тёмные были устремлены на исповеди с такой верой и чистотой, что делалось страшно — как бы ни засобирались в монастырь. Батюшка — очень почитаемый здесь монах — тоже ходил на Распутина, только трезвого. Очередь к нему на исповедь вилась вьюном во весь Храм, но девочку, похожую на царицу Тамару, он исповедал очень долго: что уж, какие грехи находились у неё? Дедушка потом, когда ехали в машине, ревностно посмеивался: «Что-то глаз у этого монаха загорелся, аж страшно стало! Чего он тебе всё выговаривал?!». «Что я должна хранить себя для любви и семьи».

Была зима, Настенька не побоялась искупаться в святом источнике и так и ехала в машине по дороге, устремив взор куда-то туда, где каждый видит лучшую из жизней.

Словом, было б странно, если бы у неё этот самый iPhone в курортном городе не стырили! В милицию обращаться — они здесь иностранцы, заплатить придётся больше, чем стоила штукovina! И тогда возникло имя Коля. Куда как проще — Коля. Но из уст феодосийских девочек оно прозвучало с ощутимым эхом, как в мистическом триллере: «Ко-оля-а!».

Дело в том, что у iPhone есть свой номер — идентификатор, местонахождение iPhone утаить нельзя. Так, по крайней мере, считается, пока предмет не минует пределы России и Украины. Коля был человеком, который мог вычислить местонахождение умыкнутого аппарата.

Пока «тема» обсуждалась по телефону, предприимчивый Коля также говорил, что это будет не бесплатно. Встреча была назначена у «Аркадии». Вечерело, возбуждённые девушки шли в свете череды кафе и ресторанов, перекрывая зазывную музыку, буквально прикудахтывали: «Ko! Ko! Ko!». Коля и то, Коля и это. Настя пыталась угадать, кто из молодых людей на положенном месте встречи может оказаться этой самой местной знаменитостью, Колей? Парень стоял в белой футболке, рослый, раскаченный. Красив, но вряд ли тот, кто «шарит» в интернете. Вот с длинными волосами, серьгой в ухе?

Подруга Маша смотрела куда-то мимо и улыбалась. Из толпы, из группки простенько одетых ребят — типичных местных — приближался невысокий худощавый мальчик.

«Ай-фу-фу, ай-фу-фу», — стали объяснять девочки. Взял коробку из-под iPhone, на которой были данные. Настя успела вспомнить то, что говорили родители: а теперь и коробки не будет, кому что докажешь? Парень рассматривал коробку, и руки его вдруг притянули взгляд — будто они от другого тела. Про такие говорят — стальные руки. Они оба враз подняли глаза, и Коля, страшно смутившись, заулыбался.

Мальчики её круга в столице смущались редко; а чего им смущаться, если, по общему признанию Настиных одноклассниц, «они в шоке от самих себя»?!

Настя попыталась, как говорят, «на берегу» определиться с ценой, парень ещё больше смутился, махнул рукой: «Я шутил».

Скоро по телефону он объяснил, что надо ждать. Если ворованный iPhone не включили сразу, как это бывает, когда действует «непрофессионал», то обычно его увозят в другую область и дают время «отлежаться».

При встрече он вернул коробку и в утешение подарил маленький целлофановый пакетик с серёжками и кулончиком с голубыми камешками. Настя уже знала, почему у него «такие» руки: Коля был потомственным ювелиром, подруги даже показывали лоток, где продавались сделанные им, его отцом и братом украшения. Маша, одноклассница, рассказывала, что ещё в младших классах он умел всё это делать. Она была, очевидно, влюблена и даже сводила Настю в церковь, показав отца Коли. Тот, в церковной ризе, помогал священнику вести службу. Невысокий, плотный, с бородой. Похож на Колю, только у Коли лицо худое, узкое, а у отца — широкое, скуластое.

— Он же ювелир, ты говорила? — удивлялась Настя.

— Ювелир. И служит в церкви. У них такая семья.

А вот на ювелира, какие они бывают в Москве, чернявые, с пузиком, щегольски одетые — совсем не походил.

Насте было неловко перед подругой, но так вышло, что они с Колей исключительно вдвоём стали прогуливаться по Набережной, ходили в музей Айвазовского, Грина, Цветаевой. А что тут такого — посетить музеи, в которые прежде дедушка мог заманить только мороженым?

Дедушка Вова сразу всполошился, как только узнал, что Настя встречается с фео-досийским парнем. Здесь, выговаривал он, в курортной зоне, мужчины привыкли, что приезжающие на отдых девушки легко доступны. Здесь они балованы женщинами! Сколько ему? Двадцать два! По местным меркам, это совершенно зрелый мужчина! Который уже много, в смысле женщин, познал! Настя с пониманием кивала. Коля выглядел на семнадцать, поэтому она и сама с удивлением узнала, что он уже отслужил в армии. А пока его не было, любимая девушка вышла замуж за другого. Настя даже познакомилась с этой девушкой. Её муж, взрослый мужчина, был хозяином сети грузинских ресторанов в самом центре Феодосии. Коля с Настей проходили по улице, а он сидел в «открытом» зале своего заведения, в углу, за столиком с компьютером. Поднялся, протянул Коле руку — дружески уважительно. В шортах, в простой свободной рубашке. И тут же объявилась его жена, та самая девушка. Очень красивая! С сыном — русоволосым, как мама, но по лицу сразу видно — грузин. Так что Коля, конечно, в «смысле женщин» многое познал, только совсем не то, что имел в виду дедушка.

iPhone меж тем не объявлялся. И это было хорошо с его стороны — а вот нашёлся бы? Коля не был воцерковленным человеком — отец полагал, что человек должен прийти к вере сам, — но Божий промысел слышал. Искать надо не iPhone...

И повёл Настю знакомиться с родителями. Жил Коля на горе. Поднимались по каменистой улочке — средневековье! Дом был округлым, в виде башни. И ограда каменная с железными воротами, — Настя даже не сразу поняла, где дом, а где ограда. Крепость.

А двор был весёлым! Прудик, выложенный из булыжника, с цветными крупными рыбами. По дорожкам — монетки, залитые в покрытие. Подкова. Маленький огоро-дик с высокими помидорами.

Отец с сыном были и похожи, и совсем разные: Коля младший — немногослов-ный, сдержанный в движениях. Отец же — вихрь. Настя запомнила его в церковном одеянии, теперь же он выскочил из мастерской в рабочем фартуке, с банкой в руке, которой непрестанно делал круговые движения: «Я мигом!» — крутящаяся в банке жидкость омывала лежащие в ней украшения. Звали его, оказалось, Николаем, так что Коля был Николаем Николаевичем.

Брат вышел навстречу: крепкий, длиннорукий, очень мускулистый. Кивнул, пред-ставился и отошёл в сторонку, чтобы не мешать.

Улыбчивая мама Ирина с ямочками на щеках усаживала за стол:

— Извини, у нас только всё постное — сейчас Пост. Плов с мидиями пробовала?

Рис был внутри ракушки. Можно было выскрести его ложкой, но лучше, как по-казали, держать ракушку с двух сторон и есть, как из ложки. Причём в одной части ракушки оказывался рис, в другой — мидия.

Николай-старший понуждал за знакомство одну, другую рюмку кальвадоса — яблочной водки производства также каких-то доисторических времён. Мама Ирина выпила красного вина, предложили и Насте, та искренне отказалась. Расспрашивали о Москве, об учёбе. Настя была не мастерица и не охотница рассказывать. Отвеча-ла. Ещё год в школе, потом, наверное, институт. Какой? Мама хочет, чтобы к ней, на телевидении работала. Папа — в артистки. А дедушка говорит: надо в Академию милиции, как Оксана Фёдорова. Это которая мисс Вселенная? Да, она ещё и майор.

Коля улыбался. В одном они были несомненно похожи с отцом — глаза искрились. Попросил разрешения показать Домашнюю церковь. «Да, да, да, конечно!» — поднял отец вверх руку.

Они шли по узкой винтовой лестнице. Старинные, склеенные из кусков, амфоры стояли на подоконниках лестничного лабиринта. Вошли в комнату с большой кроват-ью. Спальню родителей. В продолговатое, во всю стену, окно открывался вид весь Феодосийский залив! Не то что квартира дедушки...

— Здесь балкон будет, — Коля открыл застеклённую дверь, под которой был ко-зырёк. Без перил.

— Можно выйти, постоять.

Он шагнул вперёд и ждал её. Было страшно — как это так, без ограждения. Но вышла. Третий этаж дома на взгорье. Будто в полёте — над всем городом, над морем. Стояли локоть к локтю.

Коля взял её за руку, шагнул обратно, в комнату. Подвёл к занавеске. Открыл её и остался в сторонке, чтобы не мешать обзору.

За занавеской укрывалась ещё одна крохотная комнатка — ниша, вся заставленная иконами. Очень старыми, потемнелыми, и новыми, яркими. Библия лежала, книж-ки — Жития святых.

Юноша зажгёт свечу в лампаде перед ликом Спасителя.

Так они стояли, крымский парень, гражданин Украины, и московская девочка, рос-сиянка. А Божий промысел творил свой исход. Предки — Небесное Воинство — ощу-тимыми крылами теснились за ними: сибиряки, некогда родами перешагнувшие через Урал, обжившие непаханные от Сотворения земли, приращивая российские пределы; казаки, призванные блюсти и ширить границы отечества; солдат из поволжских кипча-ков, погибший в бою за город Каффу (Кучук-Стамбул — современная Феодосия, самый крупный в то время в мире рынок торговли невольниками, славянами, в основном) ...

— Фуфайку пришёл показать, — нарушил их молитвенное молчание Николай-старший.

Он держал в руках телогрейку зелёного цвета без воротника. Развернул её руками в стороны.

— Её многие годы, ещё до войны, в лагере носил один священник. Видите, какая узенькая? Большая там была не нужна. Он был святым: всё терпел, очень помогал людям. Потом эта телогрейка досталась моему деду. Мой дед тоже был священником. Его тоже посадили. Перед тем, как его отправить, он попросил свидания с женой — моей бабкой, и сыном, моим отцом. Дал наказ, чтобы они от него отказались. Написали заявление и отказались. Так он их спас. Иначе бы их тоже истребили.

Настя осторожно потрогала ткань фуфайки. Николай-старший поднёс её к носу: «До сих пор хранит запах лагеря». Вдохнула и Настя. Пахло горячей восковой свечой, чистой тканью — телогрейка была хорошо постирана.

С тем же запалом, выходя, отец толкнул ещё одну дверь, указал на новенький унитаз: «Здесь раньше кладовка была, вот, только вчера поставил, всё подвёл!». Он спустился по винтовой лестнице, вроде, небольшой, на глазах делаясь всё шире, укрупняясь: «Здесь мазка чужими руками не сделано. Всё мы. Где я. Где сыновья. А где и мама наша!»

Брат Саша за вечер так ничего и не произнёс, опять словно вышагнул откуда-то, вызвался увезти.

Машина была допотопной, как из военных фильмов или фильмов, где ездят по пустыни. С большими колёсами, открытым верхом и передними стёклами, поднятыми вертикально. «Газ-69», шестьдесят четвёртого года! — скороговоркой выпаливал с гордостью Колин отец. — Раму поменял. Р-рама, — нажимал на это «р», — ещё доверенная!» Тут же стоял странный мотоцикл с ручкой на баке. «Сорок девятого года! — Николай-старший называл доисторические даты: — Я на нём вот тут, по горам езжу!».

На машине с открытым верхом покружили по улочкам, выехали по круче, помчались краем высокого морского берега. Она сидела с Колей на заднем сиденье, а брат за рулём открытой машины. Саша сначала с осторожностью — бережливостью к машине, скатился вниз, покружил по улочкам, выехал по круче, кажется, чуть не под девяносто градусов, снова ввысь, выскочил на пустынную дорогу, помчался вдоль края высокого морского берега. Ой-ёй-ё-о-й! — куда там «Мерседесу», будь он и джип...

— Ну и что?! Какие перспективы? — вразумлял вновь возмущённый дедушка. — Он живёт здесь. Она — там. Ей надо учиться.

— Какие «перспективы?!» — как раз приехал папа, он был за дочь спокоен. — Она же не замуж собирается!

Они были очень похожи, папа и дедушка, со спины так можно и спутать.

— А куда она собирается?! — дедушка вздымал крупную пятерню, — Сейчас — раз, два, забеременеет, и что?!

— Дедушка! — изумлялась Настя.

— Что «дедушка»?! Я знаю, как развивается жизнь. Сегодня вы дружите, завтра этого будет мало. Он скажет: «ты мне не доверяешь» ...

— Оставь ты её в покое. Ты просто не веришь в неё! Ты в меня не верил, в неё не веришь!

— Я в тебя не верил?! Я и сейчас в тебя верю! Я не верю в феодосийских парней!

— Он тебе нравится? — обратился папа к Насте.

— Да, — она была откровенна.

— Ну и не слушай никого! — папа ровно также махнул, только в обратную сторону.

Дедушка прохаживался туда-сюда — характером они были похожи с Колиным отцом. Укрупнились, когда говорили: дедушка, кажется, в комнату не вмещался.

— Да поймите вы, поймите, здесь люди вырастают, видя перед собой что?! Весе-лящихся, выпивающих, — загибал он пальцы, — блудящих людей! Они не видят, как те же самые люди где-то год пахали, в шахте, в офисе, чтобы две недели «оттянуть-ся»! — Дедушка выделил модное словцо. — А видят только пир! И у них складывается впечатление, что такова вся жизнь. Вот она, ценность! Поэтому куча спившихся, скурившихся, альфонсов куча! Здесь хорошо отдыхать, но жить-то как? — пытался быть сдержанным дедушка. И снова вскипал, — официанткой работать?! Или стрип-тизёршей?! Причём только летом? А зимой?! Долгой осенней зимой?!

Скоро дедушка уезжал. Он относился к тому поколению, которое сберегла совет-ская мораль. Переспал с девушкой — надо жениться. Слевачить, гульнуть — как без любви? Его поколение вечно стремилось к высоким целям, искало себя до седых во-лос, к пятидесяти вдруг обнаружив, что проморгали страну, судьбу, личную жизнь. Нерастраченных сил и здоровья оставалось предостаточно, давай быстро реализо-вываться, жениться на молодых, у которых тоже образовалась своя брешь в поколе-нии. Те с удовольствием выходили за великовозрастных юнцов замуж: не в пример сверстникам, выбравшим виртуальный мир в окошке компьютера.

Молодая жена дедушки Таня работала государственной служащей и могла приез-жать строго в отпускные дни. А дедушка трудился в разных местах, он даже в Крыму, на Украине, пытался начать дело. Отчего в гневе только потрясал руками: «Ладно — тянут, но ведь вытянут — и в ноль!» Мотался между Крымом и Москвой туда-сюда с маленькой дочерью Василисой. На этот раз ему надо было лететь в Сибирь, и с двух-летней Василисой оставил внучку — Настю. То есть племянница водилась с тётей.

Теперь Коля и Настя гуляли по набережной с маленькой девочкой, за которой глаз да глаз. А что такое, если рядом ребёнок? Замечено: живут муж с женой, детей нет, берут ребёнка из детдома, и скоро появляется — кровный. Да вот рядом красивая хозяйка магазина и кафе Марина, которая вместе с продавцами сама работала и за прилавком, и убиралась. Была давно замужем и никак не рожала. Построила рядом с кафе детскую площадку, с утра до вечера дети с родителями, и пожалуйста — бере-менна!

Дедушка вернулся из поездки с женой Таней. Вместе они поспешили забрать дочь. Рослая Настя и Коля, чуть ниже её, шли навстречу по людной Набережной. Василиса спала у Коли на руках — он держал её перед собой так, чтобы не потревожить сна, на согнутых в локтях руках.

Юноша передал из рук на руки спящую девочку, которая сразу же свернулась клубком и прижалась к отцу, не просыпаясь.

«В ближайшие лет десять у меня точно не будет ребёнка, — делилась со смехом на следующее утро Настя, как с подружкой, с дедушкиной женой Таней, прогибаясь в спине, — всё тело болит!».

Следующим вечером она уезжала. Настя махала из раскрытого окна вагона. Поезд тронулся, точнее, чуть двинулся, сотрясся. Грянула музыка «Прощание славянки», которая всегда звучит при отправлении поезда из Феодосии. «Посмотри на Колю», — припав к дедушке Вове, который держал на руках Василису, кивком указала Таня.

Коля сидел на выступе фундамента, не шелохнувшись. И смотрел... Как он смо-трел — дедушка Вова даже комок по горлу прокатил. Так могли смотреть юноши, да и вообще люди, при разлуке годах в тридцатых-сороковых минувшего столетия. По крайней мере, кадры из фильмов тех лет вставали перед глазами: на войну провожали, на освоение земель!.. С глазами, полными слёз.

Какая там подготовка к экзаменам, какое ЕГЭ?! Всю зиму Настя просидела в скайпе, общаясь с Колей. Раза три он приезжал, на каникулы она умчалась в Феодосию. Дедушка опять негодовал:

— Вы что, не понимаете?! — корил он родителей. — Летом мы были, она хоть как-то под присмотром. Какая-то ответственность! А сейчас — одна, в квартире они одни будут?!

— Настя так решила. Я уважаю её выбор, — был непререкаем папа.

— А забеременеет?! Куда потом с этим выбором?!

— Я своей дочери доверяю.

Дедушка не выдержал и сам отправился на эти дни в Феодосию, чтобы блюсти. И, как ему показалось, опоздал. «По-моему, — делился по телефону со своей женой Таней, — у них там уже всё случилось».

Но смиловившись. Они сидели за одним столом, Коля нарезал хлеб. Дедушка обратил внимание на заметно выступавшие вены на его руках, тонкие, но узловатые, нарабоавшиеся пальцы. Рядом лежал портфель с оторвавшейся по дороге ручкой — кольцо слетало с крепежа, разогнувшегося металлического усика. Феодосийский парень, который, по предположению дедушки, способен был лишь скуриваться и соблазнять девчонок, совместил кольцо и загнул усик.

Дедушка побывал и в его доме, где располагалась и мастерская со станками и замысловатыми металлическими устройствами. Познакомился с семьёй. Коля, как поведал его отец, трудился с девяти лет и считался лучшим мастером — самую тонкую работу доверяли ему.

— Не поступишь в институт, куда пойдёшь? — вразумлял он, тем не менее, внучку.

— Я поступлю.

— Да как поступишь?! Не готовишься ничего.

— Не поступлю, приеду к Коле. Буду жить с ним. Помогать ему. Его мама же так живёт — помогает папе.

Дед ничего умнее не нашёл сказать, что говорят все в таких случаях: об образовании, которое надо получить. И о независимости, которую в наше время нельзя терять.

Настя всё-таки польстилась на одно из предложений и вышла на подиум в торговом центре «Европейский». В длинном платье, украшениях — её подучили специально ходить, откинувшись назад, чуть выставив надменно подбородок. И уж не Настя, вроде, кроме точёной схожести! Видео и фото тотчас выложили в Интернет, и опять пошли звонки из модельных агентств. Коля сказал: «нет». И всё — везде, всем наотрез!

К выпускному вечеру в школе Коля приехал, подарил «тройку» — золотой кулон, цепочку, серьги! Всё собственной ручной работы — эксклюзив!

В институт Настя поступала на заочное: прошла собеседование, сдала документы и умотала в Феодосию. Декан факультета, проведя собеседования, также укатил в Феодосию. Здесь им суждено было встретиться — в Феодосии все приезжие встречаются по нескольку раз, ибо мимо Набережной не пройти. Причём не абитуриентка узнала будущего педагога, а как раз наоборот — он её. Ещё бы! Тут же позвонил на кафедру и сообщил: она «проходит на бюджет»!

Оставалось только пригласить его на свадьбу. Вздумаете жениться, друзья, или выдавать замуж (женить) детей — играйте свадьбу в Крыму! Сюда и родственники съедутся отовсюду — море! Лучше сделать это осенью, когда жильё почти ничего не стоит, рестораны и кафе ещё работают во всём изобилии, а посетителей крайне мало: вам так будут рады, и прекраснейшие застолья вам обойдутся если не в гроши, то около того. А если вы ещё и снимите недорогие комнатки для гостей, как сделали

Настины родители, то и свадьба может удаться, как у наших молодых! Были представлены Сибирь, Урал, Беларусь, Краснодарский край, Москва, Копенгаген — город датский, и, самым широким образом, Крым. Съёмки, снимки свадьбы по сей день летают по Интернету! Вот видео: жених танцует с мамой невесты, то, бишь, тёщей. Как она точёна и хороша — язык не поворачивается сказать «тёща» — молодая танцующая женщина Екатерина, которая, как и теперь дочь, некогда выходила замуж в восемнадцать лет. Катя разбрасывает, заманивая, денежки, жених — изящный, ловкий — в танце собирает купюры.

Опережая повествование, надо заметить: скоро и Настины папа с мамой решат здесь венчаться. Священник, не зная, что позади у них двадцать лет жизни, примет пару за молодожёнов, станет напутствовать перед важным шагом в семейную жизнь.

Здесь — молодые люди в военной форме времён Великой Отечественной. У Николая-старшего — отца жениха, любителя старины, обнаружили залежи воинских гимнастёрок, и «дружки» разыграли для молодых спектакль! А вот — венчание: молодые со свечами, юные, красивые, вдохновенные! Здесь видно, что Коля и Настя, как это бывает, когда люди долго живут друг с другом, похожи. Тонкие, прямые черты. Взгляды устремлены вперёд, ввысь, в грядущее. Молитва в его глазах. В её — космос. Ещё снимок — во дворе Казанского собора бабушка со своим потомством. На коленях маленькая Василиса, вокруг, в три ряда, дети, внуки — гвардия!

Дедушка с Таней и Василисой в довесок ко всем радостям съездили с родителями Коли, а также их друзьями на «Песчаную балку» — малолюдное местечко за Приморским. Разбили палатки, поставили шатёр для застолья. Дедушку Вову тогда не очень удивило, что рядом с шатром Николай-старший и его ближайший друг, отец Леонид, водрузили на шесте российский флаг. Ну, флаг и флаг, невестка у них из России. Только позже, осмысляя события, он понял, что российский стяг водружался местными людьми со смыслом. Недавно они отстаивали чуть ли не с оружием в руках православный Крест, поставленный перед въездом в Феодосию. «Тот Крест снесли, — благодушный, с редкой бородкой отец Леонид поднимал палец вверх, — не татары, как шумит пресса, не мусульмане, а враги православия, враги России». Даже когда батюшка был серьёзен и почти воинственен, всё в нём жило приветливейшей улыбкой. Татар — Николай придавал этнический оттенок вопросу — нормальных, которые понимают, что надо жить в мире, большинство. Но есть, может, всего-то тысяча пять — купленных! Сюда же вкладывали деньги и Турция, и Запад! «Купленных с десятков, — уточнял батюшка, — остальные — сведённые с ума». Очень легко разжигать человека ненавистью. Но у них средства, оружие — у них боевое оружие! Казачество наше тоже потихоньку вооружается. Николай сбегал к своей военной машине, принёс пятизарядное помповое ружьё, опять же каких-то пятидесятих годов, пощёлкал затвором, прицелился в невидимого противника. И дедушка Вова пощёлкал и прицелился! Второй друг Николая-старшего — долговязый Сергей, из-за большого золотого креста и увесистой цепочки на шее он походил на бандита, но оказался так же ювелиром. В свои пятьдесят пять он не был женат, и когда пришло время говорить о личном, поведал, как нашёл недавно сына! Взрослого, одно с ним лицо, только сын ещё крупнее телом! Надо же было человеку всю жизнь бегать от женщин, от семейных уз, чтобы припасть к тому же: к «кровиночке» своей, к желанию продолжения рода. Причём он рассказывал об этом, в значительной мере обращаясь к Тане, молодой жене дедушки Вовы, которая, справедливости ради сказать, по долгу службы имела очень внимательные глаза. И снова речь шла о том, что Крым — земля для русских обетованная. Века через феодосийский каньон гнали с севера славян, делая из мальчиков мамлюков, а из девушек рабынь и наложниц. Хотя знаменитый мамлюк Бей Барс, мальчиком проданный в рабство

и ставший впоследствии султаном Египта, был из кипчаков, но ведь тоже из нашего исторического пространства. Екатерина Вторая послала в Крым войска, чтобы положить конец работорговле. Это земля пропитана русской кровью и потом! «А теперь они, — кивал в далёкие земли ювелир Николай, — подают историю так, будто русские здесь гости. А тут только Русскому флоту триста лет!..» И блаженный отец Леонид улыбался: снова из нас хотят сделать рынок работорговли! Да уже сделали, из всей Украины сделали! «В две тысячи шестом, — снова поднимался Николай, — когда войска НАТО здесь высаживались, как дали им по носу! Негритосы стали и наших девчонок лапать, их прямо в море выкидывали, все объединились: и татары, и русские, и украинцы!..»

Дедушка Вова шептал перед сном в палатке жене: что значит общаться с местным народом — приезжали, загорали, ни о чём не думали, а здесь, оказывается, гораздо острее чувствуешь эти понятия: «Россия», «русский».

Как сладок шум ночного прибоя в палатке с приоткрытыми полами. Биение бытия: «Вших-вши-ых-вши-ы-х-х...! На берегу Чёрного моря многое чувствуешь острее!

С утра приехали дочь отца Леонида и зять. Привезли горячие грузинские хачапури — зять был грузином. Дедушка Вова совместил информацию и понял, что дочь батюшки и есть та девушка, которая некогда покинула Колю. Дедушка смотрел, сравнивая, на её мужа — взрослый состоявшийся человек. Да и собою вышел: плечистый, рослый, брюшко, правда, пора бы пообтесать. Дочь — хороша, но Насти не краше. В двадцать лет родила уже двух мальчуганов, как всё-таки здесь торопятся жить.

И вновь поднимали тосты за Промысел Божий, который так хитроумно привёл Настю к Коле, настав вора на iPhone и освободив тем самым пространство бытия! Ну, надо же?! За молодых!

Стали Настя с Колей жить-поживать, и то, о чём раньше только говорилось, принимало формы реальных проблем. Разные гражданские принадлежности. Сунься в больницу — полиса нет, плати. А ведь беременная! Вид на жительство — через год. Через пять — украинское гражданство. А детский садик? А школа? А работа?

Навострились, было, в Москву. Но там совсем иная ювелирка. Предлагали делать оклады для икон, заниматься реставрацией. Но Коля был мастером украшений! Да и не лепились как-то к Москве они. Красивые, дружные, но как цветы вне ландшафта. Хотя для Насти была готова работа в хорошем месте — на телеканале.

— Тебе-то самой где больше хочется, — спросил настойчиво дедушка — В Крыму? Или в Москве?

— Там, где Коля, — спокойно, как всё, что она делала, ответила внучка. Молодая жена. Будущая мать.

Дедушке оставалось только пуститься в размышления о том, что ныне принято считать, будто молодым надо «нагуляться», а уж потом выходить замуж. А у Насти получилось, как в давние времена: не нагуливались, а выходили в русских деревнях девушки замуж рано, и жили, и детей растили. Поэтому такой покой жил в Насте, хотя, казалось бы, есть поводы для терзаний.

И всё бы оно ничего, жизненные проблемы решались. Но в городе Киеве, столице Украины, в центре, на площади, названной «Майдан», вспыхнули автомобильные покрывки, стали чиниться баррикады, вспыхивать драки и перестрелки. И пошли угрозы. Требования. Да какие — русский язык надо забыть! Не хочешь — враг, смерти достойный. Забудь вообще, что русский.

Хорошо, подчинились, всё забыли, заговорили на украинском. Но ведь Крым, живёт, принимая отдыхающих из России. С Украины — мало. И они прижимисты, малороссы. А россиянин, хоть «москаль», хоть сибиряк — деньгами сорит! Не поедет

Россия — а она при такой постановке вопроса не поедет — к осени зубы на полку, а к весне? Ложись и помирай, что ли? Да в своём ли вы уме?!

Меж тем на Майдане шла уже война: были убитые, раненые. Всё это показывали по телевизору. Коля тихо уводил Настю в комнату, где они располагались: большая, просторная, с видом на море. Но в комнате был компьютер. Включали, чтобы заранее подыскать красивую детскую коляску, а первым делом выскакивала строка с призывом пулю в лоб. Пропал куда-то Президент, пришли иные люди. Одного папа — Настя, как водилось, звала отца мужа папой, а мать — мамой, — называл их временного президента «мальчик на горшке». И правда, было смешно: как ни покажут, он всё тужится. И через сомкнутый ротик всё грозит. Как послушаешь...

Двор с двухэтажными домиками, где находилась дедушкина квартира, напоминал сцену. В эти дни немолодая соседка Света привезла из-под Львова свою престарелую маму, совершенно ослепшую. Днями Света выносила стул во двор и усаживала на него маму, чтобы та дышала свежим воздухом. Старуха плакала слепыми глазами, приговаривая, как она счастлива, что её увезли от «Бендеры». «Бендеры, там опять Бендеры, — пыталась что-то важное объяснить бабушка. — Бендеры убили моего отца, убили дедушку. А мой муж тоже был Бендеры, и нам жизнь испортил, и сам сгнил...»

У Насти была сессия. И она уехала в Москву. Скоро прибыл и Коля. Купил праворульную маленькую машину и возил беременную жену на экзамены. Пожаловал в Москву, к сватам, и Николай-старший: он привёз «ювелирку» на выставку, которая проходила в ВВЦ (ВДНХ). «В последнее время я ложился спать, — рассказывал гость, — слева клал ружьё пятизарядное. Патронташ. А жене давал пистолет. Воздушный, маленькими пулями стреляет, но глаз можно выбить. Если у нас начнётся — а у нас начнётся! — к первому прибегут ко мне! Сейчас уехал, пистолет у жены, а ружьё отдал сыну, Сашке. Смотри, говорю, и день и ночь с ружьём! Он парень такой, с десяток успеет положить! А буду я — гарантирую, сотню!»

Дедушка Вова вспоминал его двор и дом: да, продумано, застава.

Теперь уже на площади в Симферополе были стычки. Пламя Майдана грозило перекинуться в Крым: «Мы — не Киев! — сжимал кулак у экрана телевизора Николай-старший, — мы бендеровцам не дадимся! Сейчас поднимутся татары — тысяч пятьдесят под штывки поставят. Будут резать всех подряд! Казаки не меньше наберут. Но мы — с идеей. А один человек с идеей может сотню одолеть!». Через час-другой он вскакивал, прохаживался в нетерпении по комнате: «Я там должен быть! Ехать надо! А у меня ещё три дня, сразу же на другую выставку пригласили. Так дела хорошо идут! Люди сами подходят, договора предлагают! Россия!..»

События развивались стремительно, и уже буквально на следующий день идейный казак-ювелир взвизвался от радости, не таясь, смахивал слезу восторга — вокруг Крымского Дома советов было пустынно, журналисты сбивались с толку, пытались прокомментировать случившееся и найти ответ: что за люди в камуфляжной форме с раннего утра объявились внутри парламентского здания? Никто не видел, как, когда они вошли, словно в кино, возникли из ниоткуда. Один из парламентариев в мимолётном интервью дал исчерпывающий ответ: «Очень вежливые люди», — с поразительной точностью отрекомендовал он таинственных пришельцев. «Вежливые люди», — подхватили кругом, и уж больше не спрашивали, кто они и откуда, всё понятно: вежливые.

Нетерпеливый Коля-старший улетел, оставив дела на сына. Ещё через день, другой дедушка Вова увидел своего горячего родственника в телерепортаже. Точнее, его машину. Накануне референдума состоялся автопробег в поддержку положения о вхождении Крыма в состав России. Десяток машин с российскими флагами

трогались с площади от вокзала в Феодосии. Двигались колонной по городу, по округе и уже к Коктебелю вереница была машин в триста. Но ГАЗ-69 невозможно было не заметить или перепутать. Высокий, с российским флагом на шесте, он катился по феодосийской земле как вестник из послевоенной победоносной эпохи! В Интернете до сих пор есть кадры этого автопробега от 14 марта — за два дня до референдума. При более подробном рассмотрении видно, сколько народу вдоль улиц приветствуют автомобили с флагами. Бабка одна, хорошего уже возраста, выскочила на дорогу и заплясала! Полное единодушие и ликование! Хотя на некоторых видеороликах есть и кадры, где с десятков людей стоят с флагами Украины и бендеровскими знаками. Здесь автомобиль ГАЗ-69 останавливается, из него выпрыгивает ладный невысокий мужичок и резко выбрасывает вперёд средний палец, мол, получите!

«Они тогда мне угрожали, искали адрес, — рассказывал позже Николай, — а чего его искать? Машина-то заметная! Я им передал, пусть приходят, всех положу!»

Молчаливый, даже внешне анемичный Коля-младший к телевизору не подходил — хватало Интернета. Трудно сказать, какая борьба шла в его душе, только Настя, которая как раз сдала последний экзамен, оповестила: «Мы с Колей поедем».

Куда?! Там вот-вот может разразиться война! Настоящая! Бойня! Ты беременна! Ребёнка ставишь под удар. Пусть Коля едет один, если ему так невтерпёж, ты оставайся, родишь, там видно будет!

— Рожают и на войне, — была спокойна Настя.

Беременность шла хорошо. Ребёнок позволял родителям решать их общие вопросы. Они ещё пока гадали, как его назвать: Матвей или Тимофей?

Матвей или Тимофей обладал большей силой и знаниями, чем папа с мамой: он ещё не покинул мира вечного, откуда наделяется душой зачатый человек, и ещё не пришёл в мир земной и тленный. Землепроходцы сибирские, казаки донские, белорусские крестьяне, кыпчакская рать и солдат из армии Василия Крымского, положившего конец работорговле в Крыму, все они были с ним, наполняя дарованную душу. За ними вставала вторая волна, третья, небесная рать восходила, достигая предела, скатывалась волнами вниз, трогала сердца людей, связанных родством и духом...

В итогах крымского референдума не сомневались даже недруги: здесь всегда в компании любого уровня ругали Хрущёва за то, что он «отдал Крым», корили Ельцина, который мог в три счёта Крым вернуть, и человек любых взглядов считал своим долгом сказать, что Крым — не Украина. Дедушкина соседка Света, дочь бендеровца и внучка человека, погибшего от рук бендеровцев, показательно повесила над воротами двора российский флаг. Слепая бабушка не могла его видеть, но пускала слезу из пустых глаз в приливе счастья! Николай-старший вновь приехал в Москву с партией товара: «Эйфория, все живут в эйфории!» — разливал он привезённый с собой кальвадос, как всё у него, собственного сочинения. «Всё хорошо», — безмятежно отвечала внучка по телефону.

Однако в Симферополе раздались выстрелы, погибли мирные люди. Была стрельба на военном украинском корабле. Дедушка Вова звонил своему другу, художнику, который в Феодосии, на горе, в леске, построил дом и жил особняком.

— Не знаю, а что такое? Я вот сейчас спустился с горы, хожу по городу, пью херес, всё, как обычно. А что такое? У меня телевизор не ловит, Интернет отрубился.

Через пару минут он перезванивал:

— Слушай, российские флаги кругом, по всей улице — я только сейчас обратил внимание. Во, возле телеграфа БТР стоит, люди идут, внимания не обращают. Что случилось-то?!

В эти дни дедушка Вова говорил жене Тане: «Удивительно! Двадцать лет насаждали всеми средствами комплекс национального поражения. И он есть, он достиг уровня заболевания. Молодёжь, тебя в том числе, воспитывали в нелюбви к отечеству, в преклонении перед «общечеловеческими ценностями», под которые россияне не попадали. Только запад. И — на тебе: выросло поколение с таким национальным чувством, что нам, воспитанным в духе любви к родине, понимании гражданского долга, и не снилось!»

Общественная эйфория добавляла семьям в Москве и в Феодосии душевного подъёма в ожидании рождения ребёнка. Николай-старший с женой также особенно готовились к Пасхе, одному из главных празднеств и таинств Христианства. Любопытно, что Пасха в этом году попадала на двадцатое апреля — день рождения сына Коли.

Николай-старший всю ночь служил в Храме. «Христос воскресе», — восклицал батюшка. «Воистину воскресе», — отвечали прихожане. В шесть утра у Насти начались схватки. Коля увёз её на машине. Так и не уходил от роддома. В десять, в день Святой Пасхи и в день рождения своего мужа, которому исполнилось двадцать четыре, Настя родила.

Тимофей вышел, как положено, с хорошим весом и размерами.

Через два дня Настю, как маму здоровую, выписывали. На пороге роддома её встречали московская и крымская семьи — теперь одна большая семья. Граждане одной страны!

Настя вышла, посмотрела на младенца, умиротворённого, кажется, чуть улыбающегося. И впервые за всё это время заплакала. Почему она плакала? Потому ли, что всё было позади? Или потому, что вот и кончилось детство, и впереди ждёт долгая взрослая жизнь?

«Христос воскресе», — улыбнулся ей навстречу папа Коля. «Воистину воскресе», — улыбнулась сквозь слёзы она.

В полночь уже прилётшая мама Ира проснулась от криков, раздававшихся откуда-то извне, со стороны горы. Выглянула в окно: на вершине холма в солдатской одежде стояли сыновья Коля и Саша, их друзья, сват Егор, который выглядел их ровней. Они подпрыгивали вокруг флага на высоком шесте и орали во весь Феодосийский залив: «Россия! Россия! Россия!».

В это время, параллельно с демонстрацией крымских событий, по центральному каналу ТВ проходил детский конкурс «Голос», устраиваемый по соревновательной системе, на вылет. Технически дети были невероятно голосистыми: чувствовалась подготовка, работа достойных репетиторов. Но на фоне этого крымского рвения в Россию, как в мечту, и ответного общероссийского ликования в феерических выступлениях детей бросалось в глаза отсутствие именного русского, российского. Очень многие были с Кавказа — гладкие, изнеженные. Но горы не пели в них. И поля не пели. Бродвей пел. И манеры: всегда выставленные зубы, выпяченные грудки, всё на показ. Дедушка Вова делился вновь с женой: «Если это будущее России, её будущие кумиры, культура, то жалко крымчан. Они попали куда-то не туда». Как человек нового поколения Таня мыслила более конструктивно: «Что говорить? Не нравится, добейся, сделай по-своему».

Прямые поезда теперь из Москвы в Крым не ходили, оставался один поезд, но мужчин боеспособного возраста (и вида) украинские пограничники под Харьковом высаживали. Дедушка Вова отправился с Василисой на машине. Быстро, останавливаясь только на заправках, доехал до порта Кавказ, а в очереди на паром промучились

чуть не сутки! Наконец, с перестуком колёс по настилу, машина съехала с плавающего средства. И помчалась по избитой дороге, припрыгивая, как на волнах.

Над входом во двор раздувался российский флаг. Во дворе сидела седая старуха с бельмами вместо глаз. Пока Вова разбирался с вещами, Василиса исчезла. Он вышел во двор — четырёхлетняя девочка старательно расчёсывала бабушке короткие волосы. Та улыбалась провалившимся ртом в совершенном блаженстве.

— Ты посиди, — строго наказала Василиса, — я сейчас резинки принесу, тебе хвостики сделаю.

Старуха до вечера так и продолжала сидеть — с кисточками над ушами.

Правнук Тимофей смотрел на прадедушку, почти не меняясь в лице: очень внимательно, приветливо, с лёгкой и чуть снисходительной улыбкой. Под этим взглядом Вова ощутил себя и родственников, сгрудившихся вокруг, маленьким детьми. А младенца Тимофея — очень взрослым человеком.

На глазах с каждым днём эйфория сменялась обыденными ритмами: манна небесная не посыпалась, камни в хлебы не обратились, заметная добавка к пенсиям, прочие выплаты становились делом привычным. Наступил курортный сезон, рано утром на рынок привозилось обилие продуктов, продолжался ремонт домов, квартир, чтобы принять приезжающих людей и заработать копеечку. Стали проявляться и недовольные: флаг над воротами был измазан краской. Света купила и повесила новый. Его также измазали. Соседка, родившаяся во Львове, не сдалась: крепёж для флага сделали с внутренней стороны двора, выведя на длинном шесте над улицей.

Возле вокзала, где собирались квартирные маклеры, занимающиеся расселением гостей, Вова стал свидетелем такого диалога:

— Что твой Путин мне людей в гостиницу не подогнал?! — резко спрашивала женщина.

— А ты обратись к Порошенко, он тебе быстро подгонит, он по этому делу специалист, — ответил мужчина.

Прошёл несколько шагов, обернулся:

— Ты что, не понимаешь: ты бы сейчас с перерезанным горлом где-нибудь валялась. Или все бы мы друг друга подавили в Керчи, улепётывая отсюда!

Так они постояли, женщина приблизилась к мужчине и дальше они пошли рядом. Это, видимо, была семейная ссора.

Справедливости ради надо сказать, количество авиарейсов в Крым увеличилось в десятки раз, организовывались специальные маршруты «по единому билету», когда пассажиров привозили в Анапу или Краснодар, а дальше автобусами, которые миновали переправу без очереди. А уж череда личных автомобилей всё росла и росла. Не спасали положение вещей громадные паромы, которые специально пригнали из Греции. В машинной очереди рожали, увечились, казалось бы, сверни — Анапа, Геленджик рядом. Нет, народу хотелось в свой Крым!

Столь складная семья на горе тоже пережила серьёзный разлад.

Настя пришла за общий стол на ужин. А Коли не было. Мама Ирина заметила грусть в её глазах.

— Коля собирается с друзьями пить пиво, — объяснила Настя. И невольно сдала мужа, сказав то, что в подобных ситуациях говорят все женщины, — ему с нами скучно.

Николай-старший встал из-за стола. Никто этому не придал значения. А через несколько минут раздались крики, возня. По винтовой лестнице покатился Коля-младший. Отец свирепо, безжалостно избивал сына, который лишь защищался. «Иди, пей пиво, вон из моего дома!»

Настю он не хотел отпускать. Настя была женой и пошла с ребёнком за мужем. Теснились у дедушки, искали постоянное жильё: был сезон — цены кусались. Они же не на десять дней приехали, как отдыхающие, им жить надо. И работа?! Инструменты и станки, которые отец собирал всю жизнь, остались в его доме. Папа Егор звонил, грозил приехать, разобраться. Дедушка Вова с ужасом представлял разборки между сватами: один — боксёр, другой — столь же подготовленный самбист.

Николай-старший тоже ходил сам не свой. Ладно, сын, внучонка нет рядом — как он к нему успел привыкнуть! У православного всегда есть отдушина — исповедь.

— Это в тебе накопилось. К войне долго готовился. Вот и выплеснулось, выплёскивается всегда на близких. Вон как на Восточной Украине...

Они вздохнули, помолчали.

— Помирись. Попроси прощения. Прямо на колени встань. И сына больше — ни пальцем.

И уж было стал налагать епитрахиль, как добавил:

— Да с кальвадосом-то осторожнее. Крышу сносит, — по отцу Леониду сложно было не понять: всерьёз он или подшучивает.

Всё так и было сделано: и на колени, и с железным обещанием — ни пальцем. Сын очень любил отца. Однако разумные мысли о своём доме или квартире, о кредите для молодых семей его не оставили.

Крестины проходили в старинном, пятнадцатого века, Иверском Храме, что возле древних башен Генуэзской крепости. Батюшкой был отец Леонид. Мягкий, житейский, внятный. Тем же вечером, просматривая снятое видео, прадедушка, бабушка и папа Вова обнаружили, что и Василису три года назад крестил отец Леонид. Как же всё-таки сплетён мир в крымских землях!

В кафе «Вареники», на открытой террасе с видом на море, прадедушка Вова, как старейшина, первым провозглашая здравницу, и произнёс эту фразу: «Так решил Тимофей». И просветлённый батюшка, и крутой дед Коля-старший, и гости её не раз повторяли. Вроде, на шуточный лад, но чем дальше, тем с большей серьёзностью, словно каждому давалось откровение, а ведь и правда: «Так решил Тимофей!»

После доброго пиршества, которое Тимофей принял спокойно, без особого участия, люди вышли на берег. Николай-старший, наконец, дал желанного шороху! Им были приготовлены целые закрома пиротехники. Городские власти в торжественные дни такой салют устраивают не всегда! Трещало, взрывалось, небо сияло в россыпях. Василиса бегала в отблесках огней кругами и вдруг упала, с разлёту, больно. Папа Вова подлетел к ребёнку. Поднял, стал дуть на пораненное колено: «Василиса, — говорил он, — но почему ты у меня постоянно в ссадинах, постоянно в синяках?» И ребёнок ответил: «Потому что я сильная. А сильные не знают, что они падают».

Это заставило папу Вову вспомнить о существовании экзистенциализма. В его молодости, в очень спокойные времена, так все увлекались экзистенциализмом: запредельные ситуации, Сартр, Камю. А теперь, когда запредельные ситуации стали нормой жизни, никто о нём и не вспоминал. Муж Вова тут же звонил жене Тане, которую госслужба опять держала в столице, сообщал о концептуальной формулировке Василисы. Отлично понимая, что она, кандидат наук, получавшая образование в новом времени, ничего об экзистенциализме не слышала. «Сильные не знают, что они падают. Камю бы вздрогнул!», — восклицал он, потому что вздрагивала земля на берегу.

И не только родственники и друзья, весь люд на городском пляже и берегу вскрикивал восторженно «Ура-а!». И море играло бликами. И на лицах был играющий свет. Папа Коля-младший держал Тимофея у груди. Только что крещёный младенец не пугался разрядов канонады и не спал, несмотря на поздний час. Тимофей смотрел на веселящихся взрослых людей с таким покоем и великодушной снисходительностью, как смотрел бы, наверное, Создатель на неразумные свои чада.

«УКРАИНА — НЕ РОССИЯ»? ПОЛЕМИКА

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

«ПРОЩЕВАЙТЕ, ХОХЛЫ...»

О стихотворении Иосифа Бродского «На независимость Украины»

Прощевайте, хохлы! Пожили вместе, хватит.

Плюнуть, что ли, в Днипро: может, он вспять покатит...

Я бы назвал стихотворение Иосифа Бродского «На независимость Украины» — главным стихотворением 2014 года. Когда прочитал его в 1994 году, поразился его радикальности, подумал, не перебарщивает ли автор. Прошло двадцать лет после того памятного вечера в Квинс-колледже в США, где поэт решился прочитать это стихотворение, написанное ещё в 1991 году. Перед тем, как прочитать, поэт добавил: «Сейчас найду стихотворение, которое мне нравится... я рискну, впрочем, сделать это». Рискнул прочитать публично поэт после того, как в феврале 1994 года Украина стала участником программы НАТО «Партнёрство ради мира». Стихотворение стало пророческим. Поэт как бы по велению свыше написал то, что вырывалось из души, никак не насилуя свою поэтическую волю. И неоднократно читал его вслух своим друзьям. Законопослушный гражданин и член уважаемого элитарного сообщества Иосиф Бродский не осмелился опубликовать его в своих книгах, но и письменного запрета на его публикацию он не оставил. Впрочем, после его смерти примерно треть его стихов ещё была не опубликована. Дело другое, что и во всех нынешних сборниках стихов, включая последний, самый полный двухтомник, куда, наконец, вошло и стихотворение «Народ», стихотворение «На независимость Украины» осознанно не напечатали ни в каком варианте, хорошо то, что хотя бы упомянули его. Он и сам не случайно же признавал риск чтения своего же стихотворения. Это рисковал поэт Иосиф Бродский, отогнав законопослушного гражданина куда-то в сторону.

Рискнём и мы вместе с поэтом:

*Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой,
слава Богу, проиграно. Как говорил картавый,
время покажет — кузькину мать, руины,
кости посмертной радости с привкусом Украины.*

Часть украинских войск вместе с гетманом Мазепой во время Северной войны восемнадцатого века неожиданно изменила русским и перешла на сторону шведского короля Карла XII. Тем не менее, шведы вместе с изменниками эту войну проиграли. И остались от всего только кости посмертной радости. Да ещё Хрущёв, подложивший «кузькину мать» и России, и Украине, отдав украинцам чужой для них Крым.

Редчайший снимок Иосифа Бродского с крестиком на груди. 1974 год

Иосиф Бродский в каждой строке предельно конкретен.

Пожалуй, сегодня это стихотворение Иосифа Бродского является самым цитируемым. Одновременно, несмотря на все доказательства, аудиозапись вечера в Квинс-колледже, где поэт читал это стихотворение большой аудитории, несмотря на подтверждения самых авторитетных бродсковедов Льва Лосева, Виктора Куллэ, Валентины Полухиной, уверения его друзей, лично слышавших от автора чтение, к примеру, Томаса Венцловы, многие либеральные его поклонники и исследователи голословно считают стихотворение фальшивкой, подделкой. В ответ на аудиозапись они отвечают, что он читал это стихотворение как пародию на себя, а организаторов вечера, сделавших и распространивших эту запись в интернете, они называют стукачами, доносчиками. Хорошо, что под их напо-

ром не склонились ни Лев Лосев, ни Виктор Куллэ, ни Томас Венцлова. Я думаю, не было бы этой аудиозаписи и столь ответственных свидетелей, политиканы бы точно документированно доказали, что этого стихотворения вовсе не существует. Ведь есть уже несколько статей, филологически убедительно доказывающих, что это стихотворение фальшивка и не принадлежит Иосифу Бродскому. Вот и верь после этого филологам, они докажут всё, что требуется доказать.

Но несколько авторитетных экспертов всегда важнее сотни самозванцев. Послушайте, к примеру, что говорит Виктор Куллэ своим оппонентам: «Попытаюсь прокомментировать по пунктам.

1. Через год после смерти Иосифа Бродского я приехал в Нью-Йорк, чтобы начать описывать его архив. Состояние архива сумбурное, ибо покойный это дело не любил, черновики часто выбрасывались, и коли что-то сохранилось, то, скорее, вопреки воле Иосифа Бродского. Тем не менее, я своими собственными глазами видел там несколько листов с черновыми вариантами стиха. Это была машинопись, как обычно у ИБ: с несколькими вариантами катрена рядышком, иногда с правкой от руки. Сейчас всё это дело, как я понимаю, никуда не девалось: архив доступен для исследователей при получении санкции от Фонда ИБ.

2. Наш герой действительно читал эти стихи в Квинс-колледж (и несколько раз во всяческих компаниях, где также могла быть магнитопись). Барри Рубин, устраивавший то выступление ИБ в колледже, ещё жив. У него я эту плёнку пресловутую некогда и скопировал. Кроме того, на том выступлении присутствовал покойный Саша

Сумаркин — составитель «Пейзажа с наводнением» (точнее, помощник ИБ в этом деле). Он рассказывал, что уговаривал ИБ включить стихи в книгу. Тот наотрез отказался: «неправильно поймут»...

3. Кстати, только сейчас пришла в голову мысль, что наличие именно нескольких черновиков — подходов к теме — свидетельствует, что ИБ рожал стих достаточно протяжённо и непросто. Но начало везде было неизменным: «Дорогой Карл Двенадцатый!...»

Виктор Куллэ считает, что в США существовала довольно сильная украинская диаспора, не стесняющаяся в проклятиях по адресу «клятых москалей» и «кацапов». А Иосиф Бродский был патриотом России, как говорит Куллэ: «... гораздо в большей степени, чем все деревенщики, великодержавники и антисемиты вместе взятые». Когда поэт оказался в США, он, как известно, не впал в советологию, подобно многим диссидентам, таким образом отработавшим свой хлеб с маслом. Иосиф же стал преподавать литературу в провинциальном университете, вдали от всех столиц, в заштатном Анн Арборе. Позже написал в «Нью-Йорк Таймс», что «не собирается мазать дёгтем ворота Родины».

По мнению Виктора Куллэ, вполне может быть, он столкнулся в эмигрантском мире с каким-нибудь сильно борзым украинским националистом, и тот его попросту достал. «Иосиф, повторяюсь, был (как, пожалуй, все великие поэты) гораздо большим патриотом своей страны, чем разнообразноокрашенные ублюдки, сделавшие из патриотизма выгодную профессию».

Украинцам глупо и незачем обижаться на поэта. Каждый поэт защищает культуру своего народа, своей страны. Пушкин ответил Мицкевичу знаменитым «Клеветникам России». В итоге — мирно стоят на полке рядышком. И в России, и в Польше...

Как известно, стихотворение «На независимость Украины» не единственный случай, когда поэт встал грудью на защиту русской культуры. Милан Кундера на Лиссабонской конференции изрёк нечто об исторической вине Достоевского во вторжении русских танков в Чехословакию. И все эмигранты из Восточной Европы его дружно поддержали. Иосиф Бродский гневно ответил, обозвав Кундере «глупым чешским быдлом», тоже не выбирая выражений. Позже Иосиф Бродский написал своё знаменитое эссе «Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому». На него тогда обиделись многие европейцы.

Вот и в случае с Украиной Иосиф Бродский чувствовал себя лично задетым. Опять обращаюсь к Виктору Куллэ, который написал по поводу этого стихотворения: «Совершенно очевидно, что написано большим поэтом. Стиль — типичный Бродский. Никакого оскорбления украинцев тут и близко нет. Есть раздражение этими бесконечными и абсолютно идиотскими обвинениями, которые льются от украинцев бесконечным потоком. Все эти «хохлы поганые» — это самоназвания украинцев, которые они приписывают «поганым кацапам» (а это тоже украинское название, так как многие русские даже не поймут про кого это). И всё это — часть пропагандистской мифологии, цель которой создать нацию, которой нет, и которую, сколько не стараясь, не удастся сколотить на одном антогонизме Украины к России, частью которой она всё ещё является, хоть и не юридически.

И смысл стихотворения Бродского абсолютно прозрачен. Как русский (не советский) патриот он не мог воспринимать отделение Украины иначе как в контексте многовекового построения Российской Империи и скоротечного разрушения пространства русской культуры... И пусть и грубоватое, но геополитически абсолютно адекватное предсказание, что уход из России будет означать включение в сферу влияния Польши и Германии на вторых (в лучшем случае) ролях. Мало украинцам

не покажется. И для России это будет тяжёлое время, но для Украины — сплошной кошмар... «

Я не скрываю, считаю, что это одно из самых лучших стихотворений поэта и для позднего американского Бродского предельно искреннее, крайне эмоциональное, при этом предельно конкретное.

*То не зелено-квитный, траченный изотопом,
— жовто-блакитный реет над Конотопом,
скроенный из холста: знать, припасла Канада —
даром, что без креста: но хохлам не надо.*

Сразу же вспоминаются и чернобыльские изотопы, изрядно попортившие зелено-квитную Украину, и мощнейшая, хорошо знакомая Иосифу Бродскому достаточно радикально настроенная украинская община в Канаде, и впрямь после объявления независимости Украины поспешившая посетить со своими канадскими холстами свою родину, и антиправославные настроения, сильные в украинской эмиграции. Вспоминается и история жовто-блакитного украинского флага, позаимствовавшего желто-синие цвета у государственного флага Швеции. Всё написано со знанием дела, с предельной честностью.

Меня поразили следующие две строчки:

*Гой ты, рушник-карбованец, семечки в потной жмене!
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.*

Значит, уже в Америке, спустя много лет после отъезда из России, погружаясь в поэзию, Бродский погружается одновременно и в русскую стихию, чувствует себя русским — «кацапом». Знаю, что нашлись исследователи, считающие, что это как бы голос лирического героя, голос тех русских, заливавших глаза водкой где-нибудь в Рязани, от имени которых и написано стихотворение. Во-первых, Бродский как-нибудь дал бы понять читателям свою отчуждённость от этого героя. Во-вторых, вряд ли отарзаненные русские читали бы перед смертью строчки из Александра или вообще какие-нибудь строчки.

И, в-третьих, если стихотворение написано как бы от имени всего русского народа (как оно и есть на самом деле), куда входят и отарзаненные, и обалександренные, и канадо-американизированные русские, то понимаешь, с какой болью оно написано и с какой ответственностью. Этот частный, автономный от всех, отчуждённый и от евреев, и от американцев, и от всех других наций и религий поэт, вдруг берёт на себя высочайшую ответственность от имени всех русских упрекать украинцев за их уход из единого имперского пространства, из единой России, «грызть в одиночку курицу из борща». Иосиф Бродский ведь не упрекает ни грузин, ни прибалтов, ни наших азиатов. Но украинцы — это же часть древней Руси, куда они уходят? Надо сказать им прощальное слово:

*Скажем им, звонкой матерью паузы метя, строго:
скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря в мундире,
по адресу на три буквы на все четыре...
стороны. Пусть теперь в мазанке хором Гансы
с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.*

Жёстко, но до омерзительности верно. И впрямь, если уж украинцам не нашлось места в единой России, в нашей общей империи, то, как давно уже предсказано Николаем Гоголем в «Тарасе Бульбе», всем этим забывшим о русской земле Андриям одна дорога — к ляхам и гансам. Поляки и немцы уже сотни лет на Украину зуб точат, пусть уж потом наши ридные братья не плачут и не взывают о помощи. Хватит! Хватит!

*Процевайте, хохлы! Пожили вместе, хватит.
Плюнуть, что ли, в Днипро: может, он вспять покатит...*

И на самом деле, сколько веков жили одними бедами, одними радостями, вместе воевали, вместе побеждали, и всё на равных, какие уж тут колониальные отношения между русскими и украинцами, скорее, из Украины Москва вербовала себе и в армию, и в органы, и в Политбюро трудолюбивых и исполнительных граждан. И вдруг всё кончилось. Искренний гнев возникает у поэта:

*Не поминайте лихом! Вашего неба, хлеба
нам — подавись мы жмыхом и колобом — не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду.
Кончилась, знать, любовь, коли была промежду.*

Какие уж тут колонии, когда вся Украина была слеплена русскими из разных кусочков, не говоря о Крыме, прилепленном напоследок безграмотным и невежественным Хрущёвым и ещё более невежественным Ельциным в Беловежской пуще.

*Ой-да левада-степь, краля, баштан, вареник.
Больше, поди теряли: больше людей, чем денег.
Как-нибудь перебьёмся. А что до слезы из глаза,
нет на неё указа, ждать до другого раза.*

Но и финал стихотворения у Иосифа Бродского явно пророческий, ибо, хорошо ли, плохо ли, без великой русской культуры, без великой поэзии никогда не будет новой украинской нации. Не бывает нации без культуры.

*С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухаи!
Только когда придёт и вам помирать, бугаи,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строчки из Александра, а не брехню Тараса.*

И впрямь, можно быть храбрыми запорожскими казаками, сталинскими орлами, екатерининскими гетманами, лагерными вертухаями (кого же ещё больше всего ценят в лагерной охране во все времена? Разве что азиатов, потому что им безразличны русские?), но без опоры на великую мировую культуру никакая казачья храбрость или вертухайская исполнительность не помогут. Тогда уж придётся под другую — немецкую великую культуру ложиться, но они-то никакого равенства с собой не потерпят. Их кацапами не пообзывает, быстро дадут знать своё лакейское место. Но, скорее всего, незалежная украинская культура нынче будет строиться на польской основе. Николай Гоголь как в воду глядел со своим Андрием, очаровали всё-таки ляхи. А на местной брехне национальную культуру так просто не построишь. «Брехня

Тараса» примерно в таких его строчках: «Кохайтесь, чернобриві, та не з москалями, бо москалі — чужі людей. Роблять лихо з вами». Хотя и обязан был многим, если не всем, Тарас Шевченко русской культуре, но решил об этом запомнить.

Вот и всё. Печальное и трагическое, гневно прощальное стихотворение русского поэта. Я искренне сожалею, что он не решился опубликовать его при жизни, тем самым сняв все споры. С другой стороны, охотно его читал не один раз на вечерах, прекрасно зная, что его записывают на магнитофон. Он и впрямь сам лично очень переживал за этот неожиданный для него отрыв всей Украины от России. Его ближайший друг Лев Лосев сказал: «Украину он не только считал единым, как теперь принято говорить, «культурным пространством» с Великороссией, но он ещё и сильно чувствовал её как свою историческую родину. Последнее выражение мне не хочется брать в кавычки, потому что для Бродского это была очень интимно прочувствованная идея. Ощущение себя «Иосифом из Брод»...

Ведь дело вовсе не в том, насколько хорошо это стихотворение. У любого поэта бывают неудачи, черновые варианты, провалы, отнеситесь к этому как к заблуждению автора, но нет же, нет. Уже из года в год несётся вал новых либеральных атак: это всего лишь пародия на Бродского. Интересно, что сами украинцы уверены в подлинности стихотворения, и их полемика идёт уже по смысловому поводу. Не случайны и постоянные сравнения этого стихотворения с «Клеветникам России» Александра Пушкина. Оба поэта поразили своих современников своей нескрываемой государственностью и имперскостью.

Да и повод примерно одинаков: спор славян между собой.

*О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.*

И на самом деле, не американцам же решать вопрос: «Славянские ль ручки сольются в русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос...»? А если добавить слово Достоевского о славянах, то мы ещё более остро почувствуем древние противоречия между вроде бы близкими славянскими народами: «Не будет у России и никогда ещё не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными! И пусть не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян!.. Может быть, целое столетие, или ещё более, они будут непрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на неё и интриговать против неё...»

Вот так и Украина, ничего нового. Не случайно же, подзуживая себя, именно украинцы первыми и напечатали это стихотворение Бродского «На независимость Украины» в 1996 году в Киеве в газете «Голос громадянина» № 3. Сразу же понёсся вполне ожидаемый шквал ругани. В России впервые это стихотворение перепечатали в «Лимонке», а затем в «Дне литературы». Оно широко распространилось и стало общеизвестным, особенно с появлением интернета, демонстрируя радикальную эволюцию взглядов Бродского от советско-либеральных к имперским.

Некий украинский академик Павло Кислий дал свой украинский ответ, к сожалению, поэтически абсолютно невыразительный. Как тут не вспомнить «строчку из Александра или брехню Тараса», даже самые радикальные украинцы мгновенно запомнили яркие строчки из Бродского, и никто не помнит ни слова из ответа кислого академика. В ответе «кацапу-Бродскому» приводится всего лишь очень плохо зарифмованный перечень исторических обид украинцев:

*Ну що ж, прощайте, кацани!
Нарешті ми розійшлися шляхами.
Вам, певно, назад в «імперію зла»,
Нам, хохлам, знов на змагання з ляхами...
А щодо тебе, нікчемний раб!
Ти був фальшивий дисидент забільшовиченої Росії,
Двоголового орла вірний слуга,
Погонич придуманого Месії.
Не варто гадати, чому ти проклинав Україну,
Народу російському ти не окраса.
Ти був нікчемний імперський шовініст,
Не вартий нігтя Тараса.*

Пробовала ответить Иосифу Бродскому поэт и прозаик Оксана Забужко:

*Лине «плач по імперії» — як написав би був Бродський,
Та схолов од плачу — і, від'їхавши в Амгерст, замовк.
Хай хто хоче, той плаче. Я — весело зіплюю зуби...
З вірша «Крим. Ялта. Прощання з імперією», 1993.*

Тоже не убедительно, ни стих, ни её статья. Лучше бы и не трогали, себя на посмешище выставили. Свою версию написания стихотворения предложил незадолго до смерти Виктор Топоров: «На мой взгляд, демонстративная «укаинофобия» Бродского объясняется двумя причинами — макро- и микро-. На макроуровне Бродский так и не простил «вождям Союза» того, что они прогледели присущий ему потенциал государственного поэта, и напомнил об этом задним числом при первом же удобном случае: печатали бы массовыми тиражами меня вместо Евтушенко, глядишь, и не развалилась бы ваша хваленая империя. На микроуровне я предложил бы вспомнить фильм «Брат-2» с тамошними однозначно отвратительными «новыми американцами» из украинцев. Понятно, что ни с какими украинцами Бродский в США не общался. Да и с русскими тоже. Он общался с понаехавшими из СССР евреями. Однако одни из евреев понаехали в США из России, а другие — с (тогда ещё не «из») Украины. И вот эти-то украинские евреи и возликовали в США по случаю «незалежности». И вот им-то, в первую очередь, и дал гневную отповедь поэт...» Вполне может быть, чувствуется какой-то личный первотолчок к появлению стиха. Может, прочитал где-нибудь стихотворение украинского поэта-эмигранта Евгения Маланюка: «Пусть же хищное сердце России половецкие псы разорвут...» Чего-чего, а ликующей русофобии в эмигрантской украинской прессе после объявления незалежности хватало с избытком, вспомним хотя бы фильм Балабанова «Брат-2». И потому соглашусь в данном случае с Михаилом Золотоносовым, написавшим, что «Эмоциональный смысл «оды» — обида на украинцев. Жили вместе, одной дружной

семьёй народов, а украинцы вдруг покинули «гуртожиток», что воспринимается по-этом (либо его лирическим героем) как измена, не столько политическая, сколько семейная... Любопытная ситуация: обычно стихи комментируют жизнь, а тут жизнь дала комментарий к стихотворению...» Вот уж верно, стихотворение, пусть и крайне эмоциональное, но не так уж и замеченное в прессе, во времена нынешнего украинско-русского противостояния и впрямь стало символом наших отношений. «Пожили вместе, хватит...». Сам поэт говорил не раз, что это частное мнение частного лица. Он любил ссылаться на свою частность. Когда он обедает в любимой венецианской траттории, пьёт любимую граппу или шведскую водку «Горькие капли» — он и на самом деле частный человек. Да вот беда, будучи великим поэтом, он, прикасаясь к поэзии, перестаёт быть частным человеком и становится достоянием миллионов, и его мнение влияет на мнение миллионов. Иной раз больше, чем мнение президента страны. И в этом смысле его ода на независимость Украины — документ эпохи!

*А что до слезы из глаза,
нет на неё указа, ждать до другого раза.*

Не случайно сегодня в интернет-голосовании это стихотворение Бродского попало в список ста лучших стихотворений всех времён и народов. Стихотворение написано в 1991-м году, он читал его в узких кампаниях в Стокгольме в 1992 году, в других местах, но впервые прочитано оно было на широкую аудиторию в 1994-м, с качественной записью на магнитофон, что уже интересно само по себе. Он пустил его в широкое публичное плавание после четырёх инфарктов и двух операций на открытом сердце. Стал его читать в аудиториях уже в преддверии смерти. Это же не случайно. До смерти оставалось менее двух лет. Он вполне справедливо боялся, что после его смерти, из осторожности, наследники так и забудут об этом важном для самого поэта творении. И как можно говорить о случайности такого стихотворения для поэта?

Очень злобно об этом стихотворении отозвался поэт Наум Сагаловский: «Стихотворение, на мой взгляд, совершенно гнусное. Можно, вероятно, выбрать и другой, не такой резкий эпитет, но зачем? Весь текст дышит такой неприкрытой ненавистью к Украине, к украинцам, что диву даёшься. Я сперва, грешным делом, подумал, что стихотворение это — злая сатира, как бы монолог некоего не очень, будем говорить, интеллигентного российского шовиниста, над которым поэт с большим удовольствием издевается. Надо сказать, что сатира присутствует иногда в творчестве Бродского, так что ничего удивительного в такой сатире не было. Но вот что сказал сам Бродский перед чтением своего стихотворения в Стокгольме в 1992 году: «Сейчас я прочту стихотворение, которое может вам сильно не понравиться, но тем не менее...» То есть он ничего о сатире не сказал, другими словами, стихотворение написано на полном серьёзе, от имени самого поэта. Что, мне кажется, не делает ему чести, наоборот — представляет его в совершенно неприглядном свете...»

Читаю в «Русском журнале» статью некоего Александра Даниэля, где он, вновь публикуя полный текст стихотворения, далее громкогласно называет его фальшивкой. Конечно, это достаточно злое стихотворение Иосифа Бродского сегодня ни в какие либеральные каноны поклонников оранжевой революции не лезет. Конечно, сегодня оно стало гораздо более злободневным, чем в пору написания. Конечно, режет слух последняя строчка, где русскому гению Александру Пушкину Бродский противопоставляет «брехню Тараса». Кстати, эта строчка резко возмутила в своё время и патристическую поэтессу Татьяну Глушкову. Но откуда слепая уверенность Александра

Даниэля, что этот «стихотворный текст никогда и ни при каких условиях не может принадлежать Бродскому»? Почему? Потому что поэт называет в стихотворении себя самого «кацапом»? Так есть буквально сотни высказываний Бродского, где он называет себя русским, иногда добавляя, «хотя и еврейцем».

Может, удивляет отсутствие политкорректности в выражениях? Но по отношению к азиатам, африканцам и вообще «чёрным» у Бродского и в стихах, и в прозе, и в очерках есть гораздо более сильные, чуть ли не матерные выражения. Он чуть ли не гордился репутацией «расиста». Даниэля удивило слово «кряля», а откуда в стихотворении о Жукове блатные «прохоря»? «Могут ли обороты типа «шить нам одно, другое»... принадлежать поэту, известному катулловской чеканностью слога?» Ещё как могут. Блатных и простонародных выражений в поэзии Бродского с избытком. Впечатление такое, что этот самый Даниэль поэзию своего кумира совсем не знает, или... лукавит по политическим мотивам. В среде бродсковедов самых разных стран ни у кого сомнений в авторстве этого стихотворения нет. Может быть, и авторскую запись исполнения стихотворения на своих вечерах Даниэль назовёт фальшивкой? Есть сотни свидетелей этого исполнения на поэтических вечерах. Может, и их надо перечеркнуть? Вот уж эти мне фанаты. Блюстители чистоты готовы обкорнать кого угодно. Особенно это касается наследия Бродского. Все русофильские его стихи вымарываются из всех собраний сочинений.

Авторство стихотворения Иосифа Бродского «На незалежность Украины» несомненно, хотя, конечно, текстологам предстоит ещё из рукописей и авторских записей выбрать законченный вариант, не подвергая цензурированию сам текст. Но его давно пора печатать и в книгах, дабы не возникало сомнений у разных Даниэлей. Стихотворение прекрасное, резкое, неполиткорректное. Но должен ли настоящий поэт думать о какой-то политкорректности? Когда прочитал «На независимость Украины» в 1994 году, я по-настоящему и навсегда понял и высоко оценил великого русского поэта Иосифа Бродского...

РАШЕН БАБ

Короткий роман

(Окончание. Начало в № 3 (20))

16

Неожиданно для всех на стоянке появилась Рената. Не говоря брату ни слова о своём приезде, подкатила на контрольно-пропускной пункт на такси. Её заявление о том, что она родная сестра господина Вольфа, на дежурных не произвело никакого впечатления. Тем более, что она, не зная русского языка, втолковывала им на немецком, которого дежурные не знали. Но подумали о том, что мало ли на этом свете детей лейтенанта Шмидта... Они пытались дозвониться до Филолая, но в этот момент Валентина повернулась в сторону КПП лицом, и Рената закричала по-немецки:

— Валя, я приехала! Я приехала, Валя! Здравствуй, скажи им, чтобы меня пропустили!

— Рената?! — удивилась гигантша. — Пропустите вместе с такси.

— Спасибо, Валя!

Фриц вместе с Филолаем в это время ожесточённо спорили с Джеймсом Бондом и его толстяком, поэтому появление Ренаты в административном модуле было крайне неуместно. Объятия и поцелуи брата и сестры не входили в программу переговоров по финансовой части проекта, и англичане, как и Филолай, почувствовали себя при бурной встрече родственников совершенно нехвата.

— Окей, — совершенно неожиданно сказал Бонд. — Наши сорок процентов, ваши — шестьдесят. Но «светёлку» вы строите за счёт своих доходов. По рукам?

— По рукам! — взбудораженный приездом сестры Фриц чуть ли не бросился на радостях обнимать Бонда.

— Завтра в мэрии подписываем договор и заверяем у нотариуса, — уточнил толстяк перед тем, как британцы удалились.

«Ох, и лешаки-и-и, — даже мысленно Филолай произнёс протяжно. — Два дня спорили, переливали из пустого в порожнее, и вдруг — о'кей? Тут что-то не то...» — его тормозил за рукав Фриц, пытаясь представить ему свою сестру, а он не отрывался от своих мыслей, пытаясь докопаться до причин непонятного поведения агента британского империализма. И вспомнил: перед появлением немецкой девушки в телефоне Бонда что-то звякнуло, должно быть, пришло какое-то сообщение. Прочитав его, Бонд заметно повеселел, но тут ворвалась в кабинет Фрица его сестра.

— Ох, неспроста согласился он на сорок процентов, ох, неспроста! — крикнул Филолай Фрицу и только теперь заметил, что перед ним стоит девушка с протянутой для знакомства рукой.

— Это гроссфатер Филолай, — представил Фриц.

— Очень много наслышана о вас, — сказала Рената.

— И я много слышал о вас, — перешёл старый варнак на немецкий. — Извините, я должен покинуть вас — дела не ждут.

«Какие там дела!» — хотел было остановить его Фриц, чтобы вместе разделить радость от встречи с Ренатой, а потом подумал, что Филолай будет себя чувствовать не в своей тарелке, когда он с сестрой начнёт обсуждать их сугубо семейные новости.

Оказавшись перед Валентиной, Филолай на её вопросительный взгляд показал ей жест «на большой», но не стал распространяться, а принялся ходить кругами вдоль ограды, обдумывая что-то. Ему не давали покоя мысли о Бонде.

17

Подписание договора происходило в конференц-зале мэрии при очень большом стечении непонятого Филолаю народа. Пресса, Ёськин кот, для рекламы, две договаривающиеся стороны, нотариус для регистрации договора, хозяин Большаков для доклада, но зачем столько расфуфыренных дам и чиновников в костюмах и при галстуках? Когда Казарлюга приступил к вступительному слову, от толпы чиновников отделился молодой человек лет тридцати и стал бойко переводить его речь британцам. Филолай хмыкнул от удивления, смерил переводчика с головы до пят, присмотрелся, как прицелился, и догадался, что отныне молокозавод и всю машинерию, вплоть до доильного аппарата для Валентины, поставлять и монтировать будут англичане.

— Бедная Валя, — вздохнула рядом Рената, которая от Филолая не отходила и на шаг, поскольку Фриц поручил ему заботиться о своей сестре. — Её делают дойной коровой! Сегодня даже всплакнула немного, когда я говорила с нею.

Филолай промолчал. В знак согласия с Ренатой. Она, окончив дизайнерский факультет, примчалась в Росщупки устраивать дизайн «светёлки», а ей Фриц поручил организовать лабораторию проверки пищи для Валентины.

— Гроссфатер, я не понимаю: а вдруг у Валентины пропадёт молоко? Оно по неизвестным причинам появилось у неё, по таким же причинам может и пропасть! — тихо говорила ему Рената.

— Я ещё больше, чем ты, не понимаю, — ответил Филолай, одобряя ленивыми аплодисментами подписание договора Фрицем и Бондом, а также Большаковым.

— Это же унижительно: доить женщину и торговать её молоком! Я об этом сегодня заявила Фрицу. Он ответил: «А что мне делать в сложившихся обстоятельствах? У нас кредит пятнадцать миллионов евро, один день нам обходится при условии самой жёсткой экономии в пятьдесят тысяч евро, надо же за всё платить, содержать службу. Поток туристов иссякает, заканчивается сезон, СМИ пока покупают сенсации, но новости о Рашен Баб начинают приедаться... Чем я кормить буду Валю зимой? Чем?»

— Рыбой, — неожиданно сказал Филолай. — Я предложил Фрицу организовать небольшую рыбацкую флотилию и ловить для Валентины рыбу.

— А рыба ещё есть в Чёрном море? Или ловить будут в Атлантике? Да и молоко будет рыбой пахнуть, вы подумали об этом? — Рената для убедительности даже повисла на рукаве Филолая.

— Мы будем кормить рыбой на птицефабрике кур, индюшек и даже страусов, — произнёс он таким тоном, что Рената не замедлила спросить:

— Это вы всерьёз или шутите?

— У нас ничего невозможного нет, — с иронией произнёс старый варнак, и Рената поняла, что гроссфатер шутит.

Тут к ним подошёл официант с шампанским, Филололай учтиво, словно всю жизнь угощал молодых девушек, взял фужер с подноса и протянул Ренате.

— А мне — водяры, — велел он официанту на русском, чтобы Рената не поняла.

Официант расплылся в улыбке и через минуту вернулся с полным стаканом водки.

— Вода, — объяснил Филолай девушке и осушил стакан.

На его счастье, на Ренату накинудись корреспонденты, и он, предупредив её, что отойдёт на несколько минут, пошёл искать переводчика. Тот стоял в окружении главных действующих лиц нынешнего мероприятия и откровенно бездельничал, поскольку Фриц, кроме русского, знал английский, а Бонд — превосходно владел русским.

— Молодой человек, извините, как вас зовут? — не очень учтиво Филолай дёрнул его за рукав.

— Олег, — откликнулся переводчик.

— А меня — Спиридоном Кирилловичем, по кличке — Филолай, почти родной дед Валентины Сыромятниковой.

— О, очень приятно познакомиться. Хотя как это — почти родной дед?

— Потом, Олег, потом. А сейчас веди меня к своему начальству.

— К какому, извините?

— Не юли, меня не объегорить, веди к начальнику.

— Вы меня не за того принимаете...

— Тогда я представляю тебя твоему начальнику. Видишь вон мужика в сером костюме и с синим галстуком? Смотри на него, он седоватый слегка, настоящий молчимо-молчи, а ты смотришь не туда, заячьи скидки делаешь... Вот сейчас к нему подойду и скажу, что ты его за начальника не считаешь...

И Филолай на самом деле направился к синему галстуку, по пути снял с подноса рюмку с водкой. Начальник лишь слегка приподнял брови, когда старый варнак предложил ему выпить за знакомство.

— А я вас знаю, Спиридон Кириллович, — неожиданно признался начальник. — Я — Михал Иваныч. И с удовольствием выпью за личное знакомство!

— Очень приятно... Не зря, выходит, государственную краюху жуёте, — пробормотал Филолай. — А как знаете: с пригляда или по чьей-то наводке?

— Какой пригляд... Очень уж вы с внучкой заметные люди, вокруг вас столько народу разного вертится...

— Вот-вот, — для убедительности Филолай поднял руку с вздетым вверх пальцем. — Именно вертится... Я с вашей службой дела никогда не имел, а вот она ко мне была очень равнодушна... Но раз дело касается Валентины, то, считай, и меня.

Начальник сделал два медленных шага в сторону, и Филолай оценил то, что они теперь могли говорить, не опасаясь чужих ушей. Да и Михал Иваныч был весь внимание...

— Англичанин, который называет себя Джеймсом Бондом, что-то замышлят. Он приезжал ко мне в Сибирь, выведывал в качестве журналиста всё, вынюхивал. Сюда заявился, набивался в личные врачи Валентины, давил на неё через вашу стервь Степанову, теперь молочный проект предложил. Я же старый охотник, зверя чую и угадываю, а от Бонда чужой гебней несёт за три версты. Замышлят он что-то, как бы беды большой не случилось.

— А конкретно — что замышляет?

— Мне бы знать! Но чую — замышлят.

— Если вам станут известны какие-то конкретные преступные планы, милости просим обращаться к нам, звоните в любое время дня и ночи.

— Михал Иванович, я не привык звонить по телефонам да ещё по таким делам. Бонд, как пить дать, прослушивает нас. У меня просьба: скомандуйте Олегу, переводчик ведь ваш, в случае чего помогать мне, держать с вами связь...

— Ох, старик... Уже высчитал...

— Извини, гражданин начальник. Целую десятилетку меня ваши учили уму-разуму...

— Не будем архивной пылью дышать. Моего родителя полторы десятилетки учили... Команду дам. Если что — обращайся, отец, прямо ко мне...

18

И южная тёплая пора кончилась. Горная гряда в окрестностях Росщупков закружилась белыми облаками, и пожилой плотник Сергей Николаевич, из местных, показывая Филолаю на них, говорил:

— Белая борода, так она у нас называется. Значит, вот-вот задует бора. Ох, придётся Вале непросто. Утром по радио передавали предупреждение: в течение суток порывы ветра до сорока метров в секунду и даже больше...

— Что за бора? — допытывался Филолай.

— Его называют ещё Бореем. Страшный ветер, нередко сбивает людей с ног, срывает крыши, топит в море корабли. От боры Вале не укрыться. В «светёлке», ещё недостроенной, находиться нельзя — вдруг она не выдержит напора ветра? Поэтому Вале лучше всего лечь на землю, на маты из ангара, укрыться одеялом и брезентом, причём концы их закрепить к столбам. Чтобы не парусили. Может пойти и ледяной дождь, от него спасёт брезент.

— И сколько эта бора продолжается?

— По несколько дней дует, а сезон борея заканчивается весной.

— Вот что, Николаич! Давай командуй здесь всеми, готовься к боре. Что нужно будет, говори. Командовать сумеешь?

— Здоровье было — в боцманах ходил. Как не сумею...

Вот вам и черноморское побережье, возмущался Филолай по пути в административный модуль. Хуже Сибири. У нас мороз так мороз, пурга — не редкость, от Полярного круга дует, но терпимо, а тут от борея попробуй спастись... Ежели Валюша простудится, то как и чем лечить?

Когда он ворвался в кабинет к Фрицу, тот только что закончил с кем-то говорить по телефону. Вид у него был крайне растерянный, Фриц смог лишь обречённо произнести:

— Бора...

— Бора, — подтвердил Филолай. — До сорока метров в секунду! И больше! Я поручил Сергею Николаичу, из плотников, командовать всеми, готовиться...

— Panzer ... — совершенно неожиданно произнёс Фриц по-немецки, а потом, увидев, что это поразило Филолая, уточнил: — Russische Panzer...

— Какие ещё танки?! — воскликнул старик. — Ты бредишь?

Немец был не из робкого десятка, ходил с Филолаем на медведя, а тут его вывели из себя какие-то русские танки. И родился он тридцать лет спустя после войны, жил в Восточной Германии, где этих танков были тысячи, так откуда же взялся страх перед ними? Перетрудился мальй, что ли?

Фриц помотал головой, словно стряхивая с неё морок, и сказал, что звонил Большаков, который договорился с военными направить к ним несколько тяжёлых русских танков. Наедут на край брезента, которым укроется Валентина, и не дадут сорвать его порывами ветра.

— Ах, вот оно что! — врестяжку произнёс Филолай. — Казарлюга печётся о своих доходах от молока Валентины.

— Гроссфатер, ты знаешь, что такое бора? — допытывался Фриц.

— Чёрт её знает... И Ёськин кот, наверно, не знает.

Перевести разговор в шутку не удалось. Собрали всех сотрудников и поставили задачу: срочно устроить рядом с «пьедесталом» постель для Валентины, вытащив для этого все матрасы из ангара. С помощью гигантши раскатать брезентовое полотно, которым она должна укрываться и края которого надо укрепить канатами, привязанными к бетонным столбам. Срочно убрать всё, что может быть унесено порывами ветра до сорока метров в секунду, в хозяйственные модули.

— Траншею надо для людей вырыть, — неожиданно предложил плотник Сергей Николаич. — Как задуёт бора — всем в траншею. Модули что — оцинкованное железо на хлипких уголках, в них опаснее всего. Как бы не унесло...

— Правильно! — поддержали его голоса работников из местных.

— Господин Вольф! — поднялся с места Олег-переводчик. — Английская бригада заявляет, что в контракте у них ничего не говорится о форс-мажорных обстоятельствах. Поэтому они участвовать в спасательных работах не будут.

— Скажи им: пусть идут и спасают свой молочный завод! А то его сдует с нашего бугра в море, — вмешался Филолай.

— И напомните им, что сроки сдачи объекта остаются прежними, — добавил Фриц.

Олег-переводчик добросовестно разъяснил подопечным слова начальства, и бригада британцев в голубой униформе молча покинула ангар. Фриц попросил Ренату помогать Сергею Николаичу устраивать постель, а сам вместе с Филолаем решил подняться к Валентине. В последнее время он просил её вести себя очень осторожно, не делать резких движений, не разгуливать по окрестным полям — учёные предупредили его о возможных при таком весе переломах костей, вообще о саморазрушении её организма. Эти предупреждения он скрыл даже от Ренаты, но Филолаю рассказал

о них, поскольку Валентина всегда прислушивалась к советам старика.

Поднимаясь в ладони Валентины, они почувствовали, что с высотой ветер усиливается. Горная цепь на севере скрылась в клубящихся облаках. Наверху было заметно холоднее. Валентина по последней женской моде распустила волосы, и они, по толщине как морские швартовочные канаты, хлестали её по плечам и щекам. Рената организовала из вычеса волос изготовление всякой бижутерии в виде женских заколок, сувениров с табличками на разных языках и запустила шумную рекламную кампанию

о том, что это своего рода обереги и талисманы, повышающие иммунитет и укрепляющие волосы, особенно у лысеющих мужчин. А Фриц с Филолаем, поднявшись на уровень глаз гигантши, опасались, что волосы обрушатся на них, и поэтому попросили её придержать их свободной рукой.

Валентина смотрела на клубящиеся облака там, где ещё утром виднелась горная гряда, слушала сбивчивые объяснения мужчин, соглашалась помочь людям, раскладывающим спортивные маты рядом с «пьедесталом», устраивая ей постель, а потом, глубоко вздохнув, с вызовом сказала:

— Я в море пережду эту бору. Вода тёплая...

— Валюша, она дуть может до весны! Брось даже думать о море — как и где сушиться будешь?! — под свист ветра кричал ей Филолай.

— Это опасно для твоего здоровья! — поддержал старика Фриц. — Мы бросим все силы на завершение строительства «светёлки». Ангар не будем укреплять — выдержит бору, значит, выдержит, будет запасным твоим жилищем. Опускай нас вниз, пожалуйста, уже танки подходят.

— А танки зачем? — удивилась она.

— Некогда развяснять. Потом узнаешь! Опускай нас вниз...

С севера, словно из-под клубящихся облаков, к их стоянке ползла, как огромная зелёная гусеница, вереница танков, поднимая на пересохших полях густую рыжую пыль, которую ветер безуспешно отрывал от них.

Мысль о присылке танков в помощь Гигантелле исходила не от Большакова, для таких решений он был слаб, а от Михал Иваныча, который предложил своему начальству спровоцировать новую шумиху вокруг Валентины, и получил добро. Операция «Бора» началась. Её цель состояла в том, чтобы британец, упрямо называвший себя Джеймсом Бондом, получил наглядное подтверждение тому, что Рашен баб — военного предназначения проект, и развил свою активную деятельность, которая проходила бы под полным контролем русских спецслужб.

Не успели танкисты заглушить моторы, как десятки телекомпаний повторяли телерепортаж о том, как на помощь своей гигантской женщине прислали целый танковый батальон. Танкисты улыбались, приветливо махали телезрителям, но упрямо отмалчивались. Так им приказали, чтобы предельно взвинтить интерес к происходящему.

Наконец, из МИ-6 пришёл запрос Джеймсу Бонду: «Срочно информируйте о событиях, разворачивающихся с участием танков вокруг Рашен Баб».

Михал Иванович довольно потирал руки — клюнули! Откровенно говоря, он много лет жаждал отомстить англичанам, поскольку они ещё в начале карьеры расшифровали его, скромного второго секретаря посольства в одной из стран британского содружества, после чего последовало выдворение в течение двадцати четырёх часов. Внешность он имел, как и положено, самую неприметную, английским языком владел так, словно не менее десяти поколений его предков жили на британских островах, вёл себя скромно, держался в тени, и вдруг рассыпалась в прах карьера разведчика, развеялись мечты о безбедной жизни за рубежами любимой Родины и в награду за неё генеральские лампасы к пенсии... И всё из-за того, что англичане вербанили посольскую машинистку, бывшую любовницу женолюбивого советника, которого повысили по службе и перевели в другую страну. Машинистка ждала-ждала вызова от него,

а потом узнала, что место любовницы заняла другая, и в отместку сдала англичанам всех и всё, что знала...

«— Хэллоу, Джон. Как дела? С какой целью появились танки? Это шоу или что-то другое? — спрашивал Джеймс Бонд своего подчинённого Джона Эндрю, бригадира монтажников на «стойбище» Гигантеллы.

— Добрый день, сэр. Монтаж идёт строго по графику. Тут ожидается бор до сорока метров в секунду. Все готовят укрытие для Рашен Баб. Танков десять, видимо, учения, экипажи помогают управиться персоналу. У Рашен Баб с помощью доильного аппарата получили около пятисот литров молока.

— Откуда такой стремительный бор? Выясните и позвоните мне».

Прослушивая разговор британских шпионов, Михал Иванович расхохотался. Начнут выяснять «интеллигенты», (так он презрительно называл Secret Intelligence Service, она же SIS, она же МИ-6), что называется на Черноморском побережье России Нильсом Бором? Танки озадачили их, ох, озадачили. Ага, самодельный и новоявленный Джеймс Бонд уже вылетел сюда — питерские либералы ему, должно быть, наскучили своими бреднями. Значит, от него в логово «интеллигентов» до конца дня нечего ждать вестей — не станет же он из самолёта шифровки слать! А пока надо Олегу-переводчику сказать, чтобы он этого Джона Эндрю не выпускал из вида...

Довольный началом операции, начальник отдела местной госбезопасности позовил себе рюмку коньяку с пресловутым лимончиком — по этой закуски русского разведчика расшифруют в любой стране, но он любил её с далёкой юности. Модно было пососать после хорошей рюмки ломтик лимона. Но его в начале карьеры расшифровали по шнуркам: забылся он после бодуна, завязал их по-нашему на туфлях бантиками, а надо-то заправлять концы внутрь мокасин. Какой-то ушлый местный контрразведчик обратил внимание на бантики из шнурков, и превратился начинающий нелегал в подозреваемое лицо, а после предательства машинистки в персону, подлежащую высылке из страны. Ему даже ничего не предъявляли — никаких секретов он не похищал, ничего не совершил противозаконного или предосудительного, поэтому, высылая его, местные контрразведчики удаляли с глаз долой объект, за которым бессмысленно было следить. Унизительное оскорбление нанесли тогда ему спецслужбы британского содружества — задержали на сутки якобы за грубое нарушение правил уличного движения и предписали покинуть страну в течение двадцати четырёх часов. Тогда начальство в Москве кривилось, увидя его перед собой, поскольку понимало, что ему после провального бездельничанья поистине в разведке делать нечего, и отправило служить в идеологическое управление, а потом во внутренние территориальные службы. И вот теперь, перед уходом в заслуженную отставку, Михал Ивановичу выпала возможность отомстить «интеллигентам» за нечаянные шнурки, завязанные бантиком...

Он хотел налить себе ещё коньячку, но вошёл шифровальщик и положил перед ним совершенно неожиданный текст. Новоявленному Джеймсу Бонду начальство предписывало:

«Выясните, имеют ли отношение танки к защите Рашен Баб от намерений неизвестной террористической группы, называющей себя «Little Women», уничтожить физически русскую Пандору, поскольку она, по их мнению, представляет собой опасную генетическую химеру и способна распространять вирусы, вызывающие беспредельный рост. Осуществляйте план R. Необходимое снаряжение выслано вместе с оборудованием для молокозавода».

Михал Иванович перечитал перехват несколько раз и обильно вспотел. Из открытого окна кабинета веяло осенней прохладой, а пот так и струился по лбу, спускался вниз по носу и намеревался закапать бумажку с кроваво-алым грифом «Совершенно секретно, экземпляр № 1». Михал Иванович знал, что это далеко не единственный экземпляр — перехват читают в высоких московских кабинетах. Вряд ли «интеллигенты» запустили дезу, чтобы сбить с толку российские спецслужбы, но почему наши бездельники за рубежом не засекали террористическую группу «маленькие женщины», которые хотят физически уничтожить Валентину? Хорошо, что в ходе операции выявлена новая угроза, но получается, что он поставил для них ловушку, а угодил сам в ещё более изощрённую? Не пожалует за это начальство, ох, не пожалует... Не подготовил как следует операцию, понадеялся на авось...

Шею схватило неизвестным жгутом, в туалетной комнате зеркало отражало налитое кровью лицо... Только не инфаркт, только не инфаркт и не инсульт в такой ответственный момент. Применил ауторенинг: я совершенно спокоен, правая моя рука тяжёлая, я совершенно спокоен... надо узнать наверху, что это за «маленькие женщины»... я совершенно спокоен, я дышу легко и свободно, я совершенно спокоен, сердце моё бьётся ровно и ритмично, я совершенно спокоен...

Полные пригоршни холодной воды швырял себе в лицо, пока кровь не отхлынула от него, небрежно вытерся полотенцем и, вернувшись к столу, нажал кнопку самого сообразительного сотрудника.

— Слушаю, товарищ полковник!

— Выясни срочно, что такое «маленькие женщины», по-английски «Little Women».

— Есть.

Михал Иванович откинулся в кресле, продолжая ауторенинг. Через пять минут позвонил самый сообразительный сотрудник и доложил абсолютную чушь:

— «Маленькие женщины» — это популярная повесть для юношества американской писательницы Луизы Мей Олкотт, изданная ещё в 1868 году...

— Меня не интересуют все коты, — осердясь, он переименовал фамилию Олкотт, — а нужны сведения о террористической группе «Little Women».

— Выясню, товарищ полковник.

— Выяснит он, — пробормотал Михал Иванович, когда громкую связь отключил. И набрал номер московского знакомого из антитеррористического центра.

Рената, у которой бурно проснулись предпринимательские способности и которая была занята изобретением всё новых и новых товаров от Валентины, очень удивилась, когда в её лаборатории от рёва танков зазвякали всевозможные реторты и приборы. Взглянула в окно: грозные танки выстраивались перед оградой, причём пушками как бы целились в Валентину и во всевозможные модули, начиная от административного и заканчивая блоком по приготовлению пищи для гигантши.

— Вас из дас? — выбежав из лаборатории, она набросилась на попавшегося Филолая.

— Бора, — ответил он.

— Пора? — спросила Рената, подумав, что не расслышала ответ.

— Не пора, а бора! Ветер до сорока метров в секунду, спасать надо всё, что можно. Всех собирали, — старик показал на суетившихся работников, — разъясняли, что к чему и что надо делать. Ты почему-то не явилась, а теперь васиздаскаешь...

Филолай специально говорил на русском языке, намереваясь научить её великому и могучему, который она знала неважно и понимала, в лучшем случае, через слово. Догадалась, что собеседник упрекает её, сказала:

— Я анализы молока делала! Колоссаль — двадцать процентов жирности, полтонны сливок!

— Спасай свои причандалы. Они у тебя, в основном, стеклянные да хрупкие. Упаковывай в картонные коробки, прячь так, чтобы не побило и не сдуло с нашего бугра. Может, в помощь кого-нибудь дать? Из столовой?

— Спасибо, не надо, — отказалась она, поскольку из столовой наверняка прислали бы какую-нибудь растяпу, которая переколотит половину лаборатории. Вот если бы прислали Олега-переводчика, она помогает ему совершенствовать немецкий, а он ей — английский. Но Олегу было не до неё — вместе с британцами он укреплял недостроенное здание молочной фабрики.

Рената поспешила в свою лабораторию, где, упаковывая свои «причандалы» в бумагу и обматывая картонные коробки скотчем, поглядывала в окно и следила за всем, что происходит в их «стойбище» — так называл стоянку Фриц. Валентина помогала сворачивать гигантский брезент, на котором ещё утром Рената отбирала у неё молоко.

— Самодойка, — ворчала Валентина, напяливая на гигантские груди огромные чашки из белоснежной резины.

Она лежала на спине, чтобы не поднимать доильные чашечки на огромную высоту. Рената зорко следила за тем, чтобы мужчины не подглядывали за процессом отбора молока. Особенно за тем, чтобы это не стало предметом новостей от дежуривших денно и ночью журналистов. Сооружать ограждение не стали, решили ограничиться тем, что гигантша будет управляться, прикрываясь своим полотенцем размером в два местных садовых участка — двадцать на шестьдесят метров. Журналисты копошились, облепили забор из проволоки, но ни увидеть, ни сфотографировать самую большую грудь в мире им не удалось.

— Включай, — скомандовала Валентина, справившись с резиновыми чашечками.

Рената нажала кнопку на пульте дистанционного управления, в недрах недостроенной молочной фабрики заработал мощный компрессор. Валентина почувствовала, как чашечки присосались к её грудям, но при этом как-то вздрогнула, напряглась всем телом, но молоко потекло по прозрачному шлангу из мягкого медицинского пластика.

— Всё нормально? — справилась Рената. — Молоко пошло...

— Нормально-то нормально, — произнесла гигантша шёпотом, чтобы не расслышали журналисты. — Но щекотно, спасу нет...

— Что такое: щекотно?

— Щекотно оно и есть щекотно. Как тебе, немчуре, объяснить...

Девушка кинулась в административный модуль, сообщила Фрицу и Филолаю, что молоко пошло, но Валентина сообщила, что ей щекотно. Фриц тоже не знал значения слова, вся надежда была на Филолая, но и тот не знал или забыл, как это называется по-немецки. Тогда он решил показать на деле, что это такое. Протянул руки к немке, защекотал её ниже подмышек, там, где у неё начинались груди. Рената взвизгнула от неожиданности и воскликнула:

— Ritzelte! Щекотно — ritzelte!

И бросилась к Валентине. За нею последовали и Фриц с Филолаем. Последний приблизился к внучке и, не отличаясь особым политесом, прошептал ей:

— Валюша, ты уж терпи, девочка. Миллионам коров тоже, наверное, щекотно, однако они, понимаешь, привыкли и терпят.

- Дедушко, иди ты к чёрту! — ответила та.
- Гроссфатер, разве можно сравнивать с коровами! — прошипела в его адрес немка.
- А-а, разбирайтесь здесь сами, что можно, а что нельзя! — махнул рукой старый варнак и удалился восвояси.

Журналистская братия почувствовала, что возле Валентины что-то происходит, но даже направленные и сверхчувствительные микрофоны не помогли записать спор хозяев.

Наконец-то Валентина велела отключить доильный аппарат. Результат превзошёл все ожидания: около пятисот литров не молока, а фактически 20-процентных сливок. С видом победительницы Рената сообщила новость журналистам и пообещала, что отбор молока будет производиться три раза в сутки. Видимо, сглазила, поскольку время подходило обеденное, пора начинать подготовку к «самодойке», а гигантша помогала персоналу управиться со своим хозяйством. Укладывала маты из ангара, потом легла на них, натянула на себя брезент, и танки, отфыркиваясь сизыми выхлопными газами, начали заезжать на края брезента, придавливая его к земле своим весом. Журналисты неистово слепили их фотовспышками и мощными осветительными средствами. Но и это было не всё — на площадке появился военный фрезерный копатель, в считанные минуты нарыл полтораметровые траншеи для персонала, а потом, выехав за забор, приготовил такие же и для журналистской братии.

Первый удар стихии, как к нему ни готовились, был мощным и неожиданным. Подул резкий холодный ветер, в воздухе летало всё, что могло быть сорванным со своего места: почва, сухие стебли сорняков, солома, ветки от сломанных деревьев, какие-то ящики, куски листового железа... Трещала, сопротивляясь напору, «светёлка», гремел ангар, с административного модуля снесло крышу, погнуло стены из гофрированного железа, а изнутри полетели в воздух какие-то бумаги. Фриц выбрался из спасительной траншеи, бросился в свой кабинет, но вскоре вернулся назад: сейф был на месте, а в нём хранились самые нужные и ценные документы. На лице у него местами выступала кровь — посеколо щёбёнкой или какими-то щепками.

Но все взоры персонала были обращены на убежище Валентины. Брезент, придавленный танками, ходил волнами, но расположен он был так, что порывы ветра приходились на ноги гигантши — там, где стояли четыре танка из десяти и где края брезента были привязаны танковыми тросами ко вкопанным в землю бетонным столбам. Ветер, скользя вдоль тела суперженщины, не в силах был сорвать с неё покрывало, которым она укрылась с головой. И придерживала края брезента на всякий случай мощными руками.

Так продолжалось несколько часов, пока ветер к наступлению темноты не истощил свои силы. Все телекомпании мира передавали в режиме реального времени всё, что происходило на площадке у Рашен Баб. В море затонуло несколько небольших судов, особых разрушений в крае почти не случилось. Но самой большой новостью стало то, что с наступлением темноты персонал обеспечил второй отбор молока у гигантши — лучшей рекламы суперсливок Рашен Баб придумать было невозможно.

Как только бора поутихла, Джеймс Бонд приземлился на местном военном аэродроме на транспортном самолёте военно-воздушных сил её величества. Привёз последнюю порцию оборудования и всевозможных средств для обеспечения стабильной и эффективной лактации Рашен Баб.

«Что за моду взяли: каждого импортного прыща встречать как важную персону всем росщупкинским синклитом!» — возмущался Михал Иванович, когда ему сообщили из администрации, что прилетает Джеймс Бонд и что его просил присутствовать при этом сам мэр Большаков. «Повязывает», — такова была реакция Михал Ивановича, которого мэр из любви давать прозвища окружающим окрестил Топтыгиным. С намёком на топтунов, прославившихся в незабвенные сталинские времена? Повязывает, в случае чего, будет оправдываться тем, что всё происходило на глазах местных федеральных начальников, начиная от налоговой службы и заканчивая ФСБ с прокуратурой... По долгу службы Михал Ивановичу надо было присутствовать при таком мероприятии, но коробило то, что приглашение происходило от местной администрации, а его начальство, краевое и московское да ещё в условиях проведения спецоперации, почему-то не пошевелилось. Ведь им же докладывают о прилёте военного транспортника или уже не докладывают?

К удивлению Михал Ивановича, с небес спустился огромный четырёхмоторный С-130 «Геркулес». Будущий отставник вспотел от неожиданности: он ожидал какую-нибудь стрекозу, в крайнем случае, лёгкий гражданский самолёт, но не военно-декантный гигант в камуфляжной раскраске, способный высадить роту парашютистов. Если во времена Руста дыры в военно-воздушной обороне были результатом разгильдяйства или подковёрной борьбы за власть, то теперь, когда всё продаётся и все покупаются, баблоины (нравилось Михал Ивановичу это слово) вполне могут организовать посадку «Геркулеса» на Красной площади. Пока такая акция им ни к чему, но если понадобится... Михал Иванович мысленно представил, как тяжёлый транспортник НАТО катится по брусчатке главной площади страны, и от такого видения он, должно быть, мгновенно похудел — иначе с какой стати брюки стали сползать с его начальственного пузца и грозили открыть присутствующим тонкие, кривые и густо волосатые ноги, которых он всю жизнь стыдился?

От самолёта шёл, широко улыбаясь, Джеймс Бонд. На голове у него красовалась белая пробковая каска — такие Михал Иванович видел в странах британского содружества. Навстречу гостю дружно двинулся росщупкинский синклит с мэром во главе. Михал Иванович использовал момент движения для того, чтобы незаметно подтянуть брючный ремень сразу на две дырочки и не опростоволоситься. Большаков и агент британского империализма в знак особых отношений потискали друг друга в объятьях, остальным же разрешалось лишь обменяться тёплым рукопожатием с ним. «Баблоин!» — воскликнул в мыслях Михал Иванович в адрес мэра, помня о том, что его супруга стала совладелицей совместной фирмы по строительству фабрики и использованию молочной продукции Рашен Баб.

— У вас здесь всякие предметы летают, голова надо беречь! — воскликнул Джеймс Бонд, показывая пальцем на свою колонизаторскую каску.

— Голова пригодится! — изрёк благоглупость мэр, но заслужил подобострастный смехок росщупкинского синклита.

Пожимая руку Михал Ивановичу, гость высокомерно спросил:

— Как идёт служба?

— Всё о'кей, — ответил полковник. — Моё частное охранный предприятие обеспечивает безопасность Рашен Баб. Не желаете заключить с нами договор на охрану молочной фабрики?

— Интересное предложение. Подумаем, — ответил Джеймс Бонд, но уже без прежнего высокомерия.

— Надумаете — звоните. Вот моя визитная карточка.

«Хотел сходу меня расколоть? Или кто-то ему уже расшифровал меня? Тот же Казарлюга — во имя бабла? Ведь оно для них не пахнет!» — кипел внутри Михал Иваныч.

Олег-переводчик, приехавший с бригадой англичан со стройки фабрики, ринулся было в приступе чиновничества помогать объясняться заморскому гостю с хозяином Росщупков, но его инициативу обнулil тяжёлый осуждающий взгляд собственного начальника. «Тебя кто просил сюда лезть? Полизать с усердием захотелось? А кто будет смотреть за англичанами? Мне прикажешь следить за тем, что они там разгружают?» — так он прочёл содержание взгляда.

Действительно, британская бригада шустро разгружала транспортник, водружая объёмные ящики с помощью самолётного крана на грузовики. Михал Иваныч приблизился к местной богине санэпидемслужбы Татьяне Степановой и негромко поинтересовался:

— Не слышали, говорят, они привезли тонну семян кудрявой петрушки?

— Шутить изволите? — с обольстительной, но вполне оскорбительной для него улыбкой переспросила она.

«Старая карга, а туда же — взбрыкивает и глазки строит!» — возмутился Михал Иваныч и продолжил диалог:

— Ваша служба объявила, что семена кудрявой петрушки являются страшным наркотиком и потому запретили сеять её в России. Тыщу лет сеяли и вдруг — наркотик! А семена, между прочим, улучшают отделение молока. Я правильно говорю, таможня?

Начальник местной таможни на свою беду приблизился к ним. Он смотрел на то, как британцы управлялись с грузом, и по его лицу было видно, что он находится не в лучшем настроении.

— Что, видит око да зуб неймёт? — подколот его Михал Иваныч. — Не надоела ещё чёрная икра? А если там героин или подарки боевикам с Северного Кавказа?

— Да что вы говорите такое, Михал Иваныч? Да типун вам на язык, извините, что употребляю такую поговорку, — замахал руками таможенник. — Вы же знаете, мэр убедительно просил не устраивать никаких проверок и досмотров и продемонстрировать, что мы доверяем англичанам целиком и полностью.

— Икра да икра, надоела! — вспомнил вслух полковник опять таможенника из фильма «Белое солнце пустыни», а сам подумал: «Мне прикажете выполнять вашу работу, мать вашу так и перезтак? У-у, крапивное семя! Нет на вас хорошего прокурора. Не того, что у Гоголя, один тут порядочный человек, да и тот, если сказать правду, свинья!»

И подошёл к мэру, извинился, что не может поехать в дом приёмов, мол, служба да и печень бунтует. Казарлюга насупил брови и усы опустил: ускальзывает, как намыленный, фээсбэшник из числа повязанных торжественным приёмом англичанина. Нехорошая это примета, ох, нехорошая...

— Михал Иваныч, как знаете, как знаете... Жаль, конечно, да неволить вас не имею права...

«Да кто тебе право такое даст, баблоин ты непуганный!» — про себя возмутился полковник и пошёл к своей машине.

Настроение и у него опустилось ниже плинтуса. Англичанин обнаглел, Казарлюга перед ним так и стелется, готов на всё, только бы заработала молочная фабрика... Он был недоволен и собой, поскольку вспомнил Гоголя и знаменитый фильм. Ведь давно доказано, что искусство портит служивый люд, особенно художественная литература, которая, как известно, на Руси появилась по недосмотру начальства. Если потянуло

на литературные примеры, то это верный признак, что он почти не контролирует себя. Эмоциями подменяет холодную логику.

Он велел шофёру остановиться, решил прогуляться по тропинке, идущей вдоль берега к дачному посёлку, прозванному в народе Слугобургом. Бора успокоилась, а море внизу всё ещё бушевало. Под его шум хорошо думалось. Над морем висела полная и яркая луна, хорошо освещала тропинку. На воде к луне пролегла золотистая дорожка...

Набрал номер телефона Олега-переводчика. Говорил не очень громко, ведь тот наверняка ещё едет на стоянку гигантши в окружении англичан.

— Всё проверь, как говорят, до последнего рубчика. Под любым предлогом. Действуй с помощью старика, есть там у вас бывший зек, который нас не любит, но ещё сильнее не любит Джеймса Бонда.

— Что искать, товарищ полковник? — такой вопрос можно было задать, если рядом не было чужих ушей.

— Следующую звёздочку на свой погон, сынок...

Вернулся к своим мыслям. Вообще-то, если бы не литература, быть бы ему давно генералом. После истории с бантиками из шнурков его направили в идеологическое пятое управление. Как-то расписали ему шифровку одного из посольств о том, что в стране пребывания местные интеллектуалы и издатели интересуются творчеством советского писателя Базиля Скандыря. Старший лейтенант Миша Кондырев перерыл все справочники, даже спрашивал сослуживцев, знают ли они Базиля Скандыря, но таинственный автор от него словно прятался или ушёл в глубокое подполье, причём не оставив никаких следов. Пришло время докладывать начальнику, и старший лейтенант Миша признался ему, что Базиля Скандыря он нигде не нашёл.

Неожиданно начальник отдела от души расхохотался.

— Нет никакого Базиля Скандыря, а есть Фазиль Искандер! Грамотеи! Читать литературу надо! — восклицал начальник, продолжая хохотать.

История со Скандырём карьерно закончилась для старлея Миши переводом на «землю», хорошо, что в тёплые края, где он, получая звёздочку за звёздочкой, дослужился до полковника и по всем показателям был готов выйти на пенсию. Но совету бывшего начальника читать литературу следовал всю жизнь. Выписывал толстые журналы, следил за книжными новинками, всё его существо словно пропиталось бунтарским литературным духом, а он ой как плохо сочетался со службой. Короче говоря, литература привела его почти в состояние служебной непригодности, и в отношении него у начальства закрепилось мнение, что он слишком интеллигентный многодум и сам себе на уме.

Размышления Михал Иваныча прервал натужный шум моторов «Геркулеса», набирающего высоту. Посверкивая бортовыми огнями, он огромной тенью пронёсся по небу и взял курс на северо-запад, к британским островам? «Сообшу о нём завтра, как бы между прочим, этак часиков в одиннадцать», — решил, провожая взглядом угасающие проблесковые огни самолёта. Испытанным перестраховочным методом собственного корреспондента ТАСС в Париже, который послал в Москву такую новость: «Как сообщают утренние парижские газеты, сегодня в столице Франции выпал снег». Завтра начальники получают шифровку: из достоверных источников стало известно, что на военном аэродроме возле пгт Росцупки приземлялся транспортный самолёт С-130 «Геркулес» из Великобритании. Принимаются срочные оперативные меры по выявлению характера груза и его предназначения. О результатах, мол, сообщим дополнительно.

У них там стулья высокие и лампасы широкие, пусть призадумаются: вернули ли они полковнику Кондыреву нового Скандыря или он им его вернул. Эх, Рашка продажная...

Утром бора возобновилась, но что это была за бора — так себе, прохладный ветерок, морской бриз. Валентине наскучило лежать под брезентовым укрытием. С помощью Ренаты подоилась затемно, поскольку народу на стоянке находилось много, тех же танкистов, которые глазели на неё вовсю. Потом перешагнула через ограду и решила в поле размяться. Сделать утреннюю зарядку, сделать любимую «мельницу», вращая руками так, что стоял свист от рассекаемого воздуха. Отжималась от земли, выполняла наклоны, прыгала на месте так, что в посёлке под бугром в окнах дребезжали стёкла. Физические упражнения она любила, их нравилось снимать телевизионщикам всего мира. Но население нижнего посёлка не уставало жаловаться не только по причине небольшого землетрясения, от которого в жилищах пошли трещины, но от того, что бегом на месте и прыжками она так утрамбовала землю вокруг стоянки, что на ней в ближайшее десятилетие расти ничего не будет.

Почистив зубы эксклюзивной зубной щёткой, подарком одной шустрой фирмы, она умылась, расчесала роскошные волосы, накрылась каким-то невообразимо толстым валяным пледом, повязала голову, как косынкой, куском прочной материи величиной с футбольное поле и уселась на «пьедестал». За нею, раскрыв рты, наблюдали танкисты.

Самые смелые из них пытались завести разговор, она охотно откликнулась, поскольку ей было скучновато восседать неподвижной горой на голом прибрежном холме.

Танкисты заахали от изумления, когда она приступила к завтраку. На открытой платформе грузовика ей привезли посудину из нержавеющей стали с молочной овсянкой и маленькую «ложечку», напоминающую ковш экскаватора. На другом грузовике подвезли стружку из твёрдого сыра, кубики магазинного сливочного масла, освобождённые от бумажной упаковки. Валентина набирала «ложечкой» масляные кубики и сдабривала ими овсянку. Брала щепотками сырную стружку и обильно посыпала её кашу.

— Тётя Валя, и сколько же тебе каши привезли? — кричал ей любопытный солдатик.

— Тонны две, племянничек, может, три... Бери котелок — угощайся! — отвечала она.

— Спасибо, у нас своя полевая кухня есть. И сколько же ты за день съедаешь?

— Много, племянничек, много. Наверное, вагон и ещё маленькую тележку.

— Ого! — солдатик даже присел от удивления. — Наша дивизия столько не съедает!

— А у меня вес уже тонн двести. Надо же их питанием обеспечивать.

— И сколько же ещё прибавишь в весе, тётя Валя?

— А кто его знает, — пожала плечами гигантша и посмотрела на репортёра, который пристроился у ограды и записывал их разговор.

— Приятного аппетита! — пожелал солдатик, видя, что она взяла в руку «ложечку».

— Спасибо, племянничек.

Как только запила Валентина кашу огромной бадёжкой из нержавеющей стали крепкого чая, так из города прибыла пёстро одетая толпа во главе с капитаном то ли Копейкиным, то ли Тушиным — Казарлюга всё ещё не определился с кличкой самого отъявленного и неукротимого оппозиционера. Каждый из прибывших был в костюме индейца: с перьями на головных уборах, с боевой раскраской на лицах, с мотыгами, которым предназначалась роль томагавков, с копьями и луками. На забор они повесили огромный лозунг «Хватит доить Россию!», забили в несколько барабанов, за-

дудели в трубы к радости телевизионщиков. Свои диковатые пляски они прерывали дружным скандированием:

— Мы, российские туземцы, требуем: хватит доить Россию!

И угрожающе потрясали копьями, издавая звуки, напоминающие боевой клич индейцев.

Валентина заплодировала им — всё-таки хоть какое-то развлечение, ведь день за днём сидишь за оградой на «пьедестале», по территории стоянки ходить опасно, ещё ненароком на кого-нибудь наступишь. Вода в море холодная, запросто можно простудиться. К журналисткой братии она относилась, как к неизбежному несчастью — с ними управлялся Фриц, давал интервью, сообщал важные новости, добился того, чтобы корреспонденты общались только с ним, не беспокоили Валентину вопросами.

Фриц установил для неё огромный экран, соединённый с телевизором. Проблема заключалась в том, что управляться с крохотным пультом управления было сложно — как нажать на кнопку пяти миллиметров в диаметре пальцем, толщиной минимум в метр? До этого она слушала радио — вставляла не наушники, а приёмник целиком в ушную раковину. Вскоре поняла, что слушать радио на русском языке — это добровольная пытка, истязания бесконечным камланием иностранных песняков, которые ей, известной певунье в родных местах, вскоре обрыдли из-за отсутствия в них и складу и ладу. А уж бесстыжее впаривание лекарственных средств, излечивающих всех, включая стариков, и все болезни, и вовсе терпеть было нельзя. И Валентина, наклонив голову, вытряхнула радиоприёмник на подставленную ладонь и зашвырнула его далеко в поле, где по утрам делала зарядку или прогуливалась в течение дня.

Фирма-изготовитель телеэкрана в подарок прислала гигантский пульт управления шириной в три метра и длиной в пятнадцать. Везли на трейлере, сгружали с помощью автомобильного крана. Им не удалось заказать или изготовить самим батарейки соответствующих размеров и мощности, поэтому получился своего рода полупульт с кабелем электропитания. Но это было лучше, чем стандартная крохотулька.

Теперь Валентина, нажимая кнопки, нашла репортаж о демонстрации протестующих против бессовестного доения России. Увидев себя на экране, демонстранты с новой силой пустились в индейские пляски и ещё громче скандировали свой лозунг.

Фриц в это время давал указания ремонтной бригаде, восстанавливающей административный модуль, поглядывал на беснующихся демонстрантов и сожалел, что неожиданное представление не видит Джеймс Бонд. Местное население против доения Валентины, а это отягчающее обстоятельство, для нейтрализации которого потребуются новые финансовые вложения. Во всяком случае, митингующие вооружили Фрица весомым аргументом.

Неожиданно перед митингующими возник Филолай в охотничьем прикиде: в коричневатом брезентовом плаще, в резиновых броднях, в капроновой шляпе хрущёвских времён с обвисшими мятыми полями и с охотничьим карабином на плече.

— Дядя, кто ты? — закричали ему из толпы митингующих.

— Зверобой, господа ирокезы! — Филолай любил читать книги про индейцев и поэтому был, что называется, в теме. — Кто тут у вас вождь краснокожих?

В ответ прозвучал дружный смех, но потом к металлической ограде подошёл фронт с пучком крашенных перьев на голове, с орденами и медалями на хламиде из белой хлопчатобумажной мешковины.

— Капитан Копейкин или капитан Тушин, если не ошибаюсь? — не без иронии справился Филолай.

— Ошибаешься, дядя! Не Копейкин я и не Тушин, а подполковник Макаренко, опозиционер этой лживой и воровской власти. А ты кто?

- Если дядя, то дядя Валентины. С особыми полномочиями...
 - Валь, а Валь? — заорал подполковник, задрал голову вверх. — Это твой дядя?
 - Пусть будет дядей, но на самом деле он мой дедушко, — прогремело сверху.
 - И чего вы, господа ирокезы, добиваетесь? Хотите взять Валентину Ивановну на полный пансион? Да распожалуйста!
 - Хватит доить Россию! Хватит доить Россию! — в ответ скандировали митингующие.
 - Да Ёськин ваш кот! — вышел из себя старый варнак. — Валентина разве Россия?
 - Хватит доить Валентину! Хватит доить Валентину! — прозвучало в ответ.
 - Слушай, вождь Макаренко, ты можешь навести порядок в рядах своих индейцев? Невозможно же дело перетереть! — воскликнул Филолай.
 - Хватит доить... — но Макаренко резким взмахом руки оборвал скандирование.
 - Так как насчёт полного пансиона для Валентины? — не отставал от него Филолай.
 - Мы пришли выразить свой решительный протест против того, чтобы иностранцы доили нашу соотечественницу. Она, Валентина, как образ России, которую сегодня грабят кому не лень. Хватит!..
 - Мил человек, я тоже против, но что делать? Вот если бы вы устроили митинг в Москве, чтоб потребоват от правительства взять на содержание национальную нашу гордость — великаншу Валентину. И чтобы её молочишко пошло нашим больным детишкам, а не с жиру беснующимися жлобам-олигархам да забугорным упырям — вот это было бы дело! А что вы здесь трясёте транспарантами, а?
- На этот раз Филолай ответа не получил. На митингующих налетел ОМОН в масках, хватал, тащил митингующих в подъехавшие автобусы. «Индейцы», видя нацеленные на них телекамеры, упорно сопротивлялись, кричали, пытались скандировать свои лозунги, но силы были неравны, и всё закончилось в считанные минуты. Автобусы дружно взяли курс на Росщупки, и Филолай смачно плюнул им вслед.

Рената получила от Джеймса Бонда новое оборудование для лаборатории, которое позволяло тщательно следить за здоровьем Валентины и не менее тщательно анализировать состав её молока. Кроме того, появилась возможность исследовать состав пищи для неё. Девушка настойчивая и целеустремлённая, Рената успешно изучала новые приборы и их возможности, хотя не раз и не два сожалела о том, что окончила дизайнерский факультет, а не медицинский. По договору Фрица с Джеймсом Бондом лабораторией заведует представитель немецкой стороны, это было как бы гарантией того, что британская сторона не сможет злоупотреблять своим исключительным правом на обеспечение пищей гигантши и применять в одностороннем порядке стимулирующие препараты и биологически активные добавки.

Рената могла взять помощницу, которая могла бы в случае болезни или отъезда заменить её, но она не спешила с поиском опытной лаборантки, решив разобраться со своим хозяйством сама. Не любила, когда её поучали. Но в данном случае исключением был Олег-переводчик, который помогал ей разобраться в тонкостях всевозможных инструкций, написанных на английском языке.

Олег казался ей воплощением идеала мужчины: высокий, стройный, спортивный и голубоглазый, в чертах его лица чувствовалась порода. От его улыбки обходительности, предупредительности в отношении она, как говорят, таяла. Она — девушка серьёзная и основательная, во время учёбы в университете сердце своё держала на

замке. Однокурсники, которых девичье большинство на факультете считало ботаниками или будущими профессорами а ля Паганель, безуспешно приударяли за нею. А теперь сердечный замок рассыпался под напором гормонов, и Рената призналась себе в том, что влюблена в русского переводчика.

Сближение произошло после того, как она попросила его перевести заумные английские инструкции. Но на какой язык? Русский она плохо знала, а с немецким, как он утверждал, у него тоже проблемы. Она предложила помочь ему в немецком в обмен на помощь ей в изучении английского языка. Но на первом же уроке немецкого языка Олег неожиданно стал демонстрировать берлинское произношение. Он пытался ошибаться, говорить с русским акцентом, но она почувствовала, что делает это он нарочно. На первом уроке она промолчала, но на втором, когда она специально употребляла труднопроизносимые слова, Олег безошибочно чётко выговаривал их.

— Олег, мне кажется, что вы меня водите за нос. Вы прекрасно знаете немецкий, говорите как коренной берлинец, но почему-то делаете вид, что не знаете язык.

Он лукаво улынулся и с обезоруживающей откровенностью сказал на прекрасном немецком:

— Мне хотелось, чтобы мы были на равных. А потом мне нравится моя учительница, а уроки немецкого — это предлог чаще встречаться. Что касается моего берлинского произношения, то я в школьные годы жил в Восточном Берлине, мои родители работали в советском торгпредстве. У меня было много друзей из числа немецких мальчишек и парней, они и привили мне берлинское произношение.

Рената, довольная тем, что раскрыла обманщика, расхохоталась. Но она не знала, что будь она англичанкой, то Олег рассказал бы ей, что школьные годы провёл в Лондоне... Во всяком случае Рената после «признания» Олега поверила в его искренность и самонадеянно решила, что она сразу почувствует, когда он станет её обманывать. Их роман стремительно развивался, они общались только на английском, и Рената сама поражалась своим темпам овладения им. К тому же Олег, чувствуя, что девушке скучновато живётся на их «стойбище», приглашал её в кафе и рестораны в Росцупки, возил в краевой центр или знакомил с достопримечательностями Черноморского побережья...

В Ренате всё больше и больше просыпались предпринимательские способности. Она организовала изготовление брошей, заколок, инкрустированных зажимов и всевозможной другой мелочёвки из волос гигантши, провела мощную рекламную кампанию, в которой перечислялись несомненные чудодейственные свойства изделий из волос Рашен Баб — начиная от выпадения волос и заканчивая излечением от многих болезней по причине того, что волосы гигантши излучают биологически здоровые волны, настраивают больные органы к самоизлечению.

Оказалось, что в мире немало любителей уринотерапии. Со всех концов планеты поступали просьбы прислать немного урины Рашен Баб, поскольку она является идеально здоровой женщиной. Рената позвонила по скайпу знаменитому профессору Курту Майеру, тому самому, который признал, что русская великанша идеально здорова.

— Я не специалист по уринотерапии, но если вы пришлёте мне свежие анализы, а перечень их вышлю вам по электронной почте, то смогу подтвердить или дезавуировать свой первый диагноз, — сказал профессор и предупредил, чтобы его имя никоим образом не связывалось с лечением мочой.

Рената с помощью местной поликлиники сделала все анализы, перевела результаты на немецкий язык и с тревогой ждала приговора. «Валентина Вольф по-прежнему является абсолютно здоровой женщиной», — таково было мнение Курта Майера.

Помня о запрете профессора связывать его имя с уринотерапией, Рената вначале провела сокрушительную рекламу абсолютного здоровья Рашен Баб, а потом — чудодейственного лечения с помощью её мочи. Валентине не нравилось, что ей приходилось писать в отдельную гигантскую ёмкость из нержавеющей стали, но после того, как даже на государственном отечественном радио своими ушами услышала о чудесных лекарственных свойствах собственной мочи, прониклась уважением к затее Ренаты. К тому же, моча давала дохода лишь немногим меньше, чем молоко, а популярность уринотерапии была такова, что однажды именитый медицинский академик из числа экспертов самого высокого уровня пожаловался Фрицу о невозможности приобрести в российских аптеках мочи Валентины Вольф (Сыромятниковой).

— Поражён твоей способностью делать деньги буквально из ничего! — сказал ей как-то Олег.

— О, мой милый, по-настоящему ты будешь поражён, когда мы из дерьма будем делать конфетки! — с вдохновением, вряд ли подконтрольным разуму, воскликнула она.

— Сомневаюсь, что ты имеешь представление о подводных камнях, поджидающих тебя, — задумчиво произнёс Олег.

— Не навей на меня тоску! — жёстко ответила она. — Как у вас раньше говорили: куй бабло пока Горбачёв!

Переводчик понял, что предупреждать о чём-либо Ренату, находящуюся в бизнес-горячке, бессмысленно, и перестал заходить к ней в лабораторию. И что поразительно, она этого и не заметила. Вместо него к ней зачастил Джеймс Бонд. Олег несколько не ревновал, решил пустить события на самотёк. Тем более что знал, как относится к британцу Рената.

Джеймс Бонд появился в лаборатории с огромным букетом пунцовых роз, расхваливал Ренату за быстрое освоение премудростей всевозможных анализов, предлагал представить ему заявку на дополнительное оборудование, которое, разумеется, незамедлительно ей привезут. Он улыбался, несколько раз сказал, что она прекрасно выглядит, предложил общение продолжить вечером в ресторане. Рената отказалась, сославшись на то, что в восемь вечера начинается отбор молока у Валентины.

— Можно и позже поехать в город. Есть ночной клуб... Нельзя же столько работать, надо и отдохнуть!

— Спасибо, мистер Бонд, за заботу обо мне, но о ночном клубе не стоит говорить, ведь я в шесть утра должна быть рядом с Рашен Баб. Проследить за процессом отбора молока, сделать экспресс-анализы прежде, чем направлять его на переработку!

Первую атаку она отбила успешно. Рассказала брату о необычном внимании к ней Бонда. Оказалось, что британец высказывал Фрицу недовольство тем, что от доходов по урине ему не достаётся ничего. Кормит Рашен Баб он, поит он, а дополнительные доходы достаются лишь семейству Вольфов. Несправедливо! Если так будет и дальше, то придётся пересмотреть договор. Возникли новые источники дохода, поэтому договор надо пересмотреть.

— Я ему сказал, что уриновый проект — экспериментальный, отношение к нему, судя по прессе, неоднозначное. Нас уже называют мошенниками и знахарями, это может сказаться на результатах основного молочного проекта. К тому же, его заявление о том, что он кормит и поит Валентину преувеличение: мы несём половину расходов на её содержание.

— Но что ему от меня нужно?

— Он пытался узнать у наших маркетологов объёмы продаж урины, но они не проболтались. Теперь он взялся за тебя: ему нужны точные цифры по объёмам и доходам. С тем, чтобы его претензии стали конкретными...

Следующий визит Бонда в лабораторию следовало сравнить с политикой кнута и пряника. Вначале был, разумеется, пряник. Бонд заявился в лаборатории в превосходном костюме, торжественный и благоухающий, опять с букетом тёмно-красных, жирных роз. Заявил сходу, что он заказал столик в ночном ресторане, там их ждут английские друзья. И что у неё нет ни малейшего повода отказываться от приглашения. Действительно, она сделала анализы вечерней «дойки» Рашен Баб и собиралась идти отдыхать. Принимая розы, она по привычке поднесла их к носу — они не пахли. Ей вспомнились розы в семейном саду на окраине Берлина — с нежным запахом, особенно по вечерам. Воспоминание лишь добавило раздражения по отношению к гостю.

— Спасибо, но я не могу поехать. У меня очень болит голова...

Но уловка не подействовала.

— Вылечим! Через десять минут в нашей компании вы забудете о какой-то головной боли!

— Извините, но я себя неважно чувствую, — настаивала она.

— Такая вы мне ещё больше нравитесь! — не обращая внимания на возражения, Бонд продолжал усиливать нажим. — Я сегодня хотел сделать вам предложение...

Он нарочито сделал паузу, Рената удивлённо подняла брови вверх.

— ...стать ...генеральным директором группы моих кампаний...

— Вынуждена отказаться. Поскольку неважно владею английским языком.

— Разве это проблема для вас? Через несколько месяцев будете знать English лучше меня.

— Я понимаю, Джеймсу Бонду по статусу положена красавица, но я не красавица. Извините за прямоту, но ваши подкаты ко мне бесперспективны — у меня есть молодой человек...

— Этот долговязый из местных? Олег? Я ревную и завтра же уволю его.

— Причём здесь Олег? Он помогает понять мне смысл английских инструкций.

— Не скажите. Я же видел, как вы воркуете друг с другом.

— Мистер Бонд, я устала и не вижу смысла продолжать разговор.

Он окатил её гневным взглядом, не сказал ничего, но и так было ясно, что впереди у неё неприятности. Повернулся и, не прощаясь, покинул лабораторию.

На следующий день Бонд уволил Олега. Тот зашёл к ней попрощаться, и она призналась ему, что Бонд уволил его из-за ревности. Странно, однако её признание Олега не расстроило.

— Мы не поделили доходы от мочи! — воскликнула она в порыве откровенности.

— Бизнес есть бизнес. И ничего личного, — усмехнулся переводчик и сказал, что он всегда рад ей помочь разобраться с заковырыстыми английскими инструкциями.

— А если без инструкций?

— Можно и без инструкций, — сказал он на прощанье.

Ошеломляющей новостью стала для Ренаты шумиха в печати о масштабах продажи фальшивой мочи. Её и для любителей уринотерапии в России не хватало, а тут в продаже появилось, как выразился Филолай, море разлитое. Семью Вольф средства массовой информации обвиняли в том, что они фальсифицируют урину Рашен Баб и в погоне за прибылью заражают доверчивых покупателей многими инфекци-

онными заболеваниями. Рената изобретала специальные стеклянные контейнеры с профилем русской Гигантеллы, наклеивала на них голограммы с её портретом, чуть ли не каждый день делала заявления для прессы. Но объёмы продажи неуклонно сокращались. Она и подумать не могла, что за всем этим стоит Джеймс Бонд, но когда в «стойбище» появилась начальница местной санэпидемслужбы Татьяна Степанова во главе целой бригады лаборанток, которые взяли пробы по технологической цепочке и даже мазки у Валентины, то Рената поняла, что виной всему он. Без проведения анализов Степанова всё опечатала и вручила Фрицу предупреждение о том, что без её разрешения за разлив и продажу урины наступит уголовная ответственность.

— Слышь, кормилица и благодетельница ты наша, говорят, что всё говно, кроме мочи. А его можно продавать? — поинтересовался дед Филолай, присутствующий при вручении Фрицу строгого предписания.

— Пожилой человек, а такие глупости говорите! — упрекнула кержака всемогущая начальница.

— Одряхлею — поумнею, — изрёк старик и хохотнул. — А взятки за говно всё равно не научусь всучивать. Не-а, не научусь...

— Вы на что намекаете?! — взъярилась начальница.

— А я без намёков спрошу: скоко вам англичанин отстегивать?

— Да что вы себе позволяете? — лицо у неё запыхало багровыми пятнами, которые с трудом преодолевали слои кремов и пудры.

— Спросить-то я имею право? Али это нынче воспрещено?

Она задохнулась от возмущения. Пришлось Фрицу вмешаться.

— Гроссфатер, вам лучше уйти. Перестаньте дразнить её. Как говорят у вас, от греха подальше, — сказал он по-немецки.

Но упрямый кержак решил напоследок ещё разок уколоть незваную гостью. Он воинственно задрал бородёнку кверху и задал Степановой вопрос:

— А у вас курсов начинающих взяточников ещё нет? Я бы поучился. Возьмите меня на карандаш, возьмите...

На том и удалился.

По поводу дерьма он затеял пикировку со Степановой неспроста. Рената решила и эту продукцию Валентины пустить в дело. Организовала компостирование с помощью бактерий какого-то японского профессора, продумала рекламу нового средства, чудесным образом повышающего урожайность садов и огородов, особенно благотворно влияющего на цветы, усиливая их аромат. Рената со смехом рассказывала о своём замысле брату и Филолаю...

Старик давно негодовал по поводу её уринового проекта. Он возражал против него, просил Валентину не позориться на весь белый свет и запретить продажу своей мочи, но та отнеслась к задумке Ренаты спокойно. Ему бы радоваться тому, что Степанова прекратила это позорище, но запретила продажу как бы временно, в разговоре с Фрицем говорила, что всё зависит от результатов анализов. С улыбкой, которая показалась кержаку плотоядной, говорила, и он больше молчать не смог.

Покинув административный модуль, Филолай направился к «светёлке», которую после шквалистой боры срочно достраивали. Валентина опять ночевала в холодном ангаре, и старик опасался повторения сильной боры — ведь танки ушли, внучке придёт спать под открытым небом. У Фрица из-за урины возникли трения и с мэром Большаковым, который приезжал в «стойбище». Фриц помалкивал о содержании их разговора, но наверняка Казарлюга требовал делиться и с ним доходами от мочи Валентины. А Фриц, не желая ссориться с местной властью, мог пойти на это только

втайне от англичанина. И тут моча перестала пользоваться спросом. Казарлюга не поверил и подослал Степанову?

«До чего же запаршивели людишки! Мочу впариват без зазрения совести и за доходы от неё воюют! Мир, не иначе, окончательно сбрендил», — такой вывод сделал Филолай, шагая к «светёлке».

И опять в его душу вползла тоска по родным местам. Она и раньше бередила, но Филолай воли ей не давал, душил в самом зародыше — разве он может оставить Валентину одну? Фриц с Ренатой превратили его родственницу в дойную корову, извлекают деньги из самого факта её существования, из молока, из волос, мочи и даже намерены торговать дерьмом! С трудом он сдерживался, не напоминал им в спорах, что их соотечественники даже прах сожжённых в крематориях использовали в качестве удобрения, но всё шло к тому, что однажды он скажет им об этом. Тогда полный разрыв, и Валентина останется в продажном мире, который захватил и Россию, одинёшенька?

Филолай даже остановился: до того явственно увидел задранные носы своих охотничьих лыж, рассекающих пушистую снежную целину, сверкающую под солнечными лучами мириадами изумрудов. Тишина стоит такая, что слышно шуршание снега под лыжами. А ещё доносится далёкий лай собак, которые нашли белок и зовут хозяина к себе. Белка в эту осень уже полиняла, должна быть пригодной к добыче. И баргузина-соболя с оранжевым пятном на груди можно добывать...

Зашуршали дальше лыжи без него — Филолай очнулся посреди «стойбища», кругом сырь и серость, сыплется сверху, словно тоска, какое-то сеево. Валентина, возвышаясь горой над всем этим безобразием, зябко куталась в какую-то хламиду, а за оградой бесновались новые демонстранты. И лозунги у них не только на русском, но и на английском — для корреспондентов и мировой общественности.

— Чего вам надо, Ёськин ваш кот? И когда вы уймётесь? — спросил он у их предводителя подполковника Макаренко. Тот на него не обратил и малейшего внимания.

В ответ ему начали скандировать: «Не заражайте людей мочой Валентины!» Филолай хотел было пошутить, что он тоже пьёт её по утрам натошак, но передумал и спросил у предводителя:

— Сколько тебе на лапу положили за это? Сколько???

Он заорал изо всех сил, чтобы слышали все демонстранты и журналисты. Но до демонстрантов ничего не дошло, и они принялись скандировать свои кричалки с новой силой.

И омовцев что-то на них нет, подумал он и решил позвонить Михал Иванычу. Ещё вчера он обнаружил среди барахла Джеймса Бонда странный продолговатый ящик. Заглянул внутрь и остолбенел: в нём лежал серебристый водолазный костюм. Он впервые в жизни видел его, однако ему бросилось в глаза то, что он был весь какой-то округлый, без каких-либо углов или выступов. Явно предназначался для какого-то особого проникновения.

Чтобы не оставлять никаких следов, Филолай тщательно закрыл ящик и незаметно покинул склад англичан. Был бы рядом Олег — поделился бы открытием с ним. Но его уволили, теперь переводчицей была некто Джейн с лошадиной физиономией. Джейн была ещё заместительницей Джеймса Бонда, руководила англичанами и без устали «доставала» Фрица и Ренату. Не хотелось обращаться к Михал Иванычу, но демонстранты не успокаивались, теперь орали свои лозунги в «матюгальники».

— Слушаю вас, Спиридон Кириллович, — без всякого «аллэ» или «здравствуй» отозвался фээсбэшник.

— У нас тут шибко разошлись демонстранцы, — сказал Филолай. — Нельзя им окорот организовать омовский?

— Мероприятие разрешено местной властью...

«Ага, значит, это дело рук Казарлюги», — подумал он.

— У вас всё, Спиридон Кириллович?

— Да нет, ещё в сусеке что-то имеется.

И рассказал Михал Иванычу о том, что у англичан вчера он обнаружил серебристый водолазный костюм.

— Спасибо, Спиридон Кириллович. Мы знали о вашем открытии ещё вчера. Вы нам помогли удостовериться, что костюм на месте. Спасибо за это, и убедительно просим никаких шагов не предпринимать.

— Но британец что-то задумал... — сморозил он сгоряча глупость.

— А он весь у нас какой-то задумчивый, — снисходительно ответил фээсбэшник. — Сейчас самое главное не помешать ему. Если что обнаружите ещё — звоните, всегда вам рады. До свиданья!

«Ёськин кот, тут он всё просматриват и прослушиват! — воскликнул мысленно старый варнак. — Дёрнула меня нелёгкая ему позвонить! Не будет же начальник гнать пургу, что ещё вчера он знали о том, что я нашёл водолазный костюм!»

На душе у него было пакостно. Так промахнуться! Стукнул куму — а тому твой стук всё равно что прошлогодний выстрел, за который он к тебе ещё и отнёсся с презрением. Варнак представил всю глубину своего падения и ужаснулся. Такой позор!

Он забыл о намерении побывать на строительстве «светёлки», ноги сами его принесли в лабораторию.

— Дочка, у тебя спирт есть? — спросил Ренату.

— Есть. Зачем он вам?

— Пить, — признался он. — Дай поллитра.

— Пить спирт?! У меня есть хорошая водка. Дать вам бутылку водки?

— Водка — это дамское белое вино. А мне нужен спирт, душа горит...

— Водка — дамское бело вино?! Вот не знала...

— Да что ты вообще о нас знаешь, — бормотал Филолай, засовывая в карман ёмкость со спиртом.

По пути в свою каморку утешался воспоминанием о том, как он, молодой и ловкий, на празднике оленя голой ногой доставал из ящика бутылки с водкой, подбрасывал вверх, на лету ножом отшибал горлышко, ловил поллитры и вручал под восхищённые аплодисменты оленеводкам — белое дамское вино... Бутылки тогда печатались сургучом... А огненную воду, то есть питьевой спирт, раздавал оленеводам, поскольку употреблять белое вино они считали унижением мужского достоинства...

25

Как и положено, запой у Филолая продолжался две недели. Валентина пыталась его урезонить, призывая к трезвости со своей верхотуры, да только достучаться до сознания бабушки не смогла. Тогда она попросила Ренату снабжать его спиртом, закупкой и обильным питьём, иначе у него случится «белочка». Немка не знала, что имеет в виду Валентина, а спросить было не у кого. Но Фриц, оказывается, знал, что «белочкой» русские называют белую горячку, во время которой им видятся бесы. Которые в итоге материализовались в стране в обличи либерал-реформаторов. Не зря же прожил в Сибири целых два года!

«Белочка» с Филолаем случилась, однако не чертячья, а собачья.

— Слышь, кляйнес, лайки мои в тайге голос подают! Прислушайся лучше — это мой Стреляй соболя надыбал и зовёт меня! Зовёт, понимаешь?! А я тут сижусь, не могу на зов откликнуться! Не слышь? Ну, тогда иди с Богом и приходи с бутылкой завтра. Эх, тоска-кручина... Ё-о-о-о-ськин ко-о-о-т! — начинал он причитать, и крики из его комнатухи не затихали сутками.

После запоя Филолай нещадно гонял строителей «светёлки», придираясь к качеству работы, и хотя «домик» для Валентины был готов и обставлен гигантской мебелью, но он не успокоился до тех пор, пока сама гигантша не переселилась в него.

Фриц, видимо, поделился доходами от продажи урины с Казарлюгой, и санэпидемстанция незамедлительно представила великолепные анализы.

Филолай не знал, что в складе англичан Олег-переводчик поставил видеокамеры, и когда старый варнак решил поиграть в сыщики и открыл ящик, то сотрудники Михал Иваныча убедились, что водолазный костюм уже на месте. Михал Иваныч дал задание снабдить костюм самым миниатюрным маячком и следить за ним в оба глаза и днём, и ночью.

Из Москвы приходили перехваты переписки Бонда со штаб-квартирой «интеллигентов». Михал Иваныч не поверил шифровке: Бонду приказали изъять у Валентины яйцеклетку! Он дал задание перепроверить сведения своему шифровальщику: точно, изъять яйцеклетку. Запросил Москву, не опасно ли это для Валентины, не грозит ли ей бесплодие, однако столица, не вдаваясь в акушерско-гинекологические дебри, приказывала взять шпиона с поличным. Стало быть, вся ответственность возлагалась на него.

Ещё Олег-переводчик раздобыл пробы препаратов, которые доставил «Геркулес» из Великобритании. Они оказались новейшими обезболивающими, снотворными и анестезиологическими средствами, причём ни одно из них, оказав воздействие, не оставлял никаких следов в организме.

Перед Михал Иванычем и его присными стояла задача со многими неизвестными. Когда Джеймс Бонд начнёт свою акцию, с чего начнёт — со снотворного, обезболивающего или анестезиологии? Зачем «интеллигентам» яйцеклетка? Для изучения — двери широко распахнуты, чуть ли не каждый месяц симпозиумы да конференции проводятся по Рашен Баб во всём мире, даже в Росщупках. Может, для клонирования, чтобы потом как в инкубаторе выращивать боевых англо-саксов? И в какой стадии созревания яйцеклетки, ведь готовая к оплодотворению по расчётам местных специалистов будет весить сотни килограммов, с нею даже Джеймсу Бонду не справиться. Пришлось на старости лет Михал Иванычу обкладываться на работе книгами по гинекологии, чтобы докопаться до смысла задания английского супершпиона.

Начитавшись умных книг и представив всю трудность его задания, он даже посочувствовал Бонду. Надо же, отправить своего лучшего агента в такое место! Повторить подвиг сперматозоидов! И как ему, несчастному, разобраться с загадочными фолликулами, в жуткой темноте и тесноте, в слизи не ошибиться, изъять с хирургической точностью то, что нужно, а не кусок какой-нибудь брыжейки. Если бы Михал Иванычу предложили совершить такой подвиг, то он бы сказал её величеству:

— Увольте меня от такого задания, тётушка Лиза! Не нужен мне самый высокий орден Британской империи, ни к чему мне рыцарское звание сэра. Вложите, пожалуйста, шпагу в ножны, ваше величество.

Когда же он поинтересовался у своих подчинённых мужского пола, что такое фолликулы и какие они бывают, ответом было единодушное молчание.

— Как, вы не имеете представления, что такое фолликула? А ведь именно её, судя по всему, Бонд будет изымать. Сутки вам на изучение всего женского хозяйства, зачёт сам буду принимать! Учите матчасть! — неистовствовал он.

— А сотрудниц в качестве шпаргалок можно использовать?

— Вместо сальных шуточек подумайте лучше о том, как предотвратить изъятие яйцеклетки и как обезопасить Валентину!

Лучше бы этого он не говорил. На следующий день он получил рационализаторское предложение выковать гигантский пояс верности и заставить Валентину надевать его на ночь. Было ещё предложение, не менее оригинальное: сплести из стальных канатов для неё трусики, только погуще, чем плетутся заграждения против подводных лодок... Михал Иваныч выгнал из кабинетов рационализаторов, пригрозив, что их предложения будут учтены при проведении очередной служебной аттестации.

Сообщение о том, что англичане запросили разрешение для полёта транспортного самолёта «С-130 Геркулес» в Росщупки и обратно, прозвучало как набат. Теперь было ясно, в какой очерёдности развиваться событиям. Посадку запросили необычно рано, на семь утра, спустя час — вылет. Следовательно, Бонд должен ночью изъять яйцеклетку, а утром с нею улететь в Великобританию.

Михал Иваныч перевёл своих подчинённых на круглосуточный режим службы. Приказал не предупреждать Валентину: если он решил её усыпить — пусть усыпляет, если намерен применить наркоз — пусть применяет. Антидоты найдены и заготовлены, бригада медиков готова применить их, не нанося при этом ни малейшего вреда здоровью гигантши. Главное — взять шпиона с поличным.

Проба ужина Валентины, привезённая со «стойбища», не содержала ничего необычного. Гигантша, как обычно, легла спать в одиннадцать часов. Маленькая дверь для обычных людей в огромной входной двери в «светёлку» была взята под контроль.

В полночь водолазный костюм находился на месте. В час ночи, в два часа ночи... Напряжение нарастало, в Москве теряли терпение, спрашивали: а если водолазный костюм с маячком — отвлекающий манёвр? Каким образом объект может ещё выполнить задание? Михал Иваныч отвечал, что это исключено, вся территория просматривается в десять пар глаз, вооружённых приборами ночного видения, объект находится в модуле для приезжих и спит. Тогда Москва задала вопрос, от которого Михал Иваныч мгновенно взмок и пустил под язык спрей с нитроглицерином: а вы гарантируете, что он не изъял материал вчера, заморозил его и ждёт самолёт? Задержим с холодильником, исследуем его содержимое, генетический материал вывозить из России запрещено — хотелось ему прорычать в ответ.

Наконец, в четыре утра объект покинул гостиничный модуль. Направился к складу. Облачился в водолазный костюм, взял специальный опрыскиватель с обезболивающим средством, вышел из склада и исчез из вида. Михал Иваныч только хотел расслабиться, выпить стакан чаю, а тут опять сюрприз. Надел шапку-невидимку, что ли, или у него водолазный костюм изготовлен по технологии похлеще, чем стелс? И только миниатюрный маячок, незамеченный агентом, показывал, что он движется к «светёлке». Прошёл входную дверь, проник внутрь.

И тут Москва почти довела Михал Иваныча до инфаркта. Валентина просыпается в восемь утра, на это же время назначен вылет самолёта. Вы гарантируете, что объект не лишит её жизни через десять минут после вылета, преодолев двенадцатимильную зону территориальных вод? Да собьём его к чёртовой матери, хотелось крикнуть ему столичным перестраховщикам! Трясущимися руками ветеран спецслужб не мог взять, не расплескав, со стола стакан с уже остывшим чаем.

4 часа 36 минут. Видеокамеры не обнаруживают объект. Только минимаячок показывает, что он приблизился к спящей Валентине.

4 часа 38 минут. Видеокамеры показывают, что под ночным покрывалом гигантши что-то движется. Сигналы маячка подтверждают это предположение.

4 часа 45 минут. Сигналы маячка слабеют, что можно истолковать о проникновении агента в тело гигантши. Валентину что-то беспокоит, она неожиданно, не просясь, поворачивается набок.

5 часов 03 минуты. Валентина вдруг просыпается, укутывается покрывалом и покидает «светёлку». Идёт к удобствам во дворе — «светёлку» не успели оборудовать ватерклозетом, поскольку для обжига фарфорового стульчака надо было строить обжигную печь побольше металлургической домны. Человечество не располагало такой технологией.

Михал Иваныч видел, как охранники, они же его подчинённые, брызнули, словно тараканы, в разные стороны, боясь попасть гигантше под ноги.

5 часов 05 минут 42 секунды. В удобствах раздался характерный взрыв, маячок в этот момент ярко вспыхнул и погас.

5 часов 10 минут. Валентина включила систему смыва.

5 часов 12 минут. Вернулась в «светёлку» и легла спать.

Эту поминутную схему Михал Иваныч будет чуть ли не ежедневно приводить в своих бесчисленных объяснительных, поскольку Джеймс Бонд бесследно исчез. Возник международный скандал, британцы требовали тщательнейшего расследования исчезновения соотечественника. Журналистская братия, аккредитованная при Русиш Баб, придумывала самые фантастические версии исчезновения английского инвестора, вплоть до того, что русская Гигантелла нечаянно его проглотила.

Москва обвиняла во всём Михал Иваныча. Он был готов к разжалованию за срыв операции, отправке не на пенсию, а в запас. Десятки суперсыщиков и суперследователей поодиночке и в составе бригад ничего не нашли. Допрашивали всех обитателей «стойбища», в том числе и Валентину, — она ничего не сказала определённого. Потом приехали британские ищейки, затребовали сразу же записи видеокамер. А у нас никаких камер нет и быть не может, мы вообще смутно представляем, что это такое. Москва вколачивала в сознание Михал Иваныча: давно бы тебя разжаловали и выгнали, но это может британцев навести на мысль, что российские спецслужбы имеют отношение к исчезновению их соотечественника. Так что благодаря коллег Джеймса Бонда за то, что они как бы спасают тебя...

Весной поле рядом со «стойбищем» распахали и засеяли, и Валентине теперь негде было разминаться по утрам. Даже Казарлюга не смог повлиять на собственника земли. А собственник жил в посёлке ниже «стойбища», и тамошние жители были готовы на всё, чтобы гигантшу переселили в другое место. Благодаря ей в посёлке появилась гостиница для журналистов и туристов, два ресторана и несколько кафе, новые рабочие места, но всё равно большинство жителей было настроено враждебно.

Филолай пытался усюветить их, а ему в ответ говорили, что они боятся заболеть какой-нибудь заразой. Какая зараза, возмущался он, молочная продукция на вес золота, полмира мочой Валентины лечится! И даже фекалии перерабатываются на компост, с руками отрывают садоводы-любители, особенно цветоводы. Всё проверяется санитарными службами, лаборатория днём и ночью анализы делат...

— Без вашей огромной бабы жизнь у нас была спокойная. А как появилась она — сплошное беспокойство, проблемы за проблемами... — говорили наперебой ему и женщины, и мужики.

— У вас совесть есть? Она виновата в своей огромности?

— А мы — виноватые?

— Сочувствие к ней хотя бы имели. Ведь она несчастнее всех нас, вместе взятых. Она же русская, как и вы...

— Какая она русская? Таких в войну и после войны называли немецкими подстилками... Или овчарками... — кричала старуха, размахивая гневно клюкой.

Филолай в сердцах плюнул на дорогу, растёр плевок подошвой и воскликнул:

— Ох, и Ёськин же ваш котяра!..

И махнул безнадёжно рукой. Эх, люди-человеки, размышлял он, поднимаясь к «стойбищу», любого, если он не такой, как вы, готовы заклевать, сжить со свету. Сравнили Валентину с фашистскими подстилками! Время нынче другое. Не мечтала она выйти за иностранца, как некоторые, которым, хоть кривой, хоть косоротый да плешивый, но только бы не русский... Полюбились они с Вальтером, как она называла Фрица, значит, так, должно быть, небеса решили... Фриц прижимистый, но не предательский — не бросил же Валентину, когда она заболела своими размерами. И Ренатка, считай, жизнь свою ей посвящает. Оборотистая — страх и ужас, а не уезжат в фатерлянд, помогут брату, хотя самой пора вить собственное гнездо...

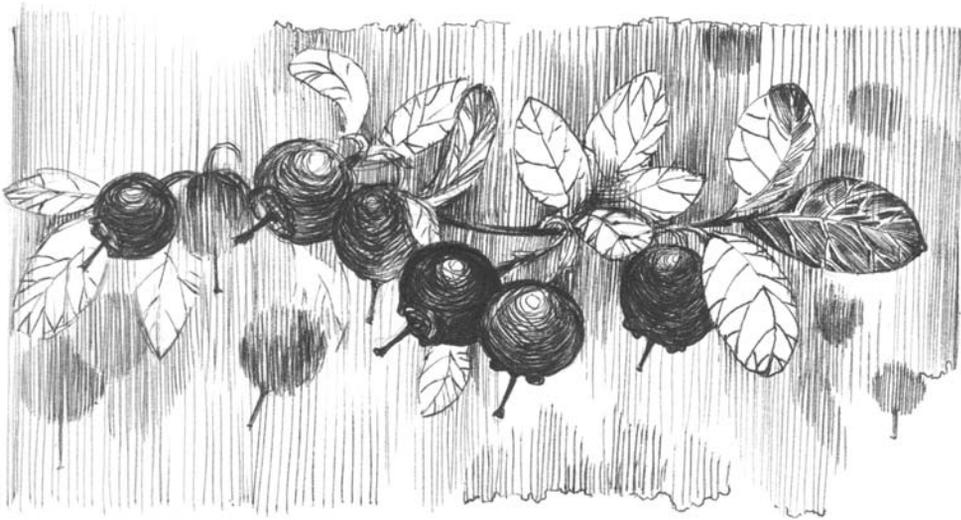
Филолая поражала выдержка Валентины. Ни разу он не слышал от неё даже намёка жалобы на свою судьбу. Житуха ведь — не приведи Господь, не молодайка, а дойная корова, сиднем сидит на «пьедестале», всё время на виду, ни семейного счастья, ни подруг, из всех развлечений лишь телепередачи на огромном экране. Раньше можно было хоть прогуляться и размяться на поле — нет, распахали. Хорошо, что море потеплело, и она приохотилась плавать по утрам. Идёт от «стойбища» по дороге, всё равно что по узкой дощечке — ступня шире дорожки, идёт подальше от посёлка, спускается по крутому берегу к воде и плавает. Корреспонденты любят шнырять вокруг неё, когда она купается, но боятся подплывать поближе — не ровён час от волн, которые она поднимает, их посудины могут опрокинуться и затонуть.

Как-то она заходила в море и наступила на что-то колючее, чуть не поранилась. Нырнула и вытащила затонувший немецкий бронекатер. Размахнулась и швырнула на берег — на металлом мужикам из посёлка, как потом объясняла. От взрыва по-вылетали стёкла в посёлке. Хорошо, что она в этот миг нырнула, хотя осколки густым дождём и море вспенили. Никого не ранило, только уругвайского телеоператора контузило — слишком близко подошёл к краю обрыва, снимая репортаж о купании Рашен Баб.

Зиму Филолай перенёс тяжело. Хмарь, сырь, слякоть, полурастаявший снег падают из тёмных небес, нагонят тоску. В студёной Сибири, в самые морозные дни, когда в тайге трещат, лопаясь, стволы деревьев, гулко трескается лёд на реке, он с собаками, случалось, ночевал в снегу, но не простуживался. А здесь дважды валялся в постели с высокой температурой, натужным кашлем и обильными соплями.

«Перелетую, — обещал он себе, — а осенью вернусь домой, отпрошусь у внучки на охоту. Ещё одну здешнюю зиму не перенесу... Сосед пишет, что собаки Стреляй и Лиска нынче не ходили в тайгу. Лиска ошенилась, принесла полдюжины маленьких Стреляев».

Потеплело на душе старого охотника, когда он вспомнил неторопливого и основательного Стреляя, не струсившего при встрече с шатуном, и острую мордочку рыже-

ватой Лиски, с двумя хитрыми тёмными глазками-пуговками, понимавшую хозяина с полуслова...

Но ехать в родные края ему пришлось в начале июля.

Однажды рано утром раздался утробный вопль гигантши:

— Бздики хочу! Бздики-и-и...

Вопль был такой силы, что его слышали в Росщупках и соседних населённых пунктах. Минут через пять вопль повторился, а потом Валентина горько зарыдала. Усиленный телекомпаниями вопль зазвучал на всей планете. Тысячи людей забросали интернет вопросами, что собой представляет бздика. Ожилились сетевые форумы, русскоязычные знатоки на них утверждали, что правильнее писать «бзника» и вообще — это паслён. Юзеры, владеющие русским языком как иностранным, настаивали, что это солнечная ягода, так называемая санберри. Но поскольку сознание россиян за последние десятилетия катастрофически было криминализировано, то любители уголовной фени стали утверждать, что Рашен Баб имела в виду бзик, то есть наметила какую-то кражу. Телекомпании подхватили новость...

От неожиданной выходки супруги Фриц растерялся. Бросился к деду Филолаю, в расстроенных чувствах позабыв русский язык:

— Вас из даст — бздика?

— Вас ист дас — бздика?! — переспросил Филолай, не переводя вопрос на русский. — Голубика, голубица, гонобобель, ягода такая, растёт на болотах. В наших местах её называют бздиной. Разве ты забыл?

— А-а-а, голубика! — вспомнил Фриц и шлёпнул себя по лбу. — А сейчас её можно собирать?

— За милую душу. Бабы её сейчас вёдрами несут, вот Валька, видать, и вспомнила...

— Орднунг! Надо объявить бабам, чтобы они несли нам бздику по цене один килограмм один доллар. Дадим объявление в СМИ — пусть и в других районах собирают. А она сейчас вкусная? — без всякого перехода интересовался немец.

— Особого вкуса в ней нет, просто живая ягода. Её и мочить можно...

— Как — мочить? В сортире?

— Наслушался политиков, вот и не понимаешь. Мочить — это квасить.

— Квасить? То есть пьянствовать?

— Вот немчур! Квасить — это квасить. Капустку квашеную ведь жалуешь, хороша капуста в закуси, ась? А вот что такое квасить — не кумекаешь.

В этот момент их позвала гигантша. Подставила им ладонь и вознесла к своему лицу.

— Дедушко, — всхлипывая, она обратилась к Филолаю, — достань хоть ведёрко... Бздика в наших краях созрела... Сил моих нет, как хочу...

— Валюша, дорогая, успокойся, пожалуйста, — утешал её муж. — Спиридон Кириллович сегодня же полетит в Сибирь... Вы же улетите сегодня, Спиридон Кириллович? Вот и прекрасно! Купите там не ведёрко, а тонну бздики и привезите сюда самолётом...

— Дедушко, боюсь, что тонной не обойдусь. Поезжай домой, организуй сбор ягод и присылай сюда вагонами... Всю, сколько ни пришлешь, съем! Не жалей, Рыжик, денег!..

— Потерпи, внучка, маненько, будет тебе бздика!

Перед тем как Филолаю отправиться в аэропорт, Фриц вместе с ним пошёл к журналистам. Рассказал им, что такое бздика, дал слово старому сибиряку.

— Бздика — ягода не знатная, да и вкуса особого не имеет... Одним словом — свежая, а поскольку свежая, то с витаминами. Полезная сильно... Хороша в холодном квасе... Человека здоровым делат... Едят свежей, варенье бабы варят, вино себе ставят... Её и мочить можно... — перебирал, запинаясь, слова Филолай.

— В сортире? — опять кинул вопрос какой-то острослов.

— Ежели в ваших головах ничего, кроме сортира, нет, то мочите и в нём! — мгновенно нашёл старый варнак и награждён был аплодисментами.

— Голубику ещё называют пьяникой или дурникой. Может, Рашен Баб нуждается в алкоголе или наркотиках?

— Валентина даже пиво в Германии редко употребляла, не говоря о более крепких напитках. И наркотики — тоже! Посмотрите результаты анализов на нашем сайте! — вступилась за невестку Рената, побаиваясь, что из-за подозрений могут упасть их доходы.

— У меня просьба к вам, разбойники пера и телевизора! — осмелел Филолай. — Передайте в Сибирь, в Североленскую область, что я лечу в родные края обеспечиват внучку бздикой. Пусть славные наши сибирячки собирают голубику и продават мне, а ценой мы не обидим. Сильно соскучилась Валя по нашеньской ягоде! Очень прошу, милые наши женщины, подмогнуть нам... Сегодня, в крайнем случае, завтра, прилечу в Североленск...

В областной центр Филолай прилетел в седьмом часу утра. Несмотря на столь ранний час, его встречали североленские газетчики и телевизионщики, но самое неожиданное — представительницы общественного комитета «Валя Сыромятникова». Этот комитет вчера организовал закупочные пункты в районах области, обратился с просьбой к населению области собирать и сдавать бесплатно ягоду для землячки.

— Не годится! — возразил Филолай. — Кто может бесплатно — низкий им поклон, а кто хочет за деньги — по доллару килограмм!

С помощью женщин-общественниц Филолай организовал отправку первых ягод самолётами, а потом, как и договаривались, вагонами-рефрижераторами. Фриц снабдил его спутниковым телефоном.

В родной Чаговке Стреляй с Лиской встретили Филолая возле калитки — радостно полаявая и повизгивая, прыгали на него, норовили лизнуть лицо. Лиска лизала шер-

шавым языком ему руки. Он присел на корточки, обнимая своих верных помощников, и приговаривал с дрожью в голосе:

— Приехал вот, приехал... Пойдём на охоту, пойдём на всю зиму, ласковые вы мои...

Соседка Кузьминична, которая присматривала за собаками, наблюдая трогательную встречу, не совладала с чувствами, вытирая уголками косынки глаза.

— А эти, эти как на тебя смотрят! — воскликнула она, показывая на шестерых пушистых щенят, очень похожих на Стреляя, которые напряжённо смотрели, как их отец с матерью встречают своего хозяина, но не смели приблизиться к нему.

— Ну, молодёжь, идите, идите сюда, — поманил рукой Филолай, и они дружно, виляя короткими хвостиками, двинулись к хозяину за первой лаской.

Прослышав, что Филолай объявился в Чаговке, к его избе потянулись односельчане. Он выставил угощение, закуской подмогнула Кузьминична, рассказывал и рассказывал о Валентине, ставшей всемирной знаменитостью и самой гигантской женщиной в истории человечества. Подвыпившие мужики наперебой утверждали, что пускай знают в Европах наших, а бабы, сокрушаясь, качали головами и спрашивали Филолая:

— А отчего она стала такой, отчего?

— Самые знаменитые учёные ответить не могут! — с гордостью утверждал он.

— Говорят, что не только её молоко торгуют?

— Ещё как торгуют! И мочой, и компостом из её говна! А переливание крови — один сеанс стоит десять тысяч долларов! Миллионеры со всех континентов в очереди стоят. Кровь-то у неё для всех подходит, омолаживает живоглоотов.

— Мог бы и ты омолодиться! Или зелень Валька требуют?!

— Мне-то зачем? Я своё в жизни оттоптал. По новой кружить? И где тут радость?

— Слышали мы, что ей бздика сильно захотелось. Так мы с дорогой душой, правда, бабоньки? Уродилась нынче бздика. Передай ей, что мы завтра же идём всей деревней на болота...

— Сами и скажите ей! — Филолай взял в руки радиотелефон и попросил Фрица трубку передать Валентине — народ жаждет говорить с односельчанкой.

Каждый из присутствующих хотел лично поприветствовать знаменитую землячку, причём разговор свой начинал с вопроса, мол, ты узнала, кто с тобой говорит... Если она узнавала по голосу, то односельчанин или односельчанка гордились этим, но в десятый или двадцатый раз спрашивали о том, как она живёт, обещали прислать чаговской бздики. Филолай уже пожалел, что решил прихвастнуть радиотелефоном, но терпеливо ждал, пока все желающие не натешатся средством связи.

— Дедушко, спасибо тебе за ягоду, — так громко сказала Валентина, что слышали все присутствующие. — Ничего вкуснее в жизни не едала! А самое главное — худеть начала. По тонне ежедневно вес сбрасываю. Так что шли и шли мне бздику...

Новость тут же сподвигла мужиков выпить за бздику, вон у нас какая — доктора ничем не могли помочь, а наша бздичка чудодействие оказала — по тонне Валька ежедневно худеет. Бабы не возражали, уж очень тост был уважительным и необходимым.

«Неужто, правда?!» — спрашивал себя Филолай, налаживая в избе внучки телевизор через спутниковую тарелку. С тех пор, как Валентина уехала в Германию, в избе никто не жил. Пахло затхлостью, везде была пыль, но Филолай включил телевизор, тот заработал, явил сочные цвета, как новый. Дождался передачи последних известий и точно: в репортаже со «стойбища» говорилось, что у русской гигантши начался явный процесс похудения. Учёные связывают его с употреблением Валентиной в гигантских количествах сибирской ягоды под названием «бздика». Отдача молока

также снижается, но все, кто употребляет её молочные продукты, единодушны в том, что все они худеют. Расстаются с лишним весом также любители уринотерапии. Не говоря уж о тех счастливицах, которым вливают кровь сибирской Гигантеллы.

«Ох, развернётся Ренатка, ох, развернётся», — только подумал Филолай, как по радиотелефону позвонила она сама.

— Спиридон Кириллович, немедленно надо увеличить поставку бздики в Москву! Я там создаю фабрику по расфасовке и выпуску новой продукции под названием «Бздика Рашен Баб» — для мирового потребителя. В вакуумной упаковке. В сочетании с заморозкой ягода будет пригодна к употреблению в течение нескольких месяцев. Даже в течение года, то есть до нового урожая. Средство для похудения пользуется огромным спросом. Создавайте приёмные пункты по всей Сибири, платите хорошие деньги штатным работникам, повысьте цену до доллара пятьдесят центов за килограмм. Я в ближайшие дни прилечу в Североленск...

«Ох и хватка у Ренатки!» — мысленно воскликнул Филолай и отправился в свою избу, чтобы выспаться хорошенько перед полётом в областной центр.

А утром не выдержал, вместе со Стреляем и Лиской пошёл прогуляться в тайгу. Благо, что самолёт прилетал в полдень, а до тайги рукой подать. Утро стояло тёплое и солнечное, однако Филолай не пошёл дорогой, по которой ходили все, а пересёк росный луг, расцвеченный ярко-жёлтыми жарками, и направился к болоту, которого жители Чаговки старательно избегали. Оно слыло в качестве заколдованного места и название носило соответствующее — Бучило. На его счёт относили пропажу в тайге односельчан. Филолай к репутации Бучила относился уважительно, не пытался покорить его — даже зимой, когда болото сковывало льдом, он не раз находил незамерзающие и бурлящие болотным газом места.

Старый охотник знал, что посреди Бучила есть остров, на который можно посуху попасть и летом. Островок был заветным местом Филолая, там росла тьма бздики, а на полянке повыше было царство красноголовиков. Он не ошибся, пришёл в их пору — подосиновики усеяли всю поляну. Ядрёные, крепкие, все как на подбор. Филолай остановился перед ними, душа его отозвалась благодарной болью к родному миру. Он, сдерживая слёзы, перекрестил красноголовиков, и пошёл назад, думая над тем, что больше не поедет к Чёрному морю — матушка-Сибирь не отпускает, так что, дорогая Валюша, родная наша Рашен Баб, прости великодушно...

Мир снова сошёл с ума. Слово «бздика» молниеносно вошла во все языки планеты, как в своё время «спутник». Валентина стремительно худела, вторую неделю питалась только ягодой из Сибири.

Десятки миллионов женщин, особенно из США, мечтающих поубавить свои запасы целлюлита, бросились на поиски «бздики», исключительно сибирской и только от Рашен Баб, поскольку никаким предпринимателям, предлагающим гонобобель в различных видах не доверяли. Поэтому Валентине трижды в день из местного отделения почты привозили горы писем. Рената наняла целый штат женщин со знанием иностранных языков для обработки корреспонденции. За каждым письмом стояла конкретная покупательница, причём постоянная потребительница ягоды или продукции из бздики: сока, джема, ягоды в сахаре, настойки, коньяка на бздике, диабетических конфет с начинкой... Производители тортов, пирожных и мороженого завалили предложениями поставлять им концентрат ягоды. Рената, понимая, что надо пользоваться моментом, прилетела в Североленск, где в течение нескольких суток

сумела организовать заготовку ягоды, её переработку и отправку продукции. Власти Североленска принимали её с распростёртыми объятиями, помогли приобрести промышленные холодильники для замораживания ягоды, в считанные часы рабочего дня оформили покупку крупного пищекомбината. Естественно, не за красивые глаза Ренаты, светящиеся предпринимательским азартом, а с помощью всеускоряющих откатов. От Филолая толку в этих делах не было ровным счётом никакого, поэтому, кроме толстых конвертов, Ренате пришлось давать взятки власть имущим в виде членства в совете директоров концерна «Сибирская бздика Рашен Баб», ставить их людей на важные должности. Со временем Рената планировала переехать в Северодвинск и руководить концерном, поскольку Филолай постоянно твердил, что за местными начальничками «нужно глаз да глаз». Запустив производство, Рената вернулась в Росщупки, чтобы дать возможность Фрицу отправиться в страны Европы и Америки и создать там сеть опорных баз для распространения бздики.

Похудение Валентины шло очень быстро, по несколько тонн в сутки, и поэтому Фриц или Рената должны были находиться неотлучно при ней. Хотя за состоянием её здоровья следить вызвался сам знаменитый профессор Курт Майер — уж очень пациентка была необычной, поэтому и приехал в Росщупки медицинское светило во главе команды своих сотрудников, обслуживавших диагностический комплекс. Реклама для клиники профессора была оглушительной, поскольку он каждый день давал прессе интервью о состоянии здоровья Рашен Баб, которое оставалось безупречным. Но Фриц и Рената поочерёдно на всякий случай находились на «стойбище».

И такой случай вскоре наступил. Хорошо, что Фриц не успел уехать в Западную Европу — Валентину срочно следовало освободить от пломбы в зубе, а всеми связями с дантистами, кроме отсутствующего Филолая, обладал только он. Кости у Рашен Баб, в том числе и зубы, постепенно уменьшались, а пломба превратилась в камень, торчащий во рту. Та же бригада, как и в первый раз, тайно и под покровом ночи отпилила ползуба и удалила пломбу изо рта гигантши с помощью подъёмного крана «Ивановец». На оставшуюся часть дантист обещал нарастить зуб, как только похудение Рашен Баб приведёт её в какую-то норму. На следующее утро Фриц Майер о ночном происшествии корреспондентам и не заикнулся — его люди жили не на «стойбище», а в городе.

Население Росщупков приуныло: Валентина стремительно худела, и это почему-то не ускоряло переименование их поселения городского типа в город Валентиновск. Возникла угроза, что туристов скоро поубавится, следовательно, и доходы упадут. Глава администрации пгт Иван Петрович Большаков, он же Казарлюга, пребывал в отвратительном расположении духа — удои у Валентины падали, производство чудодейственной молочной продукции скукоживалось. И наступил момент, когда Валентина настолько похудела, что у неё вообще пропало молоко. Курт Майер немедленно оповестил об этом мировую общественность, добавив при этом, что состояние здоровья фрау Вольф по-прежнему остаётся идеальным.

Казарлюга однажды шлёпнул себя дланью по лбу — пришла мысль сделать источником доходов её идеальное здоровье. Наняв целую банду всевозможных экстрасенсов, знахарей, колдунов и магов, он развернул беспрецедентную кампанию по обласкиванию публики, помешанной на всяких чудесах, уверяя, что нахождение любого человека в пределах ауры Рашен Баб излечивает его от всех болезней. Идеальное здоровье у Фрица и Ренаты, почувствовали оздоравливающее влияние многие представители средств массовой информации, аккредитованные при Рашен Баб. Её дедушка по прозвищу Филолай, которому перевалило за восемьдесят пять лет, по-

чувствовал себя настолько прекрасно, что поехал в Североленскую область, чтобы снова, в седьмой раз, жениться.

Вокруг «стойбища» в считанные дни вырос город из палаток, автомобилей, передвижных домиков, население пгт Росшупки выросло в несколько раз, поскольку под жильё сдавалось всё, что имеет хоть какую-то крышу над головой. Руководительница местной санитарно-эпидемиологической службы Татьяна Степанова пришла в ужас от нашествия больных и увечных, опасаясь, что среди них найдутся прокажённые или заражённые такими экзотическими заболеваниями, которые окажутся не по зубам отечественной медицине. В Росшупки были направлены несколько передвижных лабораторий родной службы Степановой, а также поблизости «стойбища» развернул свой комплекс мобильный госпиталь МЧС.

Краевые и центральные власти увещевали Казарлюгу прекратить пропаганду излечения больных аурой Рашен Баб, грозили отдать под суд за мошенничество, а он потирал руки — орда, как он называл приехавших поправить своё здоровье, приносила ему лично и бюджету пгт огромные доходы, которые позволяли не бояться угроз вышестоящих бюрократов. Они организовали публикации и цикл телепередач с известными учёными о том, что аура Валентины Вольф не может никоим образом являться лекарственным средством, в ответ — поток жаждущих избавиться от болячек ещё больше возрос.

Фриц тоже не дремал — огромная «светёлка» стала для Валентины, уменьшившейся в несколько раз, слишком просторной, поэтому он разделил помещение по полам, возвёл стену из деревянного бруса, чтобы обеспечить покой жене. В новом помещении Фриц организовал сооружение так называемых лечебных двухэтажных нар для желающих получить волшебное влияние ауры Рашен Баб по тысяче долларов за ночь. Хотел в помещении организовать ещё несколько этажей, но пожарные даже взятки отказались брать: концентрация около тысячи больных в лечебной части «светёлки» была опасной в случае возникновения пожара. Кроме того, многие из больных с трудом передвигались, не редкостью были и психически неуравновешенные.

Раз в день, ровно в полдень, Валентина обходила весь город, возникший вокруг «стойбища». Для этого расширили его улицы, чтобы гигантша могла идти без опасений раздавить кого-нибудь. В первый свой выход по просьбе обитателей городка страждущие исцеления устроили давку, кричали ей приветствия на своих языках, а потом, как муравьи, облепили её кроссовки, пытались приложить ладони к оголённым частям ног. Испытывая гадливость, она простояла посреди обезумевшей толпы около часа, не смея сдвинуться с места, поскольку ей в этом случае пришлось бы наступать на людей. Идея исцеляющего обхода принадлежала Казарлюге, ему же и выпала честь вызвать по тревоге для освобождения гигантши полк внутренних войск. Теперь солдаты и сержанты полка, сдерживали с помощью бронетранспортёров напор жителей городка, когда Валентина медленно, чтобы всем досталось исцеляющее влияние ауры, шествовала по улицам.

Неутомимый на выдумки Казарлюга взорвал мировые СМИ пресс-конференцией, на которой объявил, что власти Росшупков и группа предпринимателей решили объявить конкурс на лучшее скульптурное воплощение всемирно известной Валентины Сыромятниковой (она же фрау Вольф или фрау Геркулес, она же Гигантелла, известная больше как Рашен Баб) с последующим возведением памятника в районе нынешнего «стойбища». Поскольку Валентина по своим размерам превышала даже габариты Родины-матери на Мамаевом кургане, то и будущий памятник должен быть соответствующим.

Сравнение с Родиной–матерью шокировало не только жителей России. По странам СНГ прокатилась волна возмущения. Негодование охватило всех соотечественников, даже тех, кто предпочёл из соображений «как бы чего не вышло» для них лично отмолчаться после того, как жюри разместило первые проекты. На одном из них Рашен Баб была изображена с поднятой правой рукой, указательный и средний палец образовывали букву V, знак победы. Гигантша торжествуя улыбалась, волосы её отбрасывал назад тугий встречный ветер. Кого она победила, оставалось загадкой. Но фишка, как говорят нынче, состояла в том, что скульптор предлагал внутри памятника разместить современный отель-лечебницу, поскольку оздоровительные свойства памятника жюри конкурса считало само собой разумеющимися. К этому проекту публика отнеслась практически равнодушно, ограничилась несколькими десятками ёрнических замечаний и сосредоточило своё внимание на следующем проекте.

Его автор предлагал изобразить Гигантеллу присевшей по-маленькому, с задорным выражением лица. Её руки поддерживали подол юбки, а между ног из причинного места била мощная струя — целый водопад, кстати, из минеральной воды, месторождение которой было обнаружено по методу «рояль в кустах» недалеко от «стойбища». Для усиления оздоравливающего эффекта предлагалось скульптуру возводить из бетона, куда в обязательном порядке добавлять знаменитую урину Рашен Баб. Как только этот проект был предан гласности, капитан то ли Тушин, то ли Копейкин окружил своим войском здание местной администрации, обещая снять осаду только в том случае, если жюри даст ему гарантийное письмо, что проект писающей Рашен Баб снят с рассмотрения. Мировую же прессу захлестнули сообщения о том, что в России отсутствует свобода творчества, что тон в российском обществе задают неосталинисты, для которых писающие мальчики являются допустимой нормой, а писающие молодые женщины считаются оскорблением общественной нравственности.

Не теряя времени, Большаков вознамерился на поле, примыкающем к «стойбищу», построить санаторий под названием «Идеальная фигура». Но вот незадача: владелец поля ни за какие коврижки не соглашался продавать землю. Даже по московским ценам как за квадратный метр жилплощади. «Ну и обнаглел!» — возмутился Казарлюга и дал своим подручным в течение сорока восьми часов собрать на упрямого фермера компромат и возбудить уголовное дело. Грехов у упряма нашлось выше крыши: банк, приближённый к администрации, считал его мошенником, поскольку он не погасил кредит, а купил себе бронированный, как у Шеварднадзе, мерседес. Налоговая инспекция в течение дня раскрыла его хитрую схему ухода от налогов, пайщики бывшего колхоза, которые передали фермеру свои доли, несколько лет не получали от него ни копейки... На третьи сутки упрямец был взят под стражу, на четвёртые — состоялся суд, который постановил провести аукцион по продаже земельных участков упряма и погасить таким образом кредит банку. Интересующее Казарлюгу поле приобрёл его доверенный деверь, а упрямый фермер отбивался в суде от налоговой инспекции, от бывших владельцев земельных паёв, наконец, наркоконтроль обнаружил, что он выращивал коноплю, и нашёл несколько мешков зелья в одном из хранилищ — и отправился бедолага мотать срок в мордовском направлении.

Теперь на поле развернулось строительство комплекса зданий санатория, разумеется, в бетон добавлялась урина Рашен Баб — подкупленные тележурналисты щедро снабжали своих зрителей документальными репортажами о строжайшем соблюдении оздоравливающих технологий. Казарлюге пришла мысль сделать всю территорию санатория оздоравливающей, и с этой целью пошли освобождаться отстойники с про-

дуктами жизнедеятельности Рашен Баб. Они осеменялись японскими эффективными микроорганизмами, которые должны были фекальные массы разложить на ценные аминокислоты и минеральные вещества в посадочных ямах под деревьями и кустарниками. Их по новейшей западной технологии сажали посреди лета, и опять же под присмотром прикормленных тележурналистов.

Когда содержимое главного отстойника практически было исчерпано, на дне вдруг обнаружился блестящий водолазный костюм, причём с предполагаемыми останками англичанина.

— Ой-ё-ё-ооо... — так выразил Михал Иваныч своё отношение к вести о том, что найден Джеймс Бонд в отхожем месте. Пусть они были противниками, но негоже разведчику так погибать — как бы там ни было, но в данном случае на руководителя росщупкинского отделения федеральной службы безопасности оказала влияние корпоративная солидарность. Не под лозунгом «Шпионы всех стран, соединяйтесь!», но всё же... Забылась даже обида на «интеллигентов», которые погубили его карьеру разведчика.

Но тот же Михал Иваныч снисходительно относился к вспыхнувшему среди подчинённых обсуждению происшествия. «Такой любитель женщин, а дырки перепутал!» — ёрничал младший офицерский состав. Им-то что, лишь бы позубоскалить, а на Михал Иваныча обрушился сель неотложных и запутанных проблем.

Прежде всего, он озаботился судьбой маячка, установленного на водолажном костюме Джеймса Бонда. Пришлось под покровом ночи поднимать костюм, отмывать его от нечистот, искать следы «жучка». Его как ни бывало — когда Гигантелла опорожнялась в ту ночь, то владелец права на убийство с такой силой был извергнут из прямой кишки, что от удара о бетонную стенку отстойника не только погиб или потерял сознание, но и лишился маячка, мгновенно пришедшего в негодность. Удар пришёлся и на него? Нельзя было давать британцам повод обвинить русских в преднамеренном убийстве подданного её величества да ещё и спрятать его в таком непрезентабельном месте.

Москва требовала найти злосчастный маячок, не торопилась ставить в известность англичан о найденных останках Джеймса Бонда. Но как найти в дерьме прибор величиной чуть больше головки булавки, может, его отсосали мощными насосами молодцы Казарлюги и закопали под корнями какого-то дерева в будущем дендропарке санатория? Было ясно одно — на водолажном костюме маячка не обнаружили, но Москва выдвинула предположение: а если при ударе маячок попал внутрь? Пришлось опять поднимать останки и обследовать каждый миллиметр поверхности водолазного костюма, искать злополучную дырочку в районе установки маячка. Михал Иваныч обливался обильным потом, думая о том, как придётся нелегко, если дырочка найдётся. Не нашлась!

Москва к результатам второго обследования отнеслась без энтузиазма, поэтому предупредила Михал Иваныча, что он несёт персональную ответственность за пропажу маячка, дала ещё кучу указаний и сообщила, что она не может больше тянуть время и ставит о случившемся англичан. Те взяли тайм-аут. Из Москвы прибыла следственная бригада, было возбуждено уголовное дело, а водолазный костюм с останками Джеймса Бонда всё лежал на дне отстойника — без присутствия британской стороны расследование застопорилось. Следователи по особо важным делам изъяли всю документацию у Фрица, имеющую отношение к деятельности совместного пред-

приятия с участием англичанина, и от нечего делать снова и снова допрашивали Валентину, поскольку она, пусть и невольной, но оказывалась убийцей.

— Простите, я его не приглашала в мою задницу залезать! — гремел её возмущённый голос на всю округу. — Тоже мне, убийцу нашли! Сколько раз мне рассказывать, что в ту ночь под утро я почувствовала, что надо идти в туалет по-большому. Когда вам приспичит, вы что — выясняете, не залез ли вам в жопу какой-нибудь английский шпион?

Ответ Рашен Баб следователям в разных вариантах передавали сотни телекомпаний по всему миру, и это вынудило англичан прислать в Росщупки своих следователей, которые при первой же встрече с прессой заявили, что Джеймс Бонд никогда не имел никакого отношения к спецслужбам её величества. Планета сотряслась от всемирного хохота.

Но англичане на этом не остановились. На второй своей пресс-конференции сообщили, что тот, кто себя называл Джеймсом Бондом, на самом деле был Ником Коком. Поскольку английское слово «соск» означает не только «петух», но и мужской половой орган, то у Ника на этой почве явно поехала крыша. Он заменил имя и фамилию, стал Джеймсом Бондом и пристрастился к разведывательной деятельности, покупал всевозможную шпионскую аппаратуру, в том числе и водолазный костюм, даже слал себе шифровки с заданиями...

«Вот это отмазка! — мысленно воскликнул Михал Иваныч. — Выходит, что мы занимались чокнутым шпиономаном, а не шпионом?! Вот это класс работы, вот что значит британская школа разведки... Опять переиграли меня «интеллигенты» по всем статьям...»

Краевое и федеральное начальство устроило ему кошмарный разнос, обвинило его в том, что он, не отличив сумасшедшего от шпиона, ввёл все службы контрразведки в заблуждение, инициировал проведение специальной операции «Бора», которая закончилась не только провалом, но и позором. Слово он, полковник Кондырев, должен был, находясь в Росщупках, проводить проверку в Великобритании, кто на самом деле Джеймс Бонд, как каждый британский сумасшедший может зафрахтовать военный С-130 «Геркулес», купить где-нибудь на пляже мягкий суперсовременный водолазный костюм, который не определяется ни одной системой обнаружения, разработать и использовать такой шифр, который «расколоть» асам дешифровки едва удалось... Не захотела Москва устроить пресс-конференцию с демонстрацией доказательств, не стала ссориться с МИ-6. И «интеллигенты», удовлетворённые тем, что шумиха и интерес к якобы лже-Бонду в мировой прессе пошли на спад, без предъявления каких-либо претензий российской стороне увезли останки покойного на Британские острова.

И тут Михал Иваныч, который со дня на день ожидал отправки на пенсию без торжественных речей, премий и подарков, узнал, что в Росщупки приезжает Джеймс Бонд. Его едва не хватил кондрашка от такой новости. Мэр Большаков сообщил ему, что это сын погибшего Бонда приезжает по наследственным делам. Михал Иваныч вздохнул облегчённо, однако дал задание своим подчинённым проверять каждого комара, который посмеет приблизиться к новоявленному Бонду, документировать каждый его шаг. Испытав на себе коварство британских коллег, он не исключал, что и этот может воспользоваться делами о наследстве, как прикрытием.

Наследником вплотную занялись полиция и наркоконтроль, и к гадалке ходить не надо — с наущения Казарлюги. По части обтяпывания своих делишек с помощью силовых структур ему не только в Росщупках, но и на всём черноморском побережье

не стало равных. В дела федеральной службы безопасности он не совался, не раз получал от них отпор, поэтому не любил полковника Кондырева, с нетерпением ждал, когда того отправят на пенсию.

Наследник, копия своего папаша, такой же рыжий и лупастый, но только посвежее, судя по сведениям и видеоматериалам, поступавшим Михал Иванычу, давал простор для вдохновения Казарлюги. Он приехал не один, а с «женой» Майклом, снял в местном отеле лучший пятикомнатный номер, который, конечно же, прослушивался и просматривался. Он добивался переоформления договора о совместном предприятии на него, но Казарлюга предъявил ему такие условия, в соответствии с которыми наследнику лучше было бы отказаться от собственности в Росшупках. К началу переговоров у Рашен Баб неожиданно пропало молоко — она продолжала стремительно худеть, и не существовало никаких прогнозов на тот счёт, что она вновь будет доиться. Фриц и Казарлюга дружно отказались от молочноперерабатывающего комплекса в пользу Джеймса Бонда-младшего, но тот требовал от них выплаты стоимости принадлежащей ему собственности. В ответ на это они пообещали подарить ему всю гигантскую «светёлку», которая стала даже для Рашен Баб слишком простой. Бонд-младший подарки не принимал, а требовал денег. Короче говоря, всё запахло длительными и сложными судебными тяжбами.

И тут росшупкинские службы подсуетились. Во-первых, педерастическая пара оказалась наркоманами, они попались при покупке ста граммов героина — наркоконтроль с блеском организовал и провёл операцию. Всё выглядело так, что Казарлюга добился того, что педерастов не арестовали, а взяли с них лишь подписку о невыезде. Во-вторых, полиция тоже не ударила лицом в грязь. «Жена» Майкл на Западе был известен борьбой за свободу сексуальных отношений с детьми, поэтому совершенно не случайно полиция нагрянула в номер-люкс, когда в его спальнях Джеймс и Майкл развлекались с мальчиками. Вскоре всё закончилось тем, что Бонд-младший передал всю свою собственность в России человеку Казарлюги и срочно вместе с «женой» вылетел в Лондон.

Известие об этом пришло Михал Иванычу одновременно с приказом об освобождении его от занимаемой должности в связи с выходом на пенсию. Приказ был ожидаемым, поэтому и не взволновал старого служаку, а мысли о Бондах не давали ему покоя. «И меня ЭТИ всё время переигрывали?! — сверлила мозг обидная мысль. — Нет, тут нужно смотреть с другой точки зрения. Да, у меня были просчёты. Но если бы их не было, я всё равно не смог бы даже на йоту воспрепятствовать тому, чтобы они стали ТАКИМИ». Если бы не несколько успешных антитеррористических операций, его многолетняя служба показалась бы полностью бессмысленной. В таких случаях вынимают пистолет из ящика стола. Он его вынул, но вспомнил о внучках, которых очень любил, вызвал дежурного, и когда тот явился, протянул ему пистолет и сказал чужим голосом:

— Примите оружие.

А Валентина продолжала стремительно худеть. В августе рост её составлял всего около пяти метров, а вес — меньше двух тонн. Она и раньше начинала утро с комплекса физических упражнений, которые выполнять было трудно, теперь же она, под руководством ассистентки профессора Курта Майера, поражала миллионы телезрителей изяществом и красотой своих движений, особенно исполняя шпагат.

— Герр Вольф, в результате наблюдений за вашей супругой, — заявил профессор в дверях кабинета Фрица, но сделал паузу, идя к предложенному ему стулу, — я пришёл к выводу, что причиной гигантизма стала реакция её абсолютно здорового организма на обычную пищу в странах Запада, а сейчас и в Восточной Европе, в том числе и в России. Особенно на так называемый фаст-фуд, перенасыщенный минеральными удобрениями, генетически модифицированными продуктами, средствами борьбы с болезнями растений, стимуляторами роста, разрыхлителями и консервантами. Организм вашей супруги — лакмусовая бумажка неблагополучия нашей цивилизации не только в области питания, но и вообще в образе жизни. В погоне за сверхприбылью наши организмы отравили, причём нередко с помощью стимуляторов аппетита, чтобы мы ели как можно больше и никогда не насыщались. Как только организм вашей супруги стал очищаться с помощью так называемой бздики, он стал приходить в естественную норму и естественное состояние. Я всё меньше сомневаюсь в том, что она прямой потомок легендарных гиперборейцев — за свою долгую научную карьеру мне ни разу не встречался идеально здоровый организм, как у вашей супруги. Поэтому я рекомендую вам уехать с нею в её родные места, пить воду и есть ту пищу, к которой она привыкла с детства. А я намерен опубликовать свою книгу с результатами наблюдений. Надеюсь, ваша супруга и вы не будете возражать против этого?

— Профессор, вы представите мою жену в своём труде в качестве подопытной крольчихи?

— Напротив, в моей книге фрау Валентина представлена как идеал для людей отравленной цивилизации.

— В любом случае, фрау Валентина должна дать своё согласие на публикацию сведений о своём здоровье. Они, как вам известно, составляют медицинскую тайну.

— Абсолютная норма не может составлять медицинскую тайну! — воскликнул профессор. — Медицинская тайна — это болезни. А их у фрау Валентины нет!

— Мы обдумаем ваше предложение.

— Только учтите, я не располагаю средствами, чтобы заплатить за разрешение. Моя клиника не получила от вас ни пфеннига за многочисленные услуги. Здесь я вправе рассчитывать на взаимность. Особенно если учесть, что моя работа имеет исключительно важное значение для судеб цивилизации.

Фриц встал, показывая тем самым, что разговор окончен, и протягивая руку профессору, подумал: «Наш милый и добрый Паганель решил своими откровениями оскотинить гибнущую цивилизацию? От его концепции сильные мира сего и камешка не оставят, сделают старика всемирным посмешищем!»

Теперь для разговора с женой не надо было ему возноситься ввысь в её пригоршне, даже старый «пьедестал» стал для Валентины высококоват. Поэтому для неё пришлось соорудить скамейку, на которой она могла сидеть. И теперь она брала при важных разговорах мужа на руки, чтобы избежать прослушивания сверхчувствительными микрофонами прессы. Когда Фриц появился перед нею, Валентина с улыбкой спросила:

— На ручки просишься?

— Угу, — ответил Фриц, и тут же Валентина подхватила его как маленького и держала на руке с таким расчётом, чтобы он мог шёпотом говорить ей прямо в ухо.

Он рассказал ей о разговоре с профессором и от себя добавил, что их Паганель находится явно не в адеквате: он намерен призвать человечество отказаться от современной пищи, но разве наркоманы способны дружно восстать против производи-

телей и торговцев наркотиками? Добавление не произвело на неё впечатления, зато она спросила:

- Он так и сказал, что мне нужно жить родных местах?
- Да, он так и сказал.
- Слезай с ручек.

Валентина поставила мужа на землю, поднялась и пошла к модулю клиники профессора. Не позвонила и не постучала в дверь, а хлопнула несколько раз по гофрированной оцинкованной крыше и позвала:

- Дорогой профессор, выйдете, пожалуйста!

Дверь открылась, и на пороге появился Курт Майер в рабочем сиреневого цвета халате, поднял голову, поблёскивая стёклышками пенсе.

- Я к вашим услугам...
- Идите ко мне на ручки... — засмеялась Валентина, подняла сухонького, почти невесомого по её масштабам, знаменитого учёного на руки и пошла медленным шагом по «стойбищу». — Вы просите моего разрешения о публикации моих анализов? Сразу отвечаю: да ради Бога, подготовьте необходимую бумагу, я попрошу мужа вызвать нотариуса и в его присутствии подписать бумагу.

— Спасибо вам огромное. Я никогда не сомневался в вашей доброте и великодушии. Запомните, я всегда готов оказать вам любую помощь.

— Меня беспокоит несколько моментов. Вот я худею, уменьшаюсь в размерах — не ожидает ли меня в этом случае судьба Гулливера, который из великана превратился в лилипута?

— Разумеется, нет! Но никогда не употребляйте абсолютно никаких средств для похудения. Никогда и ни под каким предлогом! Потому что ваш идеальный организм способен среагировать самым непредсказуемым образом.

- Вы советуете мне вернуться на север Сибири и жить там, как в резервации?

— О какой резервации вы смеете думать? Вы жили там в естественных условиях, употребляли здоровую пищу и воду. Таких мест в России много, слава Всевышнему, он не допустил повального заражения болезнями западной лжецивилизации. Более того, негативное отношение в России к однополым бракам — это результат недокорма её населения фаст-фудами и прочими суррогатами пищи. Они влияют на увеличение числа лиц с ненормальной сексуальной ориентацией. У меня собран материал для следующей книги. Это уже нравственный аспект проблемы, и обвинять Россию, что у неё нет демократии в этом смысле, — верх лицемерия и предвзятости. Похоже на претензии обитателей сумасшедшего дома на то, чтобы все спятили с ума!

Валентина пропустила мимо ушей спич профессора о ненормальной сексуальной ориентации и спросила его, когда она, по его мнению, станет обычной женщиной. Иными словами, когда она сможет улететь в Сибирь.

— Дорогая моя, вы можете улететь хоть сегодня! Это только пойдёт вам на пользу. Закажите транспортный самолёт и улетайте! А к своим размерам вы вернётесь месяца через полтора-два. Чем ближе к естественным размерам, тем процессы нормализации замедляются.

— Спасибо вам за всё! Я бы на радостях расцеловала вас, но у меня губы ещё такие огромные, словно ботоксные. Поэтому разрешите ограничиться воздушным поцелуем, — она прижала пальцы к своим губам и притронулась кончиком пальца к его щеке.

Необычное исполнение воздушного поцелуя спустя полчаса стало очередной мировой сенсацией.

Прошло ещё полчаса, и профессор Курт Майер огласил предварительные результаты своего исследования. Это была даже не суперсенсация, а бомба, но взорвалась она как мыльный пузырь, совершенно безвредно для кого-либо.

ЭПИЛОГ

В Североленск Валентина и Фриц вылетели неделю спустя после разговора с профессором. Специальным транспортно-пассажирским самолётом. Для Валентины пришлось убрать несколько рядов кресел, чтобы она могла лететь лёжа, остальные места Фрицу и Ренате удалось продать нескольким бригадам телекомпаний, решивших информировать своих зрителей до конца истории с Рашен Баб.

В областной столице Валентина не рассчитывала долго задерживаться, но пришлось присутствовать на собрании в концертном зале «Сибирская бздика Рашен Баб», где её единогласно избрали председателем совета директоров, встречаться с руководством области и региональными депутатами, которые предлагали избрать её депутатом в Совет Федерации от Североленской области. От такой чести она категорически отказалась, но в шуточной форме — на аренду для неё специальных самолётов бюджета области не хватит. Но не могла она отказаться от встречи с населением на центральной площади Североленска.

Рано утром следующего дня она отправилась пешком в родную Чаговку — ведь в Сибири и триста вёрст не считаются расстоянием. Трейлеры с «Магирусами» остались в Росщупках, всё имущество Фриц по бросовой цене продал Казарлюге, который сразу после отлёта Валентины в родные края объявил о создании мемориального музея Рашен Баб и даже соврал, что она обещала регулярно, если будут возможности, присутствовать на ежегодных научно-практических конференциях, посвящённых её феномену.

За Валентиной следовала кавалькада из машин с тележурналистами, которые снимали встречи населения деревень со знаменитой землячкой. Сразу за Валентиной следовала фура, которую нанял Фриц для перевозки одежды и обуви супруги, необходимого имущества для житья в Чаговке, еды и питья.

В первой же деревне Валентина рискнула с жадной выпить местной воды из ключа — ничего не случилось, во второй деревне пила чай, а в третьей и вовсе с отменным аппетитом съела целый таз жареных белых грибов, а от сибирского рыбного малосола Фриц, если бы и смог, за уши её не оттянул бы.

Великанша пребывала в прекрасном настроении, бодро шагала по полевым и таёжным дорогам, наслаждаясь красотой родных мест и полной грудью дышала целебным воздухом. Машины журналистов то и дело буксовали на таёжных «автостадах», и обязанностью Валентины стало вытаскивание их из грязи. Делала она это с радостью и прибаутками, а телебратия снимала и снимала её в такие моменты, готовя репортажи о путешествии Рашен Баб по Сибири. Правда, не всегда им удавалось связываться со своими компаниями даже через спутник, но все они, как говорили ей, снимали материал для своих будущих телефильмов.

Наконец, на третий день путешествия на взгорке показались чёрные кубики из родной Чаговки. Валентина терпела-терпела, сдерживая себя, а потом побежала. В деревне кто-то стал колотить в железку, висевшую возле сельсовета, и на окраине стали собираться люди. Впереди всех, конечно же, был дед Филолай с хлебом-солью. Она сразу по огромному размеру каравая, который еле удерживал Спиридон Кирил-

лович, поняла, что односельчане специально испекли его для неё. От проявления такой заботы Валентина чуть не расплакалась, но два ручейка из глаз всё же зажурчали.

Её бег спутал все планы сопровождающих, водитель фуры погнал машину на взгорок, слева и справа, выжимая из двигателей все лошадиные силы, пошли на обгон вездеходы прессы. Журналисты не могли пропустить трогательный момент встречи Рашен Баб с односельчанами. Великанша подняла на руки деда Филолая, отломив кусок от каравая, макнула его в гигантскую солонку из салатницы и оправила в рот с возгласом:

— От всей души благодарствую, родные мои!

В деревне нашлось жильё для Валентины — в бывшем колхозном зернохранилище, а поскольку ни колхоза, ни зерна больше не было, чаговцы завезли в хранилище несколько стогов запашистого сеголетнего сена. Предложили ей отдохнуть с дороги, но она прошла по деревне, а потом стала помогать деревенским женщинам готовить застолье в свою честь. Мужики посреди просторной улицы сбили из досок огромный стол, соорудили для неё соответствующий табурет. Фриц с несколькими из них выгружал деликатесы, припасённые в Североленске.

Когда необычный вечер под софитами телеоператоров подходил к концу, подвыпивший Филолай, разочаровав журналистов, взял в который раз слово.

— Всё, нет больше никакой Рашен Баб в нашей Чаговке! А есть Валентина Ивановна Сыромятникова, по мужу фрау Вольф. И ты, муж её, здесь больше не Фриц, тебя все знат как Вальтера. Живите у нас, добра у вас хватит, а деток вот нет. Так вы исправьте в ближайшее время эту недоработку да так, чтобы могли претендовать на материнский капитал... — шутка по поводу материнского капитала вызвала жидкие хлопки в ладоши. — А теперь, дорогая моя родственница, позволь преподнести тебе подарок, — он поднял объёмный баул и поставил его перед Валентиной. — Для тебя соболя и горноста я добывал, на шубу. Тебе, как нашей королеве, положен такой наряд. Говорят, аглицкая Лизка приглашат тебя в гости? У меня в городе есть отменный скорняк, он тебе такую красоту сварганит, соболя, отороченный горностаем, что у Лизки челюсть отвалится. Поезжай в самую студёную пору, чтоб по сезону быть в наряде... И, пожалуйста, как и раньше, не подведи родную Чаговку и Сибирь-матушку... Эх, Ёськин кот...

От переизбытка чувств или от недоброго предчувствия старый варнак вдруг, впервые за последние семьдесят лет, безутешно зарыдал.

До прихода в Чаговку бандероли с книгой профессора Курта Майера, с его автографом, в котором он сетовал, что современники, судя по его наблюдениям, стремительно расстаются с инстинктом самосохранения, оставалось несколько месяцев...

ДОБРОМ НА ДОБРО

Из переписки Виктора Астафьева, Евгения Носова, Виктора Политова

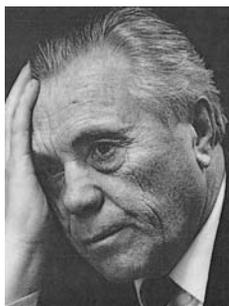
Первую свою повесть мой муж, донской писатель Виктор Политов однажды показал Ивану Данилову, своему земляку и другу из Кумылги, откуда все деды и родители Виктора. На вокзале Иван купил тоненькую брошюрку издательства «Огонёк»: «На, — говорит, — почитай, как надо писать!» Политов взгляделся: Виктор Астафьев... «Ясным ли днём». Имя автора было ему неизвестно.

«До сих пор жалею, что я её отдал кому-то почитать, — пишет Виктор впоследствии в одном из писем Астафьеву, — потому, что хорошее, что знаю я, мне хочется, чтоб узнали другие. Это было, если не сбредить, в 69 или 70 году...»

Впоследствии Виктор прочитал всё, что нашёл астафьевское, и понял: «Это же моё!» Родственность души оказалась такой, что толкнула его, при всей застенчивости и неуверенности в себе, к дерзости. Он послал Астафьеву с первым же письмом свою повесть про рыбаков: «Если у Вас найдётся свободная минутка, прочтите, пожалуйста». Это конец декабря 1971 года, судя по тому, что он поздравляет Астафьева с новым годом: «Почему я пишу именно Вам? Да потому, что читал Ваши книги. Читал и перечитываю «Последний поклон» — так раз, наверное, шесть».

11 января 1972 года Астафьев ответил коротко и откровенно: «Рукопись Вашу получил, но прочесть не успел — был очень занят (семинар, домашние дела), а сейчас срочно уезжаю на родину, в Сибирь — умирает брат. Когда приеду и прочту Вашу вещь — не знаю. Подождите, если можете...» — и даёт свой домашний адрес на случай, если Политов торопится. Виктор почувал: не «отписался» человек, а просто честен с ним. И стал ждать — «пан или пропал!»

Без даты, всё ещё называя Политова Виктором Ивановичем (к чести подобной Политов приучен не был), видимо, во втором письме Астафьев пишет: «Наконец-то добрался я и до Вашей рукописи. Прочёл с удовольствием. Талантливо, местами очень, хотя и есть налёт некоей романтической дешевизны, этакого бодряческого литературного допинга, коим заменяют настоящую жизнь и мускульную энергию авторы журнала «Юность» и киношники типа Герасимова, «отвечающие на насущные вопросы современности». (Свержение с котурнов высоко стоящих! Политов это тоже умел, полагаясь только на своё чутьё. Упрямо сопротивлялся поучающим за стихотворение «Песня жизни», что это «стихи для женского альбома», а учиться надо у Межелайтиса. Не клюнул он на эту удочку, отстаивая своё). И от души хотел над астафьевским сравнением: «А она, современность, как верблюд, бредёт

Виктор Астафьев

Евгений Носов

Виктор Политов

себе, жуя коноплю и запивая это дело «Экстрой» или современным вином «самогнали».

И серьёзная редакция Астафьева: «Повесть кончается на том месте, где мужики пристают к берегу. Всё! Дальше начинается трёп на тему: какие мы хорошие, хоть и заблудыги. Не надо этого. Всё там серьёзной и талантливой... И сократите повесть (а может, рассказ, а?) Рассказ, рассказ! Со сквозным сюжетом, непрерывным внутреним монологом, со взглядом обострённо-беспощадным, какой бывает на грани жизни и смерти... Сократите страниц до пятидесяти, будет очень славно, динамично и драматично». И оценка Астафьева, которая наверняка вдохновила Политова и прояснила ему его собственные способности, в которых наедине с самим собой он самоёдски сомневался: «А образности, внутренней самоборьбы, хорошего языка и даже пластичности в вещи уже достаточно».

В повести «По открытой воде» речь шла о рыбалке на Цымле, где девятый вал очень страшен из-за плоского дна. По поводу чего Виктор Петрович пишет: «Ну, даст Бог! Будем надеяться. (Астафьев уже объединяет с собой мало знакомого автора). Тем более материал необычный, не на Чукотке, не в Охотском море, а на своедельной луже погибают люди».

В каком-то из следующих писем (трудно определить их последовательность при отсутствии дат), Политов отправил Астафьеву поэму «Война». Эта тема всю жизнь не переставала волновать его, пройдя через сердце в детстве. Поэма, видно, была дружно забракована, судя по тому, что Виктор никогда её не печатал. Я нашла её в архиве, когда прочла письмо Астафьева. Но в замену Политов всё-таки написал стихотворение «Война»: «А я ни разу не был на войне, война лишь только раз прошла по мне, оставила на память боль увечья...» Лишился левой ладони, от которой осталось два пальца.

22 сентября 1972 года Астафьев отвечает Политову: «Дорогой Витя! (Я имя не перепутал?) Мне очень приятно посвящение, а ещё приятнее, что оно поставлено не над пустяком. Поэмка, а так же начало какой-то большой вещи, сколочено крепко, стих ладен и складен, местами от драматизма и накала повествования даже спину холодит. Думается мне, что надо эту вещь работать шире, глубже и дальше, делать что-то вроде повести в стихах, где бы правда о тех, кого война сделала бродягами и преступниками, была не только констатирована, но и со всей страстной и горькой правдой изображена. У нас очень не любят да и не умеют взглянуть на обратную сторону военной медали, потому что с обратной стороны от грязи и пота заводились ржавчина, гниды и прочие некрасивые вещи. То, что блестит и светится, всегда легче и спокойнее изображать, да и печатается это охотнее, а вот чем страшна война — то у нас как-то стыдливо замалчивается. А над «Войной» работайте, наберитесь сил и мужества, и коли я Вам какой-то пример, то возьмите из этого примера главное —

я сейчас... барахлит, а я работаю и работаю, потому что знаю, как коротка жизнь... Ну, это не в укор, а в назидание... Будьте здоровы, дорогой. Извините за почерк, совсем он у меня разгулялся от болезни, а и без того был небезупречен. Ваш В. Астафьев».

В поэжке были перечислены все язвы войны: что она не кончается с объявлением конца, что она продолжается в гибели друзей, в безотцовщине и детдомах, а иногда и в тюрьмах... Астафьев всё это принимает от Политова как должное, как от равного. Тут они сошлись. Хотя Астафьев УШЁЛ на ВОЙНУ восемнадцатилетним парнем, вернулся фронтовиком-инвалидом, а Политов ВОЙНУ ВСТРЕТИЛ семилетним, когда ОНА ПРИШЛА на Дон в его город, но разглядел и запомнил все ужасы, тем паче при детской восприимчивости и незащитности. Утоляя ребячье любопытство «игрушками войны», стал он инвалидом детства.

Всё, о чём писал Виктор Петрович Вите Политову, было пережито им самим. Именно трезвость взгляда на войну толкнула Астафьева в 1951 году — как протест против выдумок о войне — на его первый рассказ, «написанный неожиданно для себя и для всех» в городе Чусовой. Как откровенно писал Астафьев 5 июля 1959 года в письме П. В. Чацкому: «Пишу я девятый год. До этого... работал литейщиком, грузчиком, плотником, чистил помойки, выгружал вагоны, работал на сплаве. А до войны жил в детдоме, потом окончил школу ФЗО и трудился составителем поездов возле Красноярска. В 42-м ушёл добровольцем в армию. Там мне кое-что подбили, в том числе и глаз. Составителем я уже не мог работать. Образование шесть классов, здоровье подорвано — вот я и мотался...»

В статье «Дуэль длиною в жизнь» сборка «ЛГ» Юрия Беликова («ЛГ» № 17, 2014 г.) можно прочесть продолжение: «... мыл туши на колбасном заводе, был дежурным на станции. И всё-таки послевоенный голод не позволил им с женой уберечь первенца — дочь Лидочку. В Чусовом собственными руками построил крошечный дом тогда неведомый, а теперь всемирно известный писатель Виктор Петрович Астафьев. Там же, в Чусовом, случилось то, что послужило толчком к рождению его первого рассказа. На первом заседании литкружка при газете «Чусовой рабочий» автор — политотделец Иван Реутов написал рассказ, вызвавший возмущение Астафьева: там герой, вороном летавший в небе Отчизны, бил фрицев налево и направо, получил орден.

— Вот и напиши, ежели ты такой умный, как должно быть! — молвил ему ответственный секретарь редакции Александр Толстиков, сам начинающий писатель.

— И напишу, — заупрямился Астафьев. Он пришёл в подсобку колбасного завода и, что называется, в один присест, прямо в вахтенном журнале накатал своего «Гражданского человека», где всё было подлинным... Когда рассказ стали печатать в газете, горком партии обнаружил в нём крамолу, лишь письма рассерженных читателей заставили продолжить печатанье рассказа.

Из книги писем Астафьева, собранных и изданных Геннадием Сапроновым под названием «Нет мне ответа», которую называли дневником бесстрашного солдата, видно было, как строг к себе и другим, пишущим о войне, был Виктор Петрович. 24 февраля 1966 года А, М, Борщаковскому: «... Ездил на южный Урал к фронтовому другу, которого не видел 22 года, и который отыскал меня, потому что я в своё время помог ему раненому выбрести из-под огня и добраться до медсанбата... как и я не забываю тех, кто меня потом тоже доставил в медсанбат... Люди нашего поколения умели и умеют, слава тебе Господи, ценить добро и хранить его в памяти... Словом, пожил я у друга и увёз ещё более растревоженную душу и радостное сознание того, что я не осквернил... сочинительством память свою о войне. И если что о ней писать, то только так, как было. Покрывать морализованием и романтикой войну, как это хотелось бы кой-кому, — преступление перед мёртвыми и живыми друзьями... Блажь это литературная».

«Городом непризнанных гениев» нарёк Виктор Петрович в одной из своих затесей город Чусовой. Это здесь же он услышал из уст всё того же Толстикова:

— Виктор, писателя из тебя не выйдет, хоть тебе и помогает Марья! — Но, уже живя в Красноярске, он будет не единожды приезжать в город своей литературной юности. Чусовой сидел в нём и ныл неудалённой занозой». (Там же, «ЛГ») Не оттого ли так яростно звучат слова об изображении войны в письме к Политову?

Политов был хорошим читателем с незаурядной памятью, что удерживала не только стихи, но и прозу построчно. Как говорится, Бог ему дал много: у Политова было чутьё и на понимание литературы, и на понимание людей, а отсюда и на понимание социальных явлений. Думаю, право его оценивать что-то астафьевское основывалось в ту пору только с читательской точки зрения, он понимал своё творческое неравенство. В письме без даты Политов пишет Астафьеву: «Боялся я посылать Вам свою «Войну», тем паче, что посвятил её Вам, и хотелось сделать это от души, и чёрт знает, что получилось... Читал рецензию в «Правде» — «Испытание войной». Нет у нас критиков. Да и не верит теперь никто им. Сегодня говорит одно, а прижмут — запоёт другое. И, по-моему, ничего в этой статье не сказано о самом главном в Вашем творчестве, и чего в двух словах не скажешь... Да в Вашей прозе больше поэзии, чем её, этой поэзии, во всех нынешних стихах. Но не мне хвататься за такое, чтоб сказать что-то о Ваших произведениях. Я люблю их читать. Такая фраза: «Не надо меня никуда уносить, я убитый», вызывает во мне воистину священный трепет... Добрался до машинки, перепечатаваю рыбацкие повести «У затухающих костров» и «Тёзка, держись», что посылал Вам. И если они мне удадутся, и Вы позволите, то снова пришло. А больше мне всё равно посылать некуда и некому... Всегда Ваш внимательный читатель В. Политов».

О том, как много значило для Политова общение с Астафьевым, видно из следующего письма Виктора Политова Виктору Астафьеву:

4 ноября 1972 года: «После Вашего ответа я словно ожил. Снова хочется работать, что-то делать, к чему-то стремиться. А то я, бывает же так, закружился в трёх соснах, совсем потерял веру в себя, ну и всё с этим связанное. «Чайки», действительно, сопливая вещь, я и сам чувствовал, но смутно. Поправляйтесь, Виктор Петрович! По-человечески вам желаю хорошего отдыха и полного восстановления сил. Всегда Ваш В. Политов».

В письме от 19 ноября 1972 года Политов пишет Астафьеву: «Получил ваше письмо уже в Саратове. Спасибо. Рад, что Вы немного взбодрились. А на рыбалку приезжайте ко мне на Дон. Не знаю, как у вас в ваших вологодских краях, но у нас ещё можно с удочкой в руках отрешиться ото всех мирских забот. Хорошо этим летом брал лещ на блины... Хотя я предпочитаю ловить чехонь и рыба, вялка добрая... Купил с неделю назад здесь в киоске случайно Вашу книгу «Ясным ли днём». В последних трёх новых рассказах слишком много эпитетов, красоты, поэзии. Природы много, что ль? «Затеси» мне нравятся больше. Но это «на вкус, на цвет», как говорится. Я, например, самой сильной Вашей вещью считаю «Где-то гремит война», а многим больше нравится «Звездопад».

Судя по тому, что Политов написал Астафьеву сто писем в ответ на его сорок шесть, писал он, не дожидаясь ответа, писал, потому что «больше писать было некому», Астафьев ещё не познакомил его с Евгением Ивановичем Носовым.

10 января 1973 года Астафьев пишет Политову: «Дорогой Витя! После тяжёлой и долгой болезни я первый раз за столом и как и что напишу — не взыщи, голова ещё плохо работает. Во время болезни, когда уже мог читать, но не мог работать, я прочитал все скопившиеся у меня рукописи, в том числе и твою повесть. Она мне,

в общем-то, понравилась. Способности твои несомненны, именно в прозе они более прочно стоят на ногах, чем в поэзии твоей. Повесть интересна, достоверна, порой больших музыкальных высот достигает и крепко берёт за душу (все куски в избушке бакенщика, и когда Дон рыбаки переходили, а девчонка думала: «Перетонут», и этот восхитительный разговор «не о том»: «Не нашла ещё жениха-то?») Вот это и есть высшее мастерство, когда говорят одно, а ты знаешь совсем другое и понимаешь горе ещё острее, нежели когда о нём прямо говорят... Всё хорошо. Повесть можно бы и надо бы печатать. Но... Витя, етит твою мать! У тебя в повести, как у неряшливой бабы, — так всё разбросано, не прибрано, не заправлено. Да застегнись ты, ради бога! Это ж литература. Она никакой расхристанности не терпит... Всё разбей на главы и подглавки — оформи ты профессионально рукопись-то! И перечитай её наново. И тогда «Дон» ли, «Современник» ли, либо «Октябрь», либо «Молодая гвардия» напечатают её. Писать-то ты умеешь... Если в «Доне» не напечатают, присылай её мне, но уже в божеском виде (иначе верну) ... Много рыбалки. Я-то готов про неё хоть неделю подряд читать, про сам процесс, но учти, что не все читатели рыбаки, попадаютя и мудаки, им больше про любовь, чем про лещей читать охота. Кстати, насмешил ты меня, когда позвал рыбалить леща... на блины! А как он, сука, ваш донской лещ, на шоколад «миньон» и на пирожные «наполеон» ещё не берёт?.. Блины-ы! Тут лещам жрать нечего, а лещам — блины!!! Хотя им на постном масле. Ну, обнимаю тебя. Из-за болезни ещё на льду не бывал. Твой Виктор Петрович Астафьев».

Теперь речь шла о повести «У затухающих костров».

21 января 1973 года Политов отвечает: «Не знаю, то ли благодарить Вас, то ли ругать. И зачем Вы в таком состоянии чужими рукописями занимаетесь?.. Не ухаживать за Вами надо Марье Семёновне, а бить хорошенько. А то, что я Вас блинами рассмешил, так это хорошо...»

18 февраля 1973 года Политов: «Я-то могу часто письма писать, у меня адресатов раз-два и обчёлся...»

Астафьев посоветовал Политову отправить рукописи уже широко известному курскому прозаику Евгению Ивановичу Носову, с которым Астафьев близко сошёлся на высших литературных курсах в Москве в шестидесятые годы и с тех пор считал его близким и надёжным другом, «корешем», «почти братом». В письмах к Политову Астафьев впоследствии не раз писал о Носове: «Золотой человек! А Рыба-а-ак!»

Когда Политов гостил у Астафьевых, ещё живущих в Вологде, был при нём такой случай: кто-то пишущий из окружения Астафьева был очень назойлив, настаивая, что он, де, «друг». Астафьев со всей откровенной резкостью остановил его: «Какой же ты мне друг?! Мои друзья — пара-тройка оставшихся в живых фронтовиков да ещё Женя Носов, которые не побоятся мне и в тюрьму передачку принести... Дру-у-уг!!!» Политов, сам человек резкий, был смущён этим откровением.

С друзьями, такими как критик Макаров или Носов, Астафьев был другим. В 1971 году у Евгения Ивановича Носова в издательстве «Современник» должна выйти очередная книга. Астафьев написал вступительную статью «Как тот заречный огонёк», на что Носов так откликнулся: «Прислали мне из «Современника» твою вступительную статью... Ну ты, брат, разукрасил меня: по буханке хлеба съедаю! Правда, если посмотреть на мою фотокарточку, которую дают в книжке, то поверят: и две буханки слопаю... А в общем-то написано славно, аж я растрогался. Спасибо, Витёк! В «Современнике» уж всем расхвастались этой статьёй».

В этой статье Астафьев писал: «Познакомился я с Евгением Носовым в Москве, на высших литературных курсах. Мы были соседями — жили через стенку. Комната моя не отличалась покоем или безлюдностью. Всегда в ней стоял дым коромыслом,

грохотал мужицкий хохот, а то и пение раздавалось. Сосед мне попался терпеливый, он и сам любил наведаться на «огонь», вставит, бывало, ногу в притвор, слушает, улыбается себе под нос иль одними глазами и никак не проходит в комнату. «Я хоть дым лишний в коридор выпущу, кроме того, у меня компот на кухне варится, боюсь, всплывёт...» И слушал дальше. Но вдруг поднимал левую руку и, сжав её в кулачище, бросался в разговор, как в драку. Чаще всего это случалось тогда, когда трёп наш литературный пережёвывался на самой жизни, и «выступающий» в чём-то был неточен, особенно если дело касалось природы... Поразительную память, зрительную, слуховую и просто человеческую, с которой начинается уважение к родителям и прошлому Родины своей, обнаруживал тогда Носов... Сосредоточенно, пристально, собранно познаёт природу Носов и к познанию жизни идёт от неё, от природы. Путь, конечно, не новый, но всегда удивительный и неповторимый, ибо ничто в природе — ни поле ржи, ... ни отдельная былинка в лугах — неповторимо... Когда человек, да ещё пишущий, усваивает это, жизнь его обретает более глубокий смысл, а работа в литературе становится до невероятности трудной. Так вот Евгений Иванович и сковал «своё счастье» на этом пути. Нет среди знакомых мне писателей никого другого, кто бы работал так медленно и надсадно. Мне доводилось видеть рукопись его рассказа в авторский лист размером. Этот рассказ, как яичный желток, был вылуплен из рукописи страници в полтораэта, и каждая из страници отделана так, что хоть сейчас в типографию сдавай...

Хорошее время! Счастливые дни! На курсах мы как бы спешили прожить, договорить, допраздновать то, что отпущено нам было сделать в молодости, и чему помешала война. Курсы мы закончили уж более десяти лет назад, и судьба распорядилась, кому кого помнить, с кем дружить, а кого тут же стёрла из памяти без следа. Мы остались с Женей Носовым друзьями, и нам радостно и хорошо помнить, что где-то сейчас вот живёт, дышит, а может, и пишет что-нибудь друг любезный...»

Вот к этому «другу любезному» и решил направить Астафьев Виктора Политова. Думаю, это была повесть «По открытой воде». Она произвела на Носова хорошее впечатление. Понял он и одарённость автора, и его неряшливость, неумение оформить прозу.

Евгений Иванович посылает Политову открытку — на штампе 9 декабря 1973 года, то есть, почти два года спустя после знакомства с Астафьевым: «Дорогой В. Политов! (дурная привычка не называть своё имя!) Спешу поздравить Вас с Новым годом и заодно поблагодарить за дружеские слова приветов по поводу моей повести. Что касается Вашей вещи, то я к ней отношусь со всем добром и, если в рецензии чувствуется некая досада, то лишь за Ваше неумение и нежелание довести до дела прекрасный материал. Тут или резать, или доделывать. Но резать всё же жалко. Там ведь повесть! И её надо печатать в книге в прежнем объёме. Так что впредь считайте меня среди Ваших доброжелателей. Сердечно Носов».

3 января 1974 года Политов отвечает Носову большущим письмом: «Дорогой Евгений Иванович! Если бы Вы знали, как вовремя пришла Ваша открытка. Я как раз делаю (в который уже раз) повесть о рыбаках «У затухающих костров». И, чего греха таить, после окончательного ответа из «Н. современника», что рассказ тот всё-таки не пошёл, из рук всё валится и делать ничего не хочется...» И тут же, прилепившись душой к этому большому мастеру и человеку, так как прочёл его вещи и понял, с кем имеет дело, младенчески-откровенно вываливает на Евгения Ивановича все свои и литературные, и бытовые неурядицы. «Виктор Петрович, после опубликования Вами повести «Не имей десять рублей», писал мне немного о Вас, закончив словом «А рыба-а-ак!»... Спасибо Вам, что подбодрили, и вовремя, добрым словом! Ведь, как

ни крути, а одно доброе слово, да ещё вовремя сказанное, значит для человека очень много...» В приписке об имени своём сообщает: «Да, зовут меня Виктор, а по батюшке так же, как и Вас. И хоть дожил я почти до сорока, по батюшке меня ещё никто не называет. Солидности нет». Очень точное и честное самоопределение. Причём не внешней солидности, а именно внутренней. Он и постарев оставался подростком и чувствовал себя просто Виктором, особенно рядом с этими фронтовиками.

Евгений Иванович не ставил дат в письмах (в пятитомнике их по событиям восстанавливал составитель), а Политов не хранил их в конвертах и тоже был не безгрешен в отношениях со временем. И так уж можно изумиться необычной его аккуратности, так как в жизни он был очень безалаберным человеком по отношению ко всем своим черновикам и всяким письмам, и сохранил только письма этих двух писателей, понимая их огромность в русской литературе второй половины двадцатого века. Если в лице Астафьева Политов приобрёл наставника, который мог иногда жёстко и откровенно «бить» его за непутёвость, то в Носове Виктор приобрёл «крёстного отца», который больше похваливал и прощал, поругивая. Понятно, что и у Астафьева, и у Носова таких «крестников» было множество.

Я экономист, а не литературовед и даже не филолог, я только вдова того, кто и сам был мало осведомлён в литературном мире (но не в литературе). Задача рассказать о переписке двух выдающихся мастеров русской литературы и одного менее опытного автора, которого они, тем не менее, приняли близко к сердцу, для меня архитяжёлая, возможно, многого я не понимаю. Ныне, например, горько мне слышать, когда большого русского писателя Евгения Носова не знают даже библиотекари, путая его с Николаем Носовым, автором «Незнайки». Не знают читатели «Усвятских шлемоносов», о которых Виктор Петрович Астафьев писал Политову 26 июля 1977 года: «А Женя-то Носов какую повесть написал! Ве-ли-кую! Во умница! Во молодец!» Этого я не понимаю!

Астафьев с первых писем учит Политова работать над прозой всерьёз, что доделывать тяжелее, чем писать, сам он по четыре–восемь раз работает над каждой своей вещью, причём ещё и отвечает на письма всех, даже графоманов.

Взыскательность к себе Носова ярко показана в статье Астафьева. Политов таким трудолюбием, увы, не отличался. Стол для него не был тем «лобным местом», к которому был «прикован» Астафьев. Политова я редко видела за машинкой и столом. Он писал лёжа на диване, закинув ногу за ногу, что служило ему опорой для тетрадки, где писал он чаще карандашом. Не всегда шариковые ручки соглашались писать под «лежачим» наклоном. На машинке он только отделявал. Едва ли он перепечатывал по несколько раз.

Переписка двух русских писателей, фронтовиков и ровесников, друзей — Астафьева и Носова особенно интересна. И потому, что это две огромные личности, и потому, что письма их — та же великолепная русская проза. Мне кажется, лучше, чем написано о личности Носова Астафьевым (к которому я снова обращаюсь), написать невозможно.

Осенью 1965 или 1966 года Астафьев приехал в Курск на родину к своему другу: «А уж какая она, эта Родина, — всё зависит от того, какие чувства перенял ты от родителей, — пишет он. — ... Сожжённый жарю и задушенный пылью, падал с кустов осенний лист; объятый клубом земного праха, как подбитый танк дымом, двигался по полю трактор с картофелекопалкой, мчались машины на спиртзавод, соря по дороге бурьяками и картошками; вдали виднелся перелесок, над которым висело не утомлённое, а прямо-таки уморённое солнце; общипанные, объеденные и загаженные гусями и утками берега Сейма пустынно и тихи, лишь вяло гонялись над водой за мошками

ласточки-береговушки, да где-то за поворотом реки председательским голосом орал на всю округу петух.

Избалованного броской, поражающей глаз и воображение красотой Сибири, меня угнетала эта изработанная, заезженная, искорчёванная земля, на которой и присест-то негде, попить водицы невозможно, потому что по реке гнало тучи белого пера, а в воздухе неотступно висел запах гусяного помёта. Всё больше и больше дивился я тому, что идущий со мной рядом друг мой говорит об этой земле растроганно, и не говорит, а прямо-таки поёт немножко носовым, неторопливым голосом, и так поёт, ровно уж и нет краше земель на свете, чем курская. Большое и доброе лицо его как посетила блаженная улыбка, когда мы вышли из поезда, да так и не сходит... Поднимаясь по Сейму, дошли мы до крутых холмов. Берега здесь сделались чище, приветливей, в заводях поблёскивали уже чернотой берущиеся листья кувшинок и лилий — одолень-травой назвал я их, и лицо моего друга помягчело ещё больше — звучные русские слова для него самая сладкая музыка. Мы нашли тенистое местечко у реки, сели под кустами возле деревянных мостков, оплесневелых от воды.

Солнце уже закатилось за холмы... Медленным белым войском наступали на прибрежные сёла цепи гусей, над головами нашими бумажно хрустели и падали в воду листья. Мой друг сидел возле реки, голый до пояса, черпал воду большой, как лопата, ладонью, и припивал её, откусывая от горбушки ржаного хлеба. С язвой желудка не надо бы, пожалуй, грубый-то хлеб да с сырой водой, но раз в охотку, значит, и впрок. То сближаясь остро, то расходясь, двигалась раздвоенная осколком лопатка. Ниже, наискось по спине, идёт ещё один шрам, рука тоже побита — ровно кто выхватил из этого могучего тела жадными зубами куски мяса, и у живого тела хватило сил и материи затянуть эти жуткие, провальное темнеющие шрамы... Мой друг — человек не то чтобы неразговорчивый, а скорее застенчивый, сдержанный по природе, — может иной раз много, хорошо, даже потешно говорить. Редко, правда, по настроению. И от выпивки ли, от благодати ли наступающего вечера, он говорил и говорил... Но я не останавливал его — уж очень редко ныне доводится нашему брату так вот побыть вдвоём, вдали от суеты и шума, да и поговорить ни о чём и обо всём сразу, без раздражения, тихо-мирно, не следя напряжённо за строем речи и не умничая.

Вечеру, когда уже забусела сероватая осенняя темь из-за холмов, доевши булку хлеба и ублажено дымя сигаркой, он начал вспоминать о войне. Доподлинный окопник, рядовой боец, он не любил говорить о ней, как не любят говорить о своём деле настоящие охотники или мастера какого-либо ремесла. Раны бойца больше и сильнее скажут о войне. Нельзя всеу трепать святые слова. А может, не говорит ещё и потому, что многовато развелось у нас тех, кто болтовней о войне зарабатывает себе положение и лепит карьеру... Вот потому-то, наверное, опасается впасть в сочинительство мой друг. Мастер и труженик прозы, он знает, что память погибших друзей можно оскорбить неловким словом, корявыми мыслями. И готовится, как мне кажется, напряжённо внутренне готовится писать достойно и с достоинством о самом великом, что было в нашей жизни, — об Отечественной войне. Мне понятны его осторожность, трепет и уважение к памяти погибших — он воевал в расчёте пятидесятидвухмиллиметровой противотанковой пушки, самой опасной на прошлой войне. Артдивизион отбивался однажды от наседавших фашистских танков, выкатив орудия на полотно железной дороги... танки сделали бросок, в упор, одно за другим сбивая орудия с полотна. Сколько-то человек скатились по насыпи... Кто-то отстреливался, кто-то полз, волоча за собой кишки, кто-то кричал: «Не бросайте, братцы!» — и хватался за ноги; кого-то тащил мой друг, потом кто-то волоком пёр по земле его и, когда останавливался передохнуть, друг мой явственно слышал, как журчит где-то близко ключик,

и ему нестерпимо хотелось пить, и не понимал он, что этот невинный, поэтически звучащий ключик течёт из него по затвердевшей тележной колее, лунками кружась в конской ископыти... Будет госпиталь и не один... будут страдания, будет День Победы, который он встретит на казённой койке, и дадут ранболным по стакану вина в честь этого долгожданного праздника, и останется он незабываемым, это праздник, и однажды мой друг расскажет о нём, и будут плакать люди, пережившие войну, читая рассказ «Красное вино победы»...

В тяжкие послевоенные годы почти нетрудоспособный молоденький бывший солдат вдруг получит посылку из своей артиллерийской части — костюм, ботинки да кое-какие вещички, так необходимые и драгоценные в ту пору. Видно, хороший был солдат, коли помнил о нём командир полка...

Был ещё праздник — взяли в газету работать, сначала цинкографом, затем художником-оформителем, а после уж на должность литработника перевели... Рождение детей, первая книжка...

Замолк мой друг, выговорился, облегчил душу, слушает свою по-осеннему при тихую землю. Какие воспоминания тревожат его? Какие звуки рождаются в его душе? Какая песнь там начинается? Разве узнаешь! Есть тайна таланта, никем не угданная, не поддающаяся объяснению, а тем более понуканию... Когда молчит художник — не мешайте ему...»

Так ярко живописал Астафьев огромную личность. Носов был образцом, Мастером для многих литераторов, а для Астафьева ещё и самым близким другом: «Писал я тебе сразу же после прочтения твоего рассказа «Красное вино победы» и высказал тебе свою радость тем, что ты не останавливаешь работу, и восторг тем, что написано. Сейчас я прочёл и «Тёмную воду» и могу только повторить то, что писал летом. Болезнь тяжёлая твоя, вопреки моим тайным опасениям, нисколько не отразилась на твоём, говоря пышно, «пере», всё также оно точно, красочно, певуче и проникновенно, всё так же лучший ты стилист в современной литературе, и дай тебе бог здоровья и мужества. Знаю, каким трудом и мужеством тебе даётся каждая строка. Таким же стилистом, равным тебе, был на Руси Гоша Семёнов...», — пишет Виктор Петрович в ноябре 1993 года, сам такой же израненный и болящий солдат. И заканчивает это письмо: «Обнимаю тебя, дорогой мой! Как я горжусь и радуюсь, что есть мы вместе на старости лет. Это нынче так много... Целую тебя. Виктор».

Подранок Политов затесался меж этих двух фронтовиков. Не читал он строчек Астафьева: «когда молчит художник — не мешайте ему!» И «мешает» обоим по очереди; Носову, 21 января 1974 года: «Если у Вас вырвется свободная минутка, ну, скажем, часок-другой, прочтите, пожалуйста, эту повестюшку»... И вместе с повестью «У затухающих костров» Политов посылает Носову свою первую книжечку стихов «Моя река», изданную в Волгограде в 1968 году. Откликнулся Носов очень сердечным письмом: «Спасибо за книжечку стихов. Я прочитал её сразу же, как вскрыл конверт. А потом уже читал своим друзьям. Тебе знакомо это, когда что-то тебя задевает, волнует — всегда хочется поделиться с кем-нибудь. Уже по стихам чувствуешь, что в тебе бьётся самобытное сердце талантливого русского человека... во всех стихотворениях чувствуется твоя кипучая неугомонная натура. ... А сегодня утром дочитал твою повесть и у меня праздничное от этого настроение. Много минут истинного наслаждения получил я от прочтения этой вещицы. Вот прочитал, и жалко отправлять рукопись в журнал, жаль с ней расставаться. Буду горячо ратовать «Нашему современнику»... Письмо это не столько о Политове, сколько о великой отзывчивости Носова ко многим молодым, в том числе и к Политову. Отзывчивость эта безгранична, судя по двум огромным книгам переписки с разными авторами — «Книга о мастере»

и «Мастер с нами». Политову он писал для поддержания духа, даже когда был тяжелейше болен и терял зрение.

Не заладилось у Политова с «Современником». Носов, беспокоясь об этой повести, трижды пишет в Воронеж Ивану Евсеенко, чтобы тот прочёл повесть неизвестного автора: «Ваня! Это та самая повесть, о которой я говорил тебе. Почитай, пожалуйста, в ней много прекрасных, истинно поэтических глав и страниц, написана она со знанием дела (автор ряд лет рыбачил на Дону в колхозных бригадах), а главное — с каким взволнованным сыновним чувством к родной стороне! Право, после Шолохова я ничего не читал подобного о Доне, хотя это, разумеется, и не «Тихий Дон». Для «Подъёма» эта вещь имеет то касательство, что Воронеж ведь тоже донской город. С приветом. Е. Носов».

Быть понятным близким тебе по духу... Что может быть дороже? Политов сам гадался, что «Тихого Дона» не напишет. В письме Астафьеву в 1973 году он открыт: «... Мне, конечно, малость не повезло. Моё прошлое завершилось гениальным «Тихим Доном». И когда я учился ходить, Тихого Дона уже не было. Всё лучшее, что было в казачестве, кануло в вечность. Жалкие остатки потомков Гришки Мелехова, этого искателя правды, в котором ещё кипела настоящая казачья кровь, достались мне в наследство. Легендарного Миронова (у его дочери мне пришлось учиться русскому языку, у его внучки — математике), этого Миронова у нас до сих пор считают чуть ли не врагом народа. А ведь это был настоящий казак и великий полководец своего времени. Вот Серафимович, пролетарский писатель, этот остался. А от Крюкова, о котором с уважением отзывались Короленко и Горький, и Ленин его даже как-то поминал, даже сада не осталось. Вырубили у нас сады. С корнем вырывали казачество, этих холуёв и прислужников царя... Так что родился я без корней уже и не на Дону вовсе, а где-то в Донбассе, в станице Хрустальной, о которой не имею ни малейшего представления»... (Родители Виктора бежали в Донбасс во время «кулачки», где и родили его). Виктор и не хотел иметь представления о месте своего фактического рождения, потому что был безнадежно привязан душой к родине своих предков — Дону, и никуда надолго от него оторваться не мог, как ни пытался по бродячей своей натуре: был на Амуре — вернулся, был на Енисее — вернулся. Саратов летом не мог его удержать — рвался на Дон, даже в Волгограде недолго жил — и оттуда возвращался на Дон, в Серафимович, бывшую станицу Усть-Медведицкую.

Та же трепетная любовь к отчизне, что у Носова и Астафьева, почему и разгляд дел её Евгений Иванович, написавший прекрасное предисловие к повести Политова «У затухающих костров», когда она была напечатана в воронежском журнале «Подъём» в 1976 году, где схвачена сущность и автора, и произведения: «Виктора Политова я никогда не видел воочию. Его облик представляю себе по фотографии на обложке первой поэтической книжечки «Моя река», которую прислал он мне года два назад. Смущённо-сконфуженное лицо с наброшенным на лоб чубчиком, неумело повязанный галстук, необношенный пиджак... По всему видно, что парадные костюмы и галстуки — вещи для него непривычные, и предстал он в них перед фотоаппаратом без всякой охоты и внутреннего комфорта.

Предлагаемая повесть — по сути своей и пафосу — эпическая поэма о родном Доне, пропетая взволнованно, искренне, от всей полноты сыновнего чувства. Признаюсь, за последние годы я ещё не встречал произведений, столь переполненных ностальгией, щемящей болью и неизбежным патриотическим чувством к отчим краям. Автор любит свой Дон коленапреклонно, язычески, как живое и близкое существо, которому можно поведать самое сокровенное. Жертвенность этой любви во многом объясняет биографическую «нескладность» автора. Это из-за него, родного и прекрасного Дона,

он не смог дотерпеть до последнего курса Ленинградского пединститута и вырвался из непривычных стен с облегчённым чувством бежавшего узника. Из-за него же несколько лет после побега мозолил руки о жёсткую тетиву невода... «Не в моря впадают реки, / А в сердца людские, / У меня своя навеки / Есть река в России...»

В первые дни моего замужества Виктор удивил меня стихами:

«Заря... Роса на луг упала. / И холодны стволы ружья. / Стреляем мы во что попало, / Стреляют все, стреляю я. / За всю зарю в какой-то выстрел / Одна лишь утка сбита влёт, / А как она летела быстро!.. / Как высоко!.. Но кто поймёт. / Бегом за ней — трава густая, / Не то подранок убежит. / А утка крылья распластала, / Ещё живая, вся дрожит... / И не азарт уже, а жалость, / И не глядел бы в круглый глаз. / А утка вся в комочек сжалась, / Ведь понимает, что сейчас / Наступит смерть... / Никто не вечен... / ... Донская степь плыла снегами, / Кроваво небосвод горел, / Детей и женщин — всех согнали / Они в то утро на расстрел. / «Расстрелян будет каждый третий!..» — / И автомат глядит в упор. / Я, может быть, живу на свете / С душой, расстрелянной с тех пор».

Читаю вот сейчас в письме Носова к Астафьеву, от 1967 года: «Вить, купил я Женьке своему ружьишко. Рад был... Ездили мы с ним на охоту. Уток было — тьма. Пожёт все патроны по ним... Одну только сшиб! Вот подумываю, не купить ли и себе пушку. Только всё сомневаюсь, сумею ли убивать? Больно жалко. Вот летела и — трах-бабах — готова, кровь из носа. А сама ещё живым глазом смотрит...» Родственные души. Расстрелянные души и потому ранимые, сверхчуткие души. Не зря все трое понимали друг друга во всех своих страстях, особенно в рыбацких, и всё мечтали встретиться втроём на Дону, чтоб Дон поглядеть да чехони донской половить...

Носов в письме к Астафьеву 17 апреля 1992 года: «... Под конец на блесну попался окунище, который, расщеперясь колючками, застрял в лунке, как пыж в трубе. Ну, конечно, я оборвал леску, а он ещё долго топорщился в ледяном тоннеле, пока не догадался сложить колючки. Я кинулся за багром, но не успел... И прекрасно! А если бы вытащил, то съел бы его, красавца, и забыл... А вот помнится! И моя неудача обернулась удачей памяти, услаждением души...»

Полиотов, из повести «К Большой Медведице»: «Мы ещё не отвязали маленькую лодочку..., чтобы ехать рыбалить, как тут началось. Сначала мы услышали где-то внизу по плёсу такой плеск, как будто там кто-то купается. Васька насторожился. Тогда мы пошли вдоль берега над его крутизной, выглядывая осторожно из-за стволов ольхи и редких кустов. И вдруг увидели их. Они играли. Мы затаились, и они скрылись в глубине. Тогда мы потихоньку подошли к коряге, что лежала у берега, корень её ещё был в берегу, потом вода слегка переливала белый, годами отполированный ствол, а дальше она горбом поднималась над водой. Дно здесь песчаное и чистое, и на фоне белого песка мы увидели отчётливо и близко-близко. Их было штук восемь-десять. Они стояли парами друг за другом и пошевеливали плавниками. И вдруг первый легко бросил своё тяжёлое, отливающее тёмным золотом тело через корягу, за ним второй, третий, и они образовали золотистый живой круг. Пока один летел через корягу, другой в воде уже подплывал под неё, третий занимал исходную позицию, четвёртый вылетал из воды. И так до бесконечности. И вдруг разом всё стихло. Они снова остановились под корягой.

Ни мне, ни Ваське не пришла в голову мысль, что их можно поймать, убить, оглушить... И ружьё, и взрывчатка, а вернее, гранаты РГД, и запалы для тола с бикфордовыми шнурами, которые горят в воде, — всё это у нас было («подарки» войны!). Но нам даже мысль такая в голову не пришла. Ведь они играли. Просто играли, так же, как мы, пацаны... Конечно, ничего особенного мы в тот раз не поймали. Зато Малую Медведицу в это тихое летнее утро и играющих сазанов я запомнил на всю жизнь».

Безусловно, связь двух старших, фронтовиков, ровесников по возрасту и, наверное, по таланту ближе. Носов — Астафьеву, где-то в 1964-м году: «... Я всё лезу в социологию... а это вряд ли нужно. Ведь все эти штуки... быстро гаснут и покрываются холодным пеплом... Очевидно, надо подумывать о «вечности» творений, об их всегдашней свежести, и в этом смысле лучшее дело, ты прав, — лирический, тёплый и душевный, не обязательно сладкий и благополучный рассказ... Катаю сейчас опять-таки злой рассказ о деревне, как ты выразился, строю золотой мужник... Закончу — покажу. Хоть тебе показывать всегда как-то и стыдно, и боязно»...

Носов — Астафьеву (год, наверное, 1965-й, после встречи в Курске, которую описывал Астафьев в статье для «Современника»): «Дорогой, милый Витюха! Посылаю тебе фотокарточки. Вот уже несколько дней как я с тёплым чувством разглядываю твою родную человеческую морду на фото. Всё-таки славно, что ты побывал. Жалко только, что мало, что был болен и вклинился этот семинар...»

Год 1967-й: «Дорогой Витёк! Рад, что выкарабкался из захлестнувшего тебя унынья. Ничего, парень, три к носу, мы ещё повоюем! Вон какой славный рассказ тиснули в «Новом мире»! И ещё напишутся. Что ж в эту пору теряться? Самое набрал силу. Если ты уже теперь уступишь своё место в литературе, добытое таким потом и кровью, то этому только кое-кто порадуется. Свято место пусто не бывает. Вместо тебя появятся пижоны и сморчки. Так что зубами удерживай завоеванные позиции и не сдавайся. Теперь это нужно не одному тебе. Теперь ты уже не принадлежишь самому себе, а, прежде всего, святому и великому делу, коим во веки веков было на Руси слово — будь то былина, песня или простое слово правды...»

Год 1979-й: «Дорогой Витя! В этом году так получается, что посылаю привет и братские объятия по случаю Победы только тебе одному и больше никому. Много у меня приятелей застольных, шапочных, но ты у меня один — друг, товарищ, с кем хочется говорить, молчать, пить водку, горевать, радоваться, раскрыться душой — словом, Друг с большой буквы... Как хорошо, что уцелел и протопал ещё по матери-земле целых тридцать годов. Кажется, я был бы вдвое беднее и одиночей, если бы тебя убили, и я бы тебя никогда не узнал...»

Носов к Астафьеву: «Сегодня сидел рисовал Вологду. Из своих старых блокнотов. Что-то захотелось света, цвета, красок. Они тоже очищают душу. Завтра засяду работать. Если НИЧЕГО получится — пришло. Я ведь тебя, Витя, стыжусь, когда плохо... Витёк, прочитал твоего «Монаха». Очень хорошо! Чисто и грустно. Чудесно получилась бабушка. Да и дед тоже... Очень зримо всё путешествие мальчонки в новых штанах... очень впечатляют, как-то направляют весь настрой на грустные размышления твои коротенькие вставочки, забежки вперёд, вроде того, что да, я не знал тогда, что лучших штанов у меня уже никогда не будет...»

Ах, эта вечная российская нищета, которая придавливала оба наших поколения. То же было и у младшего, у Политова, когда детдомовцы завели его в дом, ещё полуразрушенный после недавно ушедшей с Дона войны, стащили с него его заплатанные порточки, — от подобного унижения он пытался удрать в разбитое окно, думая, что будут бить, — и надели на него казённые, новые, которыми их обеспечивали шефы какого-то воинского подразделения, и убежали, чтоб не смущать. А он плакал, свесившись головой в окно...

Астафьев — Политову (8 февраля 1973-го года): «Как я завидую тебе, твоему уединению, свободе и здоровью. Ты только дорожи всем этим, потом всё это пройдёт, увы, пользуйся с толком, больше пищи, а когда будешь поближе к нашим местам — заедь в Вологду, посмотри ещё не вовсе приконченную Русь...»

Носов — Астафьеву (после его выступления на встрече в Останкино, 1981 год): «Вот сейчас смотри на тебя по телевизору. И волновались, и переживали не меньше

тебя самого, особенно когда ты впервые вышел на сцену, и было заметно, может быть, одному только мне, как ты внутренне напряжён. Я бы даже сказал, насторожён был ты от встречи с незнакомой толпой, сидевшей там, внизу, возле твоих ног. Ты всё-таки был прав, когда говорил потом о неизбежном чувстве нашей провинциальной неполноценности... И даже потом, когда ты обвыкся и стал самим собой..., то и тогда нигде ни разу не прорвалась, не проскользнула эта развязность, самолюбование, а по-прежнему оставалось всё то же уважительное сдержанно-почтительное отношение к слушателям. И народ это почувствовал и оценил в тебе... Я видел эти лица крупным планом, видел написанное на них сочувствие и сопереживание, видел, как глубоко осмысливали сказанное тобой какие-то бородатые мужики, как записывали что-то в блокнотах полковники. Но ты ничего не говорил лишнего, хотя я видел, как было трудно тебе сдерживать свою волю, чтобы не сказать того, что хотел бы сказать в таких случаях. Словом, всё получилось славно... Большое спасибо, что ты нашёл место упомянуть и меня, моих «Шлемоносцев»... Прошло уже четыре года, как она написана, а повесть так-таки ещё и не издана в Москве, за исключением «Роман-газеты», по существу, её мало знает читатель. И тем более странно, что она в своё время собрала большую прессу. Но ни одно издательство не предложило мне издать эту вещь... И получилось забавно: повесть давно уже переведена на многие языки, ставится фильм, взялись инсценировать сразу четыре театра, а книги всё нет и нет...»

Где уж мне, несведущей, это понять?! Если уж большой автор не понимает логики издательств...

Год 1965-й, Носов — Астафьеву: «Витя, привет! Обрадовал ты меня своим письмом, хотя, честно говоря, разбирал я его два дня. Ну и узелки ты вяжешь! Сначала разобрал только отдельные слова, хотя и по ним всё понял. А сейчас вот распутал всё до запятой. Это с непривычки. Присылай ещё — привыкну...»

Да, нелёгкая это работа — расшифровывать письма Астафьева. Я два месяца недавно расшифровывала, но не уверена, что всё верно угадала. А ведь как хочется прочесть всё! Ведь его письма — та же его литература, не зря Носов пишет ему: «Дорогой Виктор! Когда долго нет от тебя письма, на меня нападает тревога — как ты, не заболел ли, не случилось чего? В этот раз было так: за день до твоего письма снилось мне, будто я уже получил от тебя известие, просыпаюсь и — точно, от тебя письмо! Телепатия! Значит, нечто во мне уже предчувствовало близость твоего письма. Ну, а само письмо, конечно, настоящий праздник. Твои письма — всегда частица твоей души, совести, темперамента, истовой любви к живому миру и полыхающего гнева ко всему уродливому и лишённому совести. Формальных, равнодушных писем я от тебя не получал. Спасибо!» (17 апреля 1992-го года, даже число написано!) И опять в том же году: «А из тебя, Витя, просто прёт живое человеческое слово, целебное, как бежит целебная вода из отрогов Пятигорска — подходи к ней кто хочет, сколько хочет — всем хватит! Из народа взято — в народ и вытекает, щедро, неистошимо. Честно сказать, я бы дал тебе Госпремию за одни только твои письма, ибо они ничем не отличаются от твоих книжных страниц, так же полны страстности, душевной боли и страдания. Обнимаю тебе крепко. Женя».

Не менее трогательны письма к другу Виктора Петровича: «Дорогой Женя! Давай-ка я тебя обниму побитыми, ревматизменными лапами, и помянём-ка мы среди ликующих толп, вспоминая солдатские пути-дороги, которые только в воображении современных классиков так прямо, победны и сплошь цветами усыпаны. Но они, классики-то, сплошь из второго эшелона и нам не родня. Меня грусть и печаль охватывают в День Победы, хочется молчать, и я не могу видеть радостных лиц, все они мне кажутся ненатуральными, кощунственными, да и как после Днепрпетровского-

то плацдарма я иначе могу это воспринимать?! Пожелаю тебе здоровья, сердечный мой друг и солдат, сколь Богом отпущено пожить ещё и поблагодарить судьбу за то, что не зарыла она нас в «шар земной», а дала возможность ещё подышать, детишек слепить, друг с другом повстречаться, поговорить, рыбы половить, цветов порвать...»

По поводу цветов... Опять из статьи Астафьева: «Летом 74-го мы ездили с Евгением Ивановичем на Байкал. Мы там работали, вели семинар молодых писателей, и побыть нам на природе выпало всего несколько дней. А на берегах Байкала была дивная пора, пора цветения и таяния вершинных снегов. И Женя, увидев буйство природы, как-то весь размяк, говорил мало, ходил медленно, глаза его то засияют радостно, то подёрнутся дымкой грусти — видно, в детстве, в воображении ли его, а может, и в мечте была такая же безоглядная, цветущая, голубая от забудок и пламенная от жарков земля...

Потом я повёз его на свою родину — Енисей, где Женя тоже не уставал смотреть и радоваться: «Осталось ещё! Осталось много красоты! Ах, как беречь всё это надо! Беречь!»

Не скрою, я радовался его радости — ведь нет большей награды, коли показываешь самое дорогое тебе сокровище человеку и чувствуешь душу отзывчивую, понимающую. А уж отзываться добром на добро, сердечностью на сердечность, уметь слушать и утешать — этого не занимать Носову — человеку и писателю».

Политову тоже мечталось встретить этих азартных рыбаков и показать им родину своих предков, суровую и милую ему, тихий Дон свой. Не получилось...

От редакции. Уважаемые читатели!

Этой публикацией мы откликаемся на юбилейные даты: Виктору Петровичу Астафьеву в мае этого года исполнилось бы 90 лет; в январе 2015-го года — 90 лет со дня рождения Евгения Ивановича Носова, в апреле исполняется 80 лет со дня рождения Виктора Ивановича Политова.

СЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ

(Постмодернизм и его литературная практика)

Сегодня утром я натолкнулась в одном маленьком французском романе на прекрасное место, которое так мне понравилось, что я хочу переписать его для тебя: «Религия, наверное, родилась бы из несчастья, если бы нежные души не обнаружили её в благодарности».

Сюжетта ГОНТАР — Фридриху ГЁЛЬДЕРЛИНУ.

Из письма 12 марта 1799 года

А бабушка моя, глухонемая, с печки мне говорит: – Вот видишь, как далеко зашла ты, Дашенька, в поисках своего «я»!

Венедикт ЕРОФЕЕВ. «Москва — Петушки»

I

В последние десять-пятнадцать лет постоянно предпринимаются попытки навязать России «ложные вехи». Жизнь, культура, миропонимание приурочиваются к событиям ярким, но проходным из-за своей малой метафизической весомости. В результате возникают построения наподобие таких: «это полностью изменило взгляд на...»; «культура после...»; «теперь, когда... мы можем...» (или же «нам приходится...») и т.п. Ложные вехи, выдуманные пороги, утяжеление объективного присутствия артефактов существуют крайне непродолжительное время, а потому провоцируют у зрителя-воспринимателя «короткое дыхание» и осколочную память. В целом, это дробит затаённое в глубинах организации человека чувство преемственности и укрепляет представление о локальности и атомарности личного бытия. Постепенно, исподволь, но всё более неуклонно смазывается структуризация мира и истории. И ускоряется процесс энтропии — в сознании, в образном представлении о происходившем, существующем и наступающем. В духовном смысле человек упрощается, а человечество, отвлекаясь от своей целокупной органики, склоняясь к арифметическому множеству отдельных людей (отдельных — с каким-то мучительным чувством потерянности, безвозвратности утраченных взаимных связей), стремится к нулю метафизическому — тому самому, что: ты не холоден и не горяч, но ты тёпл. (И далее, по Апокалипсису: «Ибо ты говоришь: «Я богат, разбогател и ни в чём не

имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг». — Откр., 3, 17). Очевидно, что это лишь промежуточная станция, а затем последует упрочение отрицательной иерархии, сатанинской. И она представляет собой действительную цель той смутности в мирозерцании, что так оживлённо и настойчиво прививается обществу сегодня.

Постмодернизм как способ **видения** мира удивительно подходит к такой **безутешной модели** нашего нынешнего дня: он — её порождение и инструмент, своего рода метафизическая «фомка» для взлома бытийных замков. Психологические контуры постмодернистского взгляда на окружающее довольно наглядны в своей упрямой внутренней неправильности, в неуловимой повреждённости личных черт и воспринимаемых оттенков внешнего мира. Постмодернистская литература изначально оперирует вменённой, искусственной реальностью. Проявления подобной квазиреальности (ущербной по определению, ведь она стремится заслонить собой великое онтологическое Целое) практически всегда запальчивы, аффективированы. Её неустрашимый познавательный признак — истеричность, проистекающая из наглой претензии на всеохватность, при отчаянной внутренней дробности и тщательно скрываемой, но неизбежной мизантропии. Именно здесь берут своё начало критические заявления «этапного» характера: «Литература после «Парфюмера» П. Зюскинда...»; «После того, как были напечатаны «Волны гасят ветер» Стругацких, литература...»; «Постреалистическая концепция человека и мира требует капитальной переориентировки всей системы этических и онтологических координат культуры...».

Сюда, в это прокрустово ложе усечённого сознания, на удивление хорошо укладывается фраза С. Аверинцева о том, что **культура не реанимируется**. Всё верно, и противоположное в некоторой степени банально по содержанию и **пошло** по замыслу. Но автор, один из немногих современных исключительно серьёзных адептов классического начала, судя по всему, полагает, что тем самым открывается свобода творческого претворения культуры в нечто новое, плюсуемое к предыдущему. Едва ли это так. Культура не реанимируется, но — возобновляется, она вспоминается и, в меру яркости воспоминания, вписывается в новый контекст, заставляя этот контекст помнить о фоне, на котором он ширится и которым он только и может быть углублён. Ровно такое состояние контекста и должно быть понято как укоренённость.

Может показаться, что постмодернизм именно так и делает, старательно наполняя отголосками прошлого ловко конструируемое им настоящее. На самом деле для постмодернизма прошлое мертво, и потому-то нынешняя постмодернистская литературная практика столь напоминает ухватки мародёра, обирающего покойника.

Постмодернизм принципиально не хочет видеть духовную линию, идущую из прошлого через настоящее — в будущее. Смысловой пунктир, который на всеобщее обозрение выставляет искушённый игрок-сочинитель, — всего лишь именные пластиковые полоски разной длины, ссыпанные в мешок для лото, и вслепую, наугад — полностью в правилах игры — вытягиваемые оттуда на всеобщее обозрение.

(В какой-то степени в отношении постмодернизма уместен образ человека, гуляющего по странному музею, в коем собраны различные, печально разрозненные свидетельства культуры, славной своим прошлым. Здесь отсутствует система в экспозиции, утерян каталог, рядом могут оказаться ритуальная маска африканскоголюдоеда и факсимильный фрагмент рафинированной, рефлексивирующей прозы Роберта Музиля «Человек без свойств». Музейные дорожки изрядно затоптаны, и самая грязная обувь оказывается кстати — следы отчётливы и долго сохраняются: путеводителем, единственным и верным, служат только отпечатки собственных башмаков посетителя, вчера и ещё прежде уже побывавшего тут. Хотя при массовом посещении

возникают трудности в опознавании персонально найденного маршрута, и потому запасливый культурный турист уносит с собой раритетный слепок, а то и оригинал из беззащитного музея, превращённого в историко-эстетическую свалку.)

Аллюзия — пожалуй, самое приметное орудие постмодернизма в литературе. Изначально этот приём содержит смысловую кальку музея, заглянуть в который автору необходимо по какому-то вполне субъективному поводу. Сам по себе приём аллюзии не является для художника запретным, табуированным, однако в обязательном порядке требует преодоления своей субъективной отдельности в живой среде целого. В противном случае, перед читателем развернётся домашняя коллекция пунктуального собирателя: предметы, сентенции, сюжеты, имена. Весь этот свод объектов подвергается **как бы реанимации**, которая сводится к нанизыванию их на общую нитку для последующей произвольной манипуляции ими. Возникает эффект марионеточного театра с присущей ему нарочитостью фабулы, движений, костюмов и речи. На заре искусства или в праздничном народном быту театр марионетки наивен, простосердечен, не претендует на многое. Виртуальный постмарионеточный театр претенциозен, многозначителен и дорого себя ценит. Это — иссыхание искусства, его мумифицирование и холодное сознание того, что творчество более невозможно, а само искусство — мертво.

Тут уместно привести слова С. Аверинцева о Державине — великом русском классическом поэте: «В Державине уживалась подлинная любовь к облику русского крестьянина, к народным обычаям, к веселью деревенского праздника, им неоднократно воспетому, к народному чувству красоты и народному юмору. **Это было ему близко непосредственно, без рефлексии, без стилизации**». Замечательно последнее наблюдение, психологически отсылающее читателя к современному городскому писательскому мирозерцанию: только анализ увиденного, только примерка чужих одежд, без внимания к тому, сколь неловко они сидят на фигуре — будь то контуры тела или построение речи. Произошло какое-то, по внешним приметам очень зримое, соскальзывание в безличность при безудержной эскалации индивидуального, душевного начала. Как будто сомкнулись створки экзистенциальной раковины современного человека, отделив его от живого участия в судьбах мира, оставив только правила «игры в мир», условия подражания бывшему: ярко героическому и трусливому, сердечно-чистому и интеллектуально-честному, жёсткому в горьких оценках себя и милосердно-христианскому по отношению к другому, даже самому ничтожному человеческому существу. Всякое случалось прежде в великой и многострадальной русской истории. Однако «уныния, той мировой тошноты, что сменила в нашем веке байроническую мировую скорбь прошлого века — чего не было, того не было» (С. Аверинцев) .

Есть ещё одно качество литературы, которое постмодернист-сочинитель цепко выхватил из художественной жизни прошлого и напропалую использует, веселя читателя и как будто обезоруживая критику, поднадоевшую своими упрёками в отрыве постмодернизма от жизни. Речь идёт о **характерности**.

Как правило, **характерность** в литературе — вещь довольно внешняя, и если она несёт в себе посильный эстетический и философский смысл, то он — только атом общей мысли, пронизывающей литературное произведение. Фальстаф — отчётлив, типичен, но — дополнителен. Санчо Панса немислим без Дон Кихота, а Максим Максимович у Лермонтова — своеобразен, но не **характерен**. Подобные персонажи и у Пушкина существуют в неразрывной связи с другими, объёмными, которые этим, первым, придают глубинный отсвет, словно деля с ними духовную искру, вложенную автором в своё творение — в пропорции, **согласной с чувством меры и соразмер-**

ности. Савельич — противоположный полюс по отношению к Пугачёву, а капитан Миронов — фон для фигур Гринёва и Швабрина.

Если отделить образ **характерного** персонажа от образа совокупного целого, в котором он занимает своё место, то обнаружится, что смысловой вес его почти всегда невелик. Исключения крайне редки: например, удивительный по смыслу и облику образ Тараса Бульбы. (Хотя и здесь героическое начало гоголевского героя соотносено с чувством родины, а такие связи, почти онтологические, чрезвычайно трудно поддающиеся писательскому перу, дают образ даже не художественного целого, а художественного Общего.)

Постмодернистская литературная практика вооружилась внешне яркими чертами **характерного**, решительно отодвинув от себя изначальное требование смысловой взаимной соотнесённости персонажей и, как следствие, — требование духовной глубины художественного мира и творческого «я» его автора. Пёстрая толпа новых литературных ряженных замещает крупный план, где видны глаза героя, жизнь его лица, рук, слышно дыхание его речи. Можно сказать, что даже мысль развивать **характерное** в отечественной литературе сегодня — мысль роковая и губительная для русской художественности, мучительно нащупывающей бытийные следы в нашей жизни и сопрягающей их с замыслом Творца о России и с любовью чистого сердца к своей Родине.

Не стоит, однако, машинально совмещать **характерное** и индивидуальное — своеобразные черты, повадку героя. По определению, **характерность** — всегда сознательное преувеличение немногих, тщательно отобранных автором черт героя, с непременным умалением всего иного: психологизма и сложности внутренней жизни, прорывающейся из душевного — в духовное. (Не преодоленная **характерность**, быть может, основная причина неудачи второго тома «Мёртвых душ» Гоголя.) Дух — это сфера понятий, отношение к которым проникнуто любовью и бескорыстием, мужеством и ощущением своей личной причастности к большому. Тут разительное отличие от души, которая ориентирована в значительной мере на внутренние, индивидуальные чувства — и потому так остро ощущает свою отдельность и, порой, одинокость. Душа пристально вглядывается в своё телесное выражение и в чём-то неуловимо сливается с ним: жизнь тела неразрывно связана с жизнью души. **Характерность** практически всегда опирается на душевное — тут и повадка человека, и манера его речи, и тип взаимоотношений с друзьями и незнакомцами. Каждодневные заботы и обыденные привычки, вслушивание в собственное тело и жадное стремление к «душевному равновесию». Всё это — глина, из которой **характерность** лепит утрированный пластический образ, необходимый художнику. Творческий замысел, личность автора, неразрывное существование писателя и текста, даже художественный мир как итоговое качество взаимодействия этих перечисленных важнейших координат сегодня уже не покрывают почти катастрофическое отчуждение **характерного** от неуловимой сферы духа. Ибо литература, по существу, есть некий мостик от душевного — к духовному. Первое не позволяет литературе «оторваться от земли», забыть зримое, телесное, которое всё-таки чудесно даровано человеку Богом («ризы кожаные»). Не разрешает ей уйти в отвлечённости, без щемящей любви к земному парить в небесном, — в этом случае литература становится пресной, дидактичной, в какой-то степени даже назойливой воспитательницей абстрактных духовных детей, каждый из которых почти наверняка сорвётся однажды в душевное и, им покорённый, вполне может не возвратиться в поле духовного существования. В то же время литература, с глухим упорством разрабатывающая ниву душевного, подвержена движению в горизонтальном направлении — и только. Потому её почи-

тателей неизбежно ожидают низины духа, где их встретит действительный хозяин этих сумеречных мест — князь мира сего.

Только так — от душевного к духовному, не забывая первого и не отвлекаясь от второго. И тогда литературе совсем не грозит заболтанная угроза «воцерковления» и не подстерегает её Большой Отказ читателя — умного, тонкого и, одновременно, наивного и доверчивого. Изначально терпеливый, он неизбежно устанет от художественной одномерности и в какой-то миг поставит крест на литературе текущего дня, сокрушённо (и, может быть, уже необратимо) отвернувшись от неё к русской классике, которая неисчерпаема настолько, что именно времена входят в её пространство, а вовсе не она, подлинная и неустрашимая, помещена историей на ограниченном временном отрезке, на который стоит лишь кивать из нынешнего литературного подземья...

Духовность в религиозно-философском смысле — не замкнуто-церковная культура, но та культура, которая постоянно соизмеряет свои шаги с постулатами этики, содержащимися в Новом Завете. Это христоролюбивое правило непреложно для русской традиции. Кроме того, для нас ценны и те произведения ориентальной и западной культуры, где мы угадываем отблески христианских установок. Если ничего подобного наблюдаемая нами художественность не содержит, ей не вызвать в нас сердечного отклика, она в состоянии возбудить лишь интеллектуальный интерес.

Акцент на духовном в культуре современной России в столь сильной и всепроникающей степени возобладали после знаменательного празднования 1000-летия Крещения Руси: очевидное подтверждение мысли, что духовные ценности общества могут определиться для него самого только в связи с собственной традицией.

II

Нынешнюю литературу отличает удивительное нечувствие к страданию живой жизни, внутри которой она, очевидно, существует. Эта расчётливая глухота, эта нарочитая близорукость настолько неотрывны от литературы сегодняшнего дня, что почти машинально возникает мысль о странной вынесенности, удалённости литературы из плотного и кровотокающего тела жизни. Как будто литература привольно расположилась где-то рядом, поблизости от жизни, вполне дистанцированно, чтобы не быть задетой резкими взмахами бытия. И в то же время — на расстоянии, достаточном для наблюдения, почерпывания коллизий, самовластно и безжалостно приспособляемых для целей, имеющих отношение лишь к внутрилитературному устройству и категорически не пересекающихся с течением живого, страдающего и всё же порой ликующего бытийного потока. Перед нами явное отпадение от начала творческого — в положение подражательное, в вульгарной прямолинейности повторяющее смысл фразы: дьявол — это обезьяна Бога. Литература, умиротворённо чувствующая себя в таких рамках, может быть метафорически названа не «зеркалом», но «обезьяной» жизни. В исключительной степени подобный образ существования совпадает с абрисом литературы постмодернистской, объявляющей себя вальжной наследницей всей предшествующей литературной эволюции и вместе с тем — отплясывающей канкан на прежних и традиционных духовных святынях.

Однако заметим: проблема постмодернистской ревизии всей прошлой отечественной культуры и всей сложившейся, во внутренней неслиянности, совокупности мировых культур, — не есть проблема человечества как единого мирового духовного тела, но — проблема адептов постмодернизма, сколь бы большое число их ни насчитыва-

лось на текущий момент. Органический человек жив, и людей с ясным духовным зрением — множество по всему миру, даже в самых очаговых, исключительно плотных сосредоточениях постмодернизма в Америке и в Западной Европе. Постмодернизм — это концепция кривого на один глаз теоретика, который по собственному подобию стремится переделать каждого — далёкого и близкого — и затем воцариться единолично, по праву подложного постмодернистского первородства.

Стоит сказать и вот о чём. Художественная правда в литературе непременно должна соотноситься с правдой общей — той, которая, по существу, есть правда о мире и человеке в связи с Богом. В светской литературе имя Бога даже может быть и не поминаемо, но мысль о некоем целом, которое много больше частного и являет собой практическое присутствие Божьего имени в пределах художественного произведения, — именно эта мысль о Целом или интуитивное чувство Целого не позволяют частной правде заместить собою огромность мира. Только так мировоззренческая синекдоха (часть в значении целого) **не окажется** разрушительным орудием, которое произведено на час, дабы разбить скрепы нормального и органичного, а затем исчезнуть бесследно, как вещь, не обладающая собственной хоть сколько-нибудь долговечной ценностью.

И лишь **тогда** взгляд слепца на мир будет окрашен подлинным трагизмом человека, не видящего нерукотворную красоту земного природного царства; слово глухого о земной жизни не утратит внутренней боли автора от того, что он лишён возможности слышать крики птиц, журчание ручья, шелест листьев. Только в связи с целым означенные литературные вещи ценны. Но отними от них это великое Целое, заставь читателя поверить, что Целого нет, — и мир предстанет в своём литературном отображении как скопище уродств, среди которых нет нормы, сохранившейся со времён ещё эдемских. И перед нами возникнет как единственно верная — правда кривого, правда глухого, правда калеки, правда ожесточённости. И тогда все, кто ещё сохранил в себе черты божьей нормы, окажутся перед выбором: или покорно стать уродцем в царстве уродств, то есть нормальным по смертельно большой мерке, или упрямо сказать себе и другим слова подлинного соответствия человека миру, примерно так, как в начале XX века замечательно произнёс А. Блок: «Сотри случайные черты — и ты увидишь: мир прекрасен».

ПРИШЛА НЕ НЕНАВИДЕТЬ, НО ЛЮБИТЬ

Анна Васильевна Тимирёва и её стихи

*«О, Боже ты мой, как объяснить, что поэт
прежде всего — строй души!»*

(Марина Цветаева)

Именно такой, поэтический строй души был у Анны Васильевны Тимирёвой. Она вошла в историю России как спутница последних, самых драматических лет жизни адмирала Колчака — Верховного Правителя России. История их любви отражена в фильме «Адмирал», но мало кто знает о самой героине романа. Анна Тимирёва — яркая творческая личность — написала прекрасные стихи, мемуарную прозу и письма.

Что характерно для пишущего человека?

1) Восприимчивость — чуткая реакция на всё происходящее в мире (внешнем и внутреннем).

2) Ум — ясное, самостоятельное мышление, жизненная позиция, принципы, философия. Но, чтобы всё это претворить в поэзию, нужен острый музыкальный слух, чувство ритма.

Музыкальный слух у Анны Тимирёвой превосходный — она из семьи профессиональных музыкантов, выпускников Петербургской консерватории. Родилась 18 июля 1893 года в Кисловодске, в семье религиозной, патриархальной и монархической. В родословной: по линии отца — Сафоновы — из терских казаков (дед — казачий генерал). По линии матери — Вышнеградские — священники (дед — царский министр и крупный учёный с мировым именем).

Отец, Василий Ильич Сафонов (1852–1918) — выдающийся музыкальный деятель, концертирующий пианист, дирижёр, педагог, методист. Был профессором и ректором Московской консерватории от её основания, во многом её строителем и зачинателем традиций. На этот пост рекомендован и приглашён композитором П. И. Чайковским, большим другом семьи. Мать — Варвара Ивановна Сафонова

(Вышнеградская) — певица (меццо-сопрано). После окончания Петербургской консерватории концертировала с В. И. Сафоновым.. Поженились, родили десять детей. Все дети талантливы, трудолюбие прививалось им с младенчества. Они изучали иностранные языки, музицировали, сочиняли музыку, рисовали, писали стихи, статьи и прозу. Их детский «самиздат» в семейном архиве — рукописи на русском, немецком, английском и французском языках, альбомы рисунков и нот. Всё это создано детьми в возрасте до 17 лет — огромный творческий потенциал семьи! Все они, от мала до велика, пели хором казачьи песни и классику под фортепианный аккомпанемент отца — хоральные прелюдии И. С. Баха (говорили: «нахорались»). Проживая в Москве при консерватории, часто общались с людьми искусства, друзьями и учениками отца.

О квартире родителей Анна Тимирёва вспоминает в своих мемуарах:

«Из столовой дверь вела в консерваторию. Из этой двери, как с некоего Олимпа, появлялся папа, всегда с кем-нибудь из музыкантов, и сюда мы являлись к завтраку и обеду. Стол был большой, овальный, садилось много народу и видимо-невидимо нас — детей, больших и маленьких, все чёрные, все похожие на папу и все разные... Иногда папа, окинув взглядом стол, говорил: «А ну-ка, Аня (или Варя, или Муля), прочтите нам «19 ноября!» И вот встаёшь и начинаешь:

Роняет лес багряный свой убор,

Сребрит мороз увянувшее поле,

а там такое количество строк — кажется, конца им нет. На тарелке стынет котлета с макаронами, а ты читаешь. Но я и сейчас люблю эти стихи. А старшим братьям и того не легче: они должны были наизусть знать и читать всего «Медного всадника» — и читали. Перед едой дети по очереди читали «Отче наш», после еды — молитву».

Обстановка в России 1905 года накалялась. В. И. Сафонов, осудив революционно-настроенных коллег и студентов (счёл это предательством Искусству и себе лично), подал в отставку. В 1906 году семья переехала в Петербург, где Анна училась в гимназии Оболенской и в изостудии у Зайденберга. В 1911 году она окончила гимназию и вышла замуж (в 18 лет) за Сергея Николаевича Тимирёва, своего троюродного брата, героя Порт-Артура. Позже писала: «Мне казалось, что люблю, — что мы знаем в 18 лет!» В 1914 году родился их сын Володя (Одя). Гармоничная личность, Анна смело, с христианским смирением смотрела в будущее, об этом — в раннем её стихотворении:

Из листьев ласковый ковёр,

Золотокованные клёны...

Далёко вольный мерит взор

Простор полей бледно-зелёный.

В осенних днях такая грусть,

Прекрасна осень-королева!

Что ни пойдёт судьба мне — пусть! —

Приму без ропота и гнева.

1915 год.

Знаменателен год 1915 — год знакомства Анны с Александром Васильевичем Колчаком, сослуживцем её мужа. Случилось это в Гельсингфорсе, где был расквартирован С. Н. Тимирёв, в доме у Н. К. Подгурского. О первой встрече на вокзале она вспоминает: «... мимо нас стремительно прошёл невысокий широкоплечий офицер. Муж сказал мне: «Ты знаешь, кто это? Это Колчак-Полярный. Он недавно вернулся из северной экспедиции». У меня осталось только впечатление стремительной походки, энергичного шага». Это знакомство круто повернуло её жизнь. Он был старше на 19 лет...

Дальнейшие события: в 1915 году в самом начале Первой мировой войны погиб брат Анны Сергей, единственный в семье, избравший военную профессию. Это подкосило здоровье родителей. Хаос революции в стране нарастал. Грянул октябрь 1917 года, за ним — Гражданская война. В 1918 году умер В. И. Сафонов, отец. Её любимый А. В. Колчак был далеко. Вот настроение того периода:

Я крепко сплю теперь; не жду за воротами,
Когда в урочный час
За поворотом в лес вдруг грянет бубенцами
Почтовый тарантас.

На самом дне души, похоронив тревогу,
Живу, и дни идут,
И с каждым днём трудней размытая дорога,
И всё чернее пруд.

У этих серых дней душа моя во власти,
У осени в плену.
И кажется порой, что даже грёз о счастье
Я больше не верну.

1918 год.

Как воспринимали Анну Васильевну? Об этом пишет генерал при ставке Колчака — П. Бергерон: «Тимирёва. Просто женщина, и этим всё сказано... Редко в жизни мне приходилось встречать такое сочетание красоты, обаяния и достоинства. В ней сказывается выработанная поколениями аристократическая порода, даже если, как поговаривают, она по происхождению из простого казачества...»

Общение Анны Тимирёвой и Александра Колчака длилось всего пять лет. Из них три года — редкие встречи и переписка (роман в письмах — 98 писем хранится в архиве Военно-морского флота). И лишь два года — рядом, если так можно назвать пребывание в вихре Белого движения против Красной армии, попыток белогвардейцев во главе с А. В. Колчаком сохранить Российскую Империю. Он последний, после свержения царя и падения Временного правительства, кто взял на себя всю ответственность за судьбу России. Он отвечал за страну, а за него — перед Богом — отвечала Анна. Была ему радостью и опорой в обледенелом вагоне поезда, идущего всё дальше на Восток с золотым запасом страны, с надеждой на её восстановление. Колчак не был политиком, хотел, победив, назначить выборы главы правительства.

А. В. Колчак ещё до революции много сделал для России — выдающийся флотоводец и полярный исследователь, герой Русско-Японской войны и Первой Мировой войны, реформатор флота, признанный знаток минного дела и крупный учёный. За отличие в боях под Порт-Артуром был пожалован Золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава второй степени с мечами (апрель, 1905 год). Был в плену. Врачи признали его инвалидом и отправили лечиться на воды, лишь через полгода он вернулся к работе. За участие в РПЭ (русской полярной экспедиции) и за научный труд в изучении Севера получил Большую Золотую Константиновскую медаль (10.01.1906), высшую награду Императорского Русского географического общества (ИРГО), куда входили ведущие учёные России. Свои научные исследования он изложил в книге «Лёд Карского и Сибирского морей», написанной во время зимовок на Таймыре и Новосибирских островах. Как морской офицер Колчак имел огромный авторитет у моряков, но в тот период общее состояние флота

было в упадке и деморализации. Нужны были реформы, и А. В. Колчак взял на себя задачу воссоздания и научной реорганизации Русского военного флота.

Анна до последнего дня была рядом с Александром, добровольно пошла за ним в тюрьму. Она пишет: «Я была арестована в поезде адмирала Колчака и вместе с ним. Мне было 26 лет, я любила его и была с ним близка и не могла оставить его в последние дни его жизни». Через 50 лет она пишет:

АНТИГОНА.

Так глубоко ты в сердце врезан мне,
 Что даже время потеряло силу,
 И четверть века из своей могилы
 Живым ты мне являешься во сне,
 Любовь моя... И у подножья склона,
 И в сумерках всё не могу забыть,
 Что в этот страшный мир, как Антигона,
 «Пришла не ненавидеть, но любить».
 1949 год.

* * *

Никогда не рыдал ты так,
 Как сегодня приснилось мне.
 Мои руки в твоих руках
 И в слезах твоих, как в огне.

Мы одни... и враги кругом...
 Говорю я: «Не надо, брось,
 Твои слёзы жгутся огнём».
 (А сердце на части рвалось) .

«Нет, – сказал ты, – плакать позволь
 Этот раз мне – я не слепец:
 Мы пройдем сквозь такую боль,
 Прежде чем настанет конец».

Точно в грудь ты меня толкнул,
 Всё исчезло – не спится мне.
 Начинается утренний гул,
 За решёткой синее в окне...
 1939 год

* * *

Полвека не могу принять:
 Ничем нельзя помочь!
 И всё уходишь ты опять
 В ту роковую ночь.

А я осуждена идти
Пока не минет срок,
И перепутаны пути
Исхоженных дорог...

Но если я ещё жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

30.01.1970 год

* * *

Я едва приоткрою дверь –
Как хозяин тыходишь ко мне,
И я путаю, как во сне,
То, что было и что теперь...

Новый дом – это твой же дом!
Не расстаться мне, видно, с тобой:
Ты сидишь со мной за столом
И в постели лежишь одной.

И опять погружаюсь в тебя,
Как в колодец, на тёмное дно.
Ночь темна, вода холодна,
Всё равно мне, мне всё равно!

И на жизни призывную речь
Не найти мне ответных слов –
Слишком тяжёлый твой грозный меч,
Чтобы дрогнула чаша весов...

1927–1928

С отступлением Белого движения, оказавшись на Дальнем Востоке, Анна и Александр встретились в Японии. В Токио, выйдя с А. В. Колчаком из православной церкви, где пели молитву «Всем сердцем», Анна Васильевна сказала: «Я знала, что за всё надо платить – и за то, что мы вместе, тоже, – но пусть это будет бедность, болезнь, что угодно, только не утрата той полной нашей душевной близости, я на всё согласна». Близость сохранилась до последнего мига, но расплата была долгой. После расстрела А. В. Колчака для Анны начались репрессии. Почти сорок лет она провела в тюрьмах, лагерях и «минусах» вдали от крупных городов.

Муж Анны С. Н. Тимирёв умер в Шанхае, мать – в Кисловодске, сына опекали дальние родственники. В 1922 году, освобождённая из второго заключения усилиями Екатерины Пешковой, она привезла Володю в Москву в дом на Плющихе, 33, где снимал квартиру её брат Илья. Там Анна Васильевна вскоре вышла замуж за инженера В. К. Книппера, соседа по дому. Выжили благодаря ему. Добрый и надёжный, Всеволод Константинович заботился о семье, был защитой мальчику, когда его маму надолго высылали. Позже его квартира стала единственным домом для Елены Сафо-

новой, сестры Анны, племянника Ильи (сына сестры Ольги, погибшей в блокадном Ленинграде) и самой Анны Васильевны. Фамилией Книппер иногда подписаны её книги. Её сына Володю Тимирёва, красивого и талантливого юношу, художника, арестовали в 23 года и расстреляли. Анна Васильевна долгие годы не знала о его судьбе — всё надеялась на встречу. Мучительны её стихи «Сын» и «Ворожба». Её племянник Илья Сафонов — единственный оставшийся представитель следующего поколения большой семьи, писал: «Призрак покойного адмирала не давал покоя чекистам — они продолжали мстить ему в лице Анны Васильевны: арест следовал за арестом, высылки чередовались с лагерями, просветы нормальной человеческой жизни были очень короткими». Удивительна жизненная стойкость этой хрупкой женщины, сохранившей присутствие духа и надежду на лучшее в неимоверно трудных условиях. Вот её стихи тех лет:

* * *

Вскрываются синие реки,
Над городом гомон и дым.
И солнце усталые веки
Целует лучом золотым.

И даже в тюрьме — за решёткой,
За толстой кирпичной стеной —
Я слышу: чирикают чётко
Воробушки, пьяны весной.

1922 год

* * *

Как Иаков за дочь Лавана
Семь годов пас его стада,
Так и я степям Казахстана
Чабаном отдана на года.

Воздух резкий и ветер острый,
Битый камень, ковыль, полынь...
И над степью с отарой пёстрой
Веет дух библейских пустынь.

И сюда занесённые люди,
Как в какой-то тысячный год,
Сны толкуют и верят в чудо,
Ждут Мессии близкий приход.

Всю их жизнь разнесли и смыли,
Но они не верят в конец...
Только мне — для какой Рахили —
Семь годов здесь пасти овец?

1939 год (Карагандинские лагеря)

* * *

Всё холоднее дни короткие.
Шаги дорогою звенят.
Торчит из снега жёсткой щёткою
Незанесённая стерня.

И степь кругом, и сопки синие,
И снеговые облака...
Барак, затерянный в пустыне, и
Блатные песни и тоска.

А ночь темна, как глубь бездонная,
И в сердце острие копья...
Лежат на нарах люди сонные
Под грудой грязного тряпья.

И что им снится, что им бредится
В тяжёлом, беспокойном сне?
Повисла низкая Медведица
В морозом тронутом окне...

А тишина необычайная
И лампа теплится едва.
... Чтoб это выразить отчаянье –
Какие мне найти слова?

1939 год

БЫК

Здесь пустыни длинные дороги –
Мы с быком в степи всегда одни.
Спутник молчаливый и двурогий
Долгие со мною делит дни...

Поезда вдали кричат протяжно,
Ветер треплет паровозный дым,
Бычье сердце медленно и важно
Рядом с сердцем стучает моим.

Мерно, в такт медлительной походке, –
Не поскачешь вихрем на быке –
Он меня качает, будто в лодке
На широкой огненной реке...

И часами, лёжа на телеге,
Вижу я – синеет высота
И маячит на горячем небе
Очертанье рыжего хребта.

И мираж, струясь чертой узорной,
 Превращает сопки в острова –
 И в стихи, тяжёлые, как зёрна,
 Медленно слагаются слова.

1943 год.

ТОПОГРАФИЯ

Красой восточного сказанья
 Ужель не говорят тебе
 Такие сладкие названья,
 Как Асказань и Актюбе?

Но в годы долгих заточений,
 Когда на нас направлен штык,
 Звучит насмешкой «Возрожденье»,
 Как смертный приговор – «Батык».

И будет жизнь ещё возможной,
 Лишь если скроются вдали,
 Навек пропав в пыли дорожной,
 Бурма, Мухтар и Арчалы!

1944 год

В стихах — названия мест ссылки и лагерей, где Анна Васильевна отбывала очередную срок. Анну Васильевну как «гражданскую жену Колчака» арестовывали семь раз. Близкие друзья звали её — Колчаковна.

Живя в «минусовых» ссылках, она бралась за любую работу. Пригодились привитое в семье умение рукодельничать и подготовка в изостудии Зайденберга: была художником-оформителем книг, театральным бутафором, вышивальщицей, мастером на фабрике ёлочных игрушек, вела в пионерском лагере кружок «Умелые руки».

Окончательно Анна Васильевна вернулась в Москву лишь в 1960 году. Она всегда умела радоваться жизни, давала приют в своём доме людям, недавно вышедшим на свободу, как и она. Заботливая хозяйка, всегда могла обогреть и накормить — грибы и ягоды лесные предусмотрительно заготавливались на случай гостей. Долгие годы гонений научили всему, хотя и в 74 года сетует, что сосредоточиться на записях ей некогда... Важно, что пройдя такие испытания, она не озлобилась, сохранила оптимизм, душевный свет, как Антигона, которая «Пришла не ненавидеть, но любить». Это — перефразированная строчка из трагедии Софокла, видимо, стала её жизненным кредо. Она прожила неполные 82 года (до января 1975 года). Как резюме её долгой и трудной жизни звучит стихотворение:

* * *

Под старость лет, придя к долготерпенью
 И всё простив неласковой судьбе,
 Всем сердцем полюби и помышленьем
 Клочок земли, доверенный тебе.

И вновь тебе откроются забавы,
 Которым прежде даже не был рад:
 В росе поутру ласковые травы,
 В пролёт террасы золотой закат...

И чтобы каждый день твой был отмечен
 Крупинкой радости, хоть самую простой,
 Событьем станет, радостным, как встреча,
 Цветенье роз, посаженных тобой.

1957 год

В поэзии Анны Тимирёвой отразилась вся её судьба — отголоском судьбы России. Интеллектуалка, она внимательно наблюдает современный мир, анализирует, делает выводы. Её тонкая лирическая натура явлена в эмоциональной взволнованности строк. Яркая образная речь выдаёт истинного художника, а ритмическое разнообразие её стихов напоминает о врождённой и развитой музыкальности. В самом деле, мелодия идёт следом — перечитывая стихи, поёшь... Литературное наследие Анны Тимирёвой — документ времени — имеет большую художественную ценность. Её интонация запоминается навсегда. Узнаваемый голос — признак настоящего поэта.

Р.С. В литературном клубе Харькова «Чичибабин-центр» состоялся вечер поэзии Анны Васильевны Тимирёвой. Случилось это в ноябре 2013 года. Звучали её стихи, рассказ о её судьбе и роли в истории России, а также скрипичная музыка и романс «Горьки, моя звезда», любимый А.В. Колчаком.

Ведущие — поэтесса, художник Елена Александровна Дербилова, Радислава Олеговна Капнист (потомок графского рода, дочь актрисы Марии Капнист, подруги А.В. Тимирёвой со времён лагерей), Алексей Александрович Иваницкий — офицер в отставке, краевед, историограф, внук известного фотохудожника начала XX века Иваницкого, фотографировавшего царскую семью.

Воспоминания об Анне Васильевне Тимирёвой можно найти в книгах А.В. Книппер «... **Не ненавидеть, но любить**» (Кисловодск. Театр-музей «Благодарь», 2005);

Людмилы Сафоновой (жена племянника Ильи) «**Волишебный сад души**»

История последней любви А.В. Колчака. Переписка А.В. Колчака и А.В. Тимирёвой (1916–1919) (Москва. Изд. «Река времён», 2009);

Л. Голозковой, М. Уразовой «**Владимир Тимирёв. 1914–1938**» (о сыне А.В.) (Москва. Изд. «Возвращение», 2008);

Д. Фибих «**По ту сторону**» (Газета «История» № 12. 2010) .

РАЙСА ДАВЛЕТБАЕВА-МАРТЫНОВА

СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА

*Памяти моей бабушки
Зариповой Шамсезихан Асылгараевны*

ЧТО Мы знаем о ногаях — народе, кочевавшем в XV–XVI веках между Волгой и Уралом? Немного. Но всё-таки кое-что знаем.

В хронике «Старинные ханства» сообщается, что ещё на рубеже XVII–XVIII веков известный историк и географ С. У. Ремизов писал: «В прежние времена сей землёй владели ногайцы Саткей и Шамий. После эти владения простирались до рек Зай и Шешма. Потом поселились здесь ещё несколько ногайских родов, которые покорились Казанскому хану».

В этой же хронике есть и такая запись: «Ногайский же вал идёт на две версты и разделяет теперь, как межа, земли села Новоспасского от земель сельца Урсаева» (так раньше называли Первую закамскую оборонительную черту). Эти сведения взяты мною из «Справочной книги Уфимской губернии за 1882–1883 гг.», (Уфа, 1883). Ногаи были прирождённые кочевники. Как известно, на развалинах Золотой Орды «в конце XIV — нач. XV веков было создано государственное образование кочевников на территории от Северного Прикаспия и Приаралья до Туры и Камы и от Волги до Иртыша» (БСЭ, т. 18, стр. 88–89).

Своего расцвета Орда достигла при праправнучке Едигея — хане Юсуфе — отце известной царицы Казанского ханства Сююмбике.

Но в междоусобной распре хан Юсуф был убит младшим братом Измаил-Мурзой, а двое сыновей Юсуфа Иль-Мурза и Ибрагим-Мурза в 1563 году были отправлены в Москву к царю Ивану IV. Так началось на русской земле новое летоисчисление древнего восточного рода под именем Юсуповых.

Царь Иван Грозный благосклонно принял сыновей свергнутого ногайского правителя, с которым он состоял в дружеских отношениях и двадцатилетней переписке, наделил их многими сёлами и деревнями в Ярославской губернии.

К концу XIX века Юсуповы стали крупнейшими в России землевладельцами. Им принадлежало 250 тыс. десятин (1 дес.=1,09 га) в семнадцати губерниях империи. Вместе с тем они становятся преуспевающими промышленниками. На них работали сотни свеклосахарных, кирпичных, лесопильных заводов, текстильные и картонные фабрики, рудники, винокуренные производства и т.д.

Юсуповы собрали неслыханной ценности художественные коллекции. Им принадлежали невиданной красоты дворцы: в Москве и в Подмосковье, в Петербурге и в Крыму, в других местах.

Забегая немного вперёд, следует напомнить: в 1900 году Юсуповы составили завещание «... в случае внезапного прекращения рода нашего всё наше движимое и недвижимое имущество завещаем в собственность государства в виде сохранения сих художественных коллекций в пределах империи для удовлетворения эстетических и научных потребностей Отечества».

Всю родословную Юсуповых мы изучать не будем. Перенесёмся ко второй половине XIX века. И остановимся на Николае Борисовиче Юсупове — младшем, последнем представителе древнего княжеского рода по мужской линии.

Получив превосходное образование в Петербургском университете, Н. Б. Юсупов начал свою служебную карьеру в 1850 году в собственной канцелярии императора Николая I, которому он доводился крестником.

Но неожиданно в начале 1852 года повелением государя он был срочно удалён из Петербурга — сначала в Тифлис, в канцелярию кавказского наместника, затем переведён в Ригу «состоять при особе генерал-губернатора».

В 1854 году, во время Крымской войны, молодой князь на свои средства сформировал два артиллерийских полка, за что был удостоен ордена Святого Владимира четвёртой степени и придворного звания камер-юнкера, но высочайшего разрешения вернуться в Петербург не получил. И только лишь после смерти Николая I (1855 г.) князь Н. Б. Юсупов был вызван из-за границы. Почётное изгнание из столицы длилось ровно три года. Чем же объяснить такое отношение императора к своему крестнику?

Молодой князь был страстно влюблён в фрейлину (придворная особа, состоящая при императрице) Татьяну Александровну Рибопьер из рода графов Потёмкиных. Любовь была взаимной.

Причина, по которой царь воспрепятствовал женитьбе своего крестника, состояла в том, что по канонам православной церкви этот брак признавался близкородственным и незаконным, так как Николай и Татьяна были двоюродными братом и сестрой.

Но уверенно можно предполагать, что причины трёхлетней ссылки и противостояния царя этому браку были куда более серьёзными.

В 1855 году Николай I умер. Российским императором стал Александр II Освободитель. А вскоре после коронации нового государя молодой князь Николай Борисович Юсупов женился на графине Татьяне Александровне. Своё искреннее чувство, преданность друг другу супруги сохранили до конца своих дней.

Странно только то, что венчание, на котором присутствовали лишь самые близкие, состоялось в сельской церкви Бутурлино в одном из юсуповских имений Смоленской губернии.

Вскоре новобрачные уехали в Париж, где надворный советник Н. Б. Юсупов состоял на службе в российском посольстве.

Будто бы всё наладилось — живи и радуйся.

Народилось трое детей: сын Борис — наследник Юсуповых по мужской линии, и дочери, Зинаида и Татьяна.

Но, просмотрев родословную князей Юсуповых, убеждаешься, что счастья не получилось. По родословной сын Борис умер в детстве в 1863 году. Но тут же возникает вопрос: год смерти указан, а год рождения — нет. Странно, неужели великосветские особы забыли, когда родился их первый сын, к тому же главный наследник? Ведь у дочерей Зинаиды и Татьяны указаны та и другая даты. Напрашивается вывод: дату

рождения Бориса показывать было непристойно для столь знаменитого рода, так как он родился ещё до вступления родителей в законный брак.

Но это всё было покрыто глубокой семейной тайной. И чтобы эту тайну сохранить, решено было не без согласия императора Александра II отправить Бориса под другим именем как можно подальше от столицы. Так Борис Николаевич — прямой наследник рода Юсуповых — под именем Асылгарая Мухамметшовича оказался в далёкой Уфимской губернии, в деревне Иляксай Альметь-Муллинской волости Мензелинского уезда. Выходит, что Юсуповы свои связи с местами древнего обитания своих предков ногаев-скотоводов не забывали.

Но злой рок продолжал преследовать княжескую фамилию. В 1879 году на 51-м году жизни скончалась Татьяна Александровна, оставив сиротами дочерей: Зинаиду 18-ти лет, Татьяну — 13-ти и безутешного вдовца — князя. Вероятно, ранняя смерть сына сказалось на здоровье матери.

На этом невзгоды не закончились. В 22 года умерла от тифа младшая из дочерей Татьяна.

А вот о семейной тайне рода Асылгарая Мухамметшовича приходится рассказывать мне, Раисе Ахтямовне Мартыновой-Давлетбаевой, уроженке деревни Сармашбаш Заинского района Республики Татарстан. Я — прямой потомок Асылгарая в четвёртом колене.

На историческую родину Асылгарай прибыл, будучи зрелым, образованным человеком, со значительным жизненным опытом.

Не без помощи влиятельных петербургских родственников уфимский генерал-губернатор назначил Асылгарая земским участковым начальником. Это административно-судебная должность в сельской местности России, как правило, занималась потомственными дворянами.

Асылгарай Мухамметшович развернул бурную деятельность в области сельской торговли. Четыре лавки (магазина) приносили хозяину дополнительный доход. Лавки с красным товаром (различные цветастые ткани), посудой, леденцами и пряниками гостеприимно открывали двери. Торговля шла бойко.

По архивным данным, в 27 лет (1878 г.) Асылгарай женился на местной красавице Хасбиямал Каллимуловне. От этого брака появились на свет четверо детей: три дочери и сын.

Из четверых детей Асылгарая мы выделим сына Шайдуллу (род. в 1890 г.) и его младшую сестру Шамсезихан (род. в 1893 г.) — это моя будущая бабушка.

Глава семьи Асылгарай продолжал государственную службу и занимался предпринимательством, как бы сегодня сказали.

Деревенская молва утверждала, что в голодные 1899–1900 годы Асылгарай ездил к Юсуповым в Архангельское (под Москвой) за материальной помощью и якобы в помощи ему было отказано. Но это молва. Никто не знает и никогда не узнает, с чем Асылгарай возвращался из Архангельского. На обратном пути, как говорят односельчане, он был утоплен в полынье речки Мелекески у деревни Суксы, что недалеко от Бережных Челнов. Что это: обыкновенное разбойное нападение или спланированное убийство? Кому это было надо? Опять — вопрос без ответа.

В записях муллы Иляксайской мечети (тогда записи о рождении, браке и смерти провозводились в мечетях и церквях) было отмечено: Асылгарай умер в 1900 году от болей в животе в возрасте 46 лет.

Сопоставляя официальные данные — год смерти Бориса Юсупова по родословной (1863 г.) и прожитые Асылгараем полные 46 лет — получаем, что Борис Юсупов родился в 1854 году.

В руках автора этих строк оказался объёмистый том (669 страниц) сочинения Елизаветы Красных «Князь Феликс Юсупов: «За всё благодарю...» (Москва, 2003 г.) .

Книга является полной документальной биографией князя Феликса Юсупова, основанной на неопубликованных ранее обширных юсуповских архивах, хранящихся в России, Франции и Великобритании. В основу биографии легли 14000 неизвестных писем и фотографий семьи Юсуповых, воспоминания их родных и друзей. На страницах 224–225 помещена вставка с фотографиями, в том числе «В Архангельском (1900-е годы)». Так называется, как уже мы говорили выше, Юсуповский дворец под Москвой. Под фото надпись: «Слева направо: неизвестный...». Рядом с «неизвестным» стоит улыбающийся подросток — это Феликс Юсупов — будущий наследник и участник убийства Григория Распутина, девочка-подросток Екатерина Сумарокова — близкая родственница семьи Юсуповых. Сидят: графиня Зинаида Юсупова и её старший сын Николай, погибший на дуэли в 1908 году.

Но кто такой «неизвестный», засветившийся на фоне великосветской семьи Юсуповых, которая к тому же находилась в родственных отношениях с царской семьёй Романовых. Почему разрешили встать рядом небрежно одетому неизвестному мужчине? У него даже пиджак застёгнут был на одну лишь верхнюю пуговицу с полями нараспашку. А как отчуждённо к нему сидит графиня Юсупова! Следует признать, что это мог быть только близкий к семье человек, но по каким-то семейным соображениям личность его не раскрывается. Разумеется, фотография была сделана не для всеобщего обозрения, однако история распорядилась по-своему: личный архив Юсуповых оказался в руках государства.

Сопоставляя факты — загадочную фотографию, поездку Асылгарая к Юсуповым, неожиданную его смерть, приходишь к выводу, что «неизвестный» — это бедный родственник дома Юсуповых Асылгарай (князь Борис, якобы умерший в детстве), а графиня Зинаида Юсупова — его младшая родная сестра, а Николай и Феликс Юсуповы — племянники Асылгарая.

Сущность неприязни княгини Зинаиды к старшему брату Борису (Асылгарая) заключалась в том, что последний являлся главным наследником рода Юсуповых, но он был уже давно задвинут в глухую провинцию по причинам, о которых мы говорили. Настоящим же наследником был объявлен вот этот, стоящий рядом с Асылгараем мальчик — подросток Феликс Юсупов. Княгиня Зинаида опасалась: а вдруг царь-батюшка Николай II передумает и соизволит пересмотреть родословную Юсуповых и восстановит справедливость? Разумеется, что подтвердить этот вывод сегодня не может никто, но и опровергнуть его тоже очень трудно.

Суть в том, что Зинаида Юсупова после замужества стала графиней Сумароковой. Следовательно, её дети Николай и Феликс тоже приняли фамилию отца — графа Сумарокова. Но по повелению императора Николая II они сохранили и титул князей Юсуповых.

Ко времени трагической гибели Асылгарая его первая дочь Фархеджихан уже была выдана замуж, второй — Нурлыгаян было тринадцать лет, сыну Шайдулле — десять и младшей дочери Шамсезихан — семь лет.

Как судьба распорядилась сиротами? Вторая дочь была выдана замуж в шестнадцать лет. Одиннадцатилетнего Шайдуллу влиятельные петербургские родственники забрали из деревни и устроили в кадетский корпус. Это привилегированное военно-учебное заведение закрытого типа для подготовки дворянских детей к военной службе. В это время кадетскими корпусами руководил великий князь из рода Романовых Константин Константинович. Срок обучения в них шесть–семь лет. Затем образование продолжалось в военных учебных заведениях, где готовили офицеров русской армии.

Самую младшую сестру Шайдуллы — Шамсезихан — в 1909 году и тоже в шестнадцать лет отдадут замуж, но первый муж вскоре умер от воспаления лёгких. Шамсезихан выходит замуж вторично в деревню Сармашбаш. Её новый муж Габделмалик Зарифович был значительно старше её и, следовательно, имел взрослых детей. Младшая дочь Габделмалика Хазяр очень подружилась с молодой мамой, называя её: «Моя молодая красивая мама».

А вот что помню я, внучка Шамсезихан. Она была очень красивой. Лицо белое, глаза карие, волосы и брови чёрные, нос прямой. Держалась прямо, независимо. Когда шла за водой, деревенские жители высыпали на улицу, чтобы на неё поглазеть.

В 1908 году, когда Шайдулла закончил кадетский корпус и уже учился в военном училище, он приезжал в деревню за юной Шамсезихан: «Собирайся, поедем в Питер, велено тебя привезти, будешь фрейлиной при императрице Александре Фёдоровне».

Шамсезихан не поехала. На вопрос, почему, немного подумав, она ответила: «Стало страшно. Я ведь в деревне воспитывалась. А я и не жалею об этом. Зато у меня есть ты!».

У Шамсезихан было семеро детей, Не меньше их она любила и ласкала меня, свою внучку. Именно мне в 1968 году, когда я училась в девятом классе, бабушка раскрыла семейную тайну. Она сказала: «Внученька! По сравнению с остальными детьми ты самая любознательная, самая умная, хорошо учишься. Я долго ко всем присматривалась. Запомни, что я тебе скажу. Мы из рода князей Юсуповых. Наш

род знатнее и богаче царского рода Романовых. Придёт время, ищи нас в Петербурге возле царя. Ещё запомни имя моего отца Асылгарая. Это имя — ключ к разгадке тайны Юсуповых. Асылгарай — сын Юсупова Николая Борисовича-младшего и Татьяны Рибопьер».

При советской власти, особенно в сталинские времена, такие семейные секреты хранились в глубочайшей тайне. Даже нельзя было говорить о том, что мои родители или деды были зажиточными крестьянами, кулаками, как их тогда называли. Иначе тебе будет светить политическая статья 58, п. 11, срок и высылка куда-нибудь на север.

И теперь о Шайдулле. Будучи офицером русской армии, он фактически с первых дней угодил на фронт — началась первая мировая война (август 1914 г.). Как он воевал, теперь никто не расскажет, но сохранившаяся фотография говорит о многом. Военная часть, в которой он служил, в 1916 году была на переформировании в городе Ярославле.

На фото: первый справа — статный молодой офицер Шайдулла, полный Георгиевский кавалер (четыре креста), его дядя Гатаулла Калимуллович — рядовой, которого он случайно встретил в Ярославле, и молодой солдат-денщик, тоже родственник, Васильев (Волков) Пётр Васильевич из деревни Фёдоровка Мензелинского уезда Уфимской губернии.

Полный Георгиевский кавалер по современным меркам приравнивается к Герою Советского Союза или, по-сегодняшнему, к Герою России.

Кстати, царские боевые кресты Сталин разрешил носить открыто после Курской битвы (1943 г.). А в День Победы, когда ещё были живы некоторые Георгиевские кавалеры времён первой мировой войны, на демонстрациях они шли в первом ряду вместе с Героями Советского Союза.

Имеющий такие награды офицер был в огромном почёте и уважении. И как вспоминала бабушка Шамсезихан, Шайдулла был вхож к Николаю II. Бабушка Шамсезихан даже говорила, что при встрече с Шайдуллой император вставал для приветствия Георгиевского кавалера.

Большой резонанс в истории России получили события конца 1916 года. Приближённые и, кстати, родственники царя убили Григория Распутина — фаворита царской семьи. Родом он был из сибирских крестьян. Вошёл в доверие и лечил детей царской четы, особенно больного наследника престола Алексея, страдавшего неизлечимой болезнью — гемофилией (несвертываемостью крови). Царевич такое «наследство» получил от своей прабабки, английской королевы Виктории.

Врачи были бессильны. Но зато старец Григорий Распутин, скорее всего, внушением мог остановить смертельно опасное кровотечение. Врачи только руками разводили.

Само собой разумеется, что царская семья дорожила дружбой с Распутиным. Ведь решалась судьба единственного наследника российского престола. Приближённые же Николая II были уверены, что расшатывание самодержавия исходило от загадочного старца.

Созрел заговор. Убийство стало свершившимся фактом. Исполнителями были князь Феликс Юсупов, депутат Госдумы Владимир Пуришкевич, великий князь Дмитрий Павлович и другие. Этот поступок высокопоставленных вельмож глубоко оскорбил царскую чету и определил многие их действия в будущем. Николай II неоднократно повторял после смерти Г. Распутина: «Мне стыдно перед Россией, что руки моих родственников обгажены кровью мужика» («История России, XX век», т. 5, стр. 35, Москва, 1995).

По утверждению бабушки Шамсезихан, в январе 1917 года Шайдулле как законному наследнику по мужской линии вернули дворянство и титул князя Юсупова. Следовательно, Феликс Юсупов лишился всего этого. Так вот отреагировал российский император за участие Феликса в убийстве друга царской семьи Григория Распутина.

Указ, касающийся Шайдуллы, был подписан Николаем II. Он должен был войти в силу через шесть месяцев после подписания. Шайдулле же пришлось принять крещение. Это было одним из главных условий.

Ну, а потом, как знает читатель, в России наступили смутные времена: революция, затем гражданская война, унёсшие тринадцать миллионов жизней самого активного населения. Эти события затронули всю Россию. Появились белые и красные.

В августе 1918 года территория современного Заинского и соседних с ним районов оказалась на пути отступающей белой армии. На восток двигался и чехословацкий корпус, он возвращался из русского плена на родину через Владивосток. И белые, не имея достаточных сил, отступали под прикрытием белочехов.

По старой мензелинской дороге (Сармашбаш, Степановка, Чукмарлы, Петровский спиртзавод, Языково, уездный город Мензелинск) двигались уставшие части белой армии. Одним из крупных соединений командовал подполковник Шайдулла Асылгараевич. Попутно заехал в родное село Иляксай. Но ночью его срочно вызвали в штаб, который расположился в деревне Шигаево (Шигай) ныне Сармановского района Татарстана.

По пути у речки Иганя напротив села Языково, теперь уже бывшего, он был убит выстрелом в затылок своим денщиком Гарапшой. Кстати, своим же земляком

из деревни Чукмарлы Сармановского района. Лошадь привезла тело Шайдуллы в деревню Иляксаз, где он в большой тайне был предан земле своими родственниками.

Среди односельчан не одно десятилетие шли пересуды по поводу места захоронения подполковника царской армии Шайдуллы. То якобы родственники его похоронили у себя в огороде, а затем это место завалили стогом соломы, то появлялись иные вымыслы. Я решила вполне определённо ответить на этот вопрос. Но возникли трудности. Дело в том, что по мусульманским обычаям вход на кладбище женщинам воспрещён.

Я встретилась с имамом-мухтасибом Сармановского района и мечети «Тауфикъ» села Сарманова Саидом Хазратом Хаковым, директором краеведческого музея Г. М. Агелтдиновой и старшим научным сотрудником этого же музея Д. М. Кашиповой. Была организована изыскательская партия, некоторые члены которой хорошо владели арабской письменностью. Сюда же

вошли К. В. Бурчик — руководитель Набережночелнинской фирмы по художественному оформлению памятников, и, разумеется, родственники Шайдуллы: я, как инициатор поисков, Давлетбаева Бария и её сын Айрат. И тайна была раскрыта в апреле 2008 года. На снимке вы, уважаемые читатели, видите надгробный камень на могиле подполковника Шайдуллы Асылгараевича, погибшего в 1918 году от предательской руки своего денщика.

И подведём итоги. Первый год гражданской войны Феликс Юсупов, разумеется, с родственниками, отсиживался в своих дворцах в Крыму. Но весной 1919 года войска красных стали приближаться к Крыму. В апреле 1919 года вдовствующая императрица (жена Александра III) и её близкие, среди которых были и Юсуповы, на английском военном корабле покинули Россию. Больше они на родину не вернулись. Одни поселились в Италии (Рим), другие в Париже.

В октябре 1965 года в газете «Известия» была помещена статья известного советского корреспондента в США Станислава Кондрашова «Процесс о полутора миллионах». Суть судебного процесса — убийство Григория Распутина.

Английская телекомпания Си-Би-Эс в полной мере смаковала это событие. Она прозрачно намекала на то, что, заманивая Распутина в свой петроградский дворец на Мойке, Феликс Юсупов использовал свою красавицу жену Ирину как сексуальную приманку.

При встрече в особняке Феликс и Распутин по русскому обычаю расцеловались. Старец Григорий неожиданно насмешливо воскликнул: «Надеюсь, это не иудино лобзание!».

Прошло много лет после того события, а мировая печать и телевидение продолжали освещать его кому как заблагорассудится. За оскорбление чести и достоинства Юсупов по своему иску надеялся выиграть полтора миллиона долларов. К сожалению, мы не знаем результатов этого процесса.

Это не единственный судебный процесс. Несколькими годами раньше подобный иск был предъявлен князем Юсуповым к голливудской компании «Метро-Голь-

двинг-Майер». Выиграв в суде три млн долларов, князь нашёл прекрасное применение своим деньгам — роздал их нуждающимся русским эмигрантам.

В 1967 году Феликс Юсупов умер. С его смертью закончился весь мужской род когда-то знаменитой фамилии.

Возможно, «похоронив заживо» в 1863 году князя Бориса, всевышний как бы наложил табу на весь мужской род Юсуповых.

Правда, у нас в России ветвь наследников Асылгарая (князя Бориса) не в пример зарубежной достаточно многочисленна.

За рубежом в настоящее время живут внучка Ф. Юсупова Ксения, правнучка Татьяна и праправнучки Марилья и Жасмин-Ксения. По просьбе внучки Ксении в 2000 году по указу Президента Российской Федерации ей было предоставлено российское гражданство. Она по-прежнему живёт за рубежом, но 3 августа 2012 года мы встретились в соседней Елабуге, куда она была приглашена на Спасскую ярмарку вместе с другими представителями знаменитых фамилий.

На снимке: (справа налево) княгиня Ксения Николаевна Юсупова-Шереметева-Сфири, Раиса Ахтямовна Мартынова-Давлетбаева, журналист Разиля Фаттаховна Кашапова, Геннадий Петрович Мартынов. *Гостиница «Елабуга-Сити».*

ОТ ВОЛОДИ ДО ВОЛОДИ

Как-то одна известная казанская газета объявила конкурс на лучшую идею памятника и на название для новой улицы. Один весёлый читатель предложил соорудить в Казани монумент «Чаяну» и назвать в честь легендарного журнала какую-нибудь улицу или, на худой конец, тупик. А почему бы и нет? Ведь «Чаян», наряду с чакчаком, башней Сююмбике, КАМАЗом и хоккейным «Ак Барсом» — настоящий республиканский бренд!

Увы, креативная читательская идея не воплотилась в жизнь. Не нашлось, видно, подходящего места и тупичка. Но, несмотря на это, праздник на чаяновскую улицу всё же пришёл. Шутка ли, народному любимцу «Чаяну» («Скорпиону») стукнуло целых девяносто лет!

Срок более чем солидный, но юбиляр держится молодцом. Он по-прежнему энергичен, задорен и зубаст. А как же иначе? У кого весёлый нрав, кто умеет острым словцом и весёлым рисунком рассмешить другого, тот не стареет. Во всяком случае, душой.

Все эти годы «Чаян» («Скорпион»), опираясь на богатые традиции татарской сатирической печати и казанской школы карикатуры, возделывал свою уникальную грядку на медийном поле страны. И сегодня чаянисты идут в ногу со временем, освоив безграничные пространства Интернета, находя новые юмористические подходы и темы.

За девять десятков лет — от Володи до Володи, от Ленина до Путина — «Чаян» отразил все изгибы и перегибы нашей непредсказуемой истории. И всегда «скорпионовы братья» оставались верны своим главным принципам: высмеивая человеческие пороки, улучшать общественные нравы; защищать простого человека; давать читателю надежду на добро и справедливость, нести людям позитив. И сегодня небольшой коллектив журнала и его многочисленные авторы своей смехотворной работой подтверждают это.

Будьте здоровы, будьте с «Чаяном»!

ЧАЯНУ

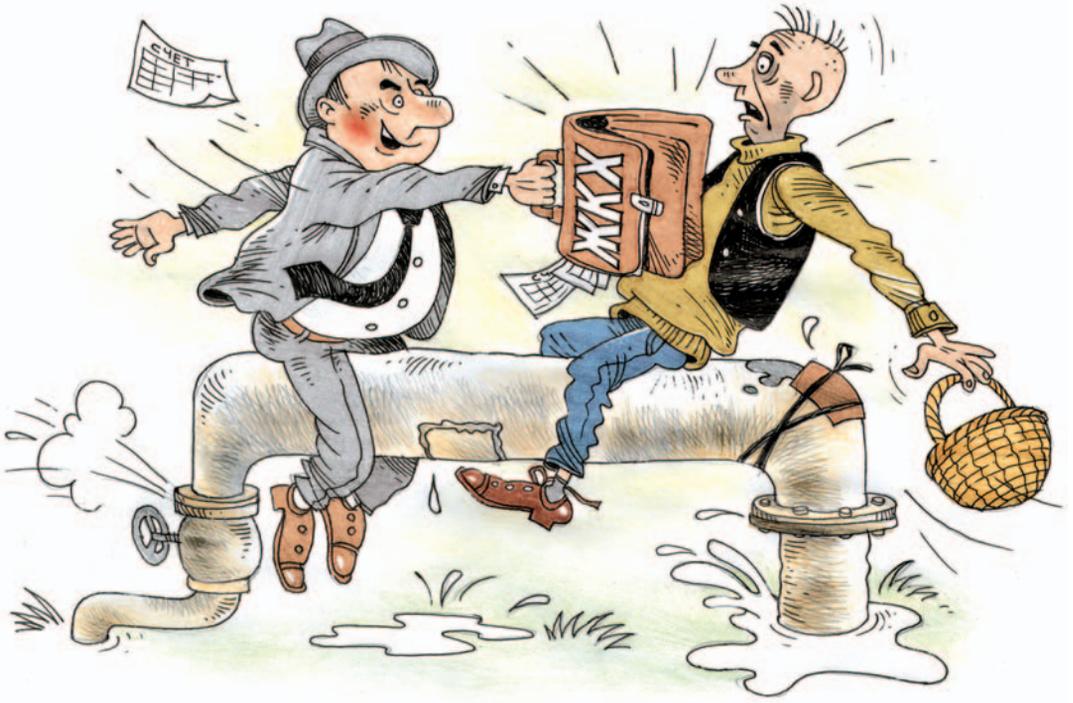

Р. Абзалов

В. Бибишев

А. Алешин

И. Нафеев

А. Космылин

А. Шульгинов

В. Феоктистов

Р Абзалов

И. Нафиев

Р. Абзалов

У КОНОВЯЗИ

И. Хантимиров — Сфотографируйте его в фас и в профиль!

И. Нафиев

С. Андрианов

С. Андрианов

И. Азимов

Р. Абзалов

А. Алшин

Э. Дышаев

А. Алешин

От редакции. Поздравляем главного редактора республиканского сатирического журнала «Чаян», нашего друга и автора Рафаэля Халилуллова, а также возглавляемый им коллектив неунывающих литераторов и художников с 90-летием их любимого Бабая, которому желаем творчески прожить ещё столько же. А там – посмотрим...

КИПИТ ВОЗМУЩЁННАЯ БЛОГОСФЕРА...

Пост в социальной сети:

Диана (статус «Я уже знаю, на кого буду гадить, когда стану Птицей...»): «Вчера сажала на даче дивные георгины. Сегодня спала, варила кофе и два раза поднималась на второй этаж. Вдруг подумала — не купить ли мне плюшевого енота? И интересно, какая погода сейчас в Лондоне? Читаю Бэкона, как жаль, что я не читала его раньше... Хи-хи!»

Некоторые из 11564 комментариев (орфография сохранена):

Olg a: «какая ты молодец!!! но георгины надо сажать во второй половине мая то есть весной а сейчас лучше замедлись и порефлексируй. Сделай себе запечённый камамбер, очень уютная еда, вкусней бекона»

Гуля: «Не, сама не делай. Я нашла потрясающий итальянский ресторанчик кидаю ссылку. Там феноменальные камамберы!!! И рататуй! шеф-повар — душка!»

Olg a: «Это в сокольниках? А то я постою и ни одного фидбэка, я уже начинаю сублимировать»

Гуля: «Не знаю, меня муж возил но если сокольники в москве то да. а чего это ты постишься?»

Центурион: «Почему в России власть сидит в хорошо защищённой крепости? Потому что народу всё равно! Всем НАПЛЕВАТЬ!!! У всех на уме сублимирующие камамберы, мать их!»

Сергей: «да сейчас кто то сажает георгины не вовремя.. а власть вовремя всех остальных.. Пойду пройдусь.. и почитаю Лотмана.. пока не дали два года за призывы..»

Николя: «Во всём виноваты комиссары лотманы, кто ж ещё. Они сидят у кормушки и плюют на всех. И посредством налогов разводят всех на бабки)))»

Yuga: «Конечно, сейчас не время сажать георгины, читать Лотмана и разводить кого-то на бабки. Сажать надо картошку, коноплю в крайнем случае, читать Эко, а разводить тушканов. Как Кафка или Вуди Аллен. Или сочинять хокку о гендерной зависимости крымских татар, как я»

Диана: «Когда уже в «Марни» завезут новую коллекцию... очень нужны два летних шарфика, клатч и туфли... Правда, не знаю зачем... хи-хи»

Дмитрий: «Кафка никогда не сажал картошку и, тем более, коноплю. Картошку он покупал в овощной лавке, принадлежащей, кстати, семье Геббельсов, а конопля, точнее, её европейская разновидность, в то время свободно росла по берегам всех рек Европы. Об этом есть в Википедии»

Olg a: «Нет камамбер это наслаждение! Сейчас сфоткаю и выложу! А после камамбера на пилатес!»

Гуля: «класс! Феноменально! зачот!»

Сергей: «все на митинг! нельзя допустить!.. и наши руки — крылья! и паровоз на запасном пути!.. Главное не схлопотать два года за попытку..»

Диана: «Так не в чем идти на митинг, хи-хи! «Марни» обманывает с новой лекцией! Пойду сделаю себе мохито с базиликом...»

Olga: «фи, опять мохито... а где же diversity? Это я не в качестве троллинга»

Глеб: «Не парься! оппозиция сдохла, всё. превратилась в болото. и совсем не в сахарное. бугагашеньки!))))))»

Андрей: «Лидера нет!!! Кто поведёт за собой?! Навальных навалом, а где новый Моисей, деффчонки?»

Диана поменяла статус на «У интеллигентного человека и похмелье интеллигентное»

Гуля: «Olga, лови фотку ресторана. рядом со мной мой муж. я слева с феноменальным камамбером в очках. за мной душка шеф-повар. В очках я а не камамбер»

Миша: «Камамбер хорош в Balalauka Bar. И там прекрасная линейка лимонадов»

Лёша: «А Моисей здесь причём? Он же еврей! Я за евреями не пойду! Я лучше за камамберами в Balalauka Bar!»

Сергей: «с определениями еврей-нееврей.. таджик-нетаджик.. гей-негей.. надо поосторожней. можно схлопотать двושечку.. за разжигание»

Бизон: «Только не надо фрондировать! Оппозиция потому умерла, что только фрондировала! Впечатлительные провластные тролли! Вы все глупцы!!!»

Диана: «Уряяя! В «Марни» наконец пришла новая коллекция! Бегу-бегу-бегу! Какая я всё-таки бедняжка, хи-хи... И, кстати, от чего и когда умерла оппозиция?»

Olga: «А Balalauka Bar это бывший бар «Балалайка»? Какое там было гаспачо! Когда у них дедлайн в двенадцать?»

Миша: «Balalauka Bar это бывший бар «Шишка» а бар «Балалайка» сейчас называется бар Shihka и гаспачо у них нет. Стыдно не знать, для чего живём-то. Но какой там тимбаль из рака!»

Инна: «у миня дома книжик нет но меню ис Shihki лижид на видном мести сын наизуст знает. никакой чехоф нинужен зачитаешся аш слюни тикут»

Дмитрий: «Моисей, кстати, водил евреев 40 лет не для того, что б они забыли рабство, а для того, что б они забыли, как в Египте хорошо было. Вот и бродил с ними по пустыне. Психотип такой. Да и стыдно ему было с такой толпой евреев в городах появляться... Могли и побить... Об этом есть в Википедии.»

Olga: «Вот есть же люди им лайкнёшь а они сразу челленджить начинают... хотя может это фейк...))))))»

Yuga: «(смущённо) А Вы, Дмитрий, часом не из семитов? Или из либералов? Или из... (ковыряет носком землю) Хотя это обычно одно и то же...»

Дмитрий: «Если здесь процветает антисемитизм, хамство и гомофобия, то я удаляюсь. Я не люблю спекуляции, аберрации и флюктуации. Об этом есть в Википедии»

Центурион: «И здесь семиты!!! Да ещё под знамёнами ЛГБТ! Хоть в реал уходи... там, говорят, их меньше уже»

МАМА, ПОЧИТАЙ!

ЛЯЙСАН ШАРИПОВА

От редакции

Все, конечно, знают, что сказки лучше всех умеют рассказывать мамы и бабушки. А вот Ляйсан Шарипова совсем ещё не мама и не бабушка, ей только двадцать лет, однако сказки умеет не только рассказывать, но и сочинять. Не за горами время, когда выпустит их целую книжку, то-то будет радость маленьким читателям! Убедитесь сами, какие сказки-то чистые, светлые и добрые. И впрямь — новогодние подарки...

РУКАВИЧКА

Был конец декабря. В лесу царил предновогоднее настроение. Вся природа бережно укрыта серебряным одеялом снега. Некоторые жители леса уже вовсю готовились к празднику. Кто-то откапывал спрятанные на зиму запасы, а кто-то украшал норки весёлыми игрушками, мишурой и воздушными шарами. Ушастик тоже не сидел без дела. Вместе со своей большой и дружной семьёй он чистил шубки маленьким зайчатам, которые совсем недавно появились на свет. А вечерами мама-зайчиха рассказывала Ушастике свои волшебные сказки. Больше всего зайчик любил слушать сказки про Деда Мороза. Как-то раз Ушастик спросил у зайчихи:

— Мам, а ты веришь в Дедушку Мороза?

Зайчиха тихонько посмеялась и, погладив своего сыночка по макушке, сказала:

— Зачем ты меня об этом спрашиваешь?

— Мне просто интересно, — ответил зайчик.

— Ушастик, — нежно обратилась к нему мама, — ты ещё слишком мал. Когда-нибудь ты поймёшь сам, существует Дед Мороз или нет.

— Так ты не веришь в Деда Мороза? — возмутился Ушастик.

Зайчиха отвела взгляд в сторону.

— Понятно, — грустно промолвил зайчик и подошёл к окну. — А кто же тогда рисует зимние узоры на окнах?

В ответ мама-зайчиха лишь пожала плечами.

— Мне кажется, тебе пора идти спать, — промолвила она.

Не проронив ни слова, Ушастик отправился в свою комнатку. Зайка долго не мог уснуть, ворочаясь с бока на бок. Мысли о Дедушке Морозе не торопились покидать его. Но, спустя некоторое время, Ушастик всё-таки уснул. И ночью ему приснился чудесный сон...

Проснувшись на рассвете, зайчик поскакал в лес. Кругом царил тишина, и лишь холодное пробуждающееся солнце лениво бросало на землю лучики света. Продолав небольшую утреннюю пробежку вдоль снежных деревьев, Ушастик решил поскорее

вернуться домой, чтобы не опоздать на завтрак. По пути он случайно наткнулся на что-то блестящее. Зайчик остановился, чтобы лучше разглядеть находку. На пушистом белом снегу лежала большая рукавица, обшитая расписными узорами. «Наверное, кто-то потерял», — подумал зайчик и поднял её. Ещё несколько секунд Ушастик разглядывал найденную рукавицу. «Надо обязательно найти хозяина!» — твёрдо решил заяц и посмотрел на снеговую дорожку. На ней виднелись чьи-то свежие следы. Не раздумывая ни секунды, Ушастик отправился искать хозяина рукавицы. Долго шёл он по следам и вдруг видит — старичок на пенёчке сидит. Подбежал Ушастик тихонько к нему и говорит:

— Доброе утро, дедушка!

Посмотрел старичок на маленького зайчика и улыбнулся:

— Здравствуй, пушистик!

— Скажите, вы в лесу рукавичку не потеряли? — тут же поинтересовался Ушастик.

Дед поправил густую белую бороду и говорит:

— Терял! А ты что, её нашёл?

— Нашёл, — ответил заяц, пряча рукавичку за спиной.

— Хочешь мне её вернуть?

— Да! — воскликнул Ушастик. — Но только прежде, чем я её верну, хочу, чтобы вы ответили мне на один вопрос...

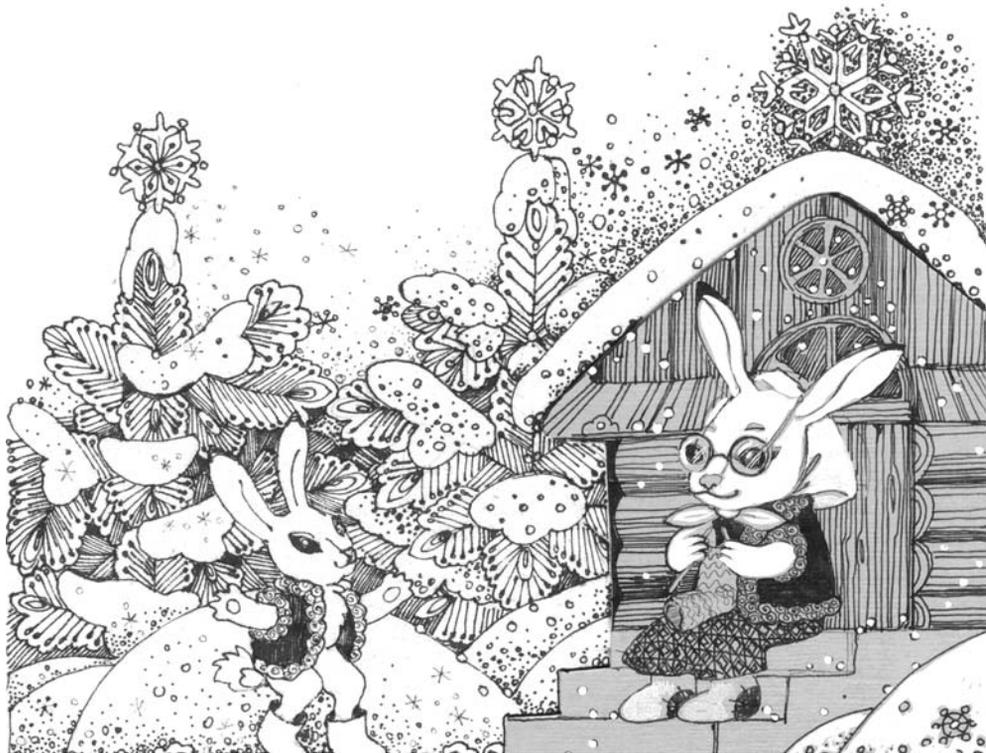
Старик кивнул в знак согласия.

— Скажите, — промолвил зайчик, — а Дед Мороз и вправду существует?

— Конечно! — не раздумывая, ответил тот. — А ты что, сомневаешься?

Ушастик наострил свои длинные ушки и неуверенно сказал:

— Не знаю.

— Дружок, — обратился к нему старик, — а ты загадай в новогоднюю ночь желание! И если Дедушка Мороз действительно есть на свете, то оно обязательно сбудется!

— Желание? — переспросил зайчик.

— Да, — ответил тот. — Скажи мне, вот что ты хочешь больше всего?

Ушастик призадумался и вспомнил про старую зайчиху.

— Больше всего, — начал он, — больше всего я хочу, чтобы моя бабушка поскорее выздоровела, — промолвил Ушастик.

— А что с ней? — спросил старичок.

— Вот уже который год у неё сильно болят ушки, и она совсем ничего не слышит, — грустно ответил заяц.

— Не унывай! Вот увидишь, Дедушка Мороз выполнит твою просьбу, и зайчиха в скором времени поправится!

— Как было бы здорово! — обрадовался Ушастик. — Спасибо вам за то, что ответили на мой вопрос. Держите свою рукавицу, — сказал зайчик и протянул её старику.

— Оставь её себе, милый друг, — промолвил тот в ответ. — Оставь на память обо мне!

— Но как же вы будете с одной рукавичкой-то ходить?

Дед посмеялся и говорит:

— Не беспокойся, дружок! Моя внучка свяжет мне ещё одну пару тёплых рукавиц!

— Ну, тогда спасибо за подарок!

Вспомнив про завтрак, Ушастик попрощался со старичком и поскакал домой.

До Нового года оставался всего один день. Зайчик с нетерпением ждал ночи для того, чтобы загадать желание. Он очень любил бабушку и хотел, чтобы она никогда не болела. Наконец дождавшись волшебной ночи, Ушастик посмотрел на тёмное холодное небо и попросил Деда Мороза исполнить его желание.

На следующий день, вскочив ни свет ни заря, Ушастик отправился к старой зайчихе. Он быстро добрался до её дома. Бабушка сидела на пороге и пела весёлые песенки. Её ушки уже не болели. Теперь она могла прекрасно слышать. Ушастик был очень рад её выздоровлению.

Вернувшись поздно вечером домой, зайчик достал мохнатую тёплую рукавичку из-под кровати и крепко прижал её к своей груди. Теперь он раз и навсегда поверил в чудо, а также в то, что Дед Мороз и вправду существует!

ДОРОГА К СОЛНЦУ

Жила в лесу маленькая рыженькая белочка. Была она совсем одинокая — ни родных, ни друзей. Даже зверюшки с соседнего дерева переселились от неё подальше, чтобы не слышать, как белочка постоянно плачет. Она считала себя несчастной: всё валится из лап, ничего не получается.

Пролетала как-то раз мимо того леса синичка. Услышала она от зверей про белочку и решила помочь ей. Прилетела синичка к белочке и говорит:

— Расскажи мне, рыжая, как же ты своё счастье потеряла?

Пожала белочка плечами и снова в слёзы.

— Не плачь, — промолвила птица, — я думаю, всё ещё можно вернуть!

Вытерла тут глазки белочка:

— Вернуть?

— Да. Ты когда-нибудь слышала о том, что есть на свете волшебная дорожка, которая ведёт в небо и приносит счастье?

— Дорога к солнцу? — тут же переспросила белка.

— Можно и так сказать, — ответила та.

— Да, я слышала, — сказала белочка. — Когда я была совсем маленькая, мама рассказывала мне немного об этой волшебной дорожке... ещё мама говорила, что мы с ней когда-нибудь встретимся там, у самого солнца, — закончила белка и печально посмотрела в сторону.

— Не грусти! Я помогу тебе найти дорогу к солнцу!

— Спасибо, — обрадовалась белочка и обняла синичку.

На следующий день они отправились на поиски. Долго ходили белочка и синичка по свету, но всё было впустую. Сколько ни спрашивали они, никто не мог ответить им, где находится дорога к солнцу. Отчаялась тогда белочка и говорит:

— Эх, синичка, никогда мне не быть счастливой!

Села белка на полянку и опять заплакала. А золотое солнышко услышало её и пожалело, обогрев лучиком. Успокоилась та и поняла, что солнце её слышит. Попросила белочка указать ей дорогу к солнцу, а в ответ с неба неожиданно посыпался дождь.

— Бежим! — воскликнула синица, указывая на пещерку, которая находилась неподалёку.

— Нет. Я останусь здесь, — ответила белка, сидя под дождём.

Синичка махнула крылом и залетела в укрытие.

Долго лил дождь, а белка всё сидела и глядела ввысь. Когда он закончился, на небосклон снова вышло золотое солнышко и радостно засияло, бросая вниз лучики-улыбки. Через секунду неведомые волшебные птицы проложили от солнца к земле разноцветную дорожку. Поняла это белочка и закричала:

— Вот она!

— Что? — быстро откликнулась синичка.

— Вот она! Дорога к солнцу! — воскликнула та и тут же взобралась на радугу.

Недолго шла белочка к солнцу, а как только дошла, увидела свою маму.

— Привет! — радостно обратилась к ней бельчиха и протянула запечатанную коробку. — Держи!

- Что это? — удивилась белочка.
- Там внутри лежит корзинка счастья!
- самого настоящего счастья?

Бельчиха кивнула в знак согласия.

- Ура! Ура! — громко закричала белочка и достала из коробки корзину.
- Как жаль, но тебе пора уходить, — грустно промолвила мама и обняла свою дочку.

Маленькая белочка попрощалась с ней и скатилась по радуге на землю. В ту же минуту она достала из корзинки конфеты, обёрнутые в разноцветную шуршащую бумажку.

Белочка рассказала всё синичке и, поблагодарив её, отправилась домой. Вернувшись в родной лес, она решила поделиться сладким подарком со многими зверушками.

С тех пор не было у белочки ни грусти, ни слёз. А был только смех, радость и много-много счастья!

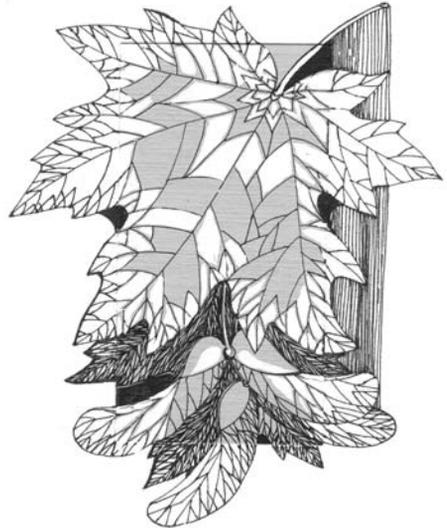
ВЫШЕ ВСЕХ

В лесу на макушке дерева висел большой кленовый лист. Он был очень высокого мнения о себе и всегда смеялся над теми листиками, которые находились пониже.

— Эй, вы, неудачники! — кричал он им сверху, скидывая на них пылинки.

Маленькие листики старались не обращать внимания на этого задиру. «Ничего, — думали они, — вот скоро кончится осень, начнутся холода, и все мы окажемся на земле».

Лист не знал про то, что есть на свете зима. Он был молод и глуп, оттого и не думал, что когда-нибудь его весёлая жизнь на верхушке дерева закончится. Но вот осень уже начала приближаться к концу. На улице становилось всё холоднее и холоднее. Ветер каждый день срывал с дерева по несколько листочков и уносил их в неизвестном направлении. Через неделю на дереве не осталось ни одного листочка. Лишь большой кленовый лист торчал на макушке. Посмотрел лист вокруг и понял, что остался один-одинёшенек и не с кем ему даже словом обмолвиться. Начал плакать лист, осознав свою неправоту и грубость. Попросил он у ветра вернуть обратно все листики на место. Да только ветер его совсем не слушал. Взял тогда тот лист и сам сорвался с дерева. И унёс его ветер далеко-далеко, к старым друзьям — листочкам.

Мы построили город. Сборник очерков. Набережные Челны, 2014. – 432 с.

На обложке солидного издания обозначено: «Челнинские биографии». Серия выходит с 2007 года. Она — об уроженцах города, делом подтвердивших свою любовь к малой родине, отдавших ей свои знания, опыт, талант; также о тех, кто много лет назад приехал сюда на великую стройку и остался здесь навсегда, почувствовав этот город своей второй родиной и вписав в его историю свою заметную страницу. Этот издательский проект, осуществляемый творческими силами Татарстанского отделения Союза российских писателей, уже рассказал о Раисе Беляеве, первом секретаре горкома партии, талантливом организаторе, под чьим руководством создавались здесь и КамАЗ, и город, и сельскохозяйственная зона вокруг него; о Героях Социалистического труда — возглавлявшем стройку Евгении Батенчуке и первом генеральном директоре КамАЗа Льве Васильеве; об учителях и выпускниках 20-й школы; о профсоюзном движении на автогиганте и видных деятелях огромного предприятия. Итак, пять книг, эта — шестая. Сборник «Мы построили город» включает в себя 28 очерков о людях известных и менее известных. Некоторые уже ушли из жизни, но оставили яркий след в памяти друзей, сослуживцев, горожан. Таким был Сергей Павлович Титов, основатель и первый генеральный директор народного предприятия картонно-бумажного комбината, где каждый работник — его акционер с высокой зарплатой и куда хотели бы устроиться очень и очень многие. Сергея Павловича город помнит, о нём сказано и написано немало добрых слов и в своём очерке журналист Сергей Алпатов ведёт разговор о преемнике С.П. Титова — нынешнем генеральном — Владимире Ивановиче Бестолкове. Вот уже 30 лет его жизнь связана с КБК. Как же сегодня живёт народное предприятие, чей путь развития некоторые считают тупиковым? Вот что рассказывает В.И. Бестолков: «Мы развиваемся не хуже, а лучше, чем предприятия иной формы собственности... Всё, что мы всем миром заработали, вместе и делили: это пойдёт на зарплату, а это — на развитие. Поэтому все разговоры о тупиковом пути — это от лукавого; так говорят те, кто в своё время за бесценок скупил собственность и стал её единоличным владельцем. Но мы своей работой, историей своего существования доказали правильность нашего пути. Все 15 лет наше предприятие для партнёров является ориентиром. В том числе и по уровню зарплаты... Зарплата на комбинате высокая. Мы сказали работникам, что дальнейшее её повышение возможно только при повышении производительности труда».

А вот герой очерка Аллы Ореховой иного толка: на каком месте родился, на том и живёт. Это — село Орловка, давно ставшее районом города. Где многие знают, что отсюда родом Сер-

гей Николаевич Бычков, потому как, бывая на вечерах и концертах, слушали этого исполнителя и музыканта. Со школьной семьи он верен своему увлечению, верен настолько, что, уже будучи взрослым семейным человеком, закончил набережночелнинское училище искусств, став профессиональным музыкантом. При этом работая на двух работах, ведь в семье уже было двое малышей. И профессия была — дипломированный специалист литейного производства. Сергей Николаевич возглавляет фирму «Металл-М», где основная часть коллектива трудится со дня основания, что говорит о многом. Бычков представляет собой современного предпринимателя гуманистического формата. Рассуждает так: «Когда у человека появляются деньги, с ним случаются приступы головокружения. Ему кажется, что он уже схватил удачу за хвост. А жизнь доказывает — не в деньгах счастье. Благополучие — это вообще палка о двух концах. Взять хотя бы семейные отношения — деньги их только усложняют. И свободы становится всё меньше, как это ни странно на первый взгляд». И на какую же константу опирается Бычков? Ответственность... Такой вывод он сделал по прошествии многих лет. «Начиная с ответственности перед родителями и далее перед всеми, с кем ты пересекаешься на жизненном пути. Это производная очень многих хороших качеств: совести, честности, пунктуальности, порядочности... Многие вылетели из бизнеса потому, что начинали вести себя неправильно, стараясь как можно быстрее и больше заработать, не обращая внимания на окружающих».

«Металл-М» оказывает материальную помощь 120-ти пожилым людям Орловки, создав для этого специальный комитет, следит за действиями которого не кто иная, как мама Сергея Николаевича Антонина Ивановна, уж она-то лично знает каждого из стариков. В финансовый план предприятия ежегодно закладываются также отчисления на нужды Орловской церкви.

Итак, 28 очерков, 28 судеб, 28 человек — таких разных по характерам, талантам, призываниям. Но в чём-то они и схожи, поскольку представляют одно время, одну эпоху, сверкающую благодаря им целой палитрой красок. А это так важно для Истории...

Александр Агвольек — Амари. Купель земная и небесная. Избранное.
Набережные Челны, 2014. — 215 с.

Сразу хочется сказать о главном: эта книга о добре и зле, противоборствующей началах — как в мировом пространстве, так и в человеческой душе; не задавая прямого вопроса, автор спрашивает читателя: на чьей стороне ты? Ответить нужно себе, взвешенно и критично. И действовать, — добавил бы, думается, сам автор. Потому как его ничто не волнует более, чем судьба своей страны, положение дел в ней сегодня. Неспроста во вступлении к сборнику писатель приводит текст доктрины директора ЦРУ Даллеса от 1945 года, которая является проектом покорения России — посеять хаос, подменить нравственные ценности, внедрить культ насилия, предательства, секса, укоренить бюрократизм, возбудить вражду между народами и т.д.

Автор пишет: «И если чубайсовско-гайдаровский паханат — наследие доктрины Аллена Даллеса, то любыми способами и формами, кроме молчания, мы должны разоблачить и противодействовать уничтожению нашего государства, обольваниванию взрослого и подрастающего поколений, не дать окунуть себя в пучину морального и нравственного разложения». В русле этого кредо и строит Агвольек свою книгу. В четырёх её разделах помещены стихи, миниатюры, басни, афоризмы и максимы. Склонный к кратким литературным формам, писатель и здесь остаётся верным своему вкусу. Даже стихи у него зачастую в четыре строки: «В суете незаметно состарилась мать./ Взбороздила лицо рябь морщин, / Словно ветер прохладный осенний / Тронул озера водную гладь».

Раздел миниатюр озаглавлен «Во имя жизни». В нём либо маленькие зарисовки, либо наблюдения автора. Из них всего одна-другая чуть более странички. Есть лирические, как «Мгновение» — о ночёвке в лесном зимовище; есть публицистические, есть христианские,

поскольку автор является человеком верующим; есть политические и сатирические. Вот «Обман зрения»: «Привлекательность оболочки зримого не всегда соответствует сути зримого. Многих очаровывают жемчужные украшения; но не многие ведают, что жемчуг взращивается, паразитируя». А вот — «Изнанка»: «В политике опасность проявляется с изнанки. Изнанка в политике — это окружение политика». Значительная часть сборника отдана разделу басен «Намёк лишь глупому не впрок...». «В одном поместном доме на природе / Сидели Волк, Шакал, Лиса — / друзья в каком-то роде. / Делили царский дар — большой пирог...» Вы уже поняли: да, басня так и называется — «Делёж в Беловежской пуще». Из морали сей басни: «Не надобна ума палата, чтоб Родину рассечь...». Как водится в русской басенной школе, герои произведений в большинстве из животного мира, но с людскими чертами. Вот Орёл, казалось бы, не дурак, царского рода, а не устоял перед европейской модой — купил очки. Но ничего в них не видит. Пришлось выбросить, придя к выводу: «Угодная Европе мода / Орла в России превращает в миг в урода».

Что касается последнего раздела «Слово не воробей», то тут сам автор предостерегает читателя: «Хорошие стихи услаждают слух размеренностью и рифмой. Афоризмы и максимы требуют не одного прочтения». И стоит это делать, тем более, что, наверное, каждый найдёт здесь если уж не совет, то поучающую мысль. Как думаете, для кого вот это: «Естественное старение организма скальпелем к ушам не притянешь»? А это: «Власть благоволит к низкопоклонству, интеллект его игнорирует»? Словом, читайте Агволяека (теперь ещё «Амари»), его «Купель земную и небесную», избранное, книгу зрелого возраста, её Александр Николаевич Бабаев (настоящее имя автора уже десяти книг) приурочил к своему 70-летию и посвятил полувековому юбилею крупнейшей в стране строительной организации — «Камгэсэнергострой».

И неба коснуться рукой... Сборник стихов и прозы. Набережные Челны, 2014. — 240 с.

Несколько лет назад при набережночелнинском институте социально-педагогических технологий и ресурсов была организована литературная студия, руководил которой поэт Н. Алешков. Посещали её учащиеся и других учебных заведений города. И вот на читательский суд представлена первая книжка студийцев. В среднем, они 20-летние. Такие же, как все в их аудиториях. Но не совсем. По-видимому, они более чутки к слову, к литературному произведению. По-видимому, их незамутнённые души обвораживает волшебность стихотворных строчек, ведь они, эти строчки, — соль, выжимка: их немного, но за ними и в маленьком стихотворении стоят смысл и неподдельное чувство.

О чём пишут 20-летние? Тут есть над чем подумать. Внимательный читатель, познакомившись со сборником, сразу приметит: это пишут дети города. Природа здесь присутствует разве что в погодном аспекте — отметят дождь, раду, снег... Контакт с миром флоры и фауны ограничен дачей (если она есть) и парком, а дома — это цветок в горшке и кошка (если родители позволяют держать в квартире это милейшее существо). Выделяется Светлана Сафонова с рассказом «Рыжая курица». Эта рыжая курица вывела вдруг одного цыплёнка и уж как самоотверженно опекает его. У Светланы уже выходила маленькая книжечка деревенских рассказов-зарисовок про обитателей бабушкиного двора. А в этом сборнике она выступает с «невыведанными рассказами» из жизни царского двора, герои — Суворов, Елизавета, Павел. И ещё один рассказ С. Сафоновой обращает на себя внимание: «Редкий зверь — папа». Это острая социальная проблема «воскресных отцов». Похоже, Светлана становится взрослым автором.

Старшее поколение — выходцы из деревень — понимали и понимают, что они появились внутри необъятного мира родной природы, что лучшее в человеке — от неё, в том числе и творческое начало. Дети города имеют другое — оцифровано-информационный

мир, социальный и собственный внутренний. К последнему и приковано чаще всего внимание юных авторов. Ксения Ларина пишет:

Да, я ухожу. Ухожу в неизвестность.
 Но я оставляю себя повсеместно.
 И ту пустоту, что в душе обитает,
 Тебе одному я сейчас завещаю.
 Мои непонятные, глупые мысли
 Ты почтой моим продолжателям вышли.
 Мои настроенья раздай встречным людям.
 Для них это праздником истины будет...

И в других стихотворениях Ксении немало по-настоящему поэтических, полновесных строчек. Это явно одарённая девушка, и данный сборник, может быть, является стартом в будущее.

А вот как выражает своё мироощущение Ирина Мигачёва:

Сухое горло. Хмельная ясность.	Глаза шальные. И в них – упрямость.
Взорвётся солнце.	Спустишь на землю
И я взорвусь.	И поклонюсь.
Направо – полдень.	Направо – папе.
Налево – полночь.	Налево – маме.
Я в середине.	Глаза открою.
Стою. Смеюсь.	Жить научусь.

Едва ли не треть сборника занимает повесть Эдуарда Нургатина «Двойная радуга». Это исповедь юноши, которому скоро восемнадцать, он заканчивает школу и размышляет, пытается понять себя, чего же он хочет. Любит литературу, много читает. Раньше писал стихи, но, трудно пережив суицид старшего брата – художника, которого очень любил, перестал писать. Мама обеспокоена: ей надо, чтобы сын определился, но его увлечения литературой она не одобряет. Отвела его к психологу, теперь он ходит на собеседования. Но хорошо ему лишь с людьми, которые его понимают, это друг и дед. Из размышлений героя: «... мне интересно увидеть, что будет лет через сорок. Может, к тому времени всё изменится к лучшему? Люди станут добрее и вежливее, станут более терпимы друг к другу. Что бы там ни было, я живу в непростом две тысячи одиннадцатом году. Время странной смуты. Вроде, есть всё, а нет ничего».

И вот в этой связи нельзя умолчать о том, как автор заканчивает свою повесть. Шагая от надоевшего психолога домой, герой замечает в кустах двух мальчишек. Они запускают кораблик, но хотят, чтобы он плыл не по течению ручья, а против. Герой объясняет им ситуацию, но мальчишки хором возражают: «Нет, так – неинтересно». Думается, юные прочтут повесть с интересом (о них же!), взрослые – с пользой. Чем замечательна молодость – плыть не по течению, а против: больше находок, больше открытий, крепче закалка. И они хотят сказать нам об этом. Что ж, будем учиться понимать...

Наиль Ишмухаметов. В поисках неба. Стихи. Казань, 2013.— 143 с.

В книгу вошли стихи, написанные за последние десять лет. Автор размышляет на вечные темы и, конечно, о любви. «Эх, весна... Любовь... Пожить бы...». Это из стихотворения «Весна в любимом городе». А вот уже признание:

Загляну в глаза Казани на заре,
 В них и Рим, и Тадж Махал, и Назарет,
 Междуречье, стоязыкий Вавилон,
 А над ними Гжели русской небосклон.
 Поутру в глаза Казани загляну,
 Я у этих глаз в пожизненном плену.

О родине в книге немало тёплых строк. Но есть и горькие. Как им не быть, если «рушатся избы во имя дворцов», если здесь и там «Бурьяном заросшие нивы, / И рек пересохшие русла, / И люди, ветрами гонимы / То влево, то вправо... всё мимо, / И мимо...». Тем не менее, «с гордостью чахлую пустошь / Зовём с придыханием — Русью!». Разумеется, не только пороки социальной жизни — поэт просматривает всю действительность, при этом ему одному присущим взором. Субботник. Сотни людей выходят на ставшее таким привычным мероприятие, и в кучах опавших кленовых листьев видят просто мусор, а поэт — «барханы с божественным звоном»... И котельная труба, оказывается, может быть героиней стихотворения. (Всё вокруг достойно внимания художника, утверждали восточные мудрецы). Труба «могла бы родиться колонной и жить припеваючи в ханском дворце... Минаретом родиться могла бы, несущим прозревших слепцов за границы всевластного страха... но ты уродилась рабыней — прислугой — трудягой — котельной трубой, замерзающий город всю зиму следит с замиранием — всё ли в порядке с тобой?». В завершающих строках светлого оптимизма нет: «Коротка, словно память, июльская ночь — вот и ты позабыта...». Что ж, жизнь — драма, и ещё до нас подмечено поэтом, что «для веселия планета наша мало оборудована». А неродное столетие разве не мучает человека? Поэт и сам, наверное, как «маяк на высохшей реке» — так называется это прочувствованное волнующее стихотворение:

Тропинку найти в бездорожье...
 По ней увести мне хотелось
 Тебя, потерявшего пламя,
 Тебя, потерявшего реку,
 К обрыву последних желаний,
 Где мы, пара лишних молекул,
 Две клеточки прошлого века,
 В родное столетие канем...

По-видимому, сам образ маяка близок поэту, этот образ встречается в другом стихотворении — «Сердце моё — магадан, колыма, оймякон» (по первой строке): «...памятник мне — глаукомный значок маяка», А вот и о смысле бытия: «Если ты создал нас, Господи, / Выполни просьбу мою, / Дай неразменную горсть воды, / Жаждающих всех напою...». В книге Наиля Ишмухаметова много хороших стихов, и не ошибётся тот читатель, который в библиотеке или магазине возьмёт именно его сборник, потому что испытает разные чувства — от сопереживания, прикосновения к своеобразной поэтике, к удивительному взгляду художника на окружающий мир. Только не надо Н. Ишмухаметова читать поспешно, потому что его талантливые стихи приглашают ещё и думать.

Александр Лейфер. Жить вместе. Избранные очерки и эссе.
 Омск, 2013. — 384 с.

Автор книги — омич. В любимом городе по сию пору живёт и работает. Из названия другого издания: «Сибири не изменю!..» Таково кредо героя, но эти слова вполне можно отнести и к самому А. Лейферу. О сибирском крае, его людях — все художественно-документальные книги писателя, одного из основателей в Омске Литературного музея имени Ф.М. Достоевского. Автор — заслуженный работник культуры РФ, редактор альманаха «Складчина» и председатель Омского отделения Союза российских писателей. Эта книга избранного увидела свет в минувшем году и приурочена к 70-летию автора. Здесь много серьёзного, интересного и познавательного чтения. Третью тома автор «отдал» своему другу — это документальная повесть «Мой Вильям. (Эпизоды литературной жизни)» о сибирском поэте Вильяме Озолине, личности яркой, крупной, одарённой и многоплановой. Повесть уже дважды издавалась от-

дельной книгой, стало быть, отмечена успехом у читателей. Поскольку это итог многолетней и близкой дружбы, то в её основании лежат впечатления от встреч, воспоминания других людей и письма, письма, письма... Драматичный жизненный путь героя автор прослеживает в развитии, подмечая и особенности натуры, и особенности окружающей среды, а это достаточно широкое полотно литературной жизни в сибирских городах того времени.

Другой запоминающийся и знаковый герой книги — А.Ф. Палашенков из очерка «На добрый воспомин». Краеведение — историческое и литературное — давний «конёк» А. Лейфера, породивший в его книгах множество очерков и эссе. Учителем же своим автор считает музейщика, учёного и литератора А.Ф. Палашенкова. Вот он в разгар самой студёной зимы появляется в доме у Лейфера. Андрею Фёдоровичу 82 года, на улице мороз за сорок, а пришёл он за тем, чтобы предупредить, что рецензия на его книгу, которую собирался писать Лейфер, уже написана другим автором. И это через весь город, да в такую-то погоду! После окончания московского археологического института в 1918 году А.Ф. Палашенков получил назначение на родину — директором смоленского музея. С той поры музейное дело стало его профессией. Появились научные работы, собраны тысячи народных песен, сказок, причитаний, а сколько сил отдано охране памятников архитектуры! Вот тут-то и сыскала власть, за что его можно осудить. Далее Карлаг (Караганда), а потом уже только Омск. И ведь прикипел к этой земле новый научный сотрудник омского краеведческого музея.

Сколько экспедиций организовал, сколько раскопок, сколько экспонатов, сколько записей в блокнотах! «Обросший, чёрный от ветров и солнца, ходил чуть-чуть согнувшись, улыбаясь по-детски и бормоча: «Хороша жизнь! Вот так бы настоящим босяком остаться здесь на всё лето! Или побыть бы бакенщиком, а то забраться в урман подальше...» — это из дневника друга Палашенкова Д.С. Суслова. И далее: «Он странный человек. Имеет высшее образование, прекрасный знаток русской истории, особенно ранней эпохи. Неустанный и неутомимый работник, довольствуется самым малым. Ему была бы возможность заняться любимым делом — копаться в старине, и больше ничего не надо... К. Федин правильно охарактеризовал его, назвав «Собирателем земли смоленской». Сейчас он собирает тобольскую и всея сибирские земли».

Перед самой войной в Академии архитектуры СССР обсуждали проект реставрации Тобольского кремля. Подготовительные работы решили начать в этом же году. Война... проект был реализован значительно позже. А у истоков грандиозного дела стоял он же, Андрей Фёдорович Палашенков. «Вспомним об этом, — пишет А. Лейфер, — когда будем любоваться бело-снежным Тобольским кремлём...» С 1943 года Андрей Фёдорович работал директором музея, который в то трудное время принял и сохранил новгородские сокровища, а также коллекции Вологодского и Воронежского государственных исторических музеев. Вот поступили трофеи с Ленинградского фронта, и сразу умножилось число посетителей музея, в иные дни до трёх тысяч. Долгие годы мечтал Андрей Фёдорович об открытии в Омске музея великого русского писателя Ф.М. Достоевского, чьи каторжные годы проходили именно здесь. А Лейфер подробно рассказывает, сколько сил положил неутомимый энтузиаст на осуществление мечты. Разумеется, она сбылась. Как и множество других начинаний этого необычного человека, что, несомненно, можно назвать весомым вкладом в культуру края. Сегодня этот вклад оценён по достоинству: сотрудники музея готовят к публикации большой сборник избранных трудов А.Ф. Палашенкова, в 2011 году широко отпраздновано 125-летие со дня его рождения и на здании музея открыта мемориальная доска, посвящённая выдающемуся учёному музейщику.

Два больших названных произведения — ещё не вся книга Ф. Лейфера. Внимание читателя привлекут очерки о первом проектировщике омской крепости, а затем и целого города, поручике Каландере; о библиотечных преступниках; душевные воспоминания о бабушке, деде и своём детстве. Наконец, целый раздел эссе «Жить вместе... Из разных блокнотов». Художественные зарисовки, может быть, где-то минирассказы — это раздумья автора, его память. Не забываем, что книга приурочена к юбилею писателя.

Борис Скотневский. Сто одно стихотворение. Тольятти, 2013.— 120 с.

Если вы откроете этот лирический сборник на 77-й странице, то получите приглашение: «Постучитесь к Рыжему Борису, / Может, что-то встрепенётся в вас?» Как известно, Борис Рыжий тоже был поэтом, но если вы «постучитесь» к Б. Скотневскому, то не сомневайтесь — встрепенётся, ведь его лирический герой находится в кровной близости с миром: «С ветром резким / и мерцающим дождём, / С облетающим высоким сентябрём, / где дрожащая жива ещё листва, / Состою я в высшей степени родства. / Состою я в высшей степени любви, / Где чужие лица всё-таки свои. / Где чужих печалей нету и обид — / Дождь идёт родной / и лист / родной / летит».

Родство — это и сопереживание, боль за то, что мы «всё хуже глаголем / И всё хуже поём». И ещё из этого же стихотворения — «Перепись»: «Что за бред окаянный — / Вымирать не спеша, — / Мрут Серёги, Иваны — / Убывает душа... / А китайская песня / Не ласкает мой слух». В лирике Скотневского немало грусти, но это не безнадёга («Пахнут почками тополя, / Пахнет строчками боль моя, / Пахнет нежностью и бедой, / Пахнет вечностью молодой»), а даже, может быть, время пускать мыльные пузыри: «Летят весёлые шары... / И в каждом мой витает выдох. / Создаю миры». А каждый ли способен на это действие? Конечно, нет, только живущий в унисон с миром и временем. И лирический герой подтверждает это: «Пускай оно пройдёт, как дым — / Я счастлив временем своим, / Поскольку в нём родные люди, / Мой воздух и моя вода... / И всяким — грешным и святым — / Я счастлив временем своим». Более того, в другом стихотворении герой восклицает: «Что же мне мало / Даже счастливой любви?..»

Такова лирика Б. Скотневского, вполне соотносящаяся с его жизненным кредо. Лирика, тяготеющая к краткости, — порой целое стихотворение, продуманное и состоявшееся, содержит всего четыре строки. Что не умаляет его достоинства, так как стихотворение прозрачно и его глубокий смысл улавливается сразу. Поэтому постучаться к Б. Скотневскому стоит. В его книге, правда, 101 стихотворение, а кажется — мало...

Валерий Темнухин. Стихи. Нижний Новгород, 2014.— 92 с.

Автор сборника, который так и называется — «Стихи», закончил Ленинградскую Лесотехническую академию им. С.М. Кирова. Там же начал писать стихи, тогда же состоялась и первая публикация. Хочется думать, что выбор профессии был неслучаен, а определён любовью к лесу. Отсюда, по-видимому, и берёт начало та «лесная» линия, которая прослеживается в стихах В. Темнухина. Конечно, у него благороднейшая профессия. Труд таксаторов, лесостроителей, лесопатологов, лесничих трудно переоценить, особенно в наше время, когда разруха пришла и в лесное хозяйство. «Чуть пройдёшь от конторы лесхоза / По лесам, что остались вокруг, — / Видишь: в соке кровавом берёзы / Прячут плети истерзанных рук. / Где ты, гордая ранняя слава / Благодарной славянской земли, / Той, где люди, как внуку Триглава, / Подаяние древу несли?!»

Для Темнухина природа — не антураж, а живой, близкий, родной мир. «И, как к матери, сосны склонятся, / Тихо спросят: «Устал, Человек? / Разве можно так долго скитаться? / Или стал уж немереным век? / Пусть приходит к родимым причалам / Кто родные забыл берега. / Не с того ли, затихнув сначала, / Так шумит беспокойно тайга?» В этом живом лесу поэт увидит каждую малость, порадует каждой былинке. Уж, казалось бы, кислица (в народе её зовут заячьей капустой) — ничего особого, есть травы и поярче, а сколько ассоциаций: «Её так много в ельнике вокруг. / И словно вижу ласковые лица / Моих друзей, приятелей, подруг.

/ Мала кислица да неприхотлива: / Цветёт себе, и нету ей преград. / А для меня она – лесное диво – / Дороже самых дорогих наград». И образ любимой поэту видится тоже в лесу; и образ Родины исходит от него же («Так задумчив на исходе лета / Старый лес по всей Руси безбрежной...»)

Лирические стихи – это лишь одна сторона творчества В. Темнухина. Вторая началась с увлечения широко известным русским эпосом «Слово о полку Игореве». И вот уже 10 лет поэт работает над стихотворным переложением поэмы. Разные версии его трижды выходили отдельными книжками под названием «Каяла». Одна из версий вошла в данный сборник «Стихи». Искусствовед, член Союза писателей России Елена Крюкова пишет: «К переложению «Слова...» обращались многие литераторы... древний язык ушёл вместе с его временем, а людям важно почувствовать аромат событий, биение сердец ушедших в вечность героев... Самое сложное в этом случае – необходимая «сонастройка» с оригиналом. Думается, Валерию Темнухину удаётся это сделать. Его переложение (или, если угодно, вольный перевод с древнерусского на современный русский) напевно, музыкально, обладает естественным и свободным дыханием». Из «Плача Ярославны»:

И когда увижу поле брани,
Буйных трав растерзанную гладь,
Голос мой, рыдая, не устанет
Князя дорогого окликать.

Белым шёлком, смоченным водою,
Кровь на ранах мужу оботру,
И дыханье смерти роковое,
Словно призрак, сгинет на ветру...

Светлана Грунис. Ночная гостья. Казань, 2014. – 72 с.

Четвёртая книга автора – это сборник хайбунов. Маленькая по объёму, тёплая, добрая, но, прежде всего, – любопытная. Что же такое хайбуны, что за литературный жанр? Многие читатели встретят его впервые. Поэтому издатели о нас позаботились, дав разъяснение в предисловии. Оказывается, это прозаические миниатюры, содержащие хайку (японское трёхстишие, хокку). Признанным мастером трёхстиший был великий японский поэт Мацуо Басё (17 век). И он, и его предшественники писали короткие вступления к своим трёхстишиям – вот эти два текста вкуче и есть хайбун. Он близок к европейскому жанру стихотворения в прозе. Но в нём есть и характерные черты. Основная – это наличие духа «хай», некоторая ироничность в подходе к объекту изображения и к собственному «я». Да и само по себе хокку, как мы знаем, отличается богатством подтекста. (У японцев всего мало, поэтому они бережливы. У них и слово на вес золота. Так где же ещё, если не здесь, могло родиться стихотворение из трёх строчек, за которыми стоит целый мир...) Хайку, по-видимому, увлекательное занятие. Светлана Грунис тоже не избежала искушения, издала несколько книг, отойдя от традиционных стихов. Её хайбуны проникнуты юмором, оптимизмом, любовью к природе и всем её обитателям. Вот один из хайбунов. Называется «Редкое чувство». «Мартовские вопли котов заставляют вспомнить о весне с редким для неё чувством – сожаления: коты орут не только днём, но и ночью. На разные голоса. В одиночку и хором... Что же заставляет их устраивать грандиозные концерты, бесстрашно залезая на деревья и крыши домов?..»

Мартовская ночь.
Орут коты на крыше.
Возвышенность чувств...

А вот о клёне. Называется «Щёголь». Он добр и красив. Особенно осенью. «По ковру из кленовых листьев прохожу на цыпочках...»

Пятипалый лист

Упал на землю.

Последнее рукопожатие...

«Грозный полевой сорняк»... Верно ли это определение василька? «Никогда не соглашусь, — заявляет автор. — Русская душа не приемлет».

Золотые волны полей.

Синие глаза васильков.

Руть...

Казанская поэтесса Наиля Ахунова написала в предисловии: «Пожелаем автору новых открытий и творческих достижений, а читателям — приятного чтения». И правда — приятное...

Александр Никифоров. Таёжный хлеб. Повести, рассказы. Иркутск, 2014. — 208 с.

А. Никифорова сибирские читатели знают как автора поэтических сборников. «Таёжный хлеб» — его первая прозаическая книга. Можно сказать, и в этом виде словесного искусства Александр Никифоров не обманул ожиданий любителей литературы. В сборник вошли две повести и несколько рассказов. При дефиците положительных героев в нашей современной литературе действующие лица произведений А. Никифорова вызывают симпатию. Здесь нет сшибки характеров, воззрений, но сама тайга жёстко экзаменует каждого, попавшего в её объятия, на крепость силы и духа, приспособленность к её условиям (то есть выживаемость) и нравственность тоже: тайга щедра к человеку, но не задаром... Как известно, не меньше, чем доброта, украшает человеческую личность чувство благодарности. Таков герой повести «Осень Никодима». Он — человек со стержнем, знает, чего хочет. Оставил город, руководящую должность, с женой и сынишкой живёт в маленькой таёжной деревушке. Живёт небогато, даже очень небогато: вот заносит в тетрадку свои подсчёты — насколько хватит семье прокормиться запасами от огорода, реки, тайги. А так хотелось бы к коровке иметь для хозяйства ещё и коняшку! Подсчёты шибко-то не обрадовали Никодима, но и не расстроили. Всяких умений и радения ему не занимать. А главное, он же ведь заединщик — и тайги, и реки. И такая жизнь ему нравится. И конём он — рано или поздно — обзаведётся.

Другой таёжник — Егор Горячев — ещё молод и по натуре не охотник, но решил поменять отпуск в Болгарии на промысловую охоту с другом. Тот, хотя и уговорил Егора, но предупреждал его: вдвоём в зимней тайге (где морозы могут быть под 60 градусов), а до людей и жилья сотни и сотни вёрст, может, как говорят, и крыша поехать... «И хотя тревожно было на душе у Егора, а всё же не терпелось поскорее сбежать... из бетонных стен, подальше от хрустала, от опостылевших городских улиц. Хотелось как можно скорее вырваться снова в тайгу, на простор, в неизвестность». Вот об этом, небольшом, но таком важном, отрывке жизни Егора и его друга Алексея и рассказывает повесть. Нервы героя сдали, когда за ними не прилетел обещанный вертолёт, и он уходит из зимовья. Но всё кончается хорошо. Зато урок остаётся на всю жизнь.

Александр Никифоров пишет о людях, среди которых вырос и живёт. А литературный дар помогает ограничить их до нужной выразительности. Поэтому его книгу, думается, читатель примет.

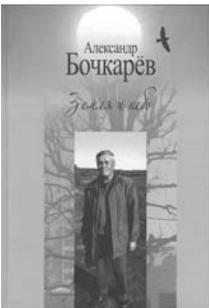
Ольга Лукьянова. Свет мой вечный. Стихи. Воронеж, 2014.— 143 с.

К сожалению, об авторе в книге никаких данных нет. Кто она? Чем занимается, что ещё ею написано? Из какой руды выщелкнулся этот драгоценный камушек, что светится своими гранями, словно стихотворный её Калинов мост? Светится, но не слепит. Потому что нет в строках этой поэтессы громких, сильных и зычных слов, даже если с болью говорит она о своём отечестве, обруганном и растащенном по оффшорам. А ведь, что греха таить, читатель нередко отмечает стихотворца за звучные обороты, ещё и похвалит: сильно сказано! Здесь этого нет. Зато есть богатая народная лексика, мягкая поэтика и запоминающаяся образность. Что всё это идёт в унисон душе, почувствуют, думается, многие читатели. Вот героиня, «квакушкино» творение» «с мешочком стихов» на пороге весны обнимает «всю озябшую милую Русь, тихо ждущую ландышей мая» и уходит «по верхушкам берёз на Калинов светящийся мост»:

Примечательно и то, что составителем книги стала одна из лучших поэтесс современности Диана Кан. Она же написала предисловие к сборнику, сравнимое с одой в честь великого русского языка: столько в статье озабоченности его судьбой! И не без повода. Она пишет: «... языковое богатство становится обременительно: некогда в суете сует подбирать точные эпитеты и «заморачиваться» на забытые и подспудные смыслы «родовитых слов». И родовитые слова вытесняются из повседневного обихода безродно – беспородными иноземно-залётными словами-выскачками, не имеющими глубоких корней... Поэтессе Ольге Лукьяновой повезло. Судя по её стихам, она выросла в обнимку со стихией народного языка, она – его детище, причём благодарно талантливое... Эта книга имеет православную направленность... в самом высоком смысле этого понятия»:

Я сижу на крыльце посреди
виноватого белого света,
вспоминая былые грехи.
Ангел – осень – у Бога в поэтах –
слёзно на ухо шепчет стихи...

В книге Жизни трепещут страницы.
Небо косы покрыло платком.
Где-то колокол тяжело томится,
не звонивший сто лет ни по ком...

Александр Бочкарёв. Земля и небо. Стихотворения. Казань, 2014.— 296 с.

Сельского учителя, члена Союза российских писателей мы уже представляли нашим читателям, когда публиковали его стихи. Этот сборник – избранное – уже седьмой. Автор остаётся верен себе: он пишет о жизни, родине, человеческих отношениях, природе. У литераторов, далёких от мегаполисов, есть замечательное качество: они ощущают себя не над читателем, а рядом с ним. Вот и у А. Бочкарёва:

Прекрасно, если кто, внимая
Простым неброским словесам,
Слегка волнуясь, понимает:
Такое мог сказать и сам.

И о себе поэт говорит то, что скажут о себе многие его читатели:

Достатка нету за душою,
Но, может быть, найдётся в ней
Другое что-нибудь, большое,
Обычных денег поважней.

Стихи Александра Бочкарёва просты и безыскусны. Слово в них не для игры (слов), а для точного отображения чувства. Виолончель его души созвучна милым ему красотам берёз и елей...

Поёт струна о юности и детстве,
Мучениях и прелестях любви,
И никуда моей душе не деться
От беспокойной музыки в крови...

Струна, душа – это один и тот же инструмент, призванный тайнами мироздания исторгать поэтические строки. Жизнь подсказала поэту, что проникновенней они льются на мученическом огне:

Горит поэзии звезда
Исповедальней, полагаю,
Когда страдает от стыда
Душа, как девушка нагая.

Может, кому-то этот тезис и покажется спорным. Однако старые люди говорят, что, например, не бывает лучшего воспитателя, чем нужда, и примеров тому не счесть. Этот раздел книги так и называется: «Тропа раздумья моего». «Иль в жизни нет иного смысла, / Как только поиски его?» – вот главное. И хотя поэт называет счастливыми тех, кто многие годы «живут естественно и просто», «не зная тягот вопроса о смысле жизни», сам-то он ищет его. Во всём.

Наши авторы

стр. 23 АЙМЕТОВ Рамис Киямович (РАМИС Аймет) — поэт, переводчик, сценарист. Родился в 1968 году в деревне Мочалей Дрожжановского района Татарской АССР. Окончил факультет татарской филологии Казанского государственного университета. После окончания университета учился в аспирантуре при кафедре татарской литературы. В 1988–1989 годах служил в рядах Советской Армии. Работал в республиканских газетах «Мэгрифэт», «Шахри Казань» — корреспондентом, ответственным секретарём, заведующим отдела литературы и искусства. В 1998–2013 годах работал сначала директором музея Шарифа Камала, а потом директором литературного музея Габдуллы Тукая. Автор многих выставочных проектов. С 1913 года — заместитель председателя Союза писателей Республики Татарстан по творческим вопросам. Публиковался в журналах «Казан утлары», «Идель», «Казань», «Переводчик» (Чита), в газетах «Шахри Казань», «Ватаным Татарстан», «Мэдэни жомга» и др. Член Союза писателей Республики Татарстан (2001). Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат литературной премии имени Хади Такташа (2012). Живёт в Казани.

стр. 6 АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Газетчик. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время — председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей, главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан».

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького (семинар Н.Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор десяти книг стихов, изданных в Казани, Набережных Челнах и в Москве. Живёт в Набережных Челнах. Лауреат литературной премии имени Г.Р. Державина, Всероссийской литературной премии «Ладога» имени А. Прокофьева.

стр. 146 БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич родился 16 февраля 1946 года в г. Петропавловске. Член Союза писателей с 1983 года. Окончил Ленинградскую лесотехническую академию (1969) и Литинститут (1979). Работал в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Октябрь» (зав. отделом критики), «Современная драматургия» (зав. отделом критики), в Малом театре (завлит), МХАТ им. М. Горького (завлит). С 1990 года и по сегодняшний день зам. главного редактора газеты «День» (ныне «Завтра»), а с 1997-го ещё и главный редактор газеты «День литературы»

(с 1997). Печатается как критик и публицист с 1972 года в журналах «Север», «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Наш современник», «Москва», «Звезда», «Континент» и др., в газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «НГ-экслибрис», «День», «Завтра» и др.. Известен как идеолог «прозы сорокалетних». Автор более 30 книг. Среди них: Очерки литературных нравов. Poleмические заметки. Минск, изд-во Общества «Знание» БССР, 1988; Крах интеллигенции. Злые заметки Зоила. М., «Палей», 1995; Дети 1937 года. М., «Информпечать ИТРК», 2001; Пламенные реакционеры. Три лика русского патриотизма. М., «Алгоритм», 2003; Последние поэты империи. М., «Молодая гвардия», 2005; Трудно быть русским. М., «Метагалактика», 2007; Лермонтов. Мистический гений. М., «Молодая гвардия», 2013. Работы В.Г. Бондаренко переводились на английский, китайский, польский, сербский, французский, немецкий и др. языки.

стр. 215 ДЕРБИЛОВА Елена Анатольевна — художник-график. Родилась в 1957 году, росла в Запорожье. Окончила Харьковский художественно-промышленный институт в 1982 году. Работает в области книжной графики и шрифта. Преподавала в Набережночелнинском училище искусств и в Харьковской государственной академии дизайна и искусств. С детства увлеклась поэзией. Свои стихи и статьи опубликовала в журналах «Новый коллегийум» (Харьков), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «День и ночь» (Красноярск). Автор-составитель книги «Дар шрифта» о Харьковской школе шрифта (изд. «Консум». Харьков. 2003). Готовит книгу о воспитании искусством «Небеса без края» (автобиографическая проза, стихи, ноты, искусство шрифта и каллиграфии). Живет в Харькове.

стр. 112 ИШМУХАМЕТОВ Наиль Радикович — поэт, прозаик, переводчик татарской прозы и поэзии. Родился в 1964 году в городе Магнитогорске. В 1987 году закончил Магнитогорский горно-металлургический институт им. Г.И. Носова по специальности инженер-электрик. Трудовую деятельность начал в том же году на Магнитогорском металлургическом комбинате в цехе горячей прокатки. В 1994 году переехал на постоянное место жительства в г. Казань. Лауреат премии им. Марка Зарецкого (2004), победитель конкурса поэтического перевода «Казанский форум — 2004», участник семинара писателей и переводчиков Поволжья в 2007 году, полуфиналист (лонг-лист) поэтического конкурса «Заблудившийся трамвай» в 2007, 2008, 2009 году. Стихи, рассказы и переводы печатались в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Север», «Аргамак. Татарстан», «Казанский альманах», «Идель», «Казань». Член Союза писателей Республики Татарстан.

стр. 131 КАРПОВ Владимир Александрович родился и вырос на Алтае, жил в Киргизии, Башкирии, Чувашии, в Ленинграде, в Подмоскowie, много путешествовал по Якутии. Член Союза писателей СССР, награждён дипломом ЮНЕСКО «За вклад в мировую культуру». Рассказ «Могучь в валенке дышать!» вошёл в антологию «Шедевры русской литературы XX века». Роман «Танец единения душ» был удостоен «Большой литературной премии России». Автор сценариев художественных фильмов «Двое на голой земле» и «Тайна Чингисхана» (последний номинировался на премию «Оскар»). Автор и ведущий многих телерадиопрограмм, выходящих в эфире московских СМИ, в том числе уникальной радиоэнциклопедии российской истории и культуры «Национальный герой». Глава многодетного семейства, живёт в Москве.

стр. 233 КРИШТУЛ Илья родился в Москве, где и живёт. Учился в педагогическом университете, после окончания работал в школе и в кино. Сейчас — домохозяйин.

стр. 209 ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич. Родился в 1954 году в городе Легница Польской народной республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Служил в армии, работал радиоинженером, звукооператором и заведующим литературной частью театра, инкассатором, менеджером коммерческого банка. В настоящее время — ответственный секретарь журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной Палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журналов «Подъём», «Русская речь», «Аргамак. Татарстан». Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

стр. 224 МАРТЫНОВА-ДАВЛЕТБАЕВА Раиса Ахтямовна родилась 2 октября 1951 года в деревне Сармашбаш Заинского района Республики Татарстан. В 1974 году окончила Елабужский Педагогический институт, отделение физмат. Работала учительницей математики в школах Тукаевского района. После переезда в город Набережные Челны работала на заводе ЖБИ-210 начальником цеха, в Управлении строительства дорог прорабом, старшим инженером в ООО «Меркурий», инженером в ООО «Климат-Люкс». С 2001 года стала заниматься историей российского дворянства, родословной князей Юсуповых, а также историей Первой мировой войны: поисками документов и фотографий военных лет. Является членом дворянского собрания Республики Башкортостан. Награждена памятной медалью «Юбилей Всенародного Подвига. 1613–2013 гг.», крестом «За увековечение памяти Отечественной войны 1812 года», юбилейной медалью «200 лет победы над Наполеоном». В 2013 году совместно с единомышленниками обнаружила захоронение воинов Белой Армии в деревне Кокшан Менделеевского района РТ и установила памятник. Поддерживает идеи монархизма и дворянского движения России.

стр. 103 МОРОЗОВ Геннадий Сергеевич, поэт, прозаик, переводчик, родился в Рязанской

области в 1941 году. В 1961 году окончил Касимовский индустриальный техникум, позже — Литературный институт им. А. М. Горького. Работал в геологических экспедициях в Карелии и Якутии. С 1981 года работал редактором в Лениздате. Г. Морозов — автор более десяти поэтических сборников, вышедших в издательствах «Художественная литература», «Советский писатель», «Современник», «Детская литература», «Лениздат». Своеобразие художественного языка Г. Морозова состоит в использовании народной фольклорной интонации и классического русского стиха. Живёт в городе Касимове Рязанской области.

стр. 26 МУРАТОВ Пётр Юрьевич родился в 1962 году в Казани. После окончания средней школы поступил в Казанский Государственный университет на биолого-почвенный факультет, кафедра микробиологии. В 1984 году по окончании университета был распределён в НИИ молекулярной биологии НПО «Вектор» под Новосибирском. Кандидат биологических наук. С начала девяностых и до сих пор — предприниматель. Женат, имеет двух детей, внучку.

стр. 155 ОЛЬШАНСКИЙ Александр Андреевич родился 12 февраля 1940 года в городе Изюм Харьковской области. Советский и российский прозаик и публицист, член Союза писателей России. В 1961 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. После закрытия Хрущёвым очного отделения Литинститута стал одним из организаторов забастовки протеста. В 1963–66 гг. — военная служба на Дальнем Востоке. В 1969 году его, как выпускника Литинститута, приглашают перейти на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ. В 1973–79 гг. — заведующий редакцией по работе с молодыми авторами издательства «Молодая гвардия». С 1979 г. — член Союза писателей СССР. В настоящее время один из основателей Содружества выпускников Литературного института, политический обозреватель международного журнала «Форум». Награждён медалями СССР и РФ, имеет почётное звание «Zasluzony dla kultury Polskiej» (1989).

стр. 12 ПАХОМОВА Людмила Евгеньевна родилась 23 августа 1958 г. в городе Куйбышеве Татарской АССР (ныне г. Булгар). С двух лет по настоящее время проживает в Елабуге.

Окончила физико-математический факультет Елабужского пединститута, отделение журналистики Казанского госуниверситета. В журналистике с 1981 года. В настоящее время штатный журналист Елабужского государственного музея-заповедника. Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

стр. 240 ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1938 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в городе Череповце в городской газете. В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем — на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты. В 2007 году издательство «Новости

мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпущенный Татарстанским отделением Союза российских писателей.

стр. 122 ПЕРМИНОВ Юрий Петрович — известный русский поэт, член Союза писателей России. Родился в 1961 году в Омске. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического института им. Горького. В течение многих лет возглавлял ведущую общественно-политическую и литературно-публицистическую газету Сибири «Омское время». В настоящее время — главный редактор историко-культурологического, литературно-художественного альманаха «Тобольск и вся Сибирь». Редактор-составитель Антологии сибирской поэзии «Слово о Матери». Автор восьми книг стихотворений, книги эссе и многих публикаций в центральных и региональных литературных изданиях — журналах «Наш современник», «Подъём» и т.д. Лауреат всероссийских литературных премий. Живёт в Омске.

стр. 195 РОГОЖИНА (ПОЛИТОВА) Галина Сергеевна родилась в Астрахани. Живёт в Саратове. Окончила экономический факультет Саратовского сельскохозяйственного института. Работала экономистом, учителем биологии и химии, журналистом. Автор статей о писателе Викторе Политове, опубликованных в журналах «Отчий край», «Подъём», «Волга XXI век». Как прозаик впервые печаталась в журналах «Волга XXI век» в 2012 и 2013 годах, в журнале «Отчий край» в 2013 году.

стр. 118 СКИФ (Смирнов) Владимир Петрович родился на ст. Куйтун Иркутской области. Закончил Тулунское педагогическое училище и Иркутский государственный университет. Служил на Тихоокеанском флоте в морской авиации. В разное время в Москве и в Иркутске выпустил 17 книг: «Зимняя мозаика», «Журавлиная азбука», «Грибной дождь», «Живу печалью и надеждой», «Копьё Пересвета», «Галерея», «Над русским перепутьем», «Золотая пора листопада», «Письма современникам», «Русский крест» и др. Владимир Скиф — постоянный автор журналов «Наш современник», «Москва», «Аргатак. Татарстан», «Литературной газеты». Член Союза писателей России. Секретарь Правления Союза писателей России. Председатель Иркутского отделения Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

стр. 109 ТАРАСОВ Александр Николаевич родился в 1952 году в Ижевске. Рано оставшись без отца, как старший сын в семье, помогал матери поднимать на ноги брата и сестру. Закончив среднюю школу, поступил на завод. Затем служил в рядах Вооружённых сил. В 1976 году приехал в Набережные Челны, на КАМАЗ. Слесарь, бригадир, в 1984 году без отрыва от про-

изводства получил высшее экономическое образование. В 1989 году был избран заместителем председателя профкома КАМАЗа. В нулевые годы работал генеральным директором одного из предприятий ОАО КАМАЗ. В настоящее время занимается творческой деятельностью. За 10 лет выпустил 9 сборников стихов, 8 дисков песен, являясь автором-исполнителем.

стр. 232 ХАЛИЛУЛЛОВ Рафаэль Исмагилович родился в Казани в семье известного татарского живописца Исмагила Халилуллова. После школы трудился на заводе, служил в армии на Дальнем Востоке, окончил Казанский государственный педагогический институт по специальности «история». Работал научным сотрудником Госмузея РТ. В СМИ с 1981 года — корреспондент, редактор многотиражной газеты «Трибуна строителя». С 1986 года в журнале «Чаян» — редактор отдела, заведующий отделом фельетонов, заместитель главного редактора, главный редактор. Победитель различных журналистских конкурсов. Заслуженный работник культуры РТ. Награждён медалью РТ «За доблестный труд».

стр. 5 ХМАРА Ольга Васильевна родилась 26 июля 1962 г. в городе Березники Пермской области в семье рабочих. Живёт в Воркуте, куда родители переехали в 1972 г. Этот заполярный город сумел стать судьбой и другом. В 1980 г. окончила Воркутинский горный техникум по специальности «Бухгалтерский учёт». Затем заочно в 2004 г. — московский Литературный институт им. Горького, факультет поэзии (семинар Э.В. Балашова). Автор трёх книжек стихов: «Письма в юность», 1994, Сыктывкар, самиздат; «До востребования», 2002, Киров; «Каторжанка снегов», 2012, Киров. Стихи публиковались в коллективных поэтических сборниках, журналах. Род занятий: журналистика, литературная деятельность. Член Союза писателей России.

стр. 235 ШАРИПОВА Ляйсан Ильясовна родилась в 1993 году в г. Набережные Челны. Первая публикация состоялась в 2003 году в детско-юношеской газете «Көмеш кыңгырау». В 2009 году, окончив Детскую школу искусств по классу фортепиано, поступила на музыкальный факультет Набережночелнинского педагогического колледжа. Активно занималась музыкальной и литературной деятельностью, посещала занятия литературной студии, возглавляемой поэтом Николаем Алешковым. Автор песен, сказок и стихов. Лауреат международного, республиканского и регионального музыкальных конкурсов. По окончании колледжа её имя вошло в энциклопедию «Одарённые дети — будущее России». С 2013 года работает музыкальным руководителем в детском саду г. Набережные Челны. Студентка заочного отделения Высшей школы искусств им. Салиха Сайдашева г. Казани.

СОДЕРЖАНИЕ

2014 – ГОД ЛЕРМОНТОВА

БОРОДИНО 3

СТИХИ В НОМЕР

ОЛЬГА ХМАРА

ОДЕССКАЯ ХАТЫНЬ 5

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

МОЛИТВА ОПОЛЧЕНЦА 6

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ОСЕНИ

«АРГАМАК» В ЕЛАБУТЕ, УФЕ, ИРКУТСКЕ И ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ..... 7

ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА

«ЕСЛИ ДУША РОДИЛАСЬ КРЫЛАТОЙ...» 7

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

ЗОЛОТОЕ АКСАКОВСКОЕ КОЛЬЦО: КАК ЕГО РАСШИРИТЬ ДО КАЗАНИ? 13

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

СИЯЙ, РОССИЯ! 18

ИМЯ В ПОЭЗИИ

РАМИС АЙМЕТ

ПУТЬ К СЕБЕ..... 23

Я ШАГАЮ ПО КАЗАНИ

ПЁТР МУРАТОВ

ПЕРВЫЙ ДЕТСКИЙ СИМФОНИЧЕСКИЙ..... 26

ИМЯ В ПОЭЗИИ

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

ПОД СВОДОМ НЕБЕСНЫМ 103

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

ЕЩЁ НЕ ПОЗДНО 109

СОВРЕМЕННЫЙ РАССКАЗ

НАИЛЬ ИШМУХАМЕТОВ

ИКАР..... 112

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

ВЛАДИМИР СКИФ

ХРУСТАЛЬ НЕОДОЛИМЫЙ..... 118

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

НЕОТТОРЖИМЫЙ ОТ РОССИИ 122

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРЫМА

ВЛАДИМИР КАРПОВ

ТАК РЕШИЛ ТИМОФЕЙ 131

«УКРАИНА – НЕ РОССИЯ»? ПОЛЕМИКА

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

«ПРОЩЕВАЙТЕ, ХОХЛЫ...» 146

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

АЛЕКСАНДР ОЛЬШАНСКИЙ

РАШЕН БАБ 155

ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ	
ГАЛИНА РОГОЖИНА	
ДОБРОМ НА ДОБРО.....	195
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШТУДИИ	
ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ	
СЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ.....	209
ИЗ ТРАВЫ ЗАБВЕНИЯ	
ЕЛЕНА ДЕРБИЛОВА	
ПРИШЛА НЕ НЕНАВИДЕТЬ, НО ЛЮБИТЬ.....	215
РАИСА ДАВЛЕТБАЕВА-МАРТЫНОВА	
СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА.....	224
У КОНОВЯЗИ	
РАФАЭЛЬ ХАЛИЛУЛЛОВ	
ОТ ВОЛОДИ ДО ВОЛОДИ.....	232
ИЛЬЯ КРИШТУЛ	
КИПИТ ВОЗМУЩЁННАЯ БЛОГОСФЕРА.....	233
МАМА, ПОЧИТАЙ!	
ЛЯЙСАН ШАРИПОВА	
РУКАВИЧКА.....	235
ДОРОГА К СОЛНЦУ.....	237
ВЫШЕ ВСЕХ.....	239
ИЗДАНО В РОССИИ	
НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА	
.....	240
НАШИ АВТОРЫ	
.....	251

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ВИДЫ ЕЛАБУГИ

ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: «АРГАМАК» В ЕЛАБУГЕ, УФЕ, ИРКУТСКЕ И ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ

ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: У КОНОВЯЗИ. ЧАЯНУ – 90 ЛЕТ

ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ВЕЧНО МОЛОДОЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель

ОАО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:

8-966-380-04-00

Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 14.11.2014 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15 . Тираж 2000 экз.

Заказ А-2981

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала

ОАО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Подписка на журнал «Аргамак.
Татарстан» на 1-ое полугодие 2015
года по каталогу «Татарстан по-
чтасы» (два номера) – 216 руб.

Подписной индекс – 16029.

Редакционная подписка на весь
2015 год (четыре номера по два
экземпляра каждый) – 1000 руб.
Необходимо связаться с редакци-
ей по телефонам и e-mail, указан-
ным ниже.

Со всеми номерами литературного журна-
ла «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться
на сайте Татарстанского отделения Союза
российских писателей www.srpkn.ru.

Рукописи принимаются по адресу:
**423809, Татарстан, г. Набережные Челны,
а/я 126** или e-mail: anp45@mail.ru. Жела-
телен диск с набором, фотография, краткая
биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвра-
щаются. Читательские письма и предложе-
ния могут быть опубликованы в альманахе.
Ответственность за достоверность инфор-
мации несут авторы материалов. Мнения
авторов могут не совпадать с мнением
редакции. При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан»
обязательна.

Для приобретения номера и размеще-
ния рекламы социальной направленности
обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru,
тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

ВЕЧНО МОЛОДОЙ

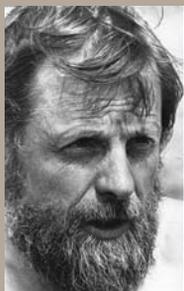

С. Андриянов

СОБЫТИЕ МИНУВШЕЙ ОСЕНИ

2014 год, сентябрь, Елабуга.

Лауреатами первой литературной премии журнала «Аргмак. Татарстан» за лучшие публикации стали:

Михаил Чванов (Уфа)
за повесть-реквием «Серебристые облака», опубликованную в номерах 2 (15) и 3 (16) за 2013 год;

Диана Кан (Новокуйбышевск)
за подборку стихов «На скорбном стыке», опубликованную в номере 2 (19) за 2014 год;

Рамиль Сарчин (Казань)
за статьи о творчестве народных поэтов Татарстана Равиля Файзуллина, Рената Хариса и Роберта Миннуллина, опубликованные в течение 2013 года.

Вячеслав Лютый (Воронеж)
за статьи «Воспоминание об истинном случае» и «Зелёная нитка», опубликованные в номерах 1 (14) и 2 (15) за 2013 год;

Поздравляем лауреатов, наших уважаемых авторов!

Сердечно благодарим за благотворительные взносы в фонд литературной премии журнала «Аргмак. Татарстан»: **Суворова Виктора Семёновича** — ректора Набережночелнинского государственного торгово-технологического института, доктора педагогических наук, члена редколлегии журнала «Аргмак. Татарстан»; **Петрова Альберта Николаевича** — генерального директора ОАО «УКС Камгэсэнергострой», заслуженного строителя РФ, председателя общественной организации «Челнинское землячество»; **Бестолкова Владимира Ивановича** — генерального директора ЗАО работников «Народное предприятие Набережночелнинский картонно-бумажный комбинат им. С. П. Титова», депутата Госсовета Республики Татарстан; **Файрузова Равиля Сагитовича** — генерального директора ООО «Сатурн», заслуженный машиностроитель России; **Иванова Александра Геннадьевича** — генерального директора ОАО «Начало» (г. Набережные Челны); **Бабаева Александра Николаевича** — председателя попечительского совета Русской православной церкви в г. Набережные Челны; **Мясникова Николая Ивановича** — инициатора и организатора строительства православного храма Георгия Победоносца (храма воинской славы) в г. Набережные Челны.

Редакция